

Ц.П.Короленко, Н.В.Дмитриева

СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Москва 2011

УДК 159.9

ББК 88

К 68

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.

Сексуальность в постсовременном мире: - М.: Академический Проект;
Культура, 2011. –326 с.

ISBN 978-5-8291-1296-7 (Академический Проект)

ISBN 978-5-902767-59-6 (Культура)

Книга посвящена новому разделу психологической науки – психологии сексуальности. Авторы с позиций **био психосоциокультуральной парадигмы** рассматривают различные аспекты мужской и женской сексуальности: психологические механизмы выбора брачного партнера, сексуальную агрессивность, гендерную флюидность, влияние семьи на сексуальную идентичность. В книге представлены авторские классификации видов постмодернистской гендерной идентичности, типов привязанности и проявлений блокированной интимности.

В монографии с современных позиций рассмотрены психологические особенности развития сексуальности, представлена авторская модель формирования зависти, впервые описаны проявления травматического стрессового расстройства, вызванного переживанием зависти. Освещены вопросы психотерапии ревности, классификации видов ревности, ее структуры и психологических защитных механизмов, сопровождающих ее проявления.

Особое внимание уделяется психологическим особенностям личности и межличностных отношений людей с традиционной и нетрадиционной сексуальной ориентацией, рассматриваются вопросы аддиктивной и нетрадиционной идентичности любовных партнеров, взаимоотношения которых не вписываются в существующие в обществе представления.

В книге анализируются факторы риска виртуального сексуального насилия над детьми и основы сексуального воспитания.

Задача данного издания – не только познакомить читателей с фактической информацией, основанной на научных исследованиях, но и предоставить возможность разобраться в противоречиях между полами, в своих сексуальных ценностях и своем сексуальном поведении, позволяющем внести необходимые изменения в свою сексуальную жизнь.

Книга адресована обширной аудитории - психологам, психотерапевтам, психиатрам, педагогам, представителям смежных специальностей, преподавателям и студентам вузовских факультетов психологического, педагогического и медицинского профилей, а также всем, интересующимся проблемами сексуальности в общем контексте жизнедеятельности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	12
Глава 1. Психосексуальные стадии развития.	
Детский эротизм.....	19
Глава 2. Гендерная идентичность постмодернизма	27
Постмодернизм как фактор формирования новой гендерной идентичности.....	27
Типология формирования и классификация видов постмодернистской гендерной идентичности.....	48
Роль языка в формировании негативной гендерной идентичности.....	51
Гендерная флюидность.....	57
Деформация гендерной идентичности как проблема консультативной психологии и психотерапии.....	65
Глава 3. Мифология секса	66
Миф о мужественности и женственности.....	69
Миф о женщине-ведьме.....	74
Миф о роковой женщине.....	78
Миф о «Синем чулке»	85
Миф о неполноценности женщины.....	86
Ассертивная женщина	89
Миф о суперженщине.....	100
Миф о Дон Жуане.....	103
Миф об ангеле-проститутке.....	106
Миф о мачо.....	107
Мужская эмоциональная дистанционность	111
Двойная мораль.....	114
Анима.....	123
Миф об обладании.....	130
Глава 4. Психологические механизмы выбора брачного партнера	133
Глава 5. Женская сексуальная агрессивность.	148
Глава 6. Сексуальный харассмент	163
Глава 7. Влияние семьи на сексуальную идентичность	169
Блокировка привязанности и интимности.....	169
Влияние семьи на возникновение сексуальных дисфункций.....	182
Виртуальное сексуальное насилие над детьми.....	189
Сексуальное воспитание.....	193
Глава 8. Факторы риска сексуальных дисфункций	
Ревность	237
Причины возникновения ревности.....	243
Классификация видов ревности.....	248

Ревность в норме и патологии.....	261
Психотерапия ревности.....	265
Зависть	269
Глава 9. Аддиктивная сексуальная идентичность	286
Любовная аддикция.....	286
Сексуальная аддикция. Инцест.....	296
Со-сексуальная аддикция.....	306
Глава 10. Нетрадиционная сексуальная идентичность	308
Лесбийская идентичность.....	308
Гомосексуальная идентичность.....	318
Глава 11. Садомазохизм	327
Садизм.....	327
Мазохизм.....	336
Глава12. Мастурбация	344

SEXUALITY IN POSTMODERN WORLD

Content

Introduction

- I. Stages of Libidinal Development
- II. Gender Identity in Postmodern Society. Sexual Fluidity
- III. Mythology of Sex
 1. Myth of Femme Fatale
 2. Myth of Masculinity and Femininity
 3. Myth of the Witch
 4. Myth of Blue Stocking
 5. Myth of Woman Inadequacy
 6. Myth of Don Juan
 7. Myth of Angel-Prostitute
 8. Myth of Macho
 9. Anima
 10. Myth of Possession
- IV Psychological Mechanism of the choice of Marital Partner
- V Woman's Sexual Aggression VII
- VI Sexual Harassment
- VII Influence of Family on Sexual Identity
- VIII Jealousy
- IX Envy
- X Nontraditional Sexual Identity
- XI Sadism and Masochism
- XII Masturbation

Introduction

Postmodernist culture produces conditions conducive to the development of various forms of mental dysfunctions that in the last decades had widely spread in the population. They include the disorders which are not as strongly expressed as to diagnosed as symptoms or syndromes of formal mental pathology (Korolenko, 2009). In the previous monograph (Korolenko, Dmitrieva, 2009) the authors had proposed to not label these dysfunctions by the term of “mental disorders”, as this term unavoidably carries a negative impact and can lead to the stigmatization linked with the direct association with the image of the mental illness. The two alternative terms were introduced, “harmful mental organization and “shadow syndromes” of mental disorders.

The sexual disorders (dysfunctions and deviances) were not included among the analyzed disturbances. The sexual desire and love are, on the one hand, hormone driven implanted by the nature instinctual forces, on the other hand, they have profound interpersonal and spiritual dimension. Sexual disturbances are connected with complex, multifaceted, and in many cases controversial sides of the problem that needs special consideration.

Some aspects of the influence of the cultural factors and associated with them mythological beliefs were considered by us (Korolenko) in the monograph “Mythology of Sex” (1993). However, radical changes happened in the Russian society since this publication. USSR, with its economy based on the socialist model, broke apart. Recent changes in Russia are characterized by the appearance of the elements of postmodern society. This process is especially rapid in the big towns and cities. Postmodern culture with its typical inconsistency, fluidity, “no time” phenomenon, superficiality of the interpersonal contacts and relationships, alienation from Nature, from emotional social support, and from the individual’s self leads to the serious changes of sexual functioning that is particularly sensitive to psychological and social stresses.

Sexual dysfunctions appear in many forms on the base of the non-cohesive (diffuse) identity. They develop as the result of the influence of psycho-biologically inadequate upbringing. The significance of the early infancy period is becoming increasingly clear. Most typical for postmodern culture is the distortion of the psycho-biologically necessary emotional mutual link between parents and children, and especially insufficient symbiotic communication between the mother and the infant. Overburdened with professional and home problems, the mother reveals often the signs of workaholism, and burnout syndrome. In such conditions the mother can not, even if she sincerely wants it to transfer to the child the feelings of her love and care; the condition of emotional symbiotic certainty in infant does not develop. As a result, the infant can not form satisfactorily the feeling of emotional safety and security. In many cases in

postmodern families even physical contact of the infant with the mother are limited. However, an unlimited physical contact of the infant with the mother, by itself, is not sufficient for the infant's normal psychological growth. While being physically close to the infant, the postmodern mother in a state of emotional tension or exhaustion is often psychologically alienated. The infant on the empathic level perceives this emotional state of mother as the sign of an abandonment and the survival's threat.

The children in postmodern society in general experience from the earliest period the state of emotional deprivation that leads to the delay in the cohesive identity formation. The transient objects, soft toys, blankets, DVD stimulate in many ways the mental development of the infant and the child but are insufficient for the normal growth of her/his psyche. Disturbance of the basic sense of self ("ipseity disturbance") may underlie the social cognitive and emotion difficulties apparent in variety of personal and other forms of mental disorders. Social cognition involves the perception, interpretation, and processing of social information. Capacity to represent another person's thoughts, beliefs or intentions may be significantly damaged. Emotion disturbance involves affect recognition and capacity to represent another person's feeling mental states

Postmodern children are very often overload with information but alienated from parents and from their own subjectivity. Following problems of the formation of mature sexuality and possibility for deeper love are centered on the undeveloped feeling of intimacy that make impossible healthy sexual and emotional relationships and understanding in the period of the adulthood.

Modern psychoanalysis, in contrast to the traditional one, does not focus on the role of drives and their repression to the unconsciousness but on the "basic fault" (M.Balint, 1994), a deficit of the psyche that had formed as the result of the inadequate upbringing in the preverbal (preoedipal) period of the development. The persons with such deficient mental structure are suffering from the chronic feeling of inner uncertainty, they do not sense themselves existentially. The integrity and the wholeness of the person is distorted, and the perception of the outer reality is changed and weakened. The fits of the loss of the identity with the alienation from the outer world are typical, everything is perceived as in a dream, or as very odd. Emotional instability with unexpected shifts of the mood occurs under the impact of outer events but often is caused by the influence of hidden unconscious contents, imagination, and fantasies. Indiscernible by others, very weak stimuli are able to provoke strong emotional reactions that are usually misunderstood by others.

In the postmodern society the set of mainly unarticulated unconscious, mythological beliefs about gender differences is preserved. These beliefs form the gender models or schemas that affect the evaluation about the behaviors and the

performances of girls and boys, men and women in professional and family life. This way many intuitive consciously uncontrolled prejudices of gender differences are formed. Gender models operate with an imagination about masculine and feminine traits. In some points they can be accurate, but in most cases gender models oversimplify multidimensionality of gender differences which are very typical for postmodern culture. The simplification of the gender perception distorts meaningful connections, perpetuates insensitivity, inequality and inequity, forms relations of domination and submission when men view women as sexual objects rather than full-fledged human beings. Under the influence of these gender schemas it's difficult to experience the caring love connection that gives the sexual relationships a sense of well-being and togetherness. Negative emotions of tension, mistrust, anxiety, fear, guilt, shame and anger disturb the existential pleasure.

The sexual liberalism of the postmodern culture objectively stimulates the link of sexual pleasure with pain, aggressiveness, and humiliation; elements of this culture, as a matter of fact, inhibit healthy sexuality, negate spiritual side of human passion, and poison meaningful sexual relationships.

Postmodern culture has created an environment, where sex is pushed upon the population literally from every angle. It is present on TV, on the internet, on the billboards, in the movies, glamour magazines, virtually everywhere appear sexual images. The pressure of erotic information takes away sexual intimacy. It warps an individual's perception what a healthy sexual relationship is like.

The gender aspects and various sexual role deviances, postmodern sexual fluidity and flexibility, lesbianism, homosexuality, bisexuality, and polyamory are described in the contents of the presented publication.

Researchers are just beginning to study the postmodernist phenomenon of polyamory. This new label is attributed to the philosophy and practice of loving more than one person at the same time, to the relationships with multiple, mutually consenting partners (Bennett, 2009). According to the author openly polyamorous families in the United States number more than half million, with thriving contingents in nearly every major city. Polyamorists practice informal group marriage, many of them are bisexual. Postmodern phenomenon of polyamory shakes up the world of many people, scares them, causes additional chaos in their psyche.

The absence of the personality wholeness expresses itself by mental disorders and precipitates to the development of disturbances that sometimes achieve even a psychotic level (depression, psychotic anxiety, severe forms of dissociation disorder). Diffuse identity can lead also to the increased risk of the development of personality disorders, especially borderline, narcissistic, and

antisocial. However, in most cases only shadow forms of these disorders develop. The conducive conditions for the formation of various forms of addictive behavior, with an escape from the emptiness the chaos of an inner mental life through the change of the mental state, occur very often, in fact, as a matter of choice.

Nowadays, sexual addiction, sexual co-addiction, pornography addiction simultaneously with others so called process addictions (pathological gambling, internet addiction, addictive overeating and starving) become growing and extremely serious social and psychological problem, probably more significant than traditionally emphasized chemical addictions.

The dramatic interest to the variety of the sexual addictive behavior and to the other sexual disturbances is linked partially with the spread of the AIDS. The usage of Viagra (sildenafil citrate) during 1990s for the treatment of erection disorder and connected with it psychological problems changed significantly the borders of therapeutic possibilities and the hopes. However, the understanding that Viagra by itself can not treat basic problems of sexuality is growing. Viagra can not correct mythology and false beliefs, the drug does not have the magic force to improve many negative experiences associated with mutual partners' misunderstanding and broken relationships; it does not prevent sexual aggression and does not treat its consequences.

The topic of sexual violence is specially emphasized in this book. The victims of sexual violence are more often women, and this side of the problem is widely discussed in mass media and professional works. However, the other side that concerns women's aggression, as yet, is not sufficiently presented. The predominant public belief is that young girls and females are mostly immune with the respect of perpetrating acts of sexual violence, and the sexual abuse of children is extremely rare.

Unfortunately, postmodern reality shows that young girls and females become also often sexual predators. According to the data of American Bureau of Justice Statistics sexual offenses by females increased by nearly 11 percentage between 1985 and 1994 (Morris,2008). Author notes that nearly 30 percentage of juvenile offenders is female. In the connection with these and other data the problem of female sexual violence is included and analyzed in the presented publication. The demonstration of female sexuality mixed with deadly violence was expressed in popular film "Basic Instinct". The main character, with rather suggestive name Catherine Trammell, is beautiful, very seductive woman. She is bisexual, rich, and extremely dangerous. She has a proclivity for biding her seduced lovers, and murdering them with an ice pick during sexual intercourse.

The separate chapter of the book concerns the emotions of envy and jealousy that are often involved in the structure and the dynamic of sexual disorders. Envy and jealousy, as yet, were not sufficiently studied in traditional

psychiatry. The analysis and even the description of the envy in the textbooks of psychiatry is absent and most of the psychiatrist do not have of this emotion the necessary knowledge (according to our data, the classical work of Melanie Klein “Envy and Gratitude”, as psychoanalytical, is usually unknown or regarded as “unscientific”). Jealousy is described rather superficially, predominantly in the frame of the element of psychotic states (delusion of jealousy) or syndrome of overvalued ideas of jealousy. In this situation new information on envy and jealousy may be especially useful.

In DSM-IV-TR (2000), sexual disorders are divided on sexual dysfunctions and sexual deviances. Sexual dysfunctions include nine diagnostic categories: hypoactive sexual disorder, male erectile disorder, female sexual arousal disorder, female orgasmic disorder, male orgasmic disorder, premature ejaculation, dyspareunia, and vaginismus. Sexual dysfunctions may be generalized, they may occur across all sexual situations and partners, or appear only in special circumstances, limited to the contact with specific partners. Sexual deviances (paraphilias) are characterized by the intensity and the recurrence of sexual urges and fantasies that include inhuman objects (fetishism), and the experiences of the humiliation of self or his/her partner, pedophilia, exhibitionism, and frotterism.

Presented monograph is not the textbook of sexual disorders and it does not maintain the description of all registered in the DSM-IV-TR entities. The basic attention is focused on the relatively unknown, including absent in DSM-IV-TR, typical for the postmodern society sexual disorders that have the tendency to the growth in contemporary Russia. The forms of deviant behavior in whose roots the disorder of the “basic instinct” is very significant are described.

Authors hope that presented information and its analysis will be interesting and useful both for the professional sexologists, psychologists, psychiatrists, and to the more wide circle of the readers.

References

- Balint, M. (1994) *The Basic Fault. Therapeutic Aspects of Repression.* Evenston, Ill. Northwestern University Press.
- Bennett, J. (2009) *Only You. And You. And You.* Newsweek July 29.
- Korolenko, Ts. (1993) *Mythology of Sex.* Novosibirsk. Science.
- Korolenko, Ts. (2009) *Homo Postmodernus. Psychological and Psychiatric Disorders in the Postmodern World.* Novosibirsk. NGPU.
- Korolenko, Ts. (2009) *Postpsychiatry in Russian North.* Yellowknife. 14 International Congress on Circumpolar Health.
- Morris, L.(2008) *Dangerous Women.* New York. Prometheus Books.

ВВЕДЕНИЕ

Постмодернистская культура создает условия, благоприятствующие развитию различных форм психических дисфункций, которые в последние десятилетия широко распространяются в популяции. Они включают нарушения не столь выраженные, чтобы быть диагностированными в качестве симптомов или синдромов формальной психической патологии (Короленко, 2009). В предшествующей монографии (Короленко, Дмитриева, 2009) авторами было предложено не обозначать эти дисфункции термином “психические нарушения”, так как этот термин неизбежно несет в себе отрицательное психологическое воздействие и может приводить к стигматизации, связанной с прямой ассоциацией с психическим заболеванием. Были введены два альтернативных термина, “повреждающая психическая организация” и “теневые синдромы” психических расстройств.

Сексуальные расстройства (дисфункции и девиации) не были включены в число анализируемых нарушений, что обуславливалось сложным, многосторонним и во многом противоречивым характером проблемы, требующей отдельного специального рассмотрения.

Некоторые аспекты влияния культуральных факторов и связанных с ними убеждений анализировались нами (Короленко, 1993) в монографии “Мифология Пола”(1993). Тем не менее, со времени этой публикации в Российском обществе произошли радикальные изменения. Произошел распад СССР, с его основывающейся на социалистической модели экономикой. Недавние изменения в России характеризуются появлением элементов постсовременного общества. Этот процесс особенно выражен в больших городах и метрополиях. Постсовременная культура с присущей ей текучестью, непостоянством, феноменом “отсутствия времени”, поверхностностью межличных контактов и отношений, отчуждением человека от Природы, от эмоциональной социальной поддержки, и от собственного индивидуального сэлфа приводит к серьезным изменениям сексуального функционирования, особенно чувствительного к психологическим и социальным стрессам.

Многие формы сексуальных дисфункций возникают на основе некогезивной (диффузной) идентичности. Они развиваются в результате влияния воспитания. Значение раннего младенческого периода становится все более ясным. Наиболее типичным для постсовременной культуры оказывается отсутствие психобиологически необходимой взаимной эмоциональной связи между родителями и детьми, и особенно недостаточность симбиотической коммуникации между матерью и

младенцем. Перегруженная профессиональными и домашними обязанностями мать проявляет часто признаки работоголизма и синдрома выгорания. В таких условиях мать не в состоянии, даже, если она искренне желает этого, передавать ребенку чувства любви и заботы. Младенец воспринимает такой дефицит значимого общения на эмпатическом уровне; у него не развивается чувство симбиотической уверенности. В результате младенец не может формировать необходимых чувств эмоциональной уверенности и безопасности. Во многих случаях в постсовременных семьях оказываются ограниченными даже физические контакты между матерью и младенцем. Тем не менее, сами по себе физические контакты между матерью и младенцем недостаточны для нормального психологического роста младенца. Находящаяся в состоянии эмоционального напряжения или истощения мать психологически отчуждена от ребенка. Младенец на эмпатическом уровне воспринимает это состояние матери как признак покидания и угрозы его выживанию.

Дети в постмодернистском обществе переживают с наиболее раннего возраста состояние эмоциональной депривации, что приводит к задержке формирования спаянной (когезивной) идентичности. Переходные объекты, мягкие игрушки, одеяла, подушки, DVD несомненно стимулируют психическое развитие младенца, однако они недостаточны для нормального психического созревания. Постсовременные дети перегружены информацией, но отчуждены от родителей и от своей собственной субъективности. Последующие проблемы формирования зрелой сексуальности и способности переживать глубокое чувство любви и привязанности центрируются на недоразвитой способности к интимности, блокирующей развитие здоровых сексуальных и эмоционально емких отношений взаимопонимания во взрослом периоде.

Современный психоанализ, в отличие от традиционного, фокусируется не на значении драйвов (прежде всего сексуального) и их вытеснения (репрессии) в бессознательное, а на “основной недостаточности” (M.Balint, 1994), дефиците психики, сформировавшемся в результате неадекватного воспитания в превербальном (преэдипальном) периоде развития. Лица с подобной дефицитарной психической структурой страдают от хронического чувства внутренней неуверенности, они не ощущают себя экзистенциально. Интегральность и целостность личности нарушены, восприятие внешней реальности изменено и ослаблено, для них характерны приступы потери идентичности с отчуждением от окружающего мира. Все воспринимается как во сне или как нечто странное и необычное. Эмоциональная нестабильность с неожиданной сменой настроения возникают не только под воздействием легко определяемых внешних воздействий, но часто вызываются влиянием скрытых бессознательных

содержаний, воображения и фантазий. Нераспознаваемые присутствующими очень слабые стимулы провоцируют сильные эмоциональные реакции, вызывающие общее недоумение.

В постсовременном обществе сохраняется матрица в основном неартикулированных бессознательных убеждений в отношении гендерных различий. Эти убеждения формируют гендерные модели, схемы и стереотипы, которые оказывают влияние на оценку поведения и всех видов активностей девочек и мальчиков, мужчин и женщин в их профессиональной и семейной жизни. Таким образом конструируются многие интуитивные сознательно неконтролируемые предубеждения в отношении гендерных различий. Гендерные стереотипы основаны на содержащихся в воображении чертах мужественности и женственности. В каких-то отдельных деталях они могут быть правильными, но в большинстве случаев гендерные модели чрезмерно упрощают полиморфизм гендерных различий, столь характерных для постмодернистской культуры. Упрощение гендерного восприятия нарушает значимые связи, провоцирует неравенство и несправедливость, формирует отношения доминирования и субмиссивности, при которых мужчины оценивают женщин преимущественно в качестве сексуальных объектов, а не полноправных лиц. Под влиянием этих гендерных схем трудно испытать интимность и сопереживание, в результате чего сексуальные отношения становятся физиологическими, лишены важного компонента. Отрицательные эмоции напряжения, тревоги, страха, стыда, вины и гнева разрушают чувство экзистенциального удовольствия.

Сексуальный либерализм постсовременной культуры объективно связывает сексуальное удовольствие с болью, агрессивностью и унижением. Элементы постсовременной культуры подавляют здоровую сексуальность, пренебрегают спиритуальной стороной человеческой страсти и отравляют значимые сексуальные отношения. Постсовременная культура создает ситуацию насильственного внедрения в сознание населения сексуальной информации. Секс буквально со всех сторон вдавливается в популяцию. Он присутствует постоянно на телевидении, в Интернете, на рекламных щитах, в кинофильмах, гламурных журналах. Все насыщено сексуальными имиджами. Давление эротического материала нивелирует сексуальную интимность, извращает представление индивидуума о том, чем являются здоровые сексуальные отношения.

В настоящей публикации описываются гендерные аспекты и различные сексуальные ролевые девиации постсовременного общества (сексуальная флюидность и изменчивость, лесбианство, гомосексуализм, бисексуальность, полиамори и др.).

Современные исследователи только в последнее время начали обращать внимание на постмодернистский феномен полиамори. Этот термин атрибутируется к философии и практике любовных отношений с более чем одним человеком в одно и то же время, отношений с множеством партнерш. Партнеров при взаимном согласии участников (Bennett, 2009). Согласно автору, открыто полиаморные семьи в США насчитывают сегодня более полумиллиона практически в каждом большом городе, с тенденцией к дальнейшему возрастанию. Полиамористы практикуют неформальные групповые браки, многие из них бисексуальны. Постсовременный феномен полиамори потрясает систему ценностей многих людей, пугает их, вызывает добавочную дезориентацию и хаос в психике.

Отсутствие личностной целостности находит выражение в психических дисфункциях и предрасполагает к развитию нарушений, которые иногда достигают даже психотического уровня (депрессия, психотическая тревога, тяжелые формы диссоциативных расстройств). Диффузная идентичность может также создавать условия повышенного риска развития личностных расстройств, особенно антисоциального, пограничного и нарциссического. Тем не менее, в большинстве случаев развиваются только теневые формы личностных расстройств. Очень часто существуют благоприятные условия для формирования различных форм аддиктивного поведения, с бегством от внутренней пустоты и хаоса посредством изменения психического состояния. По существу аддиктивный уход от трудно переносимой реальности является методом выбора.

В настоящее время любовная, сексуальная аддикции, сексуальная со-аддикция, аддикция к порнографии, наряду с другими, так называемыми процессуальными аддикциями (патологический гэмблинг, интернет аддикция, аддиктивное переедание и голодание), уже стали быстро нарастающей чрезвычайно серьезной социальной психологической проблемой, вероятно более значимой, чем традиционно акцентуированные химические аддикции.

Драматический интерес к многообразному сексуальному аддиктивному поведению и другим сексальным нарушениям частично обусловлен распространением СПИД. Использование виагры (сильденатрил цитрат) в 1990-тых для лечения нарушений эрекции и связанных с эти нарушением психологических проблем значительно расширило границы терапевтических возможностей и надежд. Тем не менее, нарастает понимание, что Виагра сама по себе не способна справиться с основными проблемами постсовременных сексуальных нарушений. Виагра не может корректировать мифологию и ложные убеждения, препарат не обладает магической силой, способной изменить негативные переживания, связанные

со взаимным непониманием и разрушенными отношениями, она не в состоянии предупредить сексуальную агрессию и скорректировать ее последствия.

Тема сексуального насилия специально рассматривается в книге. Жертвами сексуального насилия чаще становятся женщины, и эта сторона проблемы широко освещается в профессиональных публикациях и средствах массовой информации. Однако, другая сторона вопроса, касающаяся женской агрессивности, до сих пор не привлекает необходимого внимания. В обществе преобладает мнение, что молодые девушки и женщины в основном иммунны в отношении совершения актов сексуальной агрессии и сексуальное насилие, совершаемое женщинами над детьми, чрезвычайно редкое явление.

К сожалению, постсовременная реальность демонстрирует, что молодые девушки и женщины очень часто становятся сексуальными агрессорами. По данным Американского Бюро Юридической Статистики, число случаев сексуального насилия, совершаемого женщинами, увеличилось приблизительно на 11 процентов в период с 1985 по 1994 годы (Morris, 2008). Автор отмечает, что около 30 процентов сексуальных агрессоров - женщины. В связи с этими и другими данными проблема сексуального насилия, совершаемого женщинами, анализируется в настоящей публикации.

Тема женской агрессивности находит отражение в современных художественных фильмах. Так, например, Мадонна в эротическом триллере "Тело как улика" (Body as Evidence", 1992) создала образ Ребекки Карлсон, женщины с чертами нимфомании, которая обвиняется в убийстве соблазненного ею ради получения наследства пожилого миллионера, который погиб от сердечного приступа после безудержного секса, изощренно спровоцированного героиней фильма.

Демонстрация женской сексуальности смешанной со смертельным насилием нашла свое выражение в популярном фильме "Основной инстинкт". Главная героиня фильма Кэтрин Трэммэлл (Шэрон Стоун), красивая, соблазнительная женщина. Она бисексуальна, богата, и чрезвычайно опасна. Кэтрин проявляет страстное стремление к связыванию соблазненных ею любовников с последующим их убийством с помощью

Отдельная глава книги затрагивает эмоции зависти и ревности, часто входящие в структуру и динамику сексуальных расстройств. Зависть и ревность до сих пор недостаточно исследованы в традиционной психиатрии и психологии. Анализ и описание зависти отсутствует в учебных руководствах по психиатрии, поэтому большинство психиатров не имеют

необходимых знаний об этом чувстве (психоаналитическая работа Melanie Klein “Зависть и благодарность”, малоизвестная большинству специалистов, расценивается остальными как “ненаучная”. Ревность описывается поверхностно, преимущественно в рамках психотических расстройств (бредовые или сверхценные идеи ревности). В этой ситуации новая информация о зависти и ревности может быть особенно полезной.

В соответствии с DSM-IV-TR (2000), сексуальные нарушения включают сексуальные дисфункции и сексуальные девиации. Сексуальные дисфункции содержат девять диагностических категорий: гипоактивное сексуальное расстройство, мужское эрекционное расстройство, женское нарушение сексуального возбуждения, сексуальное аверзивное расстройство, мужское нарушение оргазма, женское нарушение оргазма, преждевременная эякуляция, диспареуния и вагинизм. Сексуальные дисфункции могут быть генерализованными, возникая во всех ситуациях и со всеми партнершами/партнерами или ситуационными, ограниченными только специальными обстоятельствами и партнерами/партнершами.

Сексуальные девиации (парафилии) характеризуются интенсивностью и повторяемостью сексуальных стремлений и фантазий, включающих неодушевленные объекты (фетишизм) и переживания унижения себя или партнера/партнерши, педофилию, эксгибиционизм и фроттеризм.

Представляемая монография не является учебным руководством по сексуальным расстройствам и не содержит всех приводимых в DSM-IV-TR форм. Основное внимание фокусируется на сравнительно мало известных, в том числе не включенных в DSM-IV-TR типичных для постмодернистского общества нарушениях, которые обнаруживают тенденцию к росту в современной России.

Авторы надеются, что информация, содержащаяся в книге, и ее анализ будут интересными и полезными как для профессиональных сексологов, психологов и психиатров, так и для более широкого круга читателей.

Литература

Balint, M. (1994) *The Basic Fault. Therapeutic Aspects of Repression*. Evenston, Ill. Northwestern University Press

Bennett, J. (2009) *Only You. And You. And You*. Newsweek July 29

Короленко Ц.П.(1993) *Мифология секса*. – Новосибирск.

Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В. (2009) *Номо Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постсовременном мире*: - Новосибирск.

Korolenko, Ts. (2009) Postpsychiatry in Russian North. 14th International Congress on Circumpolar Health. Yellowknife.

Morris, J. (2008) Dangerous Women. New York. Prometheus Books.

Глава 1. Психосексуальные стадии развития. Детский эротизм

Раздел психосексуального развития имеет ключевое значение в системе классических психоаналитических концепций. В развитии детского эротизма выделяется несколько стадий (фаз), соответствующих различным возрастным периодам (таблица 1).

Стадии психосексуального развития по З. Фрейду (Freud S., 1905)		
I	Оральная (лат.: oris - рот)	продолжается в течение первого года жизни
II	Анальная (лат.: anus – задний проход)	возрастной период примерно от одного года до трёх лет
III	Фаллическая (Эдипальная) (греч.: phallos - половой член)	примерно с трёх лет и заканчивается в шесть
IV	Латентная (лат.: latentis – скрытый)	начинается в шесть – семь лет и заканчивается в одиннадцать - тринадцать
V	Генитальная (лат.: genitalia – половые органы)	продолжается с 11-13 лет до 18 лет

Freud считал, что слизистые оболочки тела могут быть физическим источником, исходящих из id импульсов. Они становятся эрогенными зонами (зонами получения удовольствия), на которых фиксируется либидо. Эти зоны крайне чувствительны и «ассоциируются с повышением и снижением напряжения, соответственно требованиям модели либидо» (Cloninger, 1996). В процессе созревания различные эрогенные зоны приобретают главенствующее значение в разном возрасте.

Для взрослых эrogenной зоной является область гениталий. В ранних периодах жизни центральное место занимают другие зоны: для младенцев – область рта, для ребенка после одного года – область анального отверстия.

Первой стадией психосексуального развития является оральная. Сексуальное удовольствие в этой стадии связано главным образом с возбуждением полости рта и губ, что происходит во время питания. Процесс питания имеет здесь особое значение, посредством него происходит организация объектных отношений. Например, любовные отношения с матерью «базируются на значении поедания и возможности быть съеденным» (Laplanche, Pontalis, 1988). Стадия возникает сразу после рождения и продолжается приблизительно до 12 месяцев.

В рамках оральной стадии Abraham (1927) выделял раннюю стадию сосания и более позднюю, связанную с появлением зубов – орально-садистическую.

Орально-садистическая стадия амбивалентна, в ней либидо и агрессия направлены на один объект – материнскую грудь. Содержание конфликта заключается в отнятии от груди. Агрессия проявляется в кусании груди, стремлении к поглощению и к разрушению объекта любви.

Heimann и Isaacs (1952) рассматривают сосание как стремление к деструкции, выражающееся в процессах «высасывания», «вычерпывания», «опустошения», «истощения».

Klein (1952) не придерживалась деления оральной стадии на две подстадии, считая всю оральную стадию кульминацией орального садизма.

Вторая - анальная стадия следует за оральной и длится ориентировочно от одного года до трех лет. В этой стадии происходит становление нейромышечного контроля над сфинктерами, в особенности над анальным сфинктером, что позволяет осуществлять волевой контроль над дефекацией или задержкой стула. Для анальной стадии характерно сочетание либидинозных стремлений с садистическими. Конфликты обусловлены «туалетным тренингом» над удержанием или выделением кала, включающим элемент сопротивления родителям и появлением желания противостоять их указаниям. Возникающие ситуации активизации амбивалентных мотивов способствуют развитию сепарации, выхода из симбиотических отношений.

Анальный эротизм находит выражение в получении удовольствия от анального функционирования, посредством задержки дефекации или чувства гордости, возникающем при демонстрации родителям своих фекалий, которые оцениваются в качестве драгоценного подарка родителям.

Акт дефекации ассоциируется с агрессивными фантазиями различного содержания: деструктивное оружие, бомбежка, взрывы и др. (Kaplan, Sadock, 1991).

Фиксация или депривация на оральной или анальной стадиях психосексуального развития приводит к развитию патологических черт характера. Причем «оральный характер» отличается от «анального». Оральный характер может включать чрезмерный оптимизм, сменяющийся пессимизмом в депрессивном состоянии; нарциссизм; зависимость от других, наряду с нереальными требованиями к ним; зависть и ревность.

Анальный характер проявляется, прежде всего, в триаде: аккуратность, скупость, упрямство. При отсутствии достаточных психологических защит усиливается амбивалентность, появляются неряшливость, беспорядочность, поведение приобретает вызывающие оттенки. Типична легко провоцируемая ярость. Обычно присутствуют садомазохистские и навязчиво-компульсивные особенности.

Уретральная стадия четко не описывалась Freud`ом, видимо потому, что она является переходной от анальной к фаллической стадии. Freud (1905) считал, что удовольствие, получаемое при мочеиспускании, имеет эротическое значение. Задержки мочеиспускания также, как и задержки дефекации сопряжены с сексуальным удовольствием. Потеря уретрального контроля в случаях энуреза часто является регрессией, реактивирующей состояния анального конфликта. Abraham (1920) обращал внимание на то, что при акте мочеиспускания у детей возникают фантастические представления всемогущества, обладания неограниченной силой созидания и разрушения.

Klein (1932) подчеркивала значение «уретрального садизма» в развитии ребенка. Она наблюдала фантазии, содержания которых включали необычные деструктивные свойства мочи как «сжигающей, растворяющей и размягчающей» жидкости и как таинственного незаметно действующего яда. Преобладающими чертами уретрального эротизма являются амбициозность, стремление показать свое превосходство. Возможно, эти особенности связаны с компенсацией стыда, вызываемого энурезом.

Третья - фаллическая стадия иногда начинается уже в течение третьего года жизни и продолжается приблизительно до конца пятого начала шестого года. Фаллическая стадия характеризуется тем, что первичные сексуальные интересы смещаются в зону генитальных органов. Тем не менее, в противоположность генитальной стадии пубертатного периода, дети обоих полов в фаллической стадии осознают наличие только мужского полового органа. Разница между полами воспринимается в границах

фаллической организации и организации, подвергшейся кастрации. Фаллическая стадия соответствует периодам кульминации и разрешения Эдипального комплекса. Во время этой стадии обнаруживаются переживания, характерные для комплекса кастрации. Страх кастрации может быть обусловлен как эдипальными желаниями, так и чувством вины в связи с мастурбацией.

Патологические черты, происходящие из фиксационной привязанности к фаллической стадии, многообразны, включая «почти все невротическое развитие» (Karlson, Sadock, 1991), в то же время они в большей мере привязаны к страху кастрации у мужчин и зависти к пенису у женщин.

Эдипальный комплекс наиболее выражен в фаллической стадии, в возрасте трех – пяти лет. Исчезновение Эдипального комплекса обозначает окончание фаллической стадии и вход в латентную фазу психосексуального развития.

С точки зрения теории Klein и ее последователей, Эдипальный комплекс формируется во время появления «депрессивной позиции», когда ребенок начинает воспринимать мать как целостный объект.

Инцестуозные желания ребенка оказываются в прямом противоречии с принятыми социальными нормами, моралью и культурой. В связи с этим подобные желания обычно быстро репрессируются в бессознательное. Вытеснение Эдипальных переживаний обусловлено не только страхом наказания, но и стремлением сохранить десексуализированные эмоциональные отношения близости с родителями. Эдипальный комплекс вызывает у ребенка чувство вины, которое также в основном вытесняется в бессознательное. В качестве компенсации вытесненных Эдипальных переживаний используется психологическая защита – идентификация с родителем того же пола.

Freud считал, что вытеснение Эдипального комплекса является началом формирования superego. Тем не менее, ребенок идентифицирует себя не с родителем вообще, а, прежде всего, с родительским superego. Родительское superego отражает требование соответствия своему идеальному образу (идеальному образу идентифицированного родителя) и чувству стыда и вины, в связи с невозможностью такого соответствия.

Эдипальный комплекс представляет собой «организованный набор любящих и враждебных чувств, которые ребенок переживает по отношению к родителям» (Laplanche, Portalis, 1988).

Выделяют позитивную и негативную формы Эдипального комплекса. Позитивная форма соответствует содержанию мифологической истории о

царе Эдипе и выражается в желании смерти соперника, которым является родитель того же пола, и сексуальном желании по отношению к родителю противоположного пола. Негативная форма Эдипального комплекса выражается в любви к родителю того же пола и ненависти к родителю противоположного пола.

В пубертатном периоде происходит оживление Эдипального комплекса на новом уровне развития, что оказывает влияние на выбор объекта.

Четвертая - латентная стадия - стадия относительной инактивности сексуального драйва. Захватывает период от пяти-шести до 11-13 лет.

В психодинамике стадии имеют значение *superego*, формирующееся, согласно Freud`у, в качестве «наследника Эдипального комплекса» (согласно Klein, активность *superego* регистрируется уже в преэдипальных стадиях) и созревающие его-функции, что делает возможным осуществление значительного контроля над сексуальным и агрессивным драйвами. Происходит сублимация либидинозной и агрессивной энергии в активности приобретения навыков, обучение, игры, исследование окружающего мира, обучение коммуникации с людьми. Чрезмерная фиксация на контроле и регулировании может приводить к задержке развития, появлению обсессивного мышления и ригидности в поведении.

В латентной стадии за «занавесом» спокойствия происходит интегрирование и консолидация более ранних приобретений психосоциального развития, обучение эффективной адаптации к среде. Ребенок обучается способности пользоваться различными объектами; формируется чувство уверенности в себе. Создается основа зрелой личности, способной получать удовлетворение от любви и работы.

По мнению некоторых аналитиков, в этом периоде могут проявляться элементы гомосексуальных аффилиаций, что, очевидно, является результатом слишком широкой трактовки. Здесь может наблюдаться стремление девочек и мальчиков к лицам своего пола. Обычно эти отношения не носят сексуализированного характера и объясняются классическими психоаналитиками имеющей место сублимацией – подменой либидинальной и агрессивной энергии аутодеструктивного драйва другими активностями, в число которых входят стремление к обучению, познанию нового, любознательность, креативность, стремление к игровой деятельности.

Интерес к исследованию окружающего мира, формирование важных навыков и обучение приводят к тому, что действия человека в контактах с окружающим миром и людьми становятся более успешными и умелыми.

Проблемы этого периода трактуются следующим образом. Возможное расширение сферы подавления драйвов может быть связано с вмешательством *superego*. Чрезмерное усиление регулятивных механизмов контроля способствует закладке паттернов поведения, которые в дальнейшем могут мешать развитию и качеству жизни человека. К таким паттернам относится стремление «уходить» из зоны познания и усвоения нового и склонность к повторению одних и тех же ригидных стереотипов, которым человек уже ранее обучился. Это повторение может иметь оттенки навязчивости, обусловленные возникновением сверхконтроля.

Проблема этого периода связана также с опасностью *недоразвития в достаточной степени внутреннего контроля*. Возникающие в дальнейшем личностные отклонения могут иметь разнообразные проявления. Отсутствие должного контроля отражается на снижении успеваемости, потере интереса к обучению, к самосовершенствованию, снижению интереса к формированию навыков.

Чрезмерный контроль приводит к нарушению личностного развития еще до того, как личность достигла зрелости. Происходит задержка развития с отсутствием достаточного стремления к преодолению препятствий, появляются навязчивые тенденции и «топтание на одном месте».

В латентной стадии человек начинает обращать внимание на себя, анализировать и идентифицировать себя. Процесс идентификации связан с расширением контактов, которое облегчает возможность сравнения себя с другими значимыми и авторитетными людьми.

В латентной стадии может происходить временная или длительная регрессия к предшествующим стадиям.

Пятая - генитальная (подростковая) стадия занимает период от начала пубертатного возраста (11-13 лет) до раннего взрослого возраста. Стадия является продолжением фаллической фазы, прерванной латентным периодом. Физиологическое созревание, развитие гормональной системы приводит к интенсификации сексуального функционирования. Усиление либидо влияет на всю личностную организацию, происходит регресс, обостряющий конфликты предшествующих стадий. В то же время появляется возможность разрешения этих конфликтов на фоне формирования зрелой интегральной идентичности.

Интенсификация сексуального драйва происходит на предшествующем фоне подавленности этого драйва в латентной стадии, что может приводить к регрессии, имеющей большую степень выраженности, по сравнению с регрессией предшествующих стадий. Представленная на этой стадии регрессия затрагивает всю личностную организацию, что может выражаться в проявлении конфликтов, характерных для предшествующих стадий психосексуального развития.

Положительная сторона избавления от конфликтов заключается в появившейся возможности повторного их разрешения, но уже на другом уровне, в контексте достижения более зрелой идентичности. К сожалению, эти процессы не всегда протекают гладко и осложняются препятствиями, связанными с неблагоприятной окружающей ситуацией.

В генитальной фазе, по мнению Е. Erikson'a, происходит важный этап формирования идентичности, названный автором кризисом идентичности. Подросток «входит» во взрослый мир, который предъявляет ему определенные требования. Усвоение новых навыков, отказ от одних ценностных ориентаций и приобретение других может быть связан с большими трудностями эмоционального характера.

Если человек не может принять решения, удовлетворяющего ту или иную его потребность, если он остается фиксированным на предшествующих фазах психосексуального развития, формирование идентичности затрудняется. Возникает состояние, которое Е. Erikson в своих ранних работах называл диффузия идентичности, а затем заменил этот термин термином спутанность идентичности. Человек с такой идентичностью плохо приспособлен к окружающей действительности, ему трудно выбрать для себя то, что могло бы удовлетворить его мотивации.

Успешное разрешение и реинтеграция предшествующих психосексуальных стадий влечет за собой развитие зрелой личности, способной к достаточно полной *самоинтеграции, обеспечивающей стабильное чувство идентичности*. Такой человек развивает в себе способность к самореализации, что проявляется не просто в делании чего-то по инерции, а в различных видах деятельности, облеченных в смысл. На этом фоне создаются благоприятные условия для реализации творческого потенциала, для выражения драйвов любознательности и креативности.

Решение возрастных задач развития личности ребенка на первых трех стадиях формирования его психосексуальности (до 6 лет) приводит к становлению самосознания и половой аутоидентификации.

В период латентной (скрытой) стадии (с 7 до 11-13 лет) формируется половая и гендерная идентичность, с присущими им стереотипами поведения. В этом процессе принимают активное участие референтные группы, транслирующие жесткие образцы маскулинности и феминности, и принятые в подростковой субкультуре сексуально-эротические знаки, символы и стимулы.

Начало генитальной стадии психосексуального развития совпадает с периодом становления платонического, эротического и сексуального либидо (возраст от 14 лет). «Генитальный характер», по мнению психоаналитиков,

представляет собой идеальный тип личности, зрелый в социальном, профессиональном и в сексуальном плане.

Литература

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2003) Психоанализ и психиатрия: Монография. - Новосибирск. Изд-во НГПУ.

Abraham, K. (1927) A Short Study of the Development of the Libido, Viewed in the Light of Mental Disorders. In Selected Papers. London: Hogarth Press, 442-453.

Abraham, K. (1973) Selected Papers of Karl Abraham. London: Hogarth Press.

Freud, S. (1905) Jokes and their Relation to the Unconscious. SE., 8, London: Hogarth, 164.

Freud, S. (1908) On the Sexual Theories of Children. SE., 9, London: Hogarth, 207 – 226.

Kaplan, H., Sadock, B. (1991) Synopsis of Psychiatry and Behavioral Sciences. Clinical Psychiatry 6th Edition, Baltimore, M.A.: Williams, Wilkins.

Klein, M. ([1932] 1975) The Psychoanalysis of Children. London: Hogarth Press.

Klein, M. (1952) Some Theoretical Conclusions Regarding the Emotional Life of the Infant. In Developments, 2., 206.

Laplanche, J., Pontalis, J. (1988) The Language of Psychoanalysis. London: Karnac Books.

Heimann, P., Isaacs, S. (1952) «Regression». In Developments. 185-186.

Heimann, P. (1956) Dynamics of Transference Interpretations. International Journal of Psychoanalysis 37, 303-310.

Глава 2. Гендерная идентичность постмодернизма

Постмодернизм как фактор формирования новой гендерной идентичности

В условиях постмодернистского общества проблема трансформации идентичностей (личностной, социальной, гендерной, сексуальной, и др.) становится одной из актуальных, в связи с тем, что общественные кризисы детерминируют возникновение личностных кризисов. Значительные изменения в период перехода от современного к постмодернистскому обществу происходят и с гендерной идентификацией.

Появление дискурса гендерной идентичности связано с концепциями классического психоанализа, несмотря на то, что основным исследовательским триггером к универсализации проблематики кризисной идентичности стали работы Э.Эриксона.

Согласно концепции классического психоанализа, гендерная идентичность в основном формируется в эдипальном периоде, хотя при этом допускается, что ее начальные прототипические элементы обнаруживаются уже в преэдипальной стадии, происходя из исходной биологической половой матрицы. Классический психоанализ постулировал, что функциональность анатомической структуры мальчиков и девочек по существу идентична и эти структуры являются по своей природе у обоих полов мужскими. Эмбрион младенца мужского пола имеет мужской генез и мужскую структуру. Девочка, по представлению фрейдистских аналитиков, бисексуальна. Эта бисексуальность связана с тем, что клитор эмбриологически является рудиментарным мужским половым органом а влагалище – женским. Такая особенность, если она действительно имеет место, накладывает глубокий отпечаток на дальнейшее психосексуальное развитие: биологическая сексуальная ориентация у обоих полов на ранних стадиях онтогенеза имеет мужественный (маскулинный) характер.

Развитие мальчика происходит прямолинейно в соответствии с его биологическим полом.

Развитие девочки протекает более сложно, так как в ней заложены два биологически различных половых начала. Сексуальная ориентация и отражающие ее переживания, характерные для фаллической фазы психосексуального развития, маскулинны, несмотря на влияние социальных факторов воспитания девочки по женскому типу.

Девочка воспринимает свой клитор как миниатюрный рудимент мужского полового члена. В этом периоде у нее отсутствует фиксация на вагине, которая фактически не оценивается как сексуальный орган.

Как у девочек, так и у мальчиков, мать является объектом первичного аттачмента. У мальчиков первичный аттачмент носит гетеросексуальный характер, основанный на маскулинной биологической матрице и ранней сексуальной ориентации. Первичный аттачмент к матери и раннее отношение к ней у девочек носят гомосексуальный характер.

Исходя по-прежнему из классической психоаналитической теории, дальнейшие события разворачиваются следующим образом. У мальчика в эдипальном периоде происходит дальнейшее усиление гетеросексуальной ориентации по отношению к матери, как объекту сексуального желания, с одновременным стремлением к устранению отца как соперника.

Подобные желания, несовместимые с социальными требованиями и культуральными стереотипами (как традиционной, так современной и постсовременной культуры), очень быстро вытесняются в бессознательное.

В качестве наиболее оптимального выхода из эдипальных переживаний мальчик использует психологическую защиту в форме идентификации с соперником – отцом, усвоением его ценностей и откладыванием на будущее сексуальных желаний и реализаций. Идентификация с отцом является не только психологической защитой, но и средством консолидации и укрепления своей биологической, социальной, личностной и гендерной идентичности.

Перед девочкой, с точки зрения классического психоанализа, в эдипальном периоде стоит более сложная задача. Ей необходимо развивать свою женственность на исходной маскулинной, а не феминной основе и отказаться от первичной гомосексуальной ориентации. Девочка осознает, что ее сексуальный орган либо отсутствует вообще, либо имеет параметры, значительно меньшие, чем половой член у мальчиков. В этом контексте могут возникать претензии и отрицательное отношение к матери, мысли о совершенной кастрации. Девочка отворачивается от матери и фиксируется на отце, желая получить от него ребенка в качестве компенсации отсутствующего пениса. Этот процесс сопровождается отказом от гомосексуальной ориентации с ее заменой на гетеросексуальную.

Окончательное становление гетеросексуальной ориентации происходит в пубертатном периоде в процессе смещения внимания с клитора на вагину и ее восприятием как женского сексуального органа.

Изложенная концепция психосексуального развития и формирования сексуальной идентичности, без специального выделения биологической и гендерной идентичности до настоящего времени имеет приверженцев среди теоретиков классического психоанализа, хотя она не находит подтверждения в последующих исследованиях в области эмбриогенеза.

Психоаналитическая теория детского эротизма Фрейда строилась на исходном положении о том, что клитор биологически имеет мужское происхождение. Результаты современных научных исследований опровергают это утверждение. Клитор биологически и анатомически является женским половым органом. (Данные о женском анатомическом происхождении клитора обобщены в работе Stoller, 1975).

Таким образом, рассуждения о наличии у девочки маскулинных желаний теряют биологическую основу и вся концепция женской бисексуальности оказывается достаточно сомнительной. Гипотеза о сексуальном различии клитора и вагины также не подтверждается.

Противоположной мнению Фрейда о том, что девочка в раннем периоде развития не воспринимает вагину как половой орган, явилась точка зрения Horney (1926) об осознании девочками сексуальной функции вагины в доэдипальном возрасте. Предположение о раннем осознании девочками вагины нашло подтверждение в исследованиях ряда авторов (Kestenberg, 1968; Torok, 1970; `Freiberg, 1972 и др.).

Дискуссия о *половой идентичности* приобретает в последующем новое содержание, приобретая особую актуальность в исследованиях последних лет, что обусловлено возрастающим пониманием того, что половая идентичность определяется не только биологическими, но прежде всего психологическими, социальными и культуральными факторами, которые в условиях модернистской и постмодернистской культур приобретают во многом определяющее значение в формировании изучаемого феномена.

Представляет интерес анализ влияния культуральных стереотипов на становление гендерной идентичности. Так, например, в Северной Америке родившуюся девочку обертывают в одеяло розового цвета, а мальчика – в голубое. В тех случаях, когда родственники и знакомые перед родами не знают пол новорожденного, они выбирают гендерно нейтральные подарки, избегая тех, которые могут быть несовместимы с биологическим полом. С этой разницы в цветах начинается процесс формирования гендерных ролей. Комнаты девочек и мальчиков оформляются соответственно в розовых или голубых тонах. Обои в комнатах, детали детского туалета, зайчики, медвежата и другие игрушки, предназначенные для девочки, окрашены в розовый, а для мальчика – в голубой цвет. Таким образом, розовый и голубой цвета становятся одними из первых индикаторов, используемых социумом для подтверждения отличий мужского и женского гендера.

В процессе дальнейшего развития ребенка социумом добавляются различные стимулы, расширяющее содержание женской и мужской идентичности. Девочкам дарят куклы, домики, кухонные принадлежности, а мальчикам машины, конструкторы, инструменты, игрушечное оружие, оловянных солдатиков. Игрушки имеют большое значение в процессе становления гендерной идентификации, стимулируя у девочек развитие способности к любви, заботе о детях, мотивации на ведение домашнего хозяйства. Игрушки, предназначенные для мальчиков, в целом более разнообразны и стимулируют их к выполнению противоположных, развивающих мужественность функций: охраны, защиты, содержания семьи и др.

Достигнув подросткового возраста, девочки начинают интересоваться косметикой и одеждой, в то время как мальчики проявляют более выраженный интерес к музыкальным записям и стереооборудованию. На эту разницу в интересах влияет не только биологический половой фактор, но прежде всего усвоенные в более раннем возрасте женские и мужские гендерные роли. Согласно выражению L. Lindsley (1995), “розовое и голубое запускают процесс, длящийся в течение всей жизни”.

Интернализация гендерных ролей связана с влиянием семьи. Особое значение в этом процессе имеют первые годы жизни ребенка. В это время ребенок учится говорить, у него происходит развитие идентичности, обучение общению со сверстниками, родителями, членами семьи, знакомыми и незнакомыми людьми. Одновременно с этими сложными процессами формируется гендерное ролевое поведение, гендерная идентичность. На протяжении всего периода детского развития оба родителя акцентуируют у мальчика традиционно маскулинные, а у девочек традиционно феминные качества, что во многом обусловлено выполнением родителями задач собственных жизненных сценариев и имеющимися у них ожиданиями в отношении жизненных перспектив их детей во взрослой жизни.

Horney (1924) активно опровергала идею о свойственных женщинам отрицательных переживаниях, связанных с их полом. Она считала эту концепцию оскорбляющей и ненаучной. Автор соглашалась с существованием феномена зависти к пенису в общей форме, но считала, что это явление носит преходящий и относительно малозначимый характер. Как только девочка начинает осознавать чудесные возможности своего организма, зависть к пенису быстро проходит.

Horney (1926) не соглашалась с Фрейдом по поводу его утверждения о том, что девочка до периода достижения гетеросексуальности проходит фаллическую маскулинную фазу. Согласно Horney, девочки рождаются

женственными, имеют гетеросексуальные тенденции и рано осознают особенности анатомического строения своих половых органов.

Желание девочки быть мальчиком (мужчиной) является формой психологической защиты по отношению к более опасному желанию, каким является эдипальная любовь к отцу. Возникающее в связи с этой любовью чувство вины способно вызвать бегство от желания обладать отцом с трансформацией его в желание быть подобной ему. Таким образом, девочка психологически регрессирует к чувству зависти к мужчине, поскольку она не в состоянии переносить тяжесть своих собственных женских желаний.

Horney пришла к убеждению, что мужская зависть к матке более опасна, чем женская зависть к пенису. Согласно Horney, достижения мужчин в различных областях, их стремление к доминированию и исключению женщин из разных сфер жизни, являются бессознательными попытками компенсации их недостаточной роли в продолжении рода.

Преобладающее значение психосоциальных и культуральных факторов над физиологическими в динамике психосексуального развития подчеркивалось Stoller еще в 1968 году. Автор постулировал, что главным социальным фактором раннего развития как мальчиков, так и девочек, является ранняя идентификация с матерью. Это положение неминуемо приводит к выводу о том, что не вызывающая каких-либо сомнений у Фрейда исключительно маскулинная ориентация в психосексуальном развитии мальчиков в реальности подвергается сильному влиянию идентификации с матерью, что не может не ослаблять маскулинную идентификацию. Таким образом, с самого начала своего возникновения гендерная идентификация мальчиков не является исключительно маскулинной.

Определенная степень идентификации с обоими родителями приводит к тому, что младенец “вводит” в свой сэлф элементы, свойственные обоим полам. McDougall (1986) в этом контексте утверждает, что уже в очень раннем периоде детям свойственно желание не только обладать родителем противоположного пола, но и отождествлять себя с ним/ с ней. Таким образом проявляются признаки детской бисексуальности.

Согласно предложенной Irene Fast (1998) модели развития гендерной идентичности, девочки и мальчики постепенно дифференцируют себя из первично недостаточно дифференцированной матрицы. До того как наступит завершение периода дифференциации, “ не исключается ни один аспект мужественности или женственности”. Мужественность и женственность переживаются не как взаимоисключающиеся категории;

возможно развитие всех гендерных особенностей. На этом первичном уровне ребенок способен к одновременному воплощению как мужественности, так и женственности. В дальнейшем происходит гендерная дифференциация. Мужественность и женственность проявляются не только в анатомии, но и в чертах характера, личностных характеристиках и поведении. Становление гендерной идентичности неразрывно связано с теми ограничениями, которые ребенок приписывает мужественности или женственности. Осознание гендерных соответствий и многообразия ее значений во многом определяется влиянием культуральных традиций и социальных законов.

В целом ситуация выглядит следующим образом. Мальчики и девочки вступают в эдипальный период психосексуального развития с отсутствием однозначной гендерной идентификации. Биологическая основа гендерной идентификации у мальчиков маскулинная, у девочек феминная. Биологическая основа гендерной идентификации как у девочек, так и у мальчиков влияет на психологическое содержание переживания эдипального периода у представителей обоих полов.

Поскольку на характер прохождения личностью эдипального и преэдипального периодов оказывают влияние психосоциальные и культуральные факторы, определяющие психодинамику гендерной идентификации, их необходимо учитывать при анализе и интерпретации особенностей необходимой психотерапевтической коррекции возникающих при этом проблем.

Психосоциальные влияния на гендерную идентификацию младенца начинаются фактически сразу же после его рождения. Пол младенца определяет отношение к нему родителей.

Гендерные стереотипы, навязываемые социумом и принятые в любой культуре, отражают то, что думают люди о типичной женщине или мужчине. Гендерные стереотипы наиболее ярко проявляются в ситуациях отсутствия у популяции сколько-нибудь точной информации о событии или явлении, вследствие чего возникает факт вынужденного некритичного отношения к происходящему на основе общепринятых, «само собой разумеющихся» представлений.

В исследовании Williams и Best (1982), проведенном на выборке студентов колледжей 25 стран, имеющих значительные культуральные отличия (включая Бразилию, Индию, Нигерию, и Новую Зеландию), получены заслуживающие внимания результаты. Испытуемым предлагался список прилагательных, из числа которых требовалось выделить характеристики, относящиеся к мужскому, женскому полу, или в равной

степени к обоим полам. Авторы установили, что 20 из предложенных прилагательных были оценены респондентами 23 из 25 стран как признаки, чаще ассоциирующиеся с мужчинами. В их перечень вошли такие привычные традиционные определения, как “доминирующий”, “независимый”, “смелый”, “решительный”, “независимый”. К определениям, наиболее часто ассоциированным с женщинами, были отнесены 23 прилагательных, в список которых вошли такие, как “мягкий”, “сентиментальный”, “эмоциональный”, “аффективный”.

Выявлены некоторые различия в оценке определений у представителей отдельных культур. Так, например, в Канаде, Израиле и Нидерландах имела место высокая дифференциация между мужскими и женскими стереотипами, в то время как в Боливии, Ирландии и Франции дифференциация была менее выраженной. США в этом отношении заняли промежуточное положение. Общей модели, на основании которой участниками эксперимента разных стран дифференцировались женские и мужские стереотипы, обнаружить не удалось.

Следует обратить внимание на то, что исследование проводилось на выборке студентов колледжей. Если бы опрос проводился на материале других социальных групп, очевидно, что и результаты исследования имели бы определенные отличия, поскольку и образовательный, и профессиональный статус способны значительно влиять на особенности формирования гендерных стереотипов.

По мнению Matlin (1987), гендерные стереотипы наиболее резистентны к культуральным изменениям. На них, с точки зрения автора, сравнительно слабо влияют различия между социальными группами. Их консервативность обусловлена сохранностью психологических установок, присущих нескольким поколениям.

Интроецированные, интернализированные и в конце концов трансмутированные в психике гендерные стереотипы трансформируются в очень стойкие предрассудки, влияющие на систему убеждений и актуальное социальное поведение даже у тех лиц, которые на сознательном уровне считают себя лишеными гендерных предубеждений.

Сформированные в психике гендерные схемы приводят к существованию искусственной пропасти в психосоциальном восприятии обоих полов. Преувеличение гендерных различий особенно характерно для традиционных культур, но его влияние распространяется на модернистскую и даже на постмодернистскую культуру.

В то же время ряд авторов подчеркивал наличие в обществах нарастающей тенденции к акцентуации подобия гендерных идентичностей.

Так, Taylor (1978) с соавторами обнаружили наличие у отдельных групп населения стремления к приравниванию характеристик гендерных стереотипов, в процессе которого происходит постепенное смешение индивидуальных признаков обоих полов.

Например, если члены группы были не в состоянии вспомнить, кем при их ответе на вопрос было сделано какое-то замечание, более вероятным оказывалось атрибутирование этого высказывания кому-то из членов группы одного и того же с ним пола.

Darley и Fazio (1980) считали, что сформированные в сознании популяции гендерные стереотипы играют роль самоисполняющихся пророчеств ("self-fulfilling prophecies), что приводит к социальному поведению, заложенному в гендерном стереотипе.

Gilligan (1982) приводит данные о том, что современная Западная культура традиционно более позитивно оценивает маскулинные характеристики, по сравнению с фемининными. Так, например, присущие мужчинам независимость и стремление к достижениям оцениваются выше таких проявлений феминности, как забота, мягкость и др. Автор призывает к смене подобной системы восприятия и предлагает замену односторонней положительной оценки достижений на положительную оценку способности к социальной интеракции, к межличностным контактам.

Анализируя проблему мужской идентичности в современном мире, Ross (1992) фиксирует внимание на очевидном факте социального давления, заставляющего мужчину соответствовать принятым в обществе атрибутам мужественности. Мужчине необходимо "вести себя по мужски", даже в тех ситуациях, когда ему хочется проявить считающиеся женскими эмоции и формы поведения. Атрибуты женского поведения в силу разных причин могут стать привлекательными для мужчин, например, при длительном пребывании в исключительно женском обществе.

Поскольку мальчиков чаще всего воспитывают преимущественно матери, многие подходы и сомнения к психологическому содержанию мужской идентичности закладываются в раннем детском возрасте. Первыми значительными фигурами, "значимыми другими" для мальчиков оказываются женщины. Они являются базовыми моделями запечатленного и впоследствии проявляемого социального поведения. Мальчики на сознательном и бессознательном уровнях усваивают "женскую ауру". женский стиль реагирования на раздражители, стратегии поведения, женские жизненные ритмы. Эти факторы импринтируются в психике мальчиков и сохраняют свое влияние в последующих периодах жизненного цикла.

Наряду с мужской сексуальностью, мужчины, по мнению Ross, проявляют желание вернуться к раннему периоду симбиотического контакта с матерью. В присутствии женщин мужчины втайне бессознательно стремятся к магическому возврату в период единства с матерью, и этот элемент впоследствии входит в структуру влечения к женщинам у взрослого мужчины. Этот психологический механизм лежит в основе феномена приобретения мужчиной женских качеств при значимых для него контактах с женщиной. В то же время мужчины при контактах с женщинами могут испытывать страх перед своей агрессивностью и деструктивностью, являющимися атрибутами мужественности.

Для многих мужчин современного мира агрессивность олицетворяется с атрибутом мужественности и они активно участвуют в конкурентной борьбе сублимируя агрессивность с целью “чтобы почувствовать себя мужчинами”.

Тем не менее, такая сублимация не всегда совершается в необходимое время. Импульсы агрессивности у какой-то части мужчин могут сублимироваться слишком поздно, и в таких случаях жертвами агрессивности становятся случайные лица, более слабые члены семьи, особенно дети. Факторами, предрасполагающими к агрессивности, являются антисоциальность, слабость эго, возникающая под воздействием психического или физического утомления, психо-эмоционального выгорания, психической травмы, конфликтных ситуаций, алкогольного опьянения, истощения и др.

Ross полагает, что в основе мужской агрессивности лежит бессознательный страх проявить себя чересчур женственным, лишенным истинно мужских качеств, продемонстрировать себя в роли “маменького сынка”.

Современные мужчины (в условиях современной и постмодернистской культуры) чаще всего к насилию не прибегают. Они предпочитают создавать в своем сознании и в глазах других имидж благородных, готовых прийти на помощь в экстремальных ситуациях, ответственных, достойных доверия людей. Согласно высказыванию автора, “...в наши дни мужчины типа Marlboro развивают в себе наряду с мужественностью качества нежности и заботы, до сих пор ассоциирующиеся с атрибутами женственности. Таким зрелым мужчинам обнаженная агрессивность кажется детской и нецивилизованной”(цит. по Ross, 1992, с.15.).

Гендерная идентификация претерпевает значительные изменения в период перехода от современного к постмодернистскому обществу.

Gergen (1991) пришел к заключению, что неоспоримый и жесткий биологический факт существования женского и мужского полов в

постмодернистском обществе “движется по направлению к мифологии”. Эпоха модернизма имела своих мужественных героев, выступающих в различных ипостасях и демонстрирующих смелость, прямоту, неподкупность, тактичность, но в необходимых случаях после удачного завершения своего бизнеса - мягкость и сентиментальность.

В западной культуре примерами воплощенной мужественности являлись такие герои кинофильмов, как Gary Cooper, John Wayne, Humphrey Bogart, Marlon Brando, Paul Newman и др. В постмодернистской культуре подобные образы теряют или уже потеряли свою популярность. Они перестают стимулировать воображение, становятся скучными, и порой воспринимаются с иронией.

Wigley (1988) высказывает предположение, что такое изменение восприятия прежних эталонов мужественности связано с тем, что некоторые из этих киноартистов выступали и в других значительно менее мужественных образах, демонстрируя на экране женственные черты.

Botta (1988) полагает, что ранним признаком угрозы гендерной идентичности явилась публикация работы психобиолога John Money о транссексуализме. Money описывал лиц, которые, испытывая явления деперсонализации и не чувствуя, что их тела по настоящему принадлежат им, приходили к заключению, что они оказались несправедливо наделенными не теми гениталиями.

Автор сформулировал предположение, согласно которому биологических признаков может быть недостаточно для определения гендера. Концепция автора получила широкое распространение в средствах массовой информации и многие узнали, что возможно существование мужчины в теле женщины и наоборот, женщины в теле мужчины.

Gergen (1991) отмечает, что в 70-90 годы 20 века в западных странах отмечалось нарастающее количество лиц с признаками гомосексуализма. Автор не приводит конкретных объяснений этого факта, ограничиваясь его констатацией в рамках изменяющейся культуры.

Kessler, McKenna (1978) исследовали критерии определения гендерной идентичности в различных культурах. Они установили, что критерии, используемые транссексуалами, отличаются от используемых гетеросексуалами. А критерии, которыми пользуются взрослые, не соответствуют детским. Представители некоторых культур распознают более двух гендеров.

Kirpnis (2006), как и другие современные авторы, подчеркивает, что постмодернистская культура несет с собой разрушение традиционного

представления о гендерной идентичности. Прежде всего оказались размытыми концепции мужского доминирования. В развитых странах женщины становятся все более экономически независимыми от мужчин и осуществляют право свободного выбора по основным вопросам.

Тем не менее, анализ социального поведения женщин в постсовременном обществе показывает наличие определенной амбивалентности. Психологические установки женщин в каких-то проявлениях характеризуются инертностью, стремлением к сохранению прежних стереотипов.

Kirpis сравнивает динамику изменений в женской гендерной психологии с изменениями, происходящими в России, в которой, несмотря на значительные изменения, вызванные крахом коммунистической системы, психология “аппаратчика” и чиновника остается чрезвычайно живучей. “Внутренняя женщина” постсовременного мира сопротивляется психологии постсовременной женщины.

В постсовременной культуре все чаще встречается термин “постфеминизм”. Акцентируется близкое родство постфеминистских подходов с культурой потребления. Между женской психикой и культурой потребления развиваются созависимые отношения. Женщины постсовременности не останавливаются на достигнутой эмансипации. Они проявляют отчетливо нарастающее стремление овладеть всем тем, что ранее считалось мужскими прерогативами. Снижается престижность материнской роли, падает рождаемость. Эти явления наиболее выражены в зонах наибольшего развития элементов постмодернистской культуры.

Женщина в постсовременной культуре несет на себе чрезвычайно тяжелый груз противоречивых психосоциальных долженствований. С одной стороны, она должна соответствовать вызовам постмодернистского общества, чтобы поддерживать свой социальный престиж, выступать в роли как можно более безукоризненной модели образца передовой заслуживающей уважения и подражания женщины. С другой стороны, она должна сохранять основные традиционные женственные характеристики, относящиеся прежде всего к роли матери, воспитывающей детей, создающей особый благоприятный психологический климат в семье.

В результате женщина постсовременности находится в состоянии постоянного эмоционального напряжения, стараясь одновременно реализовать две совершенно различные тактики и стратегии поведения. В такой ситуации нагрузка на сэлф женщины может выходить за границы психологической переносимости. Феномен “перенасыщенности сэлфа”

(Короленко, Дмитриева, 2007) возникает, в частности, и в связи с задействованием этого механизма.

Перенасыщенность сэлфа постсовременной женщины не проходит бесследно, создавая благоприятную почву для развития повреждающих психических функций и организации (Короленко, Дмитриева, 2009), психических нарушений непсихотического и личностного уровня, вызываемых кризисом идентичности.

Одной из возможных попыток выхода из ситуации и средством нейтрализации деформированной идентичности является дальнейший уход от остающихся в психике элементов традиционной женской гендерной идентичности в направлении формирования мужской модели идентичности. Примером такой реализации является тотальное погружение в работу, со ставкой ва-банк на делании карьеры, с отказом от традиционных женских личных и социальных ролей.

Женский работоголизм становится все более типичным явлением постсовременного общества. Во многих случаях работоголизм приводит женщину постсовременного мира к экзистенциальному кризису и тяжелой депрессии. Это происходит в ситуации, когда не складывается профессиональная карьера, происходит разрушение сформированного жизненного идеала, с потерей центральной мотивации, деформацией ценностной сферы и системы жизненных смыслов.

Возможны и другие аддиктивные реализации как способ бегства от ставшей слишком трудно переносимой реальности. Наиболее частыми аддиктивными агентами, к которым формируется аттачмент, являются алкоголь, курение, шоппинг, секс, патологический гэмблинг и Интернет.

Hubbard (1990) критикует попытки научного обоснования стремлений обнаружить врожденные или физические различия, которые могли бы обосновать женскую инферирность, отличающуюся от мужской. Автор указывает на отсутствие значительных физических различий между полами, кроме различий в половой системе, в репродуктивных органах. Существующие различия, за исключением роста, обусловлены, по мнению автора, влиянием социальных, а не биологических факторов.

Nancy Kline (1992) относит к категории женственности в постмодернистской культуре способность женщин “думать интерактивно и таким образом создавать мыслящую среду”. Под последней автор понимает “комплекс условий, в которых человеческие существа способны лучше мыслить... Без этого мы делаем глупые, неизбежно смертельные вещи. Без этого лидеры контролируют скорее, чем создают, и сдерживают скорее,

чем стимулируют. Без мыслящей среды, мы фактически разрушаем друг друга”.

Компоненты мыслящей среды включают умение слушать собеседника, задавать острые вопросы, способствующие разрушению предубеждений, способность создавать атмосферу равенства, свободного обмена информацией. Интерактивное мышление подразумевает широкий многосторонний процесс с участием интуиции, чувств, когниции, творчества, разрушения барьеров дискриминационных сексистских формул.

По мнению Nancy Kline, мужчины в “немыслящем” окружении отказываются от альтернативного мышления, думают в полярных категориях победы или поражения, по принципу “все или ничего”, “мы или они”. Мужчины обучаются тому, что их совершенство оценивается по тому, насколько хорошо они способны контролировать других людей, как далеко они продвигаются по служебной лестнице, занимают ли они ее высшие ступени. Мужчин стимулируют к проявлению интерактивного мышления по отношению к вещам, схемам, планам, системам, но не по отношению к людям. Таких людей называют «достижителями», в противоположность «аффилиаторам», к числу которых относят женщин, с момента рождения замотивированных размышлять и вести себя в межличностных отношениях интерактивно, думать о людях и вместе с ними.

Эти два послания сами по себе создают различные социальные ситуации и способы специфичного для каждого гендера решения проблем. В постмодернистской реальности сохраняется почва, питающая дискриминационные подходы. Это находит выражение в том, что общество недооценивает значение способности женщин к созданию мыслящей среды и присущего им интерактивного мышления. Несмотря на то, что результаты исследований последних лет регистрируют и в целом не отрицают наличие у женщин подобных качеств, к этим личностным особенностям женщин относятся формально, а данные проведенных исследований не получают должного практического применения. Выявленные способности женщин рассматриваются чаще всего в качестве “занятого” феномена, к ним относятся как к случайному, научно необоснованному явлению, которое может проявляться в отдельных случаях, но не типично для большинства женщин.

Мужчины в постмодернистской культуре по-прежнему продолжают обучаться необходимости соответствовать престижной модели “настоящего мужчины”. Культурально обусловленные черты настоящего мужчины включают имидж физической силы, негибкой воли, бескомпромиссности, а также бесчувственности, отсутствия мягкости, какой-либо сентиментальности, постоянного ощущения собственной

правоты. Kline (1993) и Miles (1992) подчеркивают, что некритичное отношение и реализация такой мужественной модели объективно приводит к опасности разрушения мира и окружающей среды. Жертвами подобного сценария становятся сами мужчины. Авторы считают большой ошибкой ассоциировать предлагаемый культурой имидж мужественности с мужчинами как таковыми.

По мнению Anderson (2001), в настоящее время многие люди находятся в процессе активного поиска глубинного смысла жизни. Их не удовлетворяет функционирование в системе поверхностного сэлфа, создаваемого под воздействием средств массовой информации, в особенности телевидения и рекламы. Автор полагает, что эти воздействия приводят к тому, что оба пола страдают от негативного образа собственного тела (телесный компонент идентичности), и что все больше людей испытывают сексуальную неудовлетворенность и сексуальные дисфункции. Несмотря на то, что навязываемые культурой стереотипные модели многих не удовлетворяют, надоедают, вызывают скуку и нарастающее раздражение, к сожалению, в обществе преобладают противоположные процессы. Доминирующая в постмодернистской культуре гендерная стереотипия оказывает деструктивное влияние на общество, способствуя тем самым дальнейшему усилению деформированных социальных тенденций и ущербной личностной и социальной идентичности его членов.

Гендерные предубеждения во многих развитых странах находят выражение, например, в том, что рождение мальчика, во всяком случае как первого ребенка, предпочитается рождению девочки.

Darley, Fazio (1980) подчеркивают общую тенденцию к недооценке женских достижений в различных областях, не относящихся к традиционно женским. Они включают достижения в научной деятельности, технологии, производстве, творчестве. Часто высказываются отрицательные суждения о профессиональной пригодности женщин, по сравнению с мужчинами.

Magire (1995) обращает внимание на то, что истоки насыщенных предубеждениями гендерных ожиданий обнаруживаются уже в осуществлении парентинга (родительствования).

Ожидается, что мать возьмет на себя всю ответственность за физическое благополучие ребенка, будет адекватно ухаживать за ним, окружать заботой и лаской.

Роль отца ассоциируется с экономической поддержкой и помощью ребенку в постепенном выходе за границы внутрисемейных контактов и установлении постоянно растущих связей с окружающим миром.

В то же время недостаточно учитывается, что в постсовременном обществе эти разные родительские функции присущи как женщинам, так и мужчинам. Увеличивается количество матерей, предпочитающих возлагать на себя традиционно отцовские обязанности, в то время как их мужья проявляют тенденцию к исполнению активностей, ранее традиционно считавшихся материнскими.

В семьях постсовременного мира как мальчики, так и девочки часто отрицательно реагируют на доминирование матери в семье, что находит выражение в деидеализации отца и его авторитета. В результате мужские формы деятельности и связываемые с ними мужественные качества оцениваются более высоко, чем женские. Такая динамика неизбежно ведет к принижению роли женщины в обществе.

Происходящая девальвация женщин в контексте идентификации с мужскими и женскими характеристиками обоих родителей и их разными материнскими и отцовскими функциями, оказывает глубокое влияние на оба пола. Создаваемые культуральными влияниями содержания воображения формируют специфический стереотипный образ женщины, получающей основное удовольствие от осознания своей внешней привлекательности и умения осуществлять заботу. Идентификация с мужскими качествами для девочки не является такой угрозой, как отождествление себя с женскими качествами для мальчика. Последние попадают для многих в категорию не очень желательных жизненных целей.

Gaylin (1992), анализируя особенности мужской идентичности, приходит к заключению, что последняя значительно ограничивается теми ролями, которые сами мужчины выбирают для себя.

Содержания мужской идентичности постоянно гонят их к достижению фактически недостижимых целей. Сформированная ситуация хронического стресса вызывает непрекращающееся эмоциональное напряжение, что чревато возникновением кризисной идентичности и развитием психических и соматических расстройств. Для таких мужчин характерен постоянный страх сексуальной несостоятельности и возникновения импотенции. Образуются бредоподобные опасения оказаться лишенными присущих мужчинам сексуальных качеств и функций.

Понятие мужественности сливается с сексуальной состоятельностью, что в некоторых культурах проявляется в культе мачизма. Прототип мачо был сформирован в Средиземноморском регионе (Gilmore, 1990). Автор пишет: "Андалузийцы глубокого юга Испании стремятся доказывать свою мужественность публично... Они являются горячими последователями псевдо религиозной испанской "веры в мужественность". Если Ваш имидж

соответствует данному прототипу, Вы являетесь настоящим мужчиной, “воплощенным мачо”. Если нет – Вы становитесь “flojo”, что в буквальном переводе означает пустой, ленивый, а иногда используется для обозначения разряженной батарейки или другого не работающего инструмента. Flojo ассоциируется с неадекватностью, бесполезностью, неэффективностью.

Культ мачо распространен также в Сицилии, Турции, Балканских странах, Центральной и Латинской Америке. Приверженность этому культу сохраняют представители многих эмигрантских испаноязычных общин в Северной Америке.

Характерная для постмодернистского общества дефицитарность эмоций и нарастающая популярность нарцисстических подходов неизбежно приводит к обеднению содержаний интимных отношений, к уходу от искреннего взаимопонимания, спиритуальности, сопереживания, глубины любовных эмоций. Вместо этих, необходимых для гармоничного развития здоровой идентичности качеств, акцентуируется механическая, главным образом физиологическая составляющая взаимоотношений и сексуальных реализаций. Постмодернистские имиджи гендерных идентификаций объективно способствуют прогрессивному процессу выхолащивания высших эмоциональных переживаний в сфере интимных отношений.

Культ мачо и его замаскированные косвенные влияния отражают типичную для постмодернистского общества динамику.

Обращает на себя внимание также определенное расширение атрибутов женской гендерной идентификации. Образ престижной и успешной женщины в постмодернистской культуре стал включать раскрепощенность, сексуальную активность, асертивность, доминирование и агрессию в сексуальных контактах.

Постмодернистская культура вносит значительные изменения в содержание сексуальных отношений. В фильме “Прелестная женщина” (“Pretty Woman”) играющая роль проститутки Джулия Робертс (“Julia Roberts”) получает от более опытной подруги совет, никогда не целовать клиента в губы. Это связано с тем, что поцелуй в постсовременной культуре стал считаться более интимным, чем половое сношение актом. Поцелуй является сигналом романтических отношений, выходящих за рамки бизнеса (Libeau, 2007).

В настоящее время многие подростки в Северной Америке на бессознательно – сознательном уровне оценивают содержание интимных отношений в соответствии с этой моделью. Поцелуи и прикосновения, с их точки зрения, отражают настоящую интимность, а половой контакт и

оральный секс воспринимаются как составляющие случайной, ни к чему не обязывающей связи.

Оральный секс и другие формы сексуального контакта рассматриваются подростками и лицами молодого возраста вне контекста интимных отношений (Stepp, 1999).

Cornell et al. (2006), изучая растущую популярность среди американских подростков орального секса, отмечает в качестве причин выбора такого способа контакта следующие: для улучшения отношений (24.8%); для получения удовольствия (19%); для повышения престижа (17.4%); из любопытства (12.4%); в связи с меньшим риском (9.8%).

Mundy (2000) констатирует, что современные американские школы наводнила сексуальная активность. В средствах массовой информации часто появляются материалы на эту тему. Так, Вакрамptour и Shapiro (2005) сообщали о широкой распространенности орального секса в средних школах, им занимаются в аудиториях, спортивных залах, на паркингах, в душевых кабинах.

Драматические последствия подросткового секса описывают ряд авторов (Ressner, 2003 и др.).

Сексуальная активность процветает не только в стенах школ, она совершается чаще всего на вечеринках, после различных значимых событий, на дискотеках, в частных домах во время отсутствия родителей, или при наличии спящих или безразличных родителей, которым нет дела до того, что происходит с их детьми. Провоцирующим сексуальные контакты фактором является употребление алкоголя.

Halpern-Felster et al. (2003) описывают подростковую игру, называемую Снэп (Snap). Во время игры девочки подростки надевают пластиковые разноцветные браслеты, цвет которых сигнализирует вид секса, которым они предпочитают заниматься. Так, например, красный цвет обозначает секс во время танцев (lap dance), зеленый – секс вне дома, голубой – оральный секс, черный – обычный сексуальный акт. Сорванный с руки девочки браслет считается “купон” для совершения обозначенного цветом сексуального акта. Эта игра получила распространение во многих районах США, в том числе в Вашингтоне, Дистрикт Колумбия, таких городах, как Нью-Йорк и Филадельфия.

Следует иметь в виду, что в формировании гендерной идентичности значительную роль играют бессознательные воздействия, отражающие содержания алгоритмических гендерных моделей бессознательной системы разума. Valian (1998) в процессе анализа причин сравнительно медленного

карьерного продвижения женщин в постмодернистском обществе обнаруживает значение влияния скрытых внутренних факторов, которые, наряду с внешней легко выявляемой дискриминацией, серьезно влияют на базисные элементы отношения к гендерной идентификации. Бессознательные силы создают невидимый барьер, “потолок”, удерживающий скорость и ограничивающий диапазон социального успеха женщин, несмотря на одинаковые с мужчинами формальные данные (образование, интеллект, результаты выполнения различных тестовых заданий).

Valian считает, что такие значимые “внешние” дискриминационные факторы и воздействия, как более низкая заработная плата, более высокие требования, недооценка профессиональных достижений, харассмент (сексуальные приставания) на рабочем месте не достаточны для объяснения стереотипных дискриминационных ситуаций, остающихся типичными для постсовременной культуры.

Находящиеся в бессознательной сфере скрытые убеждения называются Valian «гендерными схемами». Гендерные схемы определяют исходные базисные ожидания, касающиеся всего того, на что способна женщина и мужчина, каким будет качество выполняемой ими работы, будет ли правильным сделанный ими выбор, будут ли правильными и перспективными их профессиональные решения.

Гендерные схемы не эквивалентны стереотипам. Стереотип относится к одному конкретному виду гипотез. Гендерные схемы включают в себя большой по объему круг понятий и подходов, которые носят обобщающий, неконкретный и вместе с тем категорический, максималистский характер. Сила воздействия гендерных схем заключается как раз в том, что они не осознаются, действуют на бессознательном уровне.

Мужчины и женщины в постмодернистском обществе на уровне осознания часто искренне придерживаются и поддерживают положение о равенстве мужского и женского полов. Однако, сами по себе сознательные убеждения неспособны сколько-нибудь эффективно контролировать активность бессознательных гендерных схем.

Наши реальные оценки поведения, профессиональной деятельности других людей находятся под сильнейшим воздействием бессознательных категоричных и бескомпромиссных убеждений о гендерных различиях.

Гендерные схемы можно отнести к разряду функционирующих в режиме ожидания интуитивных гипотез об особенностях мышления, эмоционального реагирования и стиля поведения женщин и мужчин.

В постмодернистской культуре гендерные схемы являются реликтами прежних культур, и, прежде всего, традиционной культуры.

Так, наприсер, мужская гендерная идентичность характеризуется активностью, решительностью, независимостью, бескомпромиссностью, у успешностью.

Женские гендерные схемы включают совершенно другие признаки: готовность к оказанию помощи, заботливость, коммуникабельность, опеку, эмоциональную экспрессивность.

Эмоционально экспрессивные, склонные к опеке, характерологически мягкие мужчины в контексте бессознательных гендерных схем воспринимаются как женственные. Ассертивные независимые женщины воспринимаются как мужественные, лишённые “истинных” женственных качеств.

Гендерные схемы страдают свехупрощенностью. В реальности мужественные и женственные черты не исключают друг друга и не находятся в оппозиции. Каждый человек вне зависимости от пола является носителем мужских и женских личностных особенностей, которые проявляются в зависимости от ситуации.

Подвергаясь воздействию гендерных схем, можно легко потерять чувство реальности. Эта опасность особенно представлена в постмодернистском обществе, где женщины все более часто задействуются в традиционно мужских, а мужчины – в традиционно женских профессиях.

Moen et al. (1999) констатирует, что с 1950 годов зарабатывающий отец и занимающаяся исключительно домашним хозяйством и детьми мать, становятся все реже статистически встречающимся явлением. Все большую популярность приобретают работающие матери, женщины менеджеры, незарегистрированные браки, неполные семьи.

Eisenstein (2007) отмечает, что все « ...большее число женщин сегодня служит в армиях, занимая командные посты, как, например, генерал Kempinski (армия США); женщины участвуют в войнах, милитаризируются в личной жизни; служат в действующих армиях в странах третьего мира, являются иммигрантками и беженцами. Все вышперечисленное дестабилизирует традиционные значения гендера”.

Женщины были избраны президентами Германии, Чили и Либерии, Condoleezza Rice была Госсекретарем США в правительстве Джорджа Буша младшего. Tzipi Livni была во время правления Голды Меир первым министром иностранных дел Израиля и шесть женщин были избраны в парламент Хамаза.

В американском телесериале “Главкомандующий” женщина выступала в роли президента США.

Фаундация Рокфеллера (Rockefeller Foundation) в сотрудничестве с журналом «Time» провела широкомасштабное исследование гендерных проблем в США. Анализ результатов исследования позволил прогнозировать, что впервые в истории страны к концу 2009 года женщины составят более половины рабочей силы в США. В этом контексте Gibbs (2009) сообщает, что американские мужчины и женщины согласны с констатацией происходящих изменений женской гендерной идентификации. Исследование выявило озабоченность мужчин и женщин расширением репертуара женского ролевого поведения, оказывающего влияние на детей, что должно, с точки зрения испытуемых, приниматься во внимание официальными органами.

Феномен традиционной гендерной идентичности, таким образом, подвергается в постмодернистской культуре нарастающей атаке. Сильное влияние на личность и общество гендерных схем остается, однако оно, вопреки концепции Valian, не в состоянии эффективно противостоять воздействиям постмодернистской культуры. Об этом свидетельствуют стирание границ гендерных идентичностей, ре-сексуализация гендера, в процессе которой женщины ведут себя как мужчины, и ре-гендеризация гендера, когда женщины становятся более модернистскими и разнообразными (Eisenstein); широкое распространение гомосексуализма и лесбиянства, возрастающая сексуальная флюидность.

Fausto-Sterling (2000) анализируя ситуацию в постмодернистском мире, приходит к заключению, что “этикетирование кого-либо мужчиной или женщиной является социальным решением”.

Акцент только на внешнем виде затуманивает ясность восприятия. Автор считает, что юридическое признание существования двух полов искажает реальность того, что “мужественность и женственность являются культуральными понятиями”, социальными конструкциями, и что в действительности “мужчина и женщина находятся на полюсных концах биологического континуума”.

Понятие пола как таковое подвергается этим постмодернистским автором критике. Она считает, что термин “пол” отражает лишь “впечатления о половых различиях”.

Megerowitz (2002), развивая ту же идею, пишет о “перекрывании” полов, о возможности “универсальной бисексуальности”: мужчины и женщины имеют как мужские, так и женские половые гормоны – все женщины обладают мужскими характеристиками, а все мужчины – женскими”. Поэтому, с научной точки зрения, неточно “классифицировать

людей как исключительно мужчин или исключительно женщин. Биология пола не столь однозначна”.

Krieger, Smith (2004) отмечают, что “социальные и этические условия влияют на характер проявления биологически детерминированных половых признаков” и что имеются связи между конституцией тела и политикой тела”. Новые конструкты пола и гендера отражают эту постмодернистскую текучесть. Лица, самоопределяющие себя как трансгендерных, транссексуальных индивидуумов, значительно сглаживают традиционно установленные границы между гендерными и половыми различиями.

Krieger (2003) приходит к выводу о том, что гендерная идентификация оказывает влияние на биологические характеристики, а связанные с полом признаки способны влиять на гендер.

Проблема гендера и пола затрагивалась также в работе Оуата (2000). Автор подчеркивала насущную необходимость понимания сильнейшего влияния гендерной идентификации на восприятие человеком собственного тела и сексуальности. Сформированный таким образом имидж, в свою очередь, оказывает влияние на гендер. Оуата убеждена, что природа не ограничивается существованием только двух полов и только двух гендеров. Она подразумевает, что пол и гендер являются частью “наиболее интимных конструкций нашего политического мира”. Процесс гендеризации пола и сексуализации гендера происходит постоянно. Пластичность и вариативность пола менее заметны, чем постмодернистская множественность гендера.

Butler (2004) утверждает, что неоспоримые данные о постсовременной множественности гендерных идентификаций вступают в нарастающую конфронтацию с принятой в социумах гендерной категоризацией, которую автор называет “анатомическим эссенциализмом”. Универсализацию существующего разделения гендеров Butler определяет как форму”культурального империализма”.

В настоящее время делается акцент на том, что биология не является судьбой. Человек формируется под влиянием социума и не является исключительно биологической экзистенцией, которую можно определять в парадигме инстинктов или драйвов. Человек постсовременного мира является не только продуктом биологической эволюции, но и следствием социальных, экономических и политических изменений. Общепринятая и слишком упрощенная формула пола постепенно заменяется в постмодернистской культуре концепцией гендера, позволяющей понять плюрализм выборов и множественность фрагментированных ценностей и смыслов, актуализирующихся в межличностных отношениях.

Представленные факты и взгляды вышеуказанных авторов демонстрируют актуальность проблемы изменяющейся гендерной идентичности в постсовременном мире.

Негативная трансформация гендерной идентичности детерминирует развитие и распространенность различных сексуальных дисфункций и девиаций, а также их специфику, характерную для постсовременной культуры.

Типология формирования и классификация видов постмодернистской гендерной идентичности

Характерной чертой постмодернизма является трансформация идентичности. Этот процесс происходит через изменение установок и мотивации как условия формирования новых когнитивно-эмотивных и поведенческих паттернов. Отдельные социальные группы наших современников выстраивают свои новые идентичности, устанавливая гармоничные взаимоотношения с самим собой и с окружением под воздействием новых психосоциокультуральных, духовных и экономических факторов.

Опираясь на модель аккультурации канадского психолога Berry (1980) и концепцию трансформации Хаарманн (1986), мы разработали новую *типологию формирования постмодернистской гендерной идентичности* в условиях новой культуры на основе критерия выраженности особенностей самоидентификации личности с собственной и другими вариантами гендерной идентичности. Согласно сформулированной нами авторской пресуппозиции, трансформация гендерной идентичности в условиях постмодернизма может происходить по следующим различным типам:

1. *Фрагментация* -гендерной идентичности –разобщение, расчленение, расколотость *гендерной идентичности* на отдельно сосуществующие в ней различные радикалы (появление бисексуальности).

2. *Интеграция* (андрогинная гендерная идентичность, при которой количество феминных личностных свойств равно количеству маскулинных (соотношение анимы/анимуса 50/50).

3. *Маргинализация*-появление пограничных типов гендерной идентичности (трисексуализм).

4. Проллиферация-процесс разобщения, в результате которого появляется новая идентичность, но при этом старая не исчезает (формирование на базе старой гендерной идентичности новой постмодернистской). В некоторых случаях моратория или стагнации идентичности возможен незавершенный процесс перехода одного варианта в другой, как это бывает, например, в случае мббивалентной – невыраженной или флуктуирующей гендерной идентичности.

5. Инкорпорация-процесс объединения, при котором менее выраженная идентичность сливается с доминирующей.

Следует отметить, что при возникновении новых гендерных идентичностей важно сохранение основной здоровой личностной идентичности.

Практика показывает успешность использования в психокоррекционной работе разработанной нами классификации видов гендерной идентичности.

Классификация видов постмодернистской гендерной идентичности

1. По радикалу «позитивность/негативность»:

1.1. Позитивная – нормальная, здоровая гендерная идентичность, при которой собственный гендерный образ воспринимается как положительный; присуща большинству людей и характеризуется сбалансированной толерантностью по отношению к собственной и другим гендерным группам.

Для достижения позитивной гендерной идентичности необходимо наличие таких личностных свойств, как положительное самоотношение, самоуверенность, открытость, свобода от внутренних противоречий, высокая потребность в принадлежности к своей гендерной группе.

1.2. Негативная гендерная идентичность включает отрицательное восприятие своего гендерного образа, наряду с толерантным отношением к лицам, имеющим иной тип гендерной идентичности, с высоким уровнем идентификации с представителями этой группы.

Варианты негативной гендерной идентичности:

- *Ущемленная* гендерная идентичность, являющаяся следствием рефлексии низкого статуса представителей своей гендерной группы, осознание ее неравноценности в сравнении с другими. Приводит к тревоге, стрессу, утрате душевного равновесия, ощущению беспомощности, одиночества.

- *Конфликтная* гендерная идентичность как результат осознания и переживания индивидом внутриличностного конфликта, вызванного конфликтом идентичностей (например, половой и гендерной) и межличностного конфликта, как следствия дисфункциональных отношений, иррациональных когнитивно-эмоциональных представлений и стратегий поведения внутри группы. Смешанным вариантом конфликта может быть борьба мотивов принадлежности к социальной группе, с одной стороны, и сохранение личностной и гендерной идентичности, с другой.

Стратегией выхода из конфликта может быть замещение необходимости решения внутриличностных проблем стремлением принадлежать к группе с другим видом гендерной идентичности, желание раствориться в ней, и предпочесть групповые цели и ценности индивидуальным.

- *Кризисная* гендерная идентичность - как один из новых типов постмодернистской идентичности в современном обществе возникает как следствие гетеросексизма (отрицания, принижения и стигматизации любых, негетеросексуальных проявлений идентичности) и характеризуется тем, что, с одной стороны, является более личностным образованием, по сравнению с социальной идентичностью, а, с другой, - занимает промежуточное место между конфликтной и диссоциогенной ее формами. Осознание и переживание кризисной ситуации опирается преимущественно на гендерную составляющую конструкта сэлф, критерием ее достижения является приобретение внутренней и внешней гармонии, основанной на постмодернистской компетентности (рациональных когнитивных, эмотивных, поведенческих и духовных компонентов).

1.3. Гипернегативная патологическая диссоциогенная гендерная идентичность как совокупность конфликтной и кризисной личностной идентичности, возникает на фоне негативного гендерного самоопределения, проявляется в отсутствии глубоких положительных самоидентификаций, вызванных эмоционально – когнитивным диссонансом, проявляющемся на поведенческом уровне. Переживание чувства неполноценности из-за своей гендерной принадлежности приводит к деформации ценностно-смысловой, волевой, мотивационной систем и утрате смысла жизни.

1.4. Гиперпозитивная-такое самоопределение и поведение человека, при котором своя гендерная идентичность приобретает приоритетное значение среди других видов идентичностей и ранжируется как доминирующая ценность и главный смысл жизни. Подобный акцент на

превосходстве своего типа гендерной идентичности над другими детерминирует развитие гендерного фанатизма и нарциссизма с некритичным отношением к обладателям других типов гендерной идентичности.

II. По презентации миру мужских/женских ролей и функций:

2.1 .Женщина в женском теле.

2.2. Мужчина в женском теле-женщина, предъявляющая миру мужские стратегии (мышления, эмоционального реагирования) и поведения. Доминирование мужской части в психике женщины с преобладанием качеств, которые считаются мужскими: активность, напористость, сила, решительность, независимость.

2.3.Мужчина в мужском теле-мачо

2.4. Женщина в мужском теле

Роль языка в формировании негативной гендерной идентичности

Актуальность вектора изучения роли языка в формировании определенного типа гендерной идентичности не вызывает сомнений, поскольку язык, во-первых отражает институционализованные структуры и отношение к гендеру в обществе, а, во-вторых, он является одним из возможных факторов, определяющих негативную трансформацию гендерной идентичности.

Отсутствие серьезных исследований, посвященных изучению взаимосвязи между этими феноменами, послужили причиной сделанной нами попытки анализа влияния некоторых психолингвистических механизмов на широкое распространение в обществе авторитарно-доминантной маскулинной идентичности. Мы попытались ответить на вопрос, какую роль играет язык в осознании принадлежности индивида к тому или иному полу и каким должен быть вектор формирования *здоровой гендерной идентичности посредством* освоения нового языка личностью постмодернистского мира.

Особенности гендерной идентичности находят свое отражение в языке. Во многих традиционных и современных культурах в языке присутствуют мужские доминанты. Мужское начало в подобных случаях

является базисным, а женское – как правило, оказывается подчиненным и вспомогательным.

Некоторые языки как, например, японский используются в разговоре мужчинами и женщинами по-разному. Несмотря на сохраняющуюся для обоих полов основу слов и синтаксиса, женщины и мужчины используют различные префиксы и суффиксы, что приводит, по существу, к существованию двух параллельных языков – женского и мужского, имеющих даже различное звучание. Вследствие этого в Японии является общепринятым такое специфическое определение, как “женский язык”.

Несмотря на то, что в германских и романских языках используются различные гендерные местоимения в единственном и множественном числе мужского и женского рода, и здесь основной является мужская языковая доминанта. Во французском языке местоимение “elles” (они) относится к женскому роду, а “ils” – к мужскому роду. В то же время, если речь идет о смешанной группе мужчин и женщин, то эта группа определяется мужским местоимением “ils”.

Такая же ситуация имеет место в польском языке. Местоимение “one” (они) относится к женщинам во множественном числе. Местоимение “oni” (они) относится к мужчинам во множественном числе. Однако в том случае, если группа носит смешанный характер и состоит из женщин и мужчин, она определяется мужским местоимением “oni”, а не женским – “one”.

Key (1975) отмечает, что в английском языке мужское доминирование находит выражение в использовании местоимения “he” (он). Это местоимение должно использоваться не только в именительном падеже единственного рода, но и в родительном, и дательном падежах (“his”, “him”), что может приводить к абсурдным выражениям, например, таким, как : “No person may require to perform, participate in, or undergo an abortion against his will”.

Во многих случаях местоимение “он” употребляется в английском языке в качестве общего определителя как для мужчин, так и для женщин. Известное в английском языке выражение “all men are created equal” относится ко всем людям, не зависимо от их пола. На русском языке эта фраза не несет в себе дискриминационного радикала и переводится как “все люди созданы равными”.

При определении профессий в английском языке для обозначения принадлежности к женскому полу могут использоваться дополнительные определители, например, такие, как “lady doctor”, или “woman attorney”, тем самым подчеркивающие, что речь идет не о мужчине, а о женщине.

Key обращает внимание и на то, что, если корреспонденция адресована женщине, при написании адреса перед фамилией указывается Mrs. или Miss., в зависимости от семейного положения женщины. Подобные уточнения мужчин не касаются и семейное положение адресата мужского пола не указывается.

В разных языках существуют выражения, имеющие дискриминационные для женщин оттенки, подчеркивающие, например, ограниченный спектр возможностей их выбора: «Kinder, Kuche, Kirche» нем.; «wine, women, and song» англ.

До сравнительно недавнего времени в Соединенном Королевстве обращение к женщине зрелого возраста “girl” обычно не считалось зазорным, в то время как обращение “boy” к взрослому мужчине всегда носило оскорбительный характер.

В английском языке слово “женщина” обозначается двумя терминами “woman” и “female”. Формально эти слова однозначны и взаимозаменяемы. И все же в словаре 1967 года Random House отмечается, что здесь имеются определенные оттенки. Имеет место усиливающаяся тенденция использовать слово “female” чаще при намерении акцентировать сильные, волевые, независимые качества женщины.

В этом контексте представляет исторический интерес, что редакция Вебстерского словаря английского языка в 1916 году определила смысловое значение слова “male” (мужской пол) как “подчеркивающее интенсивность или превосходство всех характерных качеств, контрастных по отношению к женским”.

Schulz, Muriel (1975) проанализировав слова, дискриминирующие или принижающие женщину в связи с сексуальной тематикой, обнаружили, что в английском языке имеется почти 1000 слов и фраз, которые унижающе характеризуют женщину в сексуальном смысле. Подобных слов и выражений, принижающих в сексуальном отношении мужчин, авторы нашли значительно меньше. Так, например, по данным авторов, существует свыше 500 синонимов слова “проститутка”, в то время как имеется только 65 синонимов слова “whoremonger” (мужчина, занимающийся проституцией).

Следует подчеркнуть, что дискриминация женщин на языковом уровне не только отражает особенности популяционной ментальности в период проведенных исследований, но и дискриминационный язык сам по себе обладает способностью усиливать дискриминационные установки в обществе, воздействуя на его членов как на сознательном, так и бессознательном уровнях, провоцируя возникновение психической и

гендерной травмы, способной в последствии вызвать деформацию гендерной идентичности.

Анализ существующей литературы по проблеме и результаты собственных наблюдений позволили нам сформулировать *определение постмодернистской гендерной идентичности*, под которой мы понимаем результат когнитивно-эмотивного процесса осознания себя представителем определенного типа идентичности, самопринятия и отождествления себя с ним, детерминированный биопсихосоциокультуральными факторами, гендерной идентификацией и интроецированными, интернализированными и трансмутированными в психике гендерными стереотипами.

Личность с этим качественно новым типом идентичности должна обладать особыми свойствами, обеспечивающими *ощущение внутренней и внешней гармонии, приводящей к успешной адаптации и самореализации*.

Литература

Дмитриева, Н.В. (2010) Типология формирования и классификация видов постмодернистской гендерной идентичности // *Личность и общество: проблемы современной психологии: материалы международной заочной научно-практической конференции*. Часть I. (1февраля 2010г.) – Новосибирск: Издательство ЭНСКЕ, С.80-88.

Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В., Загоруйко, Е.Н. (2007) *Идентичность. Развитие, перенасыщенность, бегство*: Новосибирск.

Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В. (2009) *Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постсовременном мире: - Монография*. – Новосибирск.

Anderson, P. (2001) *Passion Lost. Public Sex. Private Desire* . Toronto. Thomas Allen Publishers.

Bahrampour, T., Shapiro, I. (2005) *Sex At School Increasing. Some Educators Say*. Washington Post. November 6.

Berry, J.W. *Acculturation as varieties of adaptation* / J.W. Berry // *Acculturation: Theory, models, and some new findings* Ed. by A.M. Padilla. - Boulder, 1980. – P. 9-25.

Botta, M. (1988) "Banken Lieben Botta". *Bilanz*, 117-122.

Butler, J. (2004) *Undoing Gender*. New York. Routledge.

Cornell, J., Halpern-Felsher, B. (2006) *Adolescents Tell Us Why Teens Have Oral Sex*. *Adolescent Health* 38, 299-301.

Darley, J., Fazio, R. (1986) Expectancy Confirmation Processes Arising in the Social Interaction Sequence. *American Psychologist*, 35, 867-88

Eisenstein, Z. (2007) *Sexual Decoys. Gender, Race, and War In Imperial Democracy* London. New York. Zel Books.

Fast, I. (1998) Developments IN gender Identity: The Original Matrix (Introduction to Gender Identity). In N. Burke (Ed.) *Gender and Envy*. New York. Routledge. 159-169.

Fausto-Sterling, A. (2000) *Sexing the Body*. New York. Basic Books.

Freiberg, S. (1972) Some Characteristics of Genital Arousal and Discharge in Latency Girls. *Psychoanalytical Study of Child*, 27.

Gaylin, W. (1992) *The Male Eye*. New York. Viking.

Gergen, K. (1991) *The Saturated Self. Dilemmas of Identity in Contemporary Life*. New York. Basic Books.

Gibbs, N. (2009) What Women Want Now. A Time Special Report. *Time*, October 26, 36-39.

Gilligan, C. (1982) *In Different Voice*. Cambridge, Mass.. Harvard University Press.

Haarmann, H. *Language in ethnicity: A View of Basic Ecological Relations / H/Haarmann*. – Berlin, 1986.

Halpern-Felsher, B., Cornell, J., Krapp, R., Tscyann, J. (2003) Oral Versus Vaginal Sex Among Adolescents. Perceptions, Attitudes, and Behavior. *Pediatrics* 155,4(206), 845-851.

Horney, K. (1924) On the Genesis of the Castration Complex in Women. *International Journal of Psycho-Analysis*, 5, 50-65.

Horney, K. (1926) The Flight from Womanhood. *International Journal of Psycho-Analysis*, 7, 324-339.

Hubbard, P. (1990) *The Politics Of Women's Biology*. Rutgers. Rutgers University Press, 119-129.

Kestenberg, J. (1968) Outside and Inside, Male and Female. *Journal of American Psychoanalytic Association*, 16, 457-520.

Key, M. (1975) *Male Female Language*. Matuchen, NJ. The Scarecrow Press.

Kipnis, L. (2006) *The Female Thing. Dirt, Sex, Envy, Vulnerability*. New York. Pantheon Books.

Kline, N. (1993) *Women and Power*. London. BBC Books.

Krieger, N., Smith, G. (2002) *Bodies Count And Bodies Counts: Social Epidemiology and Embodying Inequality*. *Epidemiologic Reviews*, vol.26, 92-93.

Krieger, N. (2003) *Genders, Sexes, and Health*. *International Journal of Epidemiology*, v.32, 652.

Libeau, C. (2007) *Prude. How the Sex-Obsessed Culture Damages Girls (And America Too!)* New York. Boston. Nashville. Center Street

Lindsley, L. (1995) *Culture Determines Gender Roles*. In D. Bender, B. Leone (Eds.) *Male/Female Roles. Opposing Viewpoints*. San Diego, CA. Greenhaven Press.

MacDougall, J. (1980) *Plea for a Measure of Abnormality*. New York. International Universities Press

Maguire, M. (1995) *Men, Women, Passion and Power*. London and New York.

Routledge.

Matlin, M. (1987) *The Psychology of Women*. New York. Holt, Rinehart and Winston.

Megerowitz, J. (2002) *How Sex Changed*. Cambridge. Harvard University Press.

Miller, D. (1974) *The New Polytheism*. New York. Harper Row.

Miles, R. () *The Rites of Man*. London. Grafton Books.

Moen, Ph., Dempster-McClain, Walker, H. (1999) *A Nation Divided. Diversity, Inequality, and Community In American Society*. Ithaca and London. Cornell University Press.

Mundy, L. (2000) *Sex and Sociability*. *Washington HJst Magazine*, July 16.

Oyama, S. (2000) *Evolution's Eye*. Durham. Durham University Press. 3, 18-22.

Ressner, J. (2003) *Parents: Brace Yourselves*. *Time*, October 27.

Ross, J. (1992) *The Male Paradox*. New York. Simon and Schuster.

Schulz, M. (1975) *The Semantic Derogation of Women*. In B. Thorne and N. Henley (Eds.), *Language and Sex: Difference and Dominance*. Rowley, Mass. Newbury House Publishers, 64-75.

Stepp, L. (1999) Unsettling New Fad Alarms Parents: Middle School Jral Sex. Washington Post Magazine, July 8.

Stoller, R. (1968) Sex and Gender. Vol. 1. New York. Jason Aronson.

Stoller, R. (1975) Sex and Gender. Vol.2. New York. Jason Aronson.

Torok, M. (1970) The Significance Of Penis Envy In Women. In Chasseguet-Smirgel (Ed.), Female Sexuality. Ann Arbor. University of Michigan Press.

Taylor, Sh., Fiske, S., Eteoff, N., Riderman, A. (1978) Categorical and Contextual Basis of Person Memory and Stereotyping. Journal of Personality and Social Psychology, 36, 778-793.

Valian, V. (1998) Why So Slow? The Advancement of Women. Cambridge, Mass. MIT Press.

Wigley, M. (1988) Deconstructivist Architecture. New York. Museum of Modern Art.

Williams, J., Best, D. (1982) Measuring Sex Stereotypes. Beverley Hills. Sage

Гендерная флюидность

Гендерная (сексуальная) флюидность (изменчивость) становится все более часто встречающимся феноменом в постсовременном обществе, являясь одним из его значимых структурных элементов. Сексуальная флюидность проявляется периодически возникающей сменой гендерной идентичности у одного и того же индивидуума. Гендерная флюидность встречается у обоих полов, но наиболее детально она описана у женщин, обладающих лесбийскими характеристиками. Для описания данного феномена используются различные термины, обозначающие женщин с изменяющимися паттернами гендерного поведения, к числу которых относятся, например, “гетерофлексibilität (heteroflexibility”, “has-bian”. “Itsbian until graduation”. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы нашли отражение в кинофильмах, демонстрирующих женщин лесбиянок, вступающих в сексуальные связи с мужчинами (“Kissing Jessica Stern”, “Chasing Amy”).

Рост случаев гендерной флюидности опровергает претендующее на аксиому положение о том, что предрасположенность к преимущественно гетеросексуальной или гомосексуальной гендерной идентификации формируется в раннем периоде жизни и в дальнейшем остается постоянной (Blackwood, Wieringa, 2003; Mustansky et al., 2005).

Историография вопроса отражает постепенную динамику отношения к гендерной флюидности в постмодернистском мире. Регистрируемые в начале случаи влюбленности гетеросексуальных женщин в женщин или лесбиянок, вступающих в любовные отношения с мужчинами, рассматривались как исключительно редкие и “нетипичные”. Несмотря на то, что в дальнейшем сексуальная флюидность лишается ореола исключительности, она до сих пор остается малоизученным и не до конца исследованным феноменом. В связи с этим Rahman и Wilson (2003) отмечают, что гендерная, в частности, женская сексуальная ориентация “до настоящего времени плохо понимаема”.

Diamond (2008) на основании многочисленных наблюдений приходит к выводу, что флюидность является одной из фундаментальных характеристик женской сексуальной ориентации. Автор полагает, что серьезное внимание исследователей к феномену гендерной изменчивости неизбежно приведет к “серьезным научным и социальным последствиям”.

Weinberg et al. (1994), исследуя гетеросексуальных, гомосексуальных, лесбийских и бисексуальных лиц, обнаружили, что сексуальные предпочтения не всегда являются постоянно фиксированной особенностью личности. Авторы пришли к заключению, что однозначные определения сексуальной ориентации не учитывают возможности ее изменений в различных ситуациях и периодах жизненного цикла. Weinberg et al. считают, что гендерная изменчивость является общей характеристикой сексуальности, которая в условиях специфических культуральных влияний определяет вероятность смены гендерных идентификаций.

Kitzinger, Wilkinson (1995) подчеркивают влияние социо-культуральных воздействий на возникновение внезапной смены сексуальных предпочтений у гетеросексуальных женщин, которые проявляли лесбийские тенденции под воздействием таких факторов, как смена работы, новые жизненные ситуации, давление социальной среды.

На возможность изменений сексуальной идентичности указывают Shuster (1987), Cass (1990).

Результаты социологических исследований Whisman (1996) демонстрируют, что мужчины, по сравнению с женщинами, рассматривают свою сексуальную идентичность как более природное и фиксированное личностное образование. В то же время Hyde и Durik (2000) считают, что более выраженная гендерная флюидность женщин обусловлена социальными и культуральными факторами и является артефактом женской сексуальной социализации.

Tolman и Diamond (2001), Baumeister и Twenge (2000, 2002) полагают, что данный факт связан с исторически сложившимся длительным контролем и подавлением женской сексуальности в традиционной культуре, что привело к “спутанности осознания своих сексуальных чувств и идентичностей и более чем скромным возможностям выражать эти чувства и экспериментировать с ними” (Tolman и Diamond, 2001). Diamond (2008) высказывает предположение, что “вариабельность женской сексуальности может быть манифестацией репрессии сексуальности; изменения в переживании сексуальных чувств и проявлениях поведения могут быть обусловлены меняющимся характером осознания женщинами своей “истинной” сексуальной природы”.

С точки зрения Diamond, женщины являются более сексуально флюидными по своей природе, поэтому делать акцент на влиянии на динамику этого феномена только лишь культуральных факторов было бы неправильно. Автор формулирует концепцию базальной сексуальной флюидности женщин, которая в условиях постсовременного мира получает статус наибольшего благоприятствования в контексте своих проявлений.

Развивая эту идею, Diamond подчеркивает, что термин «флюидность» ни в коем случае не означает бисексуальности всех женщин. Женщины могут иметь как различную сексуальную ориентацию, так и различные степени выраженности сексуальной флюидности. Одни женщины, согласно автору, характеризуются относительным постоянством сексуальных ориентаций в течение всей жизни, а другие трансформацией этих ориентаций.

Гендерную флюидность следует рассматривать как “дополнительный компонент женской сексуальности, которая существует и проявляется параллельно с сексуальной ориентацией, влияя на то, как привязанности, фантазии, поведение и аффекты переживаются и выражаются в жизни” (Diamond, 2008).

Преимущественно гетеросексуальный мужчина может в какой-то период времени испытать гомосексуальное влечение, преимущественно гетеросексуальная женщина способна испытать лесбийское влечение, точно также как преимущественно лесбийская женщина может в какой-то ситуации увлечься мужчиной, а преимущественно гомосексуальный мужчина почувствовать сексуальное влечение к женщине. Несмотря на возможность периодически возникающих изменений, общая базальная сексуальная ориентация при этом остается прежней.

Периодические наблюдаемые изменения сексуальной ориентации обычно не связаны с волевыми установками. Они возникают внезапно,

неожиданно, спонтанно и, как правило, находятся вне зоны волевого контроля. По наблюдениям Diamond, такие индивидуумы, на сознательном уровне часто сопротивляются подобным изменениям, но их попытки, как правило, оказываются безрезультатными.

Cass (1990) считает, что сексуальные реакции человека в целом характеризуются значительной флексибельностью (гибкостью) и в принципе каждый индивидуум способен испытать эротические желания, противоположные базальной сексуальной ориентации. Аналогичной точки зрения придерживаются Murray (2000), Garland et al.(2005) и др.

Данные о росте случаев сексуальной флюидности в постсовременном мире по существу бросают вызов традиционным представлениям о том, что развитие сексуальной идентичности является прямолинейным процессом, приводящим в результате к формированию четко определяемой идентификации индивидуума как гетеросексуального, гомосексуального, лесбиянки, бисексуального субъекта. Согласно Diamond (2008), большинство женщин в течение жизни меняют свою сексуальную идентичность. Многие из наблюдаемых автором женщин выражали активный протест против слишком примитивного их «обозначения с помощью простой этикетки» лесбиянства, бисексуальности или гетеросексуальности, в связи со сложностью их сексуальных переживаний и нежеланием ограничивать возможности своего выбора в будущем.

Согласно наблюдениям Davis (1999) и др., женщины, проявляющие лесбийскую ориентацию в более поздние (по сравнению с подростковым) периоды, как правило оказывались не аутентичными (не истинными) лесбиянками. Их лесбийские сексуальные предпочтения возникали под влиянием ситуационных факторов. Эти привязанности носили временный характер и сменялись восстановлением базальной гетеросексуальности.

К такой категории, получившей название “лесбиянки до получения аттестата зрелости” (lesbian until graduation), в настоящее время относят женщин, которые идентифицируют себя как лесбиянок только в период пребывания в женских коллективах колледжей.

В то же время, по мнению Diamond, существование феномена сексуальной флюидности у женщин и его более широкая представленность, по сравнению с мужчинами означает большую сенситивность женщин к межличностным и ситуационным факторам, влияющим на их сексуальность, хотя эта особенность выражена у разных женщин в различной степени. Ситуационные влияния взаимодействуют с другими предрасполагающими факторами, которые могут как ускорять, так и замедлять проявления данного феномена.

McIntosh в 1968г. констатировал, что, если у женщин с возрастом в ряде случаев происходит расширение диапазона сексуальной ориентации, то для мужчин характерна обратная тенденция. Полученные автором данные нашли подтверждение в исследованиях Diamond (2008), который утверждает, что женщины обладают способностью к сексуальной флюидности, наряду с различными видами сексуальной ориентации. Естественно, что преобладающей сексуальной ориентацией является гетеросексуальность.

Тем не менее, встречаются женщины, испытывающие сексуальное влечение к обоим полам, и сексуально ориентированные исключительно на женщин. Сенситивность к внешним воздействиям и ситуационным факторам может значительно влиять на характер эротических чувств. Таким образом, несмотря на то, что причинами флюидности являются различные факторы, она проявляется в одних ситуациях гетеросексуальными, а в других - лесбийскими влечениями. Трансформация сексуальных влечений, связанных с флюидностью, может быть как кратковременной, так и долговременной, в зависимости от особенностей и силы увлечения конкретными лицами.

Проявления сексуальной флюидности наблюдались нами в процессе исследования лиц с пограничным личностным расстройством и пограничной личностной организацией. Они устанавливались у 16-ти женщин с диффузной идентичностью. Большинство из наблюдаемых женщин считали себя гетеросексуальными, во время наблюдения состояли в браке или в неоформленных сексуальных отношениях с мужчинами. Несмотря на это, пациентки неоднократно (от одного до трех раз) вступали в лесбийские отношения с женщинами, к которым испытывали большую эмоциональную привязанность, основанную на глубоком взаимопонимании. Лесбийские связи (в 9 случаях) впервые возникали до замужества и в дальнейшем (в 6 случаях) повторялись в период пребывания в браке. Несмотря на наличие лесбийских отношений, женщины не считали себя лесбиянками или однозначно бисексуальными, акцентируя внимание на значимости в структуре лесбийских отношений не только сексуального, но и других компонентов. Наибольшее значение для них имело наличие "утонченного взаимопонимания" при контактах с женщинами, достичь которого в общении с мужчинами было невозможно. Выявлялись трудности в вербализации переживаний.

В этом контексте нами регистрировались, в частности, следующие высказывания пациенток: "Это невозможно описать словами"; "Я не знаю слов, которыми можно бы ло бы выразить возникающие чувства"; "Я чувствую, о чем думает и что переживает другая женщина. Я каким-то

образом ввожу часть ее чувств и мыслей в свою психику и часть моего «я» начинает жить ее жизнью. Я ощущаю, что и она тоже чувствует, что происходит со мной”.

Кратковременные эпизоды и более длительные лесбийские отношения во всех наблюдаемых случаях оценивались женщинами положительно, в основном как возможность расширения спектра эмоциональной жизни, реализации скрытых в бессознательной сфере потенциальных возможностей.

Лесбийская влюбленность у женщин данной группы обычно начиналась не с сексуального влечения к другой женщине, а с увлечения ею как личностью. Возникало притяжение к персональным, а не гендерным особенностям. Сексуальное влечение возникало уже в дальнейшем на фоне сформировавшихся неформальных дружеских отношений.

Другая группа женщин (9) идентифицировала себя в качестве лесбиянок и объясняла свои периодически возникающие гетеросексуальные контакты любопытством, стремлением к экспериментированию “в сексуальном пространстве” или желанием забеременеть, родить ребенка и воспитывать его в лесбийской семье.

Женщины этой группы утверждали, что у них отсутствовало какое-либо романтическое влечение к мужчинам. Возникающие сексуальные желания были кратковременными, быстро удовлетворялись, сопровождалась чувством пресыщенности, отрицательной самооценкой и ощущением «победы материального, грубого физиологического начала над духовным».

В одном случае мы наблюдали у женщины с исходной лесбийской ориентацией внезапное возникновение страстного гетеросексуального желания, которое в дальнейшем в процессе развития постоянных сексуальных контактов (переезд к любовнику и установление неформальных брачных отношений с совместным ведением хозяйства) сменилось длительным периодом влюбленности преимущественно персонального романтического характера. Переход на романтический тип отношений сопровождался значительным ослаблением сексуального влечения и постепенным его угасанием.

Это единичное наблюдение представляет, с нашей точки зрения, определенный интерес, так как демонстрирует принципиальную возможность двусторонней направленности смены сексуального желания и романтической любви. Повидимому, более типичной для женщин с лесбийской идентичностью является смена первично возникающей романтической влюбленности, основанной на симпатиях к объекту внимания преимущественно как к личности, на появляющееся вторично сексуальное

желание. Тем не менее, не исключается и другая динамика, при которой романтическая гетеросексуальная любовь формируется на фоне возникшего гетеросексуального влечения и его реализации.

Мы разделяем позицию Tenno, D. (1979), которая отмечала, что проблема дифференциации состояний влюбленности к личности и к гендеру требует специального изучения. В исследовании автора выявлено, что 61% женщин и 36% мужчин переживали влюбленность безо всякой потребности в сексуальных контактах. Bartels и Zeki (2000) установили, что за романтическую или дружескую любовь и сексуальное желание отвечают принципиально различные мозговые структуры.

Анализ литературы и наблюдений из собственной практики позволил сформулировать авторское определение гендерной флюидности, под которой понимается кратковременная или длительная трансформация сексуальной идентичности, возникающая под влиянием биопсихосоциокультуральных факторов и позволяющая утверждать, что женская или мужская сексуальная ориентация не являются единственным фактором, определяющим сексуальные предпочтения личности.

Характерной чертой постмодернистского общества является преобразование представлений о гендерных характеристиках личности. Конкуренция с мужчинами в успешности профессиональной самореализации приводит многих женщин к психосексуальной и семейной несостоятельности, порождающей большое количество серьезных психологических проблем. У женщин с незрелой сексуальностью возрастает вероятность появления диффузной, «спутанной» гендерной идентичности, результатом которой может стать гендерная флюидность. Целенаправленная работа по формированию зрелой женской сексуальности будет способствовать улучшению психосексуального здоровья личности, профилактике психосексуальных и семейных проблем и повышению качества жизни.

Литература

Bartels, A., Zeki, S. (2000) The Neural Basis of Romantic Love. *Neuroreport For Rapid Communication of Neuroscience Research*, 11, 3829-3834

Baumeister, R. (2000) Gender Differences in Erotic Plasticity: The Female Sex Drive as Socially Flexible and Responsive. *Psychological Bulletin*, 126, 247-374.

Baumeister, R., Twenge, J. (2002) Cultural Suppression of Female Sexuality. *Review of General Psychology*, 6, 166-203.

Blackwood, E., Werinbga, S. (2003) Sapphic Shadows: Challenging the Silence in the Study of Sexuality. In I.Garnets and D.Kimmel (Eds.) Psychological Perspectives on Lesbian, Gay, and Bisexual Experiences, 2nd Ed. New York. Columbia University Press.

Cass, V. (1990) The Implication of Homosexual Identity Formation for the Kinsey Model and Scale of Sexual Preference. In D. McWhirter, S.Sanders, and J.Reinish (Eds.) Homosexuality/Heterosexuality Concepts of Sexual Orientation. New York. Oxford University Press, 239-266.

Davis, A. (1999) Confessions of a LUG. Flagpole Magazine Online, October 25.

Diamond, L. (2008) Sezual Fluidity. Understanding Women's Love and Desire. Harvard University Press. London.

Garland, J., Morgan, R., Beer, A. (2005) Impact of Time in Prison and Security Level on Inmates; Sexual Attitude, Behavior, and Identity. Psychological Services, 2; 151-162.

Hyde, J., Durik, A. (2000) Gender Differences in Erotic Plasticity-Evolutionary or Sociocultural Forces? Comment on Baumeister. Psychological Bulletin, 126, 375-370.

Kitzinger, C., Wilkinson, S. (1995) Transitions From Heterosexuality To Lesbianism: The Discursive Production of Lesbian Identities. Developmental Psychology, 31; 95-104.

McIntosh, M. (2000) The Homosexual Role. Social Problems, 1968.,16; 182-192.

Murray, S. (2000) Homosexualities. University of Chicago Press. Chicago.

Mustansky, B., Dupree, M. et al. (2005) A Genomewide Scan of Male Sexual Orientation. Human Genetics, 114; 272-278.

Rahman, Q., Wilson,G., Born Gay. The Psychobiology of Hunan Sexual Orientation. Personality and Individual Differences,2003. – p. 34, 1337-1382.

Shuster, R. (1987) Sexuality as a Continuum: The Bisexual Identity In IL, Urbana (Ed.) Lesbian Psychologies: Explorations and Challenges. University of Illinois Press.

Tennov, D.(1979) Love and Limerance: the Experienceof Being in Love. New York. Stein and Day.

Tolman, D. Diamond, L. (2001) Desegregating Sexuality Research: Combining Cultural and Biological Perspectives on Gender and Desire. Annual Review of Sex Research, 12; 33-74.

Weinberg, M., Williams, C., Pryor, D. (1994) Dual Attraction: Understanding Bisexuality. New York. Oxford University Press.

Whisman, V. (1996) Queer By Choice: Lesbians, Gay Men, and the Politics of Identity. New York. Routledge.

Деформация гендерной идентичности как проблема консультативной психологии и психотерапии

Значительные изменения в период перехода от современного к постмодернистскому обществу происходят и с *гендерной идентификацией*. Ее результативность зависит от акцента либо на статические, ригидные сложившиеся формы идентичности, либо на динамические изменения данного феномена, предполагающие смещение критериев целостности к таким маркерам, как умение удовлетворять свои потребности, не нарушая при этом личностных границ окружающих.

Приведенные данные свидетельствуют о целесообразности выделения отдельной формы нарушения, которая в выраженных случаях может достигать степени *функционального (вторичного) фанатизма, связанного с переживанием, вызванным некритичным отношением к поведению людей с нетрадиционным видом гендерной идентичности*.

Проявлениями этого вида нарушения являются:

1. Агрессивные эмоции, чувства и мысли или неагрессивная замкнутость, агрессивные установки к отрицательно воспринимаемым группам гендерной идентичности.

2. Стремление к нарушению личностных границ.

3. Агрессивное поведение.

4. Внутриличностные и межличностные конфликты.

5. Тревога и сомнения, сопровождаемые переживаниями чувства вины.

6. Интолерантность.

7. Высокий не всегда адекватный уровень самоодобрения и самооценки как причина гендерного нарциссизма.

8. Эгоизм.

9. Проекция.

Устойчивость гендерной идентичности, ее толерантность и позитивная направленность служат одним из основных условий здоровой личностной и

социальной идентичности, обеспечивающей ощущение психологического комфорта и безопасности в социальной группе. Помимо лиц, имеющих функциональное расстройство, связанное с переживанием, вызванным некритичным отношением к поведению людей с другим типом гендерной идентичности, *показаниями к психокоррекции* являются гендерный фанатизм, нарциссизм, негативная, гипернегативная и диссоциогенная типы идентичности.

Основными *задачами психокоррекции* являются гармонизации психо-эмоционального состояния личности, формирование толерантного самосознания, позитивного самоотношения и формирование культуры межгендерного общения посредством изменения мировоззрения и поведения.

Свободный выбор наиболее подходящего варианта идентичности предоставит возможность для обретения новых ценностей и смыслов жизни. Такой подход требует поиска новых *методов психотерапии*, способных стать необходимыми инструментами формирования новой идентичности, позволяющей по-новому взглянуть на свое «Я» в постмодернистском мире.

Глава 3. Мифология секса

Вопросы пола представляют собой область, в которой мифологическая «знаковая система» оказывает чрезвычайно сильное влияние во всей истории развития цивилизаций. Каждая эпоха характеризуется своим специфическим мифообразованием с одновременным сохранением старых представлений. Суть данных положений получила многостороннее освещение в монографии Ц.П.Короленко «Мифология Пола»(1993). Однако со времени этой публикации в Российском обществе произошли радикальные изменения, повлекшие за собой изменения влияния культуральных факторов и связанных с ними убеждений на формирование сексуальности личности. Анализу значения мифологического восприятия проблем, связанных с понятиями мужественности и женственности, с вопросами сексуальных отношений и сексуальной патологии посвящена данная глава.

Мифологическое восприятие незаметно, исподволь вторгается в нашу жизнь, влияет на наши представления, вкусы, эмоции, мотивации потому, что мифы основаны как на правде, так и на выдумке. Созданная в воображении придуманная иллюзорная реальность искажает картину

окружающего мира. Процесс этот не самопроизволен: в нем участвуют как внутренние, генетически обусловленные механизмы, облегчающие развитие определенной системы стереотипного «матричного» мышления, так и внешние, средовые, воздействия, направленные на стимулирование и эксплуатацию этих механизмов.

Вот как говорит об этом героиня романа американского писателя Г. Видала: «Мы имеем дело с мифами. В любой момент мир нуждается в полнотелой белокурой Афродите, темноволосой сирене безупречной красоты, мощном, изъясняющемся междометиями, и жестоком мужчине-самце, вкрадчивом галантном обаяшке, уставшем от всего и прошедшем свой расцвет коррумпированном любовнике, вечно сексуальной женщине-жене, желторотом юнце с широко раскрытыми глазами и т. д. Олимп снабжает нас многими богами и богинями, и они действительно вечны, так как если кто-то из них увядает или низвергается другой тотчас занимает его место. Народ требует, чтобы пантеон всегда был заполненным. Так что то, что мы ищем... — это те мифологические фигуры, которые в нужный момент могут быть помещены на подходящем для них пьедестале. Например, со времени смерти Мэрилин Монро до сих пор ни одна сладострастная белокурая богиня не заняла ее место, и потому, если бы я создавал; звезд, я бы искала девушку, которая наиболее соответствует заполнению этой вакансии, которая могла бы быть потерянной Золотой Девочкой. По сути дела, как и в любом другом бизнесе, мы должны начать с изучения рынка. Это значит, тщательно проанализировав Олимп найти, какие архетипные роли временно вакантны и кто является конкурентом... подобно жрицам, мы должны постоянно тестировать и анализировать молодых мужчин и женщин Америки для того, чтобы найти несколько блестящих, которые бессмертны и являются... постоянными богами нашей возрождающейся нации».

На формирование стереотипных представлений о мужском или женском образе оказывает влияние мифологическое представление о различиях полов, наиболее отчетливо выступающее при характеристике женщин, в частности, мифы о «злых началах» у женщин, которые идентифицировались с опасностью, таинственной, нередко злой силой. Прототипы подобных женщин можно найти в мифологии, античной литературе, исландских сагах. В средневековье отрицательный имидж женщины объективно способствовал возникновению и широкому распространению идей колдовства, в котором обвиняли прежде всего женщин. Процессы колдуний, охватившие большинство стран Европы, являлись одним из последствий коллективного безумия, когда на женщин, как на воплощение всего того, что связано с «дьяволом», порчей, злом в широком смысле слова, проецировались накопившиеся отрицательные эмоции толпы и возбуждающих ее фанатизированных личностей.

Представления подобного рода воспринимаются сегодня как нелепые, лишённые смысла, свидетельствующие о «недоразвитости», отсутствии знаний, культуры, невежестве и, естественно, не имеющие ничего общего с нашей эпохой. Такая точка зрения при более внимательном анализе оказывается поверхностной и упрощённой. Рассмотрение этой стороны проблемы позволяет лучше понять механизмы других, к сожалению, очень актуальных сегодня проблем: агрессивности, этнического или религиозного фанатизма, захватывающих массы населения и приводящих к разрушительным действиям.

Разнообразные варианты социопсихологических факторов определяют во многом различия психологии полов и соответственно содержание понятий мужественности и женственности.

В связи с этим возникает вопрос о «вторичности» тех или иных свойств, считающихся признаками половых различий. Психологические исследования женственности и мужественности обычно строятся на выделении определенного набора черт, которые рассматриваются а priori как характерные для пола. На основании таких исследований делаются выводы о наличии женских и мужских черт характера у отдельных лиц. К признакам женственности принято относить, например, пассивность, зависимость, заботливость, стеснительность, неуверенность, подчиняемость и др. К признакам мужественности — агрессивность, независимость, целеустремленность, рациональность. Обращает на себя внимание относительность специфичности этих характеристик для лиц женского и мужского пола, их зависимость от конкретных условий воспитания, культурной среды, принятых стереотипов поведения и т. д. Совершенно естественно, что черты, определявшие половые различия в XX веке потеряли свою значимость в XXI веке. Это в особенности касается таких черт, как независимость, целеустремленность, уверенность, чрезмерная рациональность и др. Мужчины и женщины эпохи постмодернизма все меньше отличаются друг от друга, будто бы «одолжив» у противоположного пола некоторые личностные особенности. Современные хорошо зарабатывающие женщины, практически не уступают мужчинам в сексуальной и других видах активности и не торопятся с замужеством и рождением детей, предпочитая любви карьеру.

Мужчины тратят больше времени на шопинг и уход за собой. Массовая культура породила такие явления, как *метросексуализм* и *юберсексуализм* (Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э., 2007).

Мифология пола имеет прямое отношение к социальным вопросам, политике, психологическому состоянию и психическому здоровью популяции. Мифологизация воздействует не только на отдельных людей (их деловую

активность, творчество), но и на семьи, организации, общество и государства. Биопсихосоциокультурный подход к психологии мифа позволяет лучше прогнозировать и идентифицировать опасность подвергнуться влиянию деструктивных мифов постмодернистского мира.

Миф о мужественности и женственности

Человек традиционно разделяет общество на мужскую и женскую половину и обычно рассматривает их как противоположные, а иногда и антагонистические. С точки зрения биологии такой подход в значительной мере преувеличен, так как и мужчины и женщины принимают участие в таких видах деятельности, которые ранее оценивались бы как несоответствующие тому или иному полу. Нередко мужчины, занимающиеся, казалось бы, типично «мужской» деятельностью (служба в армии, альпинизм, поднятие тяжестей и др.), не чувствуют себя полноценными мужчинами и нуждаются в психологической помощи, в то же время многие из них, занимающиеся традиционно женской деятельностью (воспитание детей, работа в сфере обслуживания, торговли и т. д.), не испытывают никаких проблем с половой идентификацией. Поэтому важно не то, чем занимается конкретный мужчина или женщина, а то, чувствуют ли они себя уверенными в отношении своей мужественности или женственности, сформирована ли у них половая и гендерная идентичность.

Анализ взглядов и представителей различных социальных групп в разных культурах о мужественности и женственности привел нас к выводу о сравнительно широкой распространенности подходов, основывающихся на своего рода мифологическом восприятии проблемы. Мифы, как известно, содержат в себе не только выдумку, но и часть правды. Их воздействие на подсознание людей объясняется также тем, что они способствуют «мышлению по желанию» — удовлетворяют психологическую потребность видеть вещи в определенном свете, даже если это видение совершенно не соответствует действительности. Для того, чтобы выйти за пределы мифологического мышления, нужно говорить не о мужчинах и женщинах вообще, а иметь в виду конкретного мужчину и конкретную женщину, психологическую структуру их идентичности.

Понятие женственности очень давно олицетворяется с понятием таинственной всепоглощающей силы. В глубокой древности женщины были оракулами, хранителями священных знаний, различных секретов, жрицами в языческих храмах. Функция деторождения вызывала у мужчин благоговейный страх.

Появление и развитие психоаналитических направлений в психологии постепенно привело к частичной демифологизации – разрушению прежнего

отношения к женственности. Этот процесс был длительным и неоднозначным: взамен одного мифа предлагались другие, менее романтические, замаскированные покрывалом «научного подхода».

В связи с этим следует обратить внимание на то, что Фрейд в основном занимался вопросами мужской сексуальности. Он вообще, особенно в начальные периоды развития учения о психоанализе, рассматривал женщин в плане чисто механистических представлений (не более чем мужчин без полового члена), ограничиваясь высказываниями типа: «Я не могу избежать упоминания (хотя я затрудняюсь это выразить), что для женщины уровень того, что является этически нормальным, отличается от мужского... Мы не можем позволить себе отклониться от таких заключений опровержением феминисток, которые стремятся заставить нас рассматривать оба пола как совершенно равные по положению и достоинству» (цит. по: (Pietropinto, Simenauer, 1978, p. 3).

Последователи Фрейда, в том числе и развивающие свои направления в глубинной психологии, обычно предпочитали лечить мужчин, так как недостаточно хорошо понимали женщин.

Положение существенно изменяется с конца 50-х годов XX в. Мифологическому восприятию женщины и женственности наносятся чувствительные удары. Большую роль здесь играют сексуальная революция, женские движения, исследования психологов, социологов, психиатров, многообразная, в том числе и художественная, литература по вопросам женской сексуальности, женских эмоциональных реакций, общих жизненных подходов и др. Особое значение приобретают исследования, предпринятые самими женщинами. Они основаны на самонаблюдениях и неформальном контакте с другими женщинами.

Однако, несмотря на все это, мифологическое восприятие женщины остается, и его следует учитывать во многих конкретных ситуациях.

Не в меньшей мере, в популяции представлено мифологическое отношение к мужественности. Данные об исследовании мужской сексуальности, за исключением работ по вопросам импотенции и других половых нарушений, носят достаточно разрозненный и обычно неполный характер. Особенности интеллектуального и эмоционального отношения мужчины к его собственной сексуальности исследованы недостаточно, поэтому возникший вакуум легко заполняется мифологией.

Что характерно для этой мифологии? Если женщина наделяется такими качествами, как таинственность, элюзивность, секретная сила и знание, то мужчина — такими свойствами, как простота, физическая сила, целеустремленность и рыцарское благородство. Миф о мужчине

противоречив. С одной стороны, благородство, с другой - стремление любым путем добиться успеха у женщины. Это мифологическое содержание нашло воплощение в образе Дон Жуана. Мы видим выражение этого мифа в таких утверждениях, как: «Остерегайся мужчин, они хотят от женщины лишь одного», «У каждого мужчины лишь одно на уме».

Такого рода мифологические представления могут быть чрезвычайно деструктивными как для женщин, так и для мужчин. Мужчины, например, под их влиянием оказываются чрезмерно фиксированными на необходимости быть сексуально состоятельными в любой ситуации, с любой женщиной. А поскольку это не всегда возможно по многим психологическим причинам, возникает стрессирование, «неуспех» становится психической травмой, которая в свою очередь приводит к страху, неуверенности в себе и в результате к повторной несостоятельности. Так формируется порочный невротический круг с развитием функциональной импотенции, требующей специального квалифицированного лечения.

Мифологические представления о «простоте» мужчины далеки от реальности, однако они крайне затрудняют психотерапию мужчин, которые, находясь под влиянием этого мифа, не стараются разобраться в сложности своих чувств, вытесняют их в подсознание. Для многих мужчин в этом отношении характерна алекситимия — неспособность выразить словами свои переживания и чувства, стремление относиться к своему телу как к машине, требующей «простой» починки. Отражением этого является отношение к своим половым органам как к отделенным от организма, и, прежде всего от сознания, эмоций, предметам. Такое же отношение при этом проецируется и на сексуальных партнеров, которые воспринимаются не как живые, думающие, одухотворенные эмоциональные женщины, а как механические сексуальные объекты.

Остановимся более подробно на факторах мифологического по существу отношения мужчины к женщине.

Правильное понимание, объективная оценка проблемы невозможны без знакомства с различными культурными традициями, в частности с преданиями, обычаями, историей, литературой многих народов. Необходимо также знание основных достижений современной глубинной психологии, проливающей свет на некоторые механизмы, идущие из глубин подсознания. В легендах, преданиях, пословицах, поговорках, национальном фольклоре имеются положения, отражающие отношение к женщине в прошлых эпохах.

Отпечатки в сознании таких взглядов крайне живучи и оказывают влияние на психологию человека и в настоящее время, несмотря на развитие науки, технологизацию и компьютеризацию общества.

Предания, приписывающие отрицательные качества женщинам, можно обнаружить у разных народов.

Так, в одном из племен бедуинов Сахары бытует легенда о том, что женщина произошла «из греха сатаны», а в другом — о том, что «женщина сделана из хвоста обезьяны» Хайс (Hays, 1969) приводит примеры из сохранившейся до настоящего времени «переработки» Библии у южных славян. Существует легенда, что Бог-Отец изъял известное ребро (из которого согласно Библии была создана женщина) и отложил в сторону. Случайно рядом пробежала собака, схватила ребро и стала убегать. Бог-Отец преследовал собаку, однако смог только вырвать у нее хвост, и, так как «ничего лучшего из него нельзя было сделать, он создал из него женщину».

Презрительное отношение к женщине прослеживается в древнееврейских источниках. Это находит отражение в каждодневной мужской молитве: «Я благодарю Тебя, Господи, что не создал меня женщиной».

В одной болгарской народной песне поется о том, что собирается сделать отец девяти дочерей, если у него снова родится девочка: «Если десятая — тоже девочка, я отрежу ей обе ноги до колен и руки — до плеч и глаза выколю...» (цит. по: Hays, 1969).

Недооценка, отношение «свысока» к женщине наложили глубокий отпечаток на психологию европейских народов не только в средневековье, но и в последующие периоды. Например, в Англии XVII—XVIII вв. требовалось, чтобы женщина была послушной, во всем подчинялась мужу. Известны случаи издевательств над женщинами в семье. Иногда мужья до такой степени истязали жен, что их дела попадали в суд и при наличии убедительных доказательств были основанием для развода. Типичные семейные сценки нашли отражение в рисунках Хогарта.

В 1907г. вышла в свет книга немецкого ученого Мебиуса «О физиологическом слабоумии женщины». Ее автор на основании анатомических исследований головного мозга пришел к заключению, что «важные отделы головного мозга, необходимые для психической жизни — мозговые извилины и височные доли, у женщин слабее развиты, чем у мужчин, и это различие прирожденное». Данные автора не выдерживали никакой критики, однако Мебиус счел возможным утверждать, что в связи с этим анатомическим недостатком «лицемерие, а также ложь являются

данном природой незаменимым оружием женщины». Автор считал также, что «науки в точном смысле никогда не могут быть обогащены женщиной».

Совершенно естественно, что такие взгляды, высказываемые известным психологом, не могли не оказывать влияния на умы людей, и не только на современников Мебиуса: и в настоящее время на него иногда ссылаются достаточно образованные и интеллигентные люди, несмотря на то, эти утверждения противоречат результатам экспериментальных исследований.

Цитируемый автор не одинок. В 1903 г. появилась книга немецкого философа Вайнингера «Пол и характер», переведенная вскоре на многие языки. В отличие от Мебиуса автор выступал с эмоциональных позиций. Он утверждал, например, что женщины в эротическом плане являются «дикими bestиями», «могут ли женщины сейчас измениться — сомнительно. Нельзя также думать, что они когда-то были другими. Сегодня разумный элемент выступает сильнее, чем раньше, так как чрезвычайно многое в «движении» (имеется в виду движение за женское равноправие. — *Ц. П. Короленко*) представляет собой исключительно перенесение желаний от материнства к проституции; это больше эмансипация девочек, чем женщин, и не вызывает сомнений, что ее действительным результатом прежде всего будет... проявление элементов кокетки у женщин».

Американский историк Пэркман (Parkman, 1910) писал: «Все в женской экзистенции подчинено необходимой функции размножения и воспитания человеческой расы, и, если женщина захочет полностью посвятить себя этой деятельности, то в лучшие годы у нее вряд ли останется время для других дел».

Может создаться впечатление, что такого рода высказывания имеют лишь историческое значение и не имеют прямого отношения к современности. Однако, как мы уже указывали, все выглядит не так просто. Нельзя упускать из виду, что и в те, более или менее отдаленные времена, концепции, принижающие женщин, появлялись не на пустом месте, а продуцировались на почве предрассудков, элементов мифологического мышления, которые свойственны и высокообразованным людям, выдающимся специалистам в той или иной области знаний. И сегодня мы встречаемся с прямыми или косвенными попытками придраться или даже пропагандировать взгляды о том, что биологическое отличие женщины от мужчины неизбежно ставит ее в позицию подчинения мужчине, резко ограничивает свободу ее выбора, основной функцией которой является уход за домом, рождение и воспитание детей. Естественно, что такие концепции, как правило, не излагаются в открытом виде, они скрываются за фасадом красивых и внешне убедительных формально

логических рассуждений, в которых фигурируют неоспоримые факты о возрастающем количестве разводов, покинутых детях, крушении такой привычной, известной по многим произведениям классической художественной литературы, модели патриархальной семьи и т. д.

Интересен и поучителен опыт Скандинавских стран, где общественное сознание акцептирует истинное равноправие женщин как естественное явление, а другие подходы воспринимаются в качестве реликтов прошлого в сознании отдельных людей. И дело здесь не только в интеллектуальных или эмоциональных оценках, которые ненавязчиво присутствуют в средствах массовой информации, театре, кино, произведениях художественной литературы, а в законах, делающих невозможными любые попытки дискриминации. В качестве примера достаточно

Миф о женщине-ведьме

Влияние мифологии и основывающихся на ней предрассудков не ограничивается идеей о неполноценности женщины в различных сферах. Имеется и другая сторона этого влияния, связанная с очень древним образом женского демона. Источники представлений подобного рода содержались в верованиях примитивного человека. Их можно найти в культуре древнего Вавилона, это образы древнегреческой Эмпузы, иудейской Лилит, злых колдуний различных племен. Страх перед женским демоном мы находим в старой культуре Японии. Он присутствует в славянских сказках в образах бабы-яги, женщины-оборотня, русалки. Многие из этих персонажей имеют «интернациональный» характер, «живут» в подсознании многих народов, хотя обычно имеются и специфические национальные образы, например, албарсты — у киргизов демон в виде женщины с медными ногтями. Все эти образы оказывали большое воздействие на людей в средневековье и остались в коллективном подсознании современного человека, что может стать причиной различных предубеждений и страхов, развивающихся у некоторых мужчин по отношению к женщинам.

Согласно Мифологическим представлениям, женщины-ведьмы, оборотни, вампиры обладают необыкновенной силой, они используют ее главным образом для уничтожения мужчин. Посредством колдовства, магических процедур, заговоров они лишают мужчин их жизненной силы, подчиняют себе, приводят к быстрой гибели. Для достижения своих целей они стремятся прежде всего соблазнить мужчину, высосать из него всю физическую и психическую энергию, сделать его при этом неспособным полюбить другую женщину.

В ранних культурах ведьмы всегда считались способными посредством магии вызвать неизлечимую болезнь, спровоцировать несчастный случай. Даже богини плодородия обладали разрушительными свойствами. Страх перед женскими демонами был очень распространен и способствовал формированию защитных ритуалов.

Согласно одному преданию, Лилит была создана вместе с Адамом и пыталась к нему приблизиться, однако была сброшена в пропасть. После согрешения Адама и Евы она была отпущена и с тех пор стала демонической убийцей детей. О Лилит существуют и другие сказания. Так, известна легенда, согласно которой Лилит вступила в брак с дьяволом, и змей, искусивший Еву, был ее воплощением, выполняя поручение дьявола.

Хайс (Hays, 1969) высказывает точку зрения, что Лилит в определенном смысле являлась alter ego Евы или представляла проекцию силы злого начала матери-земли, пожирающей, как Сатурн, своих детей.

Каннибалические свойства выступают также в образа Эмпузы. В древнегреческих мифах Эпмуза называется также Ламией. Ламия некогда была возлюбленной Зевса, от которого родила Сибиλλу. Этим она вызвала ревность богини Геры, которая убила ее детей. Потеряв рассудок, Ламия стала безобразной и с тех пор убивает детей других женщин.

Об Эмпузе повествует и Плутарх. Он рассказывает об Апполонии из Тианы, который был известен своей мудростью и знаниями магии. Один из его юных друзей, Мениппос, встретил однажды очень красивую женщину, которая сказала ему, что она родом из Финикии и очень богата и что она уже давно влюблена в него. Женщина пригласила Мениппоса в свой дом, где после угощений юноша «разделил ее ложе». Когда, однако, Апполоний услышал о любви своего друга, он предупредил его, что тот стал жертвой демона. Однако Мениппос не хотел его слушать и даже принял решение жениться на прекрасной женщине. На торжественный свадебный обед был приглашен и Апполоний. Дом невесты был богато украшен, стол уставлен золотыми и серебряными приборами, многочисленные слуги заботились о гостях. Апполоний снова сказал Мениппосу, что все это обман и что его невеста является Ламией — демоном, который способен разрушить любовь и все радости Афродиты. Она привлекает к себе мужчин, чтобы во время сна высасывать из них кровь. Несмотря на то, что женщина хотела помешать ему, Апполоний поднял свой золотой посох и направил его ко лбу женщины и закричал: «Демон, выйди из своего скрытого образа!» И сразу же все золото и серебро стало легким, как дуновение, и унеслось, исчезла прислуга, а сама женщина превратилась в скелет и упала на землю. Призрак — полуженщина-полузмея выполз из нее. Этот рассказ приведен Китсом (Keats, 1956) и заимствован им из книги Бартона «Анатомия меланхолии».

Демонические свойства, приписываемые женщинам, сочетались постоянно с обвинениями в неумеренной чувственности, сладострастии, похоти. Эта линия прослеживается в античной литературе, в частности в древнеримской (Катулл, Овидий и др.). В дальнейшем «традиция» переходит в средневековье и пользуется поддержкой многих авторитетов, в том числе и некоторых деятелей церкви. Так, например, французский епископ де Рэнн сочинил поэтическое произведение, один из разделов которого был посвящен «шлюхам». Развратные устремления автор приписывал всему женскому роду. Он утверждал, что женщина всегда находится на полпути между старым другом и новым любовником. Он обвинял женщин в коварстве, в том, что они портят детей, восстанавливают их против отцов, что они вообще представляют большую угрозу, так как нет такого зла, в котором они бы не принимали участия.

В средневековой литературе часто использовались сюжеты об известных мужчинах, ставших жертвами бесчестных женщин. Женщину сравнивали с химерой, мифической бестией, имеющей голову льва, хвост дракона и туловище из полыхающего пламени. Женщина охотится за своей добычей, как лев, испепеляет жаром своей любви и приводит в конце концов, как яд дракона, к гибели.

Хайс (Hays, 1969) указывает, что и в художественной прозе того времени содержались многочисленные сведения об опасности женщин. Это касалось и брака. Желающих жениться сравнивали с ягнятами, ведомыми на бойню. Жена либо превращает мужа в дурака, либо делает его своим рабом. Тема неверности была наиболее популярной. В связи с этим можно вспомнить «Декамерон» Боккаччо, «Книгу манер» придворного капеллана Генриха II, где он обвинял женщин в том, что они большие мастерицы в обращении с травами и ядами, которые они используют для устранения своих мужей.

Отражение мифологического гротескного отношения к женщине содержится в различных высказываниях, метафорах. Вот, например, две итальянские метафоры, возникшие, по-видимому, в раннем средневековье: «Облик женщины — дьявольское зеркало», «Женское сердце хорошо только снаружи, внутри оно испорчено, как гнилое яблоко».

Наиболее ярким выражением двойной морали, выступающей на фоне распространяемых слухов о женской неверности, было изобретение так называемого «пояса целомудрия». По данным Хайс (Hays, 1969), еще в XIX в. бедуины подвергали девочек-рабынь в раннем возрасте операции насечек краев влагалища, которые затем сшивались таким образом, что образовывался рубец и оставалось крохотное отверстие, достаточное лишь для

мочеиспускания. Когда рабыню продавали, ей хирургическим путем расширяли отверстие.

В средневековье своеобразным символом женской неверности становится образ Крессиды (Бризеиды), заимствованный из древнегреческого мифа. Крессиды была дочерью Калхаса, жреца в храме Аполлона. В нее влюбился сын царя Приама Троиц. Крессиды и Троиц поклялись друг другу в верности и любви, однако в последующем Крессиды изменила Троицу с Диомедом, хотя и испытывала при этом чувство вины.

Крессиды воспринималась как символ женского непостоянства и неверности не столько в связи с содержанием самого мифа, сколько благодаря произведению Сент-Мора «Роман о Троице», написанному в 1160 г. Следует отметить, что не все авторы расценивали поведение Крессиды столь однозначно. Так, например, Ченсер и Шекспир были склонны объяснять мотивы ее поступков в русле обычных человеческих слабостей, заслуживающих не жесткого осуждения, а понимания и сочувствия.

Отрицательное отношение к женщине и страх перед ней нашли свое выражение в средневековых преследованиях и процессах ведьм. Отголоски этого отдаленного прошлого можно найти, например, в детских сказках. Достаточно вспомнить образы злой мачехи, бабы-яги, ведьмы, запирающей детей для того, чтобы их затем съесть. В сказках многих авторов, например, братьев Гримм, Андерсена, содержатся мотивы темного заколдованного леса, из которого нельзя найти обратный путь. Человек, попавший в такой лес, теряет дорогу, блуждает, нередко наталкивается на ведьмин домик, где ждет его гибель. С точки зрения психоаналитической интерпретации, в такого рода описаниях имеется скрытая сексуальная символика (зияющий вход в лес, спрятанный в нем домик), имеющая отношение к женским половым органам, представляющим якобы опасность и угрозу для мужчины.

Миф о роковой женщине

Образ роковой женщины (*femme fatale*), соблазнительной, полностью независимой от мужчины и безжалостной становится центральным в творчестве ряда крупных писателей, и его появление в произведениях обычно связано с субъективно интерпретированным собственным опытом автора, особенностями воспитания в детском возрасте. Примером служит его известная пьеса шведского писателя Августа Стриндберга «Отец».

По мнению Stein (1985), ставший популярным в конце XIX в. образ роковой женщины в своей основе мифологичен и ведет свое

прослеживаемое в Европе начало от романтического персонажа легенд и сказок русалки-ундины, неистовых страстных женщин из трагедий XVIII в., от суеверий, связанных с ведьмами XV—XVII вв. На возникновение образа роковой женщины оказали влияние женщины, подобные Лукреции Борджиа, библейские Саломея, Юдифь и Далила, античные Женщины, обладавшие невероятной способностью соблазнять и имевшие неограниченную власть (как, например, Елена и Клеопатра и, наконец, мифологическое чудовище Медуза).

В образе роковой женщины присутствуют и только ей присущие черты. К ним относятся восприятие смерти как сладостной эротической жертвы, приверженность к сценариям, в которых любовь заменяется разрушающим ритуалом овладения и ведет к гибели (нередко взаимной).

Иллюстрацией трансформации библейского образа в роковую женщину является пример Саломеи. Процесс формирования образа роковой женщины прослеживается не только на примере этой героини. Так, английский писатель Свипбурн приводит интерпретацию рисунка с изображением головы женщины художником школы Микеланджело. Он видит в рисунке черты современного сексуального чудовища с «хладнокровной алчностью», «ртом более жестоким, чем у тигра, более холодным, чем у змеи, и таким красивым, как ни у одной другой женщины».

Превращение известного образа Моны Лизы в роковую женщину-вампира мы находим в описании Патера (Pater, 1985): «Джоконда» в наиболее подлинном смысле слова является мастерским произведением Леонардо, проявлением его способа мышления и творчества... Фигура... выражает исполнение тысячелетнего мужского желания. Ее голова, где «сходятся все концы мира», и ее немного усталые веки. Это красота, которая действует на тело изнутри, как будто собрание, концентрация клетка к клетке наиболее редких желаний и наиболее тонких страстей. Если мы поместим ее мысленно рядом с одной из белых греческих богинь или красивых женщин древности — как все они будут глубоко обеспокоены этой красотой, в которой душа со всеми ее чувственными страданиями вытекает! Все мысли и опыт мира сформировали эти черты, чтобы облагороженному выражению придать видимую форму: животный инстинкт Эллады, сладострастие Рима, мечты средневековья с его честолюбивым поиском неба и рыцарской любовной романтикой, возвращение языческого чувственного мира, грехов Борджиа. Она значительно старше, чем скалы вокруг нее; подобно вампиру она должна была уже много раз умереть и знает тайны могилы...

Большое значение для оживления в сознании образа роковой женщины имели произведения известного немецкого драматурга

Ведекинда. Во всех его пьесах женщина предстает в качестве чрезвычайно деструктивной фигуры. Здесь прежде всего выделяются пьесы «Дух земли» и «Ящик Пандоры», главной героиней которых является Лулу. Происхождение Лулу покрыто тайной. В возрасте 11 лет она продавала цветы на улице и была взята в дом главного редактора доктора Шена, где получила образование и стала танцовщицей. В пьесе «Дух земли» Лулу является женой пожилого медицинского советника Голла. Из диалога становится ясным, что Лулу в раннем возрасте была совращена Шеном. Через некоторое время Шен почувствовал, что Лулу для него очень опасна и поэтому выдал ее замуж за Голла. Лулу отравила жену Шена, чтобы затем выйти за него замуж, заняв главное место в доме.

В прологе к «Духу земли» Ведекинд писал, что главная героиня (Лулу) является «настоящим, диким красивым зверем», «созданным для принесения несчастья, заманивания, соблазнения, убийства, без того, чтобы кто-нибудь это почувствовал». Лулу — роковая женщина, но при этом она не кокетлива и даже не вульгарна, она не играет какой-либо роли, являясь сама собой. Лулу нельзя изменить, она как сама природа, ею невозможно манипулировать. По выражению немецкого критика Фехтера, «она является древним образом женщины, она красива, как мир во время его Создания, с улыбкой на губах и Ничто в сердце».

Как выражение женской сексуальности, свойственной роковой женщине, Лулу находится вне всякой морали, все становятся жертвами ее сексуального инстинкта, который выступает как угрожающая всепобеждающая сила.

Образ фатальной демонической женщины включает в себя обычно такие черты, как бесплодие, неспособность к жалости (эти женщины, например, никогда не плачут), авторитарное поведение. В них отсутствует какое-либо внутреннее развитие. Роковая женщина подобна в определенном смысле явлению Природы, она находится вне понятий Добра и Зла. Эта таинственная элюзивность свойственна аниме Юнга, и архетипные черты анима, постоянно присутствующие в ней, наделяют ее необычной силой воздействия.

Древние подсознательные символы при описании женщины присутствуют и в других произведениях Ведекинда. Так, в «Смерти и дьяволе» автор называет героиню «триумфирующей тигрицей», в которой прослеживаются черты демона смерти.

В то же время в некоторых произведениях художественной литературы содержатся мотивы борьбы и сопротивления мужчин, оказавшихся в зоне действия роковых женщин. В рассказе Штинде «Дьяволица» его герой Чер-

чилл может стать жертвой графини Саркуи, которая уже разрушила жизнь многих мужчин, однако ему все же удастся освободиться от ее «дьявольской хватки».

Один из ведущих прозаиков XIX в., широко известный у нас в стране Герман Мелвилл, автор «Моби Дика», написал две новеллы, в которых в символической форме изобразил борьбу агрессивного мифологического женского начала с мужским. Первая новелла «Я и моя дымовая труба» начинается следующим образом: «На расстоянии 30 футов отсюда на засеянной травой дороге возвышается передо мной и всеми моими владениями моя дымовая труба — могущественный толстый Гарри VIII». В описании этого предмета присутствуют ясно просматриваемые эротические ассоциации. Дымовая труба выступает в новелле в качестве подсознательного фаллического символа. Персонаж, от лица которого ведется повествование, идентифицирует себя в большей степени с этим символом. Объект воспринимается как центральный, как самостоятельное действующее лицо. Это подчеркивается рассуждениями о том, что дымовая труба построена на собственной независимой территории.

Автор пишет: «Сэр, я рассматриваю эту дымовую трубу... как личность. Она является королем дома». Основным сюжетом новеллы являются постоянные настойчивые попытки жены рассказчика разрушить эту дымовую трубу. Она планирует вначале пробить отверстие, для того чтобы сделать в нем вход. Это встречает возражение рассказчика: «Но, жена, — сказал я, — дымовая труба, подумай о дымовой трубе. Если ты разрушишь основные стены, как может сохраниться надстройка?»

Haуs (1969) считает, что единственно возможное объяснение смысла, содержащегося в новелле, заключается в том, что здесь речь идет о мужской половой потенции, которой угрожает женское начало. В новелле представлено сильное желание жены подчинить себе мужа, стать его полновластной хозяйкой, лишив его свободы, силы воли, авторитета при принятии решений. В новелле имеются такие строчки: «Ничего больше она не желала, как чтобы я вышел в отставку и находился дома... вернувшись в монастырское уединение. Однако при точном рассмотрении я имею, за исключением дымовой трубы, очень мало авторитета, от которого я должен бы отказаться».

Рассказчик вынужден в течение всего действия защищать дымовую трубу от посягательств жены, которая называет ее домашним тираном, относясь к дымовой трубе как к живому существу. В заговоре против него принимает участие также его дочь, требуя разрушить дымовую трубу, являющуюся символом мужественности. Борьба женского и мужского

начала в новелле ничем не кончается, рассказчик продолжает защищать свою дымовую трубу от атак женщин. Процесс носит бесконечный характер.

Вторая новелла «Преисподняя молодой девушки; также пропитана символами. Здесь нашел свое выражение комплекс страха перед женскими половыми органами, соответствующий страху кастрации в классическое психоанализе. Автор изображает сумрачную битву между изрезанными скальными стенами, он пишет о горах покрытых мохнатым лесом, окружающим пурпурные гроты треугольной формы, из которых вытекает кирпично красный поток, «река крови». Рассказчик отправляется в этот мрачный ад, испытывая чувство напряжения и страха.

В подобного рода произведениях мы встречаемся с прорывом в сознание мифологического страха, корни которого уходят в доисторические периоды времени, однако до сих пор могут оказывать свое деструктивное влияние.

Мотивы, связанные непосредственно со страхом перед женскими половыми органами, содержатся, например, в мифологии индейцев Америки и многих других народов, например, айнов, эскимосов, индусов (Короленко Ц., 1993).

Страх перед женщиной отчетливо проявляется в индуистской мифологии. Богиня любви и смерти Кали изображается с четырьмя руками, две из которых держат отрезанные головы великанов, а две — обнаженный меч. На шее у богини имеется ожерелье из человеческих черепов. Согласно преданию Кали пила кровь убитых ею великанов и в припадке ярости убила также своего мужа.

Большое место в мифологическом страхе перед женщинами занимает страх перед менструацией, которая иногда воспринимается как символ уничтожения. Известный этнолог Daly (1927) писал: «...страх перед уничтожением, выводимый из способности женщины к менструации, вызывает реакцию, которая нередко вынуждает мужчин примыкать к гомосексуальным группам».

Специалисты в области психоанализа считают, что страх перед женщинами наступает у мужчин главным образом в случае развития невротических состояний. Наиболее часто этот страх развивается у лиц с гомосексуализмом. Развитие страха совпадает с определенной фазой сексуального становления, а именно — с фаллической фазой, следующей после оральной, анальной фаз, на 4—5-м году жизни. В фаллической фазе сексуальности концентрируется на основной эрогенной зоне у детей мужского пола — половом члене. В это время развивается страх потери члена. Имеет место идентификация себя с этим органом, включающая все

тело. В связи с этим каждая отдельная часть тела приобретает символическое кастрационное значение. В наиболее выраженных случаях страх перед женскими половыми органами, несущими угрозу кастрации, может приводить к изменению направленности полового инстинкта, к развитию гомосексуальных тенденций. Fennichel (1945) писал по этому поводу следующее: «Возможно, что у мальчика имеются глубокие основания для страха перед женскими гениталиями как перед кастрацией (оральный страх перед *vagina dentata* (зубчатым влагалищем)». Hays (1969) пишет об этом с большими подробностями; высказывает убеждение, что у ребенка имеется подсознательное каннибалистическое желание по отношению к своей матери и он проецирует это желание — инстинктивное воспоминание о своем садизме — во влагалище, которое превращается в хищную кусающуюся пасть. Автор считает, что каннибалистический инстинкт и страх этого содержания связаны с древними примитивными представлениями, согласно которым поедание тела своего врага или отдельных его частей приводит к захвату всей силы, жизненной энергии, т. е. к тотальному им овладению.

Объяснения страха перед женскими половыми органами содержатся также в экзистенциальном психоанализе. Один из его представителей, французский писатель Сартр, писал по этому поводу: «Непристойность женского полового органа является прежде всего непристойностью того, что «широко открыто». Как все зияющие отверстия, это вызов бытию. Женщина сама по себе является требованием чужой плоти проникнуть в нее, раствориться и таким образом превратиться в ее наполненное бытие... Несомненно, ее половой орган является прожорливым ртом, который проглатывает половой член, факт, легко приводящий к идее кастрации. Любовный акт это кастрация мужчины, но эта идея прежде всего возникает потому, что женский половой орган является отверстием».

Представляет интерес в этом контексте гипотеза Roheim (1934). Автор пытается объяснить страх перед женщиной укоренившимися в бессознании магическими образами и идеями, к которым относится убеждение в том, что части человеческого (и животного) тела, его выделения имеют магическое значение. Посредством них можно повлиять на прежнего хозяина. Люди, занимающиеся магией, могут «наводить чары», воздействуя, например, на волосы, ногти, даже фотографии, «привораживать», исцелять, приводить к развитию болезней. Высказывается предположение, что с этим связан страх в отношении всего, что отделяется от тела. Этот страх особенно выражен у некоторых племен, ведущих архаичный образ жизни. «Древний страх заключается в том, что во время полового акта что-то отделяется от тела». Автор склоняется к точке зрения, что исчезновение эрекции после эякуляции может символизировать смерть. В подтверждение этого положения Рохэйм

ссылается на аборигенов Новой Зеландии, маори, которые ранее перед сражениями приводили себя в состояние экстаза и шли в атаку в состоянии эрекции. Смерть и сексуальная разрядка становились для них идентичными. Маори к тому же считали, что «влагалище уничтожает мужчину». В легенде Центральной Австралии имеется такая фраза: «Влагалище очень горячее, и каждый, кто погрузит туда свой член, умрет». Подобные верования характерны для мауи — жителей Полинезии, считающих, что существует риск умереть во время полового акта. Мужчина идентифицирует себя здесь с половым членом. В действительности, конечно, тело покидает лишь семенная жидкость, «однако существует, по мнению Рохэйм, подсознательная тенденция страха тотального отделения члена, т.е. кастрации как неизбежного следствия полового акта».

Приведенные архаичные представления могут оказывать влияние на психологическое состояние современного человека. Они существуют в подсознании в виде матричных материалов и под воздействием определенных факторов могут прорываться в сознание в открытом или чаще замаскированном виде. Согласно теории Horney (1932), эти комплексы особенно выражены в пубертатном периоде. Мальчики в это время испытывают страх и неуверенность перед женщинами, и только в дальнейшем при полном созревании в нормальных условиях страха исчезают.

Хорошо известна одна из форм страха перед женским началом — страх вступления в сексуальный контакт с девственницей. В культурных традициях некоторых родов это находило выражение в том, что после заключения брака процедура дефлорации совершалась не мужем, а специально приглашенным человеком, которым могла быть старая женщина или кто-нибудь из членов племени. Дефлорация иногда довершалась жрецом в ритуальном обряде.

Crawley (1960) считает, что страх перед дефлорацией отражал всегда представление, что во время первого сексуального контакта женщина (девушка) особенно опасна, излучение угрожающей и всеразрушающей силы («манна») наиболее сильно, и поэтому только специально подготовленный человек может без вреда для себя совершить акт дефлорации (не обязательно путем естественного полового контакта) и нейтрализовать таким образом потенциальную скрытую угрозу.

Horney (1932) и Gessain (1958) обращают внимание на то, что в мифологии встречаются также и другие символы, отражающие страх перед женщиной и интимными отношениями. К таким символам относится, например, змея, обычно в классическом психоанализе считающаяся символом мужского полового органа. Однако в мифологии карибов имеется

мотив женщины, у которой во влагалище живет змея, представляющая смертельную опасность для мужчины. Подобные мифологические мотивы свидетельствуют, с нашей точки зрения, в пользу относительности значений символов в традиционном психоанализе и показывают значение конкретных культурных влияний. Иногда образ женщины может ассоциироваться с представлениями о злой, кусающейся собаке, находящейся рядом с ней и атакующей мужские половые органы. Последний образ (Gessain, 1958) встречается в содержании галлюцинаций при алкогольных психозах.

Таким образом, в страхе перед женщиной на первый план выступает значение, придаваемое сексуальному контакту.

В заключение отметим, что мифологические содержания по-разному проявляют свое воздействие на современного человека. Развитие цивилизации приводит, казалось бы, к полному устранению из психики человека «примитивных» суеверий, над которыми можно шутить и подсмеиваться в обществе, в кругу друзей, рассказывать о них как о курьезе, древнем пережитке или вообще не принимать их во внимание. Однако, как мы уже говорили, сознательная, основанная на рациональном, логическом осмыслении переработка и вытекающие из нее умозаключения, какими бы правильными, само собой разумеющимися они ни представлялись, не исключают иррациональных поступков, основанных на предубеждениях, корни которых уходят в подсознательную сферу, в опыт предшествующих поколений, в свойственную всем людям способность к продуцированию и развитию архетипных матричных образов. Эту опасность нельзя игнорировать или недооценивать, ее следует учитывать, понимать ее не тонкие механизмы, чтобы избежать подсознательного архетипного влияния. Все это имеет прямое отношение к понятиям мужественности и женственности, к взаимоотношениям между полами, на которые мифологические системы, механизмы мышления оказывают скрытое воздействие. Демифологизация сознания может способствовать уменьшению опасности иррациональных деструктивных действий лишь при условии раскрытия значения подсознания, в особенности коллективного, и его возможного влияния на эмоции, мотивации, отношения с противоположным полом.

Миф о «Синем чулке»

Остановимся еще на одном варианте отношения к женщине, который в отличие от мифа о роковой женщине является сравнительно новым феноменом без четко прослеживающихся доисторических корней. Речь идет об образе женщины, известном под названием «синий чулок».

Впервые словосочетание «синий чулок» («bluestocking») появилось в Англии (Travers, 1949), откуда довольно быстро распространилось и в другие страны. Первичный смысл словосочетания по мере его распространения во многом изменялся. Это было обусловлено реакцией на движение за эмансипацию женщин в Европе и Америке. Выражение «синий чулок» стало употребляться с середины XVIII в. и поначалу было связано не с женщиной, а с вполне реально существующим мужчиной, которого звали Бенджамин Стиллингфлит. Этот человек имел обыкновение постоянно появляться в литературных салонах Лондона в синих шерстяных чулках, что противоречило принятой манере одеваться — все посетители приходили в черных чулках, и притом шелковых, достигающих колен. Несмотря на нарушение этикета. Стиллингфлита высоко ценили и уважали в Лондоне. Интеллектуальная элита называла его уважаемым философом и не представляла себе, как можно без него проводить диспуты на эстетические, духовные и интеллектуальные темы. Постепенно словосочетание «синий чулок» стало применяться по отношению к тем людям, которые посещали салоны и клубы, предпочитая интеллектуальные дискуссии, философские обсуждения, чтение стихов и т. д. обычным развлечениям: игре в карты и т. д.

Следует отметить, что в это время в ряде стран Европы в особенности в Англии и Франции, женщины также часто посещали эстетические и литературные салоны, играя в них далеко не последние роли. В то же время в таких смешанных компаниях, как правило, мужчины все же предпочитали уединяться и обсуждать многие проблемы лишь в своем кругу. Не желая удовлетворяться прежней, бессодержательной и пустой жизнью, женщины из состоятельных кругов общества начали предпринимать усилия для реализации своих потенциальных возможностей во многих сферах: они писали стихи, усиленно изучали языки, делали превосходные переводы, например, с греческого, латинского, испанского, древнееврейского языков, занимались литературным творчеством.

Постепенно выражение приобрело шуточное, а затем и оскорбительное значение, что отражало отрицательное отношение к растущей эмансипации женщин. Появилось большое количество анекдотов, высмеивающих женщин, занимающихся творчеством, наукой, принимающих активное участие в общественной жизни. Travers (1949) приводит некоторые типичные остроты на эту тему: «Многие женщины становятся синими чулками, так как никто не интересуется цветом их подвязок», «непонятая женщина становится синим чулком».

В середине XIX в. в Европе были очень популярны сатирические картины серии «Синий чулок», нарисованные французским художником

Оноре Домьером, на которых женщины изображались в виде отталкивающих бесполой существ, погруженных в философские рассуждения или охваченных жаждой творчества, а вокруг них — неустроенность, грязь и запустение. Эти рисунки сопровождались короткими объяснениями типа: «Женщина, как я, ...и пришить пуговицу? ... Ты сошел с ума!» «Дела идут все лучше: сейчас она уже не удовлетворяется тем, что носит брюки — нет, она должна мне их бросить на голову!..»; «мать, сжигаемая творческим огнем, а ребенок в бадье с водой».

Миф о неполноценности женщины

Среди философов, негативно относящихся к эмансипации женщин, выделяется Шопенгауэр (Schopenhauer, 1908), которому принадлежат, в частности, следующие высказывания: «§ 363. Уже вид женской фигуры учит, что женщина не пригодна ни к большой духовной, ни к физической работе... § 369. Низкорослый, узкоплечий, широкобедрый и коротконогий пол может быть назван прекрасным только затуманенным половым инстинктом мужским интеллектом: в этом инстинкте именно и заключается вся его красота. С большей справедливостью женский пол можно назвать неэстетичным. «Мужчина стремится во всем к «прямому господству над вещами, или посредством понимания или посредством подчинения последних. Однако женщина всегда и повсюду использует косвенное господство, а именно посредством мужчины, которого она прямо подчиняет себе. Поэтому это находится в женской природе — все исключительно рассматривать как средство завоевать мужчину, и ее участие в чем-то другом всегда является лишь симуляцией, окружной дорогой, то есть вытекает из кокетства и обезьянничания...»

А вот откровения другого немецкого философа, представителя иррационализма и нигилизма Ф. Ницше (1885): «Женщина хочет стать самостоятельной: и к тому же мужчины просвещают о «женщине как таковой» — это относится к наиболее скверному прогрессу в обезображивании Европы. Должны же эти неуклюжие попытки женской науки и самообнажения во все внести ясность! Женщина имеет так много оснований для стыда: в женщине спрятано так много педантичного, поверхностного, школярского, мелочного...».

Рассуждения подобного рода, естественно, не производили большого впечатления на осведомленных и знающих людей, действительно интересующихся проблемами мужественности и женственности, равноправия и др. Однако на несведущих лиц воздействие было достаточно большим и способствовало усилению мифологического восприятия женщины с одновременным ее принижением.

Миф о несостоятельности женщины оказывает воздействие на то, как женщина воспринимает себя и каким образом предвосхищает свою оценку и оценку своих действий другими людьми в различных ситуациях. Самооценка при этом часто бывала сниженной, присутствовал страх «потерять лицо», оказаться глупой или нескромной в глазах окружающих. В основе таких состояний лежат иррациональные представления о том, что проявление социальной инициативы, активности в межличностных отношениях дискредитирует женщину, лишает ее женских качеств, делает непривлекательной, отпугивает мужчин. В обществе может создаваться психологический климат, в котором подобного рода представления очень популярны и усиливаются в результате эффекта «обратного питания», когда и мужчины придерживаются таких же взглядов.

Влияние мифологических представлений о неполноценности женщин проявляется во многих сферах жизни, в том числе литературе, искусстве, науке. Одним из примеров такого влияния на науку является распространенное в психиатрии и наркологии убеждение в том, что алкоголизм женщин, по сравнению с алкоголизмом мужчин, протекает более злокачественно и труднее поддается лечению. В механизмах возникновения этой концепции прослеживается воздействие идеи о биологической «слабости» женщин. В связи с этим интересен тот факт, что, по нашим наблюдениям, студенты медицинского института при предложении обосновать почерпнутое ими из учебных руководств по психиатрии положение о «злокачественности женского алкоголизма» используют в качестве аргумента идею о биологической «слабости» женщин. В то же время более глубокий анализ показывает, что прием алкоголя женщиной рассматривается в обществе часто как поведение, зачеркивающее все положительные качества, и женщина наделяется резко отрицательными характеристиками, включающими моральную деградацию, половую распущенность и т. д.

Поскольку мы затронули вопрос о «злокачественности» женского алкоголизма, отметим, что данная точка зрения основывается на некорректном анализе. Здесь имеют место две ошибки: 1) анализируются лишь случаи далеко зашедшего алкоголизма с явлениями личностной деградации 2) начальные и сравнительно благоприятно протекающие случаи в основном выпадают из рассмотрения, так как женщины, в отличие от мужчины, обращаются за врачебной помощью (или их заставляют обратиться лишь в запущенных случаях. Женский алкоголизм очень разнообразен по своим проявлениям, однако носит в большинстве случаев замаскированный, скрытый от постороннего взгляда характер, так как общество более нетерпимо к злоупотреблению алкоголем женщин что объективно затрудняет их раннюю обращаемость. Результатом влияния

комплекса неполноценности женщин, поддерживаемого мифологическим мышлением может быть убежденность самих женщин и/или и близкого окружения в легкой подверженности многим заболеваниям

В результате воздействия мифа о неполноценности женщины могут чувствовать себя неуверенными в своих силах, испытывать все время необходимость «оглядываться через плечо», придавать чрезмерно большое значение тому, как оценивают их мужчины. Специальные психологические исследования (Coleman, 1984) показывают, что женщины в большей степени подвержены влиянию психологического давления со стороны мужчин, чем наоборот. Женщины часто необычно сильно зависимы от своих мужей и детей, в которых они нуждаются для подтверждения своей значимости, идентификации своего «я». Без поддержки со стороны других членов семьи у них часто развивается чувство пустоты, снижаются самооценка и настроение. Нам приходилось неоднократно наблюдать тяжелые формы невротических расстройств, развившиеся у женщин непосредственно после развода или разрыва со значимым для них мужчиной. Возникало чувство полной растерянности и безысходности. Многие женщины прямо выражали мысли о своей неполноценности, неспособности адаптироваться к жизни, которая потеряла для них смысл. Они находили в себе множество недостатков, присоединяя к ним иногда даже недостатки и отрицательные черты своих родителей и родственников.

Ассертивная женщина (женщина без комплексов)

В середине 70-х годов в США появляется новый термин «assertive woman». Перевести это выражение одним словом на русский язык затруднительно. Наиболее близким по смыслу является развернутое определение: уверенная в себе, лишенная комплексов ограничения личной свободы и ущемления в равноправии женщина. В связи с тем, что такое определение слишком громоздко, мы будем в дальнейшем пользоваться словом «ассертивность», вводя таким образом в русский язык англоязычный термин и понимая под ним свойство личности, проявляющееся в *уверенном поведении, направленном на удовлетворение своих потребностей без причинения ущерба другим.*

Российские психологи стали использовать этот термин с середины 90-х годов. Ассертивность в повседневной жизни – это, прежде всего,

способность сказать «нет» в ситуациях, когда с чем-то внутренне не согласен, а этикет требует согласия. Это способность выразить недовольство в ситуациях, задевающих личностные интересы. Это способность свободно высказывать свою точку зрения, задавать вопросы в аудитории, в которой находятся авторитетные лица (начальник, отец, родственник, врач и др.). Это способность в присутствии мужчин предлагать свои решения проблем. Ассертивность выражается также в умении и способности руководствоваться в принятии решений собственным «внутренним знанием», а не ориентироваться на то, что другие об этом думают, или на получение «награды» в виде одобрения окружающих, если это не соответствует личным убеждениям.

Ассертивность выражается у женщины в отсутствии «комплексирования» в компаниях, в умении настоять на своем, защитить свои права. Ассертивность выражается в уважении своих желаний и потребностей в такой же мере, как желаний и потребностей других людей.

Продолжим краткий «реестр» *ассертивных качеств*: доверие собственному стилю поведения, манере говорить и держаться; способность говорить без стеснения и замешательства о своих способностях и достижениях; умение нравиться самой себе, не стесняясь этого; способность без стеснения выступать перед мужской аудиторией; способность смотреть собеседнику в глаза во время разговора; способность достойно переносить ситуации отказа и отторжения; способность прямо сказать мужчине или женщине, что их поведение не устраивает или причиняет беспокойство; способность спокойно отказаться от свидания, если оно по каким-то соображениям не вызывает интереса.

Ассертивность женщины касается и вопросов, непосредственно связанных с сексуальной жизнью. Она включает, например, способность первой сказать предполагаемому любовнику о своей симпатии к нему; проявление инициативы в установлении сексуальных контактов; прямое сообщение любовнику о том, что в сексе нравится больше всего; прямое обсуждение вопросов, связанных с «безопасным сексом», т.е. обсуждение возможности венерических заболеваний, обсуждение вопросов, связанных с предохранением от нежелательной беременности, и др.

Ассертивная женщина проявляет свою независимость, «незакомплексованность» в семейных отношениях: она открыто и непосредственно относится ко всем членам семьи, отстаивая свои позиции, воспитывает в соответствии со своими убеждениями детей, в случае развода с мужем объясняет детям причины, приведшие к разрыву отношений.

Ассертивность женщины в условиях производства проявляется в таких особенностях поведения, как, например, отказ от выполнения поручений начальства, если они не относятся к непосредственным обязанностям или эмоционально неприятны, так как задевают самолюбие; в отстаивании своих прав в отношении повышения зарплаты, продвижения по службе; в разрушении распространенных взглядов о том, что работающие женщины недостаточно профессионально компетентны, слишком неуверенны, чересчур эмоциональны.

Таким образом, ассертивное поведение предполагает равенство в межличностных отношениях, в отношениях между мужчиной и женщиной, демифологизации этих отношений, оно непосредственно связано с отсутствием предубеждений, страха, выражается в способности защищать свои интересы и права, уважая при этом интересы и права других людей. Ассертивность имеет многосторонний, многоуровневый характер, включая сферу *социальной, эмоциональной, духовной, сексуальной жизни, интеллект, интуицию, самооценку, чувство справедливости, способность к самостоятельному принятию решений.*

Противоположностью ассертивному поведению является неассертивное поведение, в основе которого лежит стремление любой ценой избегать конфликтов. Последнее возможно лишь при подавлении своих желаний, что нередко приводит к развитию психологии жертвы со значительным искажением развития личности. Неассертивное поведение проявляется в том, что человек не говорит другим, чего он на самом деле хочет, а пытается добиться желаемого обходным путем или позволяет другим делать за него выбор и нарушать свои права. Ассертивная личность самостоятельно делает выбор, не нарушая прав других людей и не позволяя, чтобы ее права были ущемлены

Рассмотрим более подробно особенности жизненных подходов, основанных на применении названных стилей поведения.

Неассертивное поведение характеризуется игнорированием собственных желаний, чувств, их подавлением, подчинением желаниям и воле других людей. Женщина с неассертивным поведением находится в прямом или косвенном подчинении обществу. Этот процесс начинается в детстве, формируется в условиях семьи, а в дальнейшем заученные подходы, стиль поведения переносятся на систему взаимоотношений с друзьями, знакомыми, мужем, сотрудниками. Неассертивное поведение предполагает постоянное подавление естественного реагирования, отрицание самой себя. Подавленные, вытесненные эмоции, мысли, желания не исчезают, а, уходя в сферу подсознания, приводят к усилению эмоционального напряжения, хроническому психологическому стрессированию, невротизации, что обычно

выражается в усиленной раздражительности, вспышках внешне немотивированного гнева с последующими раскаянием «истериками», постоянным психологическим дискомфортом. Не вызывает сомнений, что подобные состояние создают повышенный риск развития различных, прежде всего психосоматических заболеваний.

Почему женщины выбирают такой неконструктивный стиль жизни? Кроме несомненного влияния воспитания, немаловажное значение имеет стремление застраховать себя подобным образом от неприятностей, избежать конфликтных ситуаций. Развитию неассертивности способствует желание не привлекать внимания к себе, страх создать о себе отрицательное мнение. Однако за все «приобретения» приходится платить слишком высокую цену. Развивающаяся неудовлетворенность собой, сниженная самооценка, ощущение бессилия становятся неизбежными и постоянными спутниками неассертивного поведения.

Следует также подчеркнуть, что во многих случаях проявление женщиной ассертивного поведения воспринимается в обществе в качестве одной из форм агрессивности, хотя и сравнительно мягкой, внешне приемлемой. Однако это - совершенно разные формы поведения. Агрессивное поведение строится на лежащей в его основе неудовлетворенности собой. Неудовлетворенные потребности находятся в подсознании, скрываются от самой себя. В качестве реакции избавления от скрытого комплекса неудовлетворенности возникает стремление к контролю и доминированию над другими, развивается жажда власти. Женщина с агрессивным поведением навязывает другим свои желания, заставляет их делать то, чего они не хотят, она выбирает для них «правильный» путь в жизни, не обращая никакого внимания на то, нравится им этот путь или нет. Нередко используются декларации типа: «это для твоей же пользы», «ты бы пропал без меня», «ты должен благодарить Бога, что встретил такую женщину, как я». Имеет место желание осчастливливать насильно.

Для агрессивного поведения типичны обвинения других. На первый план выступает стремление быть авторитетной, во всем правой. У женщины с агрессивным поведением обычно отсутствует эмоциональная поддержка со стороны других людей, так называемое «обратное питание». Такие женщины вызывают напряжение у окружающих, их не уважают, нередко боятся. У окружающих может появляться озлобленность, ответная агрессия. Агрессивность приводит, как правило, к потере друзей, разрушению любви, одиночеству и разочарованию. Агрессивные женщины нередко добиваются успеха в какой-то сфере жизни, например, делают удачную профессиональную карьеру. Однако при этом они часто подрывают физическое и психосоматическое здоровье. У них может развиться аддиктивное

поведение в форме работоголизма, при котором особенно страдают эмоциональные отношения с наиболее близкими им людьми.

Ассертивное поведение строится на базисном чувстве уверенности в себе («со мной все в порядке») и исходном отношении к другим людям как к равноценным партнерам («с вами все в порядке»). Ассертивная женщина обладает личностной силой и не боится разделить ее с другими, оказать помощь, заставить поверить в свои силы. Она делает для себя самостоятельный выбор и не только не подавляет, но и поддерживает других в принятии самостоятельных решений.

Для ассертивной женщины характерно чувство уважения к себе, ответственности, собственной внутренней свободы. Она остроумна, у нее есть чувство юмора. Ассертивная женщина стремится преодолевать жизненные трудности прямым путем, она способна на жертву, имеет стойкие убеждения. В отношениях с людьми она вызывает к себе расположение и уважение, способствует созданию комфортного творческого психологического климата. У нее большой потенциал любви и интимности, она хорошо устраивает свою личную жизнь.

Для ассертивного поведения характерны спонтанность, естественность и честность, уважение чувств и прав других людей. Очень важна верность самой себе, внешний результат действий — победа или поражение — не ставятся во главу угла, наиболее ценны возможность самовыражения и свобода выбора. Желаемые цели не всегда достигаются, но сам процесс их достижения доставляет внутреннее удовольствие и способствует дальнейшему усилению ассертивности.

Критики женской ассертивности обычно объявляют ассертивное поведение «неженским», считая его прерогативой мужчины, и обвиняют ассертивных женщин в наличии мужских черт характера.

Современные женщины могут комфортно, без напряжения развивать в себе ассертивные навыки в поведении, не переставая при этом быть «настоящими женщинами». Женщина сама выбирает те формы поведения, которые она считает для себя наиболее подходящими, а не делает то или иное потому, что этого требуют от нее другие.

Весь смысл ассертивности заключается в этой свободе выбора и отсутствии конформизма как в отношении приверженности к старым «традиционным» системам ценностей, так и в подчинении той моде, которая также может не соответствовать внутренним установкам и вкусам.

Альтернативой ассертивному поведению может быть также поведение, заключающееся в стремлении добиваться своих жизненных целей

непрямыми, обходными путями, избегая при этом непосредственных агрессивных действий. Чтобы добиться успеха, они используют манипулирование, кокетство, соблазн, интриги, различные уловки — ассортимент так называемых женских хитростей. Подобный стиль поведения иногда называют *косвенно агрессивным*.

В качестве одного из важных элементов обучения ассертивности рекомендуется усвоение своеобразного списка (билля) женских прав (Bloom et al., 1980). К ним, в частности, относятся:

- 1) право уважительного отношения к себе;
- 2) право иметь свои чувства и мнения и выражать их;
- 3) право быть выслушанной и серьезно воспринятой;
- 4) право устанавливать свой приоритет;
- 5) право сказать «нет» без чувства вины;
- 6) право просить, чего ты хочешь;
- 7) право получить то, за что ты заплатила;
- 8) право получать информацию от профессионалов;
- 9) право делать ошибки;
- 10) право - не быть ассертивной.

Остановимся коротко на некоторых из этих прав.

Право уважительного отношения к себе является очень важным, оно неразрывно связано с базисным положительным отношением к самой себе, с адекватной самооценкой. Человек, начинающий уважать самого себя, вскоре убеждается в том, что его начинают уважать и другие. Здесь проявляется эффект «обратного питания»: поведение, манера держаться, говорить, выражать свои чувства воспринимаются другими людьми и вызывают у них соответствующую реакцию. Научиться уважению к себе не всегда легко, для этого может потребоваться длительное время и здесь крайне необходима помощь квалифицированного психолога. Нам приходилось встречаться с пациентками, нуждающимися в психиатрической помощи в связи с развившимися у них невротическими состояниями, но прекратившими посещение врача в связи с фамильярной манерой обращения последнего. Вместо того, чтобы прямо сказать врачу об этом, пациентки предпочитали отказаться от лечения, мотивируя это тем, что они, наверное, заслуживают пренебрежительного отношения к себе, но вместе с тем не в состоянии этого выносить. Воспитание чувства уважения к себе способствует избавлению от комплексов.

Право иметь и выражать свои чувства и мнения может быть заблокировано чувством стеснительности, комплексом неполноценности, поклонением перед авторитетами, страхом совершить какую-нибудь ошибку

или неточность. Нам также приходится неоднократно встречаться с ситуациями, когда люди (даже специалисты в той или иной области знаний) боятся высказать свою точку зрения по поводу обсуждаемой проблемы. Особенно часто это встречается у женщин, которые обычно оправдываются нежеланием фиксировать на себе внимание окружающих. Такое поведение вредит делу, не говоря уже о том, что способствует комплексованию, задерживает творческое развитие личности. Наиболее неблагоприятна невозможность выразить открыто свои чувства, когда женщина встречается с проявлением грубости, несправедливости, отсутствием гуманизма, когда ей нужно эмоционально отреагировать на издевательства, замечания, оскорбляющие ее человеческое достоинство.

Важно осознание права иметь собственное эмоциональное отношение ко всему, что нас окружает, к людям, их поступкам, взглядам. Для многих женщин, как, впрочем, и для мужчин, это может быть сопряжено с определенным усилием. В процессе воспитания часто прививаются подходы, препятствующие выражению своих чувств и мнений: детей учат быть покладистыми, соглашаться с мнениями старших без попыток разобраться в их правильности. Всякое критическое отношение, его развитие подавляются. Детей часто заставляют считать себя счастливыми, довольными в неприятных для них ситуациях, обучая тем самым неискренности, лицемерию. Мы наблюдали женщин с неврозами, у которых остались в памяти детские воспоминания о том, как их заставляли постоянно быть в детских коллективах (детский сад, общество соседских детей в коммунальных квартирах), в то время как им очень хотелось побыть наедине с собой, помечтать, подумать, чтобы никто не мешал. Однако минуты одиночества были редкими, более того, родители считали, что стремление побыть одной носит болезненный характер.

Длительное подавление собственных чувств может привести к тому, что человек становится неспособным проявлять настоящие эмоции. Таким образом, воспитываются люди с заложенным в них комплексом трудности установления межличностных неформальных, основанных на эмоциональном восприятии человека отношений. Такая особенность препятствует возможности получать удовольствие от общения, делает человека неспособным к открытости, сочувствию, сопереживанию.

Невозможность сказать «нет» без чувства вины противоположна ассертивности и должна преодолеваться. Многие женщины говорят, что им существенно мешает в жизни то, что они легко поддаются уговорам своих знакомых, которые навязывают им свои желания, нарушая их собственные планы. Речь идет о различных вещах: приглашение в гости, на свидание, предложение пойти в кино, в театр, куда-то поехать, принять активное

участие в организации какого-то мероприятия и т. д. Чаще всего они соглашаются с этими предложениями потому, что в случае отказа они потом плохо чувствуют себя психологически, испытывая чувство вины, думая о том, что они «обидели» своих знакомых. Умение говорить «нет» в таких случаях не приходит сразу, оно связано с чувством уважения к себе, к своим желаниям, восприятием себя как интегральной личности с собственной системой ценностей и приоритетов в жизни. После каждого честного отказа, если он соответствует собственным потребностям, обычно становится легче говорить «нет» без чувства вины.

Важным элементом ассертивности является право совершать ошибки. Человек не может быть во всем совершенен. Обучение новым подходам, навыкам, специальностям не дается сразу и сопряжено с совершением ошибок. Ассертивность предполагает отвержение принципа: «я совершенна, я не делаю ошибок». Такой принцип опасен, он задерживает развитие личности, так как возникает страх высказаться неправильно, неудачно выступить, ошибиться.

Серьезным шагом в обучении ассертивности является умение распознать в своей жизни наиболее трудные ситуации. Здесь не существует общих рецептов. То, что является сложной проблемой для одной женщины, для другой не является таковой. Так, например, в одном случае выступление перед большой аудиторией оказывается проблемой, и другом — это вообще не вызывает затруднения. Для многих женщин серьезную проблему представляет неумение справляться с реакциями злости и гнева. Это обусловлено тем, что с детства воспитывается неправильное убеждение, что проявление гнева не присуще женщине.

К нам обращались за консультативной помощью женщины. Они говорили, что вынуждены *подавлять обоснованное чувство гнева*, так как их беспокоит мысль о том, как это будет воспринято другими людьми. Гнев нелегко скрыть, и поэтому он поневоле выражается в повышении голоса, в появлении напряжения, побледнении и других признаках. На словесном уровне в то же время женщины, оказавшись в таком состоянии, отрицают, что они рассержены, стараясь одновременно или подавить эмоцию гнева или превратить ее в более социально приемлемую эмоцию обиды. Нередко при этом возникает рационализация типа: «Я же взрослая женщина, я не могу себе позволить развиваться этому детскому чувству». Такое отрицание содержит в себе ошибочную мысль о том, что гнев не является нормальной женской реакцией и что этой эмоции следует стесняться и всячески избегать.

Межличностные отношения, основанные на ассертивных подходах, не сводятся лишь к выражению положительных чувств. Честные, пряные

отношения подразумевают адекватное реагирование. Человек, с которым устанавливается асертивный контакт, должен «чувствовать» другого человека, понимать, что ему нравится или не нравится. Выражение реакции гнева, неудовольствия не должно сопровождаться стремлением к доминированию, унижению собеседника, не должно содержать в себе деструктивных тенденций. Целью асертивного общения является всегда открытая, лишенная внутреннего напряжения коммуникация. Если возникает желание разорвать какие-то отношения, то это также делается прямо-асертивным путем, не прибегая к агрессивности.

Избегание асертивных подходов во многих случаях сопровождается *игровым поведением* различного содержания. Некоторые из них, по данным социологических исследований (Bloom et al., 1980), более присущи женщинам. К ним относится, например, игра в «страдалицу», проходящая под лозунгом: «После всего того, что и для тебя сделала». Женщина, избирающая такое игровое поведение, старается добиться своих целей косвенными, манипулятивными способами. Она создает впечатление измученной, очень усталой, истратившей все силы. Своим видом, выражением лица, интонациями голоса она демонстрирует мужу или любовнику свою жертвенность и с немой упрёком требует сделать для нее то, чего она хочет. Подобное поведение иногда приносит желаемые результаты, однако таит в себе многочисленные возможности поражения. Далеко не все мужчины длительное время поддерживают эту игру, во многих случаях они начинают вскоре считать, что все нужно воспринимать как должное, жертвенность женщины как само собой разумеющееся поведение, которого они, несомненно, заслуживают. В других случаях раскрывается сама неискренность игрового поведения, что вызывает ответный протест, отсутствие желания поддерживать игру.

Асертивное поведение исключает игру в страдалицу, как, впрочем, и в другие игры, и заключается в открытом определении своих целей, позиции и требований. При всем этом нельзя забывать, что другие люди—не объекты для манипуляции, что они имеют собственные мотивации и права. Открытое и вместе с тем тактичное отстаивание своих целей и выражение своих желаний чаще приводит к положительным результатам, в особенности при длительном характере отношений, даже в случаях, когда в какой-то конкретной ситуации приходится встречаться с отказом.

Вторым *примером игрового поведения*, избираемого в качестве метода избегания асертивных подходов, является игра в «соблазнительницу». Соблазняющее поведение здесь носит манипулятивный характер и преследует в основном не эротические цели. Последние подчинены стремлению добиться каких-то преимуществ, власти, привилегий. Эта игра часто проходит

под «вывеской»: «Я слабая, незащищенная женщина, я очень нуждаюсь в сильном и умном мужчине, который сможет помочь мне». Естественно, возможны и другие варианты. К ним относится, например, роковая женщина, о которой мы уже говорили, сладострастная и вместе с тем похожая на ребенка женщина, «Золушка». Все эти образы могут быть использованы в игре в «соблазнительницу», так как содержат в себе соблазняющее поведение с его различными оттенками.

В содержание этой игры входят многочисленные манипуляции, широко используется эмпатия (способность чувствовать переживания партнера на несловесном уровне), утонченные комплименты, умение угадывать скрываемые желания

Соблазнительница добивается своей цели, используя сексуальную упаковку, прибегая к флирту, хитростям, иногда имитации скромности, лести. Женщины исходят при этом из положения, что с мужчинами нельзя вести себя открыто, прямо и честно. Они считают, что мужчины «по своей природе» падки на лесть и комплименты тщеславны и, учитывая эти качества, следует максимально играть на них.

Таким образом, в игре основная ставка делается на использование слабых и отрицательных характеристик партнера. Успех в игре приводит в дальнейшем к повторному использованию соблазняющего манипулятивного поведения и в проекции «на длинную дистанцию» способствует формированию неискренних, основанных на обмане отношений, лишенных гармоничного взаимопонимания.

Рано или поздно наступает кризис, связанный с истощением игровых возможностей, появлением неискренности, когда фальсификация становится явной. Игра в соблазнительницу может приводить к проигрышу и в самом ее начале, когда сразу же раскрывается ее цель.

Ассертивность противоположна описанному типу игрового поведения. Прямота и честность в отношениях являются единственной «твердой валютой», без наличия которой невозможны настоящий успех, самовыражение и счастье в жизни.

Люди прибегают к различным формам игрового поведения потому, что в ряде случаев они таким образом добиваются, казалось бы, поставленной перед собой цели. Однако эти успехи оказываются, кратковременными и нестойкими и, в конце концов ведут к поражению. Человек, избравший для себя в жизни игру в качестве основного метода адаптации, затрачивает силы и эмоции, забывая о своем настоящем «я», что в результате приводит к чувству пустоты и одиночеству. Ассертивное поведение способствует

лучшему пониманию себя и окружающих, стимулирует развитие личности.

Ассертивность женщин не обязательно должна выражаться в конкуренции с мужчинами в погоне за привилегиями, престижем, успехом. Самое главное здесь — ощущение личной силы, восприятие себя как личности, способной к самостоятельному выбору, с чувством своей ценности и активным отношением к жизни, умение преодолевать состояние тревожности, беспомощности и зависимости.

В процессе преодоления неассертивных пассивных подходов необходимо избавиться от различных иррациональных страхов, связанных с возникновением чрезвычайно преувеличенных представлений об отрицательных результатах, последствиях прямого ассертивного подхода к жизненным ситуациям. В воображении возникают «ужасные» образы таких последствий: «если я не пойду им навстречу, они возненавидят меня на всю жизнь», «если я откажусь провести выходные дни в обществе свекрови (что для меня очень неприятно), она обязательно отомстит мне и восстановит против меня моего мужа», «если я перестану выслушивать жалобы одной из сотрудниц по поводу ее несчастной семейной жизни (которая меня совершенно не интересует), она обидится на меня, расскажет другим, и я буду себя ужасно чувствовать». Такого рода иррациональные страхи, представления нарушают чувство реальности, сосредотачивают на «наиболее плохом результате ассертивного поведения, возникающие образы разрушительных, катастрофических событий носят фантастический характер. Совершенно игнорируются все положительные последствия ассертивности. Основатель рациональной эмотивной психотерапии А.Эллис подчеркивает в связи с этим необходимость изменения наших эмоций в отношении себя и других людей путем освобождения от иррациональных аналогичных идей и замены их новыми, рациональными убеждениями.

Phelps, Austin (1988) дают несколько практических советов, помогающих развить черты ассертивного поведения. Это прежде всего использование сферы воображения. Полезно создавать у себя в сознании систему образов, касающихся ассертивных действий с их положительными последствиями. Эти образы являются живой картиной того, как «выглядит, думает и чувствует ассертивная женщина». Необходимо концентрироваться на таких образах во время отдыха, психической релаксации; образы должны «вплетаться» в события реальной жизни, отражать желания и внутренние стремления.

Имеет значение использование медитации и релаксации в их различных формах, включая обычную мышечную релаксацию, трансцендентальную и двигательную медитацию и др. Это необходимо для

освобождения своего тела и психики от скованности, эмоционального напряжения и стресса. Медитация и релаксация стимулируют появление чувства раскрепощенности, радости. Облегчается возможность взвесить, сконцентрироваться на желаемом предмете, принять правильное решение, обратившись к своему внутреннему Я.

Авторы рекомендуют постоянно пользоваться системой подтверждений -положительных аффирмаций, повторение которых усиливает их действие. Чем больше это повторение ассоциируется с эмоциональным переживанием, тем больший эффект оно оказывает.

Утверждения формулируются как конкретные достижимые шаги, развивающие асертивность. Рекомендуется также записывать утверждения на магнитофон и прослушивать их на работе во время перерыва, в домашней обстановке. Можно напечатать их и наклеить на зеркало или на стену, положить под стекло на столе, чтобы они были на виду.

Вот несколько примеров утверждений:

- Я становлюсь женщиной, и это мое настоящее самовыражение!
- Я разрушаю барьеры, мешающие моему самовыражению!
- Я чувствую себя более сильной!
- Я общаюсь более четко и эффективно с людьми все время!
- Я легче справляюсь с конфронтациями!
- Я выражаю мой энтузиазм и радость с людьми более свободно и полно!
- Я становлюсь сильнее и смелее!
- Я могу управлять своей жизнью!

Формирование асертивности — длительный процесс, оно требует больших затрат, но в то же время приносит еще большую пользу, делая человека уверенным в себе, избавляя от комплекса неполноценности. Асертивность вдохновляет и делает жизнь более полной и интересной.

Миф о суперженщине

Представляется возможность выделить несколько основных мифологических подходов, с которыми постоянно встречаются работающие женщины. К ним относятся мифы о слишком эмоциональной женщине, о неуверенной женщине, о женщине — рабочей лошади, о непрофессиональной женщине и, наконец, о суперженщине. Краткое содержание приведенных мифов сводится к следующему.

Миф о слишком эмоциональной женщине гласит, что женщины «по своей природе» чересчур эмоциональны, легко возбудимы, ранимы. Будучи во власти эмоций, они не способны рационально оценить ситуацию, принять правильное решение. У женщин страдает логическое мышление, они не способны воспринимать критику, склонны к истерикам.

Влияние этого мифа трудно переоценить. Достаточно обратить, например, внимание на то, что общество значительно более терпимо к проявлению мужчинами бурных эмоциональных реакций, это редко вредит их профессиональной карьере. Женщина в то же время должна быть все время начеку, чтобы не сорваться, не проявить свой (даже обоснованный) гнев, так как это сразу же дискредитирует ее в глазах окружающих, будет в лучшем случае рассматриваться в качестве признака ее слабости. Проявление эмоций работающей женщиной возможно в основном с глаз на глаз в личных отношениях, если таковые она устанавливает с кем-то из коллег, миф о чрезвычайной эмоциональности женщины мешает, естественно, проявлению асертивного поведения, когда рациональная постановка вопроса, требование изменений, улучшения в организации труда, предложение новой идеи должны сопровождаться адекватной и иногда сильной эмоциональной реакцией. Миф о чрезмерной женской эмоциональности подавляет функционирование женской интуиции и снижает возможности творческого самовыражения.

Миф о неуверенной женщине проявляет свое влияние в исходном недоверии к женскому постоянству, в сформированном убеждении, что женщина всегда может подвести, что на нее нельзя полагаться в серьезных делах, что она не обладает достаточной сдержанностью. Многие женщины, находясь под давлением этих представлений, сами начинают верить в их правдивость и перестают доверять самим себе. В производственных отношениях миф способствует подозрительности к качеству работ, выполняемых женщинами, и приводит к ненужным многочисленным проверкам, контролю над деятельностью, в значительной мере снижая самостоятельность, затрудняя принятие независимых решений.

Миф о женщине — рабочей лошади исходит из убеждения, что профессиональные способности женщины всегда значительно ниже мужских и что для того чтобы выполнить какую-нибудь работу, ей в лучшем случае придется затратить в два раза больше времени, чем мужчине. Успехи в работе у женщин часто в соответствии с этим мифом объясняют необыкновенным упорством, усидчивостью, скрупулезностью. Умение хорошо организовать свою работу, проявить способность в области стратегии и тактики при этом обычно в расчет не принимается. Женщину в соответствии с мифом часто

квалифицируют как «хорошего помощника». В случае несомненных профессиональных успехов о ней говорят, что она «может свернуть горы», если «ею правильно руководить».

Миф о «непрофессиональности» женщины имеет в своей основе убеждение в ее «незрелости», чем легко объясняются разного рода неудачи в работе. В случаях профессионального успеха, удачной профессиональной карьеры это связывается с использованием непрофессиональных подходов, эксплуатацией какого-нибудь мужчины, наличием высокой протекции, но ни в коем случае — с ее способностями или талантом. При этом подразумевается, что в своей деятельности женщина вышла за пределы «разрешаемого», позволительного, неплохо было бы поставить ее на «место, которого она заслуживает». В современном обществе миф находит выражение в убежденности многих людей, что женщины лучше справляются с гуманитарными профессиями, социальной работой и менее способны иметь дело с заданиями, требующими точного анализа, планированием, техническими изысканиями, со всем тем, что связано с подсчетами, менеджментом.

Миф о суперженщине представляет собой нечто обратное предыдущим мифам, является как бы их противоположным полюсом. Его содержание заключается в том, что продуцируется образ женщины, способной «сделать все». Что-то вроде современной интерпретации известного выражения «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Отметим, что русский фольклор, сказки содержат женские образы, обладающие качествами суперженщины: Василиса Прекрасная, Василиса Премудрая, Марья Моревна, Хозяйка Медной горы. Успешная суперженщина преуспевает на работе, она счастлива в семейной жизни, превосходно справляется с домашней работой, успевает воспитывать детей, помогает людям. На нее во всем можно положиться. Такой миф накладывает на женщину обязанности, которые она физически не в состоянии выполнить. Мужчины, находящиеся под влиянием этого мифа, ожидают от женщины чересчур многого и в реальной жизни сталкиваются с горькими разочарованиями, что неминуемо приводит к конфликтам, непониманию друг друга, к разрыву отношений, от чего страдают и мужчина, и женщина, и их дети.

Влияние мифа о суперженщине не преувеличено, оно вызывает беспокойство у ряда женщин, подвергшихся его воздействию. Отражением этого процесса является образование в США специального общества Анонимные Суперженщины, организованного [Orsborn (1986)]. Основной девиз общества: «Ты не только не можешь все это иметь, но ты и не хочешь всего этого». Философия общества нашла выражение в книге «Достаточно это

достаточно» («Enough is enough»), в которой содержатся обеты Анонимных Суперженщин не делать ничего больше того, что совпадает с желанием. Например: «Подними свою правую руку и повторяй за мной: я обещаю читать только столько, сколько мне хочется, даже если это значит остановиться на середине предложения». Членами общества становятся женщины, достигшие больших успехов в жизни и понимающие бесперспективность своего перфекционизма. Они понимают, что не могут больше выкладываться без вреда для себя.

Объединение в общество Анонимных Суперженщин помогает его членам определить свое место в жизни, лучше понять себя и свои истинные потребности, перестать быть суперженщиной, стать собой, выйдя за пределы ограничений, навязываемых мифологическими представлениями и подходами.

Таким образом, происходит изменение прежних имиджей женщины в современном обществе, старые мифы постепенно отступают, прячутся в глубинах подсознания, что не делает их вместе с тем менее опасными. Поэтому большое значение имеет осознание происходящего, получение максимальной информации о социопсихологии женственности и мужественности на уровне, отражающем современное состояние вопроса. Получение такой информации должно быть доступным каждому заинтересованному в ней человеку. Сама заинтересованность не возникает спонтанно, она подготавливается процессами, происходящими в обществе, чему способствует его последовательная демократизация.

Миф о Дон Жуане

Мы рассмотрели одну сторону интересующей нас проблемы — проблему мифологизации женщины. Что можно сказать о другой, мужской стороне проблемы? Как обстоит дело с имиджами мужчин? Существует ли мужская мифология? Если да, то какое влияние она оказывает на общество, на сферу отношений между полами?

Попытаемся разобраться в этих, недостаточно освещенных в литературе вопросах.

Обратимся вначале к средствам массовой информации. Как изображаются «типичные» мужчины в кино и на телевидении, в прессе?

Анализ показывает, что современный мужчина изображается, как правило, поверхностно и упрощенно, несмотря на внешнее разнообразие описаний. Во многих посредственных кинофильмах и сериалах мужчин изображают лишенными черт мужественности — как недалеких,

упрощенных, оторванных от действительности и к тому же неотесанных индивидуумов. В то же время в вестернах, приключенческих фильмах, детективах, фильмах ужасов мужчины изображаются безжалостными, находящимися во власти хищных инстинктов, преследующими женщин, или мужественными, всегда побеждающими суперменами. В произведениях коммерческой художественной литературы мы часто встречаемся с образом мужчины, находящегося во власти необузданных сексуальных желаний.

Упрощенный и односторонний характер изложения не может быть случайным, он всегда отражает систему представлений, основанных на мифологических образах, мифологическом мышлении. В связи с этим следует обратить внимание на одно, с нашей точки зрения, интересное обстоятельство. В литературе, касающейся вопросов мужественности и женственности, о мужчинах содержится значительно меньше сведений, чем о женщинах. Более того, казалось бы «исчерпывающие» исследования по вопросам мужской сексуальности (Kinsey et al., 1948; и др.) фиксируются в основном на вопросах сексуальной состоятельности и ее нарушениях, оставляя в стороне проблему психологии секса, интеллектуальное и эмоциональное отношение мужчин к вопросам сексуальности. Такое явление тоже не случайно, так как отражает влияние на сознание находящихся в подсознании категорических мифологически окрашенных предубеждений типа: для мужчины главное — получить сексуальное удовлетворение любой ценой, все мужчины одинаковы, они только притворяются. Подобные предубеждения действуют как на мужчин, так и на женщин. Писатели, ученые, сценаристы, кинорежиссеры — тоже люди, и «ничто человеческое (в том числе мифологическое сознание) им не чуждо». Все это находит выражение в определенной заданности их творческой продукции.

Мы далеки от утверждения, что приведенное объяснение может быть достаточным. Упрощенность трактовки поведения мужчин связана со многими причинами и требует дальнейшего изучения. Одним из факторов, на который в связи с этим, очевидно, следует обратить внимание, является то обстоятельство, что о проблемах психологии мужчин, в том числе и сексуальных, обычно пишут психотерапевты, психологи (очень редко психиатры), основываясь, естественно, на своем клиническом опыте, на наблюдениях пациентов, мужчин и женщин, в ситуациях болезни. (Следует отметить позитивный вклад в решение этой проблемы В.А.Доморацкого (2009), избавившего психосексологию от многих, существующих до выхода в свет его монографии «белых пятен»). При этом практически каждый проводящий сравнение между особенностями мужчин и женщин специалист не может не обратить внимания на то, что при психотерапии у мужчин труднее добиться сколько-нибудь подробного отчета об их переживаниях, содержании психических травм, характере беспокоящих их комплексов.

Мужчины могут поверхностно говорить о сексе и мало анализировать свои эмоции, связанные с сексуальной сферой. У мужчин значительно нарушена способность вербализовать (выражать словами) содержание эмоциональных переживаний — они не привыкли к этому. Характерно также, что мужчины относятся к сексуальной сфере как к чему-то изолированному от личности, от психологии. Они часто переносят этот подход и на женщин, относясь к ним как к сексуальным объектам. В отличие от женщин, мужчины в меньшей степени делятся своими сексуальными переживаниями в психологическом плане с другими мужчинами. Они реже обращаются за профессиональной помощью, если это не касается проблемы импотенции, которую они также мало увязывают с психологическими факторами.

Можно ли экстраполировать (переносить) данные, полученные в клинических условиях, на «среднего» мужчину в популяции?

Ответ должен быть отрицательным, так как мы имеем возможность видеть в условиях клиники лишь часть проблемы, отражающую многие важные вопросы, как например, особенности конфликтов, ситуаций, ведущих к развитию патологии, значение культуральных факторов, семейных отношений и др. Полное представление в то же время невозможно получить без изучения здоровой популяции. Исследования такого рода проводились в разное время Pietropinto, Simenauer, 1978; Hite, Colleran, 1991 и др. Результаты исследования в целом показали, что «многие из укоренившихся знаний о мужчинах, хотя и широко провозглашаемых как психологические факты, относятся с большим основанием к области современной мифологии».

Одним из широко распространенных мифов о мужчине является, несомненно, миф о Дон Жуане, его мужской ненасытности, стремлении вступать в сексуальную связь с каждой привлекательной женщиной, встретившейся на его пути. Этот миф поддерживается в сознании женщины начиная с раннего детского возраста: матерью, отцом, а затем в более старшем возрасте подругами. В воображении формируется образ сатира с животными низменными страстями. Как относятся мужчины к этому мифу? Исследования показывают, что такое представление может вызывать положительные, хотя и скрываемые, эмоции и льстит самолюбию. В то же время исследования Pietropinto, Simenauer, (1978) показали, что 80% мужчин не считают для себя секс наиболее важным удовольствием в жизни. Однако, находясь под властью мифа о сексуальной ненасытности, мужчины «чувствуют себя обязанными» соответствовать этой схеме, что сопровождается постоянной сексуальной озабоченностью, мыслями о необходимости сексуальных отношений и об улучшении своей сексуальной жизни, изучении новых возможностей, применении новых вариантов отно-

шений, сексуальных практик и др. У многих мужчин в сознании присутствует идея о необходимости иметь определенное количество сексуальных отношений, например, в неделю. Это количество совершенно не отражает биологического желания, а обусловлено представлением о сексуальной «норме» сочетается со страхом показаться недостаточно мужественным, не соответствовать «идеалу». Сексуальная активность превращается в таких случаях в автоматический навязчивый процесс, лишается глубоких эмоций, приобретает дегуманизированный характер. Непонимание, казалось бы, очевидного факта, что в сексуальных вопросах естественность, спонтанность и чувственность значительно важнее «количественной стороны», приводит к обеднению жизни, делает ее более примитивной.

В результате влияния мифа мужчины подвергаются риску развития импотенции, обусловленной подсознательным страхом оказаться не на уровне предъявляемых требований. Каждая неудачная попытка может привести к несостоятельности в последующих случаях, так как усиливается страх возможной неудачи. Фиксация внимания специально на половой функции часто приводит к драматическим результатам – полному исчезновению эрекции и к серьезной психической травматизации.

Миф об ангеле-проститутке

Многие мужчины способны «автоматически» сексуально реагировать на женщин различного типа, вне зависимости от их интеллектуальных и даже эмоциональных качеств. Для них достаточно, чтобы женщина не была в прямом смысле слова отталкивающей. Эта особенность мужчин задевает самолюбие женщин в случаях привязанности к таким мужчинам или тем более влюбленности в них. Но все же, чем объясняется возможность совершения полового акта с женщинами, совершенно не подходящими по уровню развития, по интересам, характеру, стилю жизни? Почему в ряде случаев мужчины охотно контактируют с женщинами «легкого поведения» и проститутками?

Одно из объяснений заключается в том, что мужчина воспринимает женщину не как личность, а как сексуальный объект, при этом секс совершенно не сочетается с любовью (в некоторых случаях может сочетаться даже с негативными чувствами – презрением, раздражением, ненавистью, иногда завистью). Более того, сексуальное влечение нередко возникает лишь к отдельным частям тела.

Для того, чтобы разобраться в механизмах такого явления, необходимо обратиться к периоду раннего сексуального развития. В подростковом периоде мальчики обращают внимание на появление сексуального возбуждения в форме возникающих эрекций при виде обнаженного женского тела, рассматривания фотографий в журналах, непосредственной близости к некоторым женщинам. Такое сексуальное влечение в зачаточной обычно форме может возникать и по отношению к матери, сестрам и другим родственницам. Однако вскоре эти влечения, как не соответствующие и противоречащие культуре, принятым в обществе законам, вытесняются из сферы сознания, и в результате формируются два типа отношения к женщинам: несексуальное — к своим близким родственникам, и сексуальное — к другим женщинам. В дальнейшем уже во взрослой жизни отношение к матери может проецироваться с большей вероятностью на тех женщин, которые своими качествами, видом, стилем поведения наиболее напоминают мать. Таким образом, например, мягкие, добрые, заботливые, уверенные в себе женщины могут у некоторых мужчин «совпасть» с материнским образом и вызвать на подсознательном уровне различные положительные чувства, но не сексуальный интерес. В то же время сексуальные влечения способны вызвать женщины, являющиеся антиподом доброй, заботливой, скромной матери. Ими оказываются женщины с развязным, сексуально провокационным поведением, ведущие себя вызывающе вульгарно, обманывающие мужчин, имеющие многочисленных поклонников и т. д. По этому механизму у мужчин развивается мифологический комплекс «ангела-проститутки», при котором сексуальные связи более вероятны с женщинами легкого поведения, в то время как связь с «приличными» женщинами искусственно затруднена. Приходится очень часто видеть пациентов, у которых сексуальный контакт с женщиной возможен лишь в том случае, если в воображении им удастся представить себе ее в роли проститутки, развратницы, сексуальной извращенки.

Миф о мачо

Комплекс «ангела-проститутки» обуславливает развитие другого явления, получившего название «мачо». Речь идет об особом стиле, иногда даже говорят об особой этике мачо. Она заключается в акцентировании средневекового представления о том, что женщина подчиняется во всем мужчине, который «руководит ею», добиваясь выполнения своих желаний. Согласно этике мачо все женщины — «низшие существа», которых нельзя серьезно брать в расчет при принятии каких-либо решений. Презрительное и унижающее отношение к женщинам не распространяется лишь на одну из

них — собственную мать, которая возводится на пьедестал и воспринимается как святая. Мужчина с комплексом мачо может иногда переносить свое отношение к матери на женщину, обычно когда она уже в пожилом возрасте, что не мешает ему постоянно изменять ей.

В основе этики мачо лежит как раз отношение к женщине как к сексуальному объекту, желаемому и в то же время презираемому. Отношение к женщине как к личности для мачо мало возможно лишь в случае исключения сексуальных отношений. Мачо постоянно подчеркивает свою мужественность. Для него типично «жесткое» поведение, соответствующее имиджу сильного мужчины. Он интересуется всеми атрибутами, подчеркивающими его мужские качества и достоинства, включая стиль одежды, манеру разговора, курение, употребление алкоголя. Мачо считает для себя «позорным» проявить сентиментальность, участие, сопереживание с женщиной, находящейся с ним в сексуальной связи. Он стремится как можно чаще менять сексуальных партнерш и любит демонстрировать это поведение перед своими знакомыми и друзьями.

Мужчины с комплексом мачо избегают контактов с психологами, стараются уходить от любых попыток разобраться в своих переживаниях и межличностных проблемах.

Этика мачо в настоящее время свидетельствует, как правило, о наличии серьезных психологических проблем, о выраженности комплекса ангела-проститутки, в частности, поскольку она представляет собой защитную реакцию на этот комплекс, скрывающую чувство тревоги перед осознанием содержания своих переживаний.

В современном обществе для мужчин становится наиболее характерным сочетание отношения к сексу как к биологической потребности, психологическом драйву и как к акту свободного выбора, включающему личностные отношения между мужчиной и женщиной на высоком эмоциональном уровне. Ситуации, когда сексу предпочитают карьеру, как уже указывалось, не являются исключением, к тому же в ряде случаев удовольствия от секса бывают менее притягательными, чем удовольствия от алкоголя или еды. В связи с последним Pietropinto, Simenauer, (1978) приводят следующее характерное высказывание: «Секс необходим и доставляет удовольствие! Я скорее предпочту вступить в сексуальные отношения с «девушкой моей мечты», но и не пропущу возможности иметь связь с привлекательной женщиной в любое время. В данный период моей жизни я бы поместил свои сексуальные отношения на четвертое место среди: стремления к успешной карьере в бизнесе (1); употребление пищи и напитков (2); необходимости в 7-часовом сне (3); участие в сексе, регулярно».

Сексуальное стремление мужчины зависит от привлекательности женщины и ее определенных свойств, но и от восприятия самого себя, взгляда на себя со стороны в плане сравнения с достоинствами женщины, не только с ее физическими данными, но и ее положением в обществе, образованием, интеллектуальным уровнем. Многие объективно положительные качества женщины способны вызвать у мужчины чувство тревоги, связанное со сниженной самооценкой и мыслями о том, что такая женщина в любой момент может прекратить с ним отношения, бросит его, отдав предпочтение другому.

В связи с вышесказанным нами проводились исследования 100 женатых и неженатых мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, студентов ВУЗов, а так же лиц с законченным высшим или среднетехническим образованием, страдающих невротизмом или проявляющих невротические симптомы без сколько-нибудь выраженных сексуальных нарушений. Всем им задавался вопрос: с какого типа женщинами они чувствуют себя наиболее неуверенно? Предлагались варианты и были получены следующие результаты:

Очень красивая женщина	30,5%
женщина, имеющая много поклонников	25,4%
женщина с очень высоким интеллектом	23,4%
женщина, занимающая высокое социальное положение	20,7%

Мужчины молодого возраста в большей степени испытывали неуверенность с очень красивыми женщинами, чем мужчины после 40 лет. Мужчины со средним техническим образованием чаще чувствовали себя неуверенно с женщинами с высоким интеллектом, чем мужчины с высшим образованием. Интересно, что мужчины зрелого возраста с высшим образованием еще в большей степени, чем мужчины молодого возраста, испытывали неуверенность в контактах с очень красивыми женщинами.

Женщины, имеющие большое количество поклонников, вызывали чувство неуверенности чаще у неженатых мужчин и студентов.

Полученные данные иллюстрируют влияние социально-психологических факторов на межполовые отношения и свидетельствуют о необходимости специальных исследований.

Восприятие женщинами мужчин во многих случаях в значительной степени зависит от распространенного убеждения в нечувствительности, эмоциональной уплощенности мужчин. Несомненно, что не все мужчины (как и женщины) способны к проявлению желаемых в той и иной ситуации

эмоций, что может быть связано, например, с воспитанием по типично «мужскому» типу, когда, мальчика учат контролировать эмоциональные проявления, считая всякую эмоциональность «женским» качеством. В то же время недостаточная эмоциональность мужчин часто являются маской, за которой скрывается настоящее «я» с присущими ему эмоциями.

В настоящее время, когда женщины в развитых странах мира становятся все более независимыми и самостоятельными, мужчины, с одной стороны, боятся выразить свое эмоциональное состояние, полагая, что это сделает их в глазах женщин менее мужественными; с другой - общение с ассертивными женщинами и контакты с ними усиливают неуверенность мужчин в своей мужественности. В таких случаях мужчины нуждаются в поддержке со стороны женщин, что усиливает их уверенность в себе, избавляет от комплекса неполноценности.

В беседах с мужчинами, обращающимися за консультацией по поводу различных семейных проблем, некоторые вопросы их взаимоотношений с женами или другими женщинами возникают особенно часто. К ним вносится, например, стремление мужчин побыть наедине с собой, в спокойной обстановке о чем-то подумать, что-то вспомнить, проанализировать, почитать, сходить прогулку и т. д. Для многих мужчин характерно выраженное стремление пообщаться с друзьями, провести время в исключительно мужской компании. Все эти желания возникают у них на фоне стабильно положительного отношения к женщинам, к которым они эмоционально привязаны. К сожалению, женщины далеко не всегда понимают, что в такого рода желаниях не содержится обычно ничего, что могло бы задеть их чувства или интересы, быть поводом для обоснованной ревности, стремление мужчины к личному самовыражению естественно. Мужчины (как и женщины) имеют свои любимые занятия, свои «игрушки», которые могут быть не интересны для женщин, и в этом плане женщины должны учитывать, что наиболее глубокие эмоциональные отношения предполагают наличие независимости и собственных интересов. Доверие друг к другу всегда необходимо. Достаточно часто мы встречаемся и с жалобами мужчин на то, что женщины считают их постоянно «сексуально озабоченными». Это накладывает нежелательный отпечаток на отношения со знакомыми, к которым они не испытывают эротических чувств. В ряде случаев мужчины утверждали, что они отказываются от приглашений в гости, так как при этом «будут чувствовать себя обязанными» вступить в сексуальные отношения с пригласившей их женщиной, потому что в противном случае их поведение было бы воспринято как обида или оскорбление. Подобные оценки свойственны женщинам, которые считают, что любые отношения с мужчинами обязательно предполагают наличие сексуальной связи. Обращающиеся к нам за консультативной помощью

мужчины иногда высказывали соображения, что окружающие их женщины «охотятся» за ними, стремятся «затащить их к себе в постель» с целью окончательно подчинить себе. Несмотря на выраженность собственных сексуальных желаний, их не устраивало отношение к ним исключительно как к сексуальным объектам, удовлетворяющим лишь сексуальные желания женщин, а также роль человека, которого эксплуатируют в различных отношениях, используя его сексуальное стремление. При этом мужчины часто обращали внимание на то, что женщины, с которыми у них были интимные отношения, имели обыкновение использовать секс в качестве орудия манипулирования ими для достижения различных целей. Манипулирование заключалось в чередовании сексуальных контактов с периодами отказа от последних, что являлось «наказанием» за неудовлетворение их желаний в очень разных областях жизни. Неприятными для мужчин элементами подобного поведения женщин были неискренность, неестественность поведения, разыгрывание фальшивых сексуальных ролей. Мужчины догадывались, что женщины не испытывают ни сексуальных эмоций, ни оргазма во время сексуального акта, но пытались его имитировать, или искусственно возбудить себя, «думая о чем-то или о ком-то во время сексуального акта».

Анализ сексуального поведения показывает, что в настоящее время широко распространено мифологическое представление о том, что мужчины во время сексуальной активности заняты только собой и думают лишь об удовлетворении своих желаний, совершенно не учитывая реакции и состояния женщин. Такое представление далеко от действительности. Результаты исследований (Pietropinto, Simenauer, 1978) показывают, что отношение женщины к сексуальному акту имеет для мужчины первостепенное значение. Авторы установили, что среди наиболее неприятных аспектов секса для мужчин важное место занимает отсутствие соответствующей реакции у женщины, ее эмоциональная «безответность», холодность, отчужденность.

Ошибочно также представление, сводящее ответную реакцию женщины во время сексуального контакта исключительно к достижению оргазма. Такой точки зрения придерживается немалое число мужчин, получают сведения о сексуальной стороне жизни из многочисленных сенсационных публикаций, фактически сводят секс к одному из видов спортивной или механической активности. Дело в том, что женщина может легко достичь оргазма (причем неоднократно), оставаясь при этом полностью эмоционально не вовлеченной, участвуя в сексе как в определенной аддиктивной активности. В то же время женщина способна получать большое сексуальное удовлетворение, не испытывая оргазма. Ответная реакция включает в себя многие элементы: проявление интереса к

сексуальному акту, к его различным вариантам (сексуальным позициям), умение дать почувствовать партнеру, что она получает от сексуального контакта удовольствие и др. Исследования авторов показали, что женатые мужчины в большинстве случаев (60%) не считают своих жен безответными сексуальными объектами, они беспокоятся об их сексуальном удовлетворении. Одинокие, разведенные и вдовцы проявляли такую озабоченность в 55% случаев, мужчины, живущие в гражданском браке — в 54% случаев. Чем выше образовательный ценз мужчины, тем больше он беспокоится по поводу ответной сексуальной реакции женщины.

Мужская эмоциональная дистанционность

Эмоциональность мужчин в ситуациях общения с женщинами в последнее время привлекает внимание исследователей в области сексологии. Этому вопросу уделяется большое внимание в работах Hite, Colleran, (1989), А.В. Доморацкого (2009) и др. Эмоциональная дистанционность мужчин создает проблемы во взаимоотношениях с женщинами. Эта дистанционность имеет свою специфическую динамику. Прежде всего она возникает не сразу и совершенно не типична для начального периода знакомства и ухаживания. В течение первой фазы «охоты» за женщиной мужчина проявляет большую заинтересованность и уделяет женщине максимальное внимание, выполняет ее желания, создается впечатление искреннего участия, альтруизма, самопожертвования. Однако в дальнейшем, после «достижения цели», ситуация довольно быстро начинает меняться. Здесь возможны различные варианты. Возникает определенная потеря прежнего интереса. Так, например, может появиться невнимательность, выступающая под маской рассеянности; необязательность, элюзивность (ускользающее поведение). Исчезает прежнее остроумие (или прежние попытки казаться остроумным), появляется мелочность, нередко прежняя активность и инициативность сменяются пассивностью, апатичностью. Характерны меньшая подвижность, неразговорчивость, позы скучающего или чем-то недовольного человека, который на что-то обиделся или просто как-то отдалился, стал совершенно неузнаваемым.

Многие женщины, пытаясь разобраться в том, что произошло и почему их отношения так резко изменились, пробуют сделать все возможное для исправления ситуации, восстановления прежних любовных отношений. В связи с этим они задают себе достаточно типичные вопросы: «Что с ним произошло? Неужели я перестала ему нравиться? Неужели его перестало интересовать, о чем я думаю? Почему он перестал разговаривать со мной?»

Если он меня разлюбил, то почему он остается со мной и к тому же говорит, что любит меня?».

Одним из очень неприятных проявлений изменения эмоциональности у мужчин является молчаливость. Появление молчаливости отражает в какой-то степени нарушение коммуникации. В механизме нарушения (отсутствия) коммуникации можно проследить попытки женщины «прорваться» сквозь стену молчания, сделать мужчину более открытым и откровенным, «разморозить» его. Сохранение или усиление молчаливости может быть защитной реакцией со стороны мужчины.

Нам приходилось неоднократно наблюдать использование молчания в качестве оружия во внутрисемейных конфликтах, когда с целью «наказать» кого-либо из супругов (чаще супруга) с ним перестают разговаривать. Такое молчание создает в семье крайне напряженную обстановку и иногда провоцирует разрыв отношений.

Эмоциональная дистанционность присуща, естественно, не всем мужчинам, однако она встречается достаточно часто и требует преодоления, так как серьезно нарушает межполовые отношения, способствует альянсу (отчуждению) и усилению чувства одиночества. Во многих случаях необходима специальная психотерапия, обычно с участием обеих сторон. К этой проблеме нельзя относиться упрощенно, рассматривая ее с позиции, например, простого осуждения мужчин, придавая им мифологические отрицательные качества: коварство, непостоянство, бессовестность, отсутствие высших эмоций и одухотворенности и др. Проведенный нами анализ подобных жалоб позволил обнаружить, что в ряде случаев эмоциональное охлаждение мужчин объяснялось их «поисковой активностью», рефлексом охотника, ориентированным только на биологическую сторону отношений, на секс как таковой, и при этом совершенно не учитывалось, что длительные гармоничные отношения предполагают наличие взаимной любви, симпатии друг к другу, определенной сферы общих интересов, чувства психологического комфорта в присутствии друг друга. Совершенно закономерно, что в подобных случаях эмоциональная вовлеченность оказывается нестойкой, изживает себя, возникает чувство скуки, пресыщенности, ощущение ошибочно сделанного выбора. Любви нет, да ее, по сути дела, и не было. Притворяться влюбленным «на длинную дистанцию» невозможно, так как говорить можно все что угодно, но имитировать настоящую эмоцию если и удастся, то только на короткий промежуток времени.

В других наблюдаемых нами случаях эмоциональная дистанционность была обусловлена прежним отрицательным опытом общения с другими

женщинами. Так, например, к нам обратился за консультацией приехавший из-за границы бизнесмен, у которого возникла проблема «задержки» эмоционального реагирования с женщиной, с которой он находился в интимных отношениях более двух лет и не исключал возможности брака. После «медового месяца» он почувствовал себя как бы эмоционально застывшим, лишенным прежних чувств. Это состояние особенно усиливалось, когда она объяснялась ему в любви и спрашивала, любит ли он ее. «Я никогда не говорю неправду и поэтому не могу ответить ей положительно, так как я действительно не знаю, люблю ли я ее сейчас». В дальнейшем выяснилось, что этот человек воспитывался в семье с доминирующей матерью, которая была непредсказуемой в ее отношениях к нему; иногда она была ласковой и любящей, проявляла заботу, в другие периоды — становилась холодной, отталкивала от себя, вела себя как совсем чужая женщина. Таким образом, у него с детства оформился страх быть покинутым, отсутствовало чувство уверенности. В дальнейшем это чувство получило подкрепление после того, как он женился на женщине, которая была старше его на 10 лет, уже была замужем и имела двоих детей. Он развелся с ней, когда узнал, что жена изменяет ему с первым мужем, и, по-видимому, имеет еще одного любовника. В отношениях с новой избранницей вскоре появился страх, что все может повториться, что это какой-то рок быть всегда покинутым. Эмоциональная дистанционность в данном случае возникла как защитная реакция на ситуацию и была обусловлена сопротивлением вовлечению в глубокие эмоциональные отношения, чтобы избежать себя, таким образом, от неминуемых последующих страданий разлуки. Семейная психотерапия с участием этой женщины привела к положительному результату в виде эмоционального прорыва, разрушившего защитную дистанционную реакцию.

Отметим, что подобный случай рассматривался бы ортодоксальными психиатрами как классическое проявление «эндогенного» психоза. В лучшем случае — аффективного, так называемой депрессии бедности участия или болевой психической анестезии (*anaesthesia psychica dolorosa*), в худшем — как проявление шизофренической симптоматики, так как шизофреническому процессу свойственно обеднение, амбивалентность и неадекватность эмоций. Мы подчеркиваем это обстоятельство с целью лишь раз фиксировать внимание специалистов на необходимости лучшего знания психогенно обусловленных состояний и крайне осторожного отношения к диагностике эндогенных, особенно злокачественных психозов.

В некоторых случаях эмоциональная дистанционность появляется как реакция на ослабление сексуального влечения, сопровождающееся страхом оказаться несостоятельным в половом отношении. Мужчины с подобным комплексом обычно активно начинают избегать всяких ситуаций,

стимулирующих сексуальную вовлеченность. Они создают впечатление большой занятости, озабоченности какими-то вопросами: «Мне не до нежностей, ты разве не видишь, как я загружен в последнее время!» Одним из выражений стратегии является иногда употребление алкоголя с имитацией выраженного алкогольного опьянения с признаками сонливости, что исключает необходимость о чем-то говорить, проявлять сентиментальность и тем более вступать в сексуальные отношения.

Таким образом, феномен эмоциональной задержки или дистанционности может иметь различные причины и развиваться по разным механизмам. Это сложное явление, требующее к себе внимательного отношения и дифференцированных подходов.

Далеко не все осознают возможность попадания в ловушку, заключающуюся в том, что можно спутать любовь со своего рода гормональным обманом. Такая ошибка приводит к конфронтации различных систем ценностей.

Двойная мораль

Анализ проблемы мужественности в настоящее время должен включать в себя вопрос о так называемой «двойной морали»: морали для мужчин и морали для женщин.

На основании данных литературы и собственных исследований приходится констатировать, что, несмотря на происходящие изменения мужской психологии, двойная мораль, основанная на мифологических построениях, существует и находит свое отражение в повседневной жизни. Так, например, многие женщины обращают внимание на то, что отношение к ним мужчин после первого сексуального контакта резко изменяется: «обожествление» сменяется потребительским подходом, их воспринимают, по выражению Hite, Colleran, (1989), как лакомство, а не как заслуживающего равноправия человека. Подобная динамика характерна для многих мужчин и распространена в различных возрастных группах, включая даже подростковый возраст. Стремление многих мужчин к вступлению с женщиной в сексуальную связь часто является самоцелью и основано далеко не всегда даже на чисто биологических гормональных механизмах, а обусловлено имиджем мачо, мифологическим восприятием мужественности. Авторы обращают внимание на то, что сексуальное поведение мужчин и их восприятие женщин во многом находят отражение в языке, которым

пользуются мужчины, убеждая женщин вступить с ним в сексуальный контакт. Вот несколько характерных заявлений:

«Если мы, наконец, будем спать вместе, мы избавимся от этого сексуального напряжения, которое только мешает нашей дружбе».

«Хотя ты говоришь, что не хочешь, я знаю, что в действительности ты этого желаешь».

«Если ты не будешь спать со мной, я расскажу всем, что ты это сделала».

«Но я же заплатил за ужин!».

Авторы советуют женщинам быть всегда готовыми к подобному «типично мужскому» поведению и немедленно парировать высказанные претензии ироническими ответами, например: «Я сам заплачу тебе сколько угодно, лишь бы ты быстрее исчез».

Многие исследователи высказывали предположение, что в связи с распространением СПИДа мужское поведение должно существенно измениться: мужчины станут более осторожными в сексуальных контактах и, во всяком случае, перестанут стремиться к таковым при первом же свидании с женщинами. Однако это предположение не получило убедительного подтверждения. По данным Hite, Colleran, (1989), женщины действительно стали проявлять большую осторожность, и в большем числе случаев перестали считать себя обязанными вступать в сексуальную связь при первых встречах. Для мужчин остается более типичным «традиционный» стиль поведения — они ожидают сексуального контакта во время первой встречи в преобладающем числе случаев.

Анализ характерного сексуального поведения мужчин показывает, что они часто боятся сильного увлечения со стороны женщины. Их пугает перспектива превращения обычной любовной интрижки в нечто большее, уходящее из сферы контроля, их особенно тревожит непрогнозируемость поведения женщины, возможность оказаться в состоянии зависимости от нее. В связи с этим мужчины могут, как мы уже указывали, проявлять нарочитую грубость и цинизм в своем поведении. Приведем характерные примеры, заимствованные из высказываний наших пациенток с невротическими расстройствами.

Я познакомилась с ним на дне рождения моей подруги. Он пришел туда со своим знакомым или другом. Он несколько раз танцевал со мной, поздно вечером они проводили меня домой, но ко мне не зашли, так было уже поздно, и я сказала, что живу не одна. Он взял мой номер телефона и начал регулярно звонить мне. Однажды он пригласил меня в кино на

вечерний сеанс, а затем предложил зайти к нему выпить кофе. Дома мы были одни, и он вскоре стал приставать ко мне, объясняя что «все это естественно, и к этому надо относиться как к спортивным упражнениям». После того как я вынуждена была согласиться и все очень быстро закончилось, он внезапно вскочил, стал одеваться, потребовал, чтобы я немедленно встала, так как вот-вот придут его родители, и он не хочет, чтобы они меня здесь у него застали. Все это было неприятно и унижительно. Он позвонил мне через несколько дней, предлагал встретиться, но я отказалась, и на этом наша «страсть» закончилась.

Я очень любила его, и до тех пор, пока мы не вступили в интимные отношения, все шло хорошо и жизнь казалась безоблачной, а потом что-то изменилось. Собственно говоря, это произошло во время «первого раза»: он сразу заявил мне, что хотя я ему и очень нравлюсь, но он не испытывает ко мне более глубоких чувств. «Нам хорошо иногда заниматься сексом, и этого достаточно, не нужно усложнять, жизнь и без того слишком трудна».

В этих примерах проявляется свойственный многим мужчинам страх потери свободы и безответственное отношение к сексу.

Сексуальное поведение мужчин оказывается тесно связанным с мифологическими представлениями о мужественности, с определенными ее имиджами. В этом контексте возникает вопрос: что скрывается за этими моделями сексуального поведения? Действительно ли оно отражает настоящие желания мужчины? Что представляют собой истинные «мужские потребности?» По мнению Hite, Colleran, (1989), стремление мужчин к немедленному сексуальному контакту с женщиной в определенной ситуации (свидание на природе, приглашение в гости, когда больше никого нет дома и т. д.) носит во многом не истинный, а скорее навязанный культурными влияниями характер. «Определение мужской сексуальности, как сильного желания к пенетрации значительно преувеличено». В 1976 г. Hite впервые выдвинула тезис о том, что «секс является частью определенной идеологии, культуральным, а не биологическим понятием». Мужская сексуальность охватывает значительно больше телесных ощущений, чем эрекция, пенетрация и эякуляция. Однако мужчины находятся до настоящего времени под чрезвычайно сильным давлением социальным и культуральных стереотипов и именно таким образом трактуют сексуальность, сводя ее понимание к этим трем фазам. В связи с этим мужчины в свою очередь оказывают мощное давление на женщин с целью заставить их подчиниться именно такому пониманию секса, сводящему его к совершению полового акта. В этом плане рассматривается и период подготовительных ласк, которые даже во многих «руководствах» по сексологии описываются (о чем свидетельствует уже самое определение — «подготовительные») как

неизбежно ведущие к совершению сексуального акта, который должен закончиться мужским (а в идеале и женским) оргазмом.

Разговор на эти темы со многими мужчинами, не страдающими импотенцией в какой-либо форме, но испытывающими неудовлетворенность сексуальными отношениями с женщинами, позволил установить, что одной из причин неудовлетворенности было стремление женщин как можно быстрее «пройти через все стадии» сексуального контакта и добиться мужского оргазма. Эта «торопливость» имела место на каждом этапе: во время периода подготовительных ласк, после пенетрации, во время самого акта. Если оргазм не наступал, у женщин возникали отрицательные эмоции, они жаловались на чувство «незавершенности» даже в тех случаях, когда у женщин был оргазм.

Мужчины нередко не имеют достаточной информации о том, что существуют различные виды сексуальной активности, не ограничивающейся исключительно генитальной сферой.

Мужчины и женщины часто в связи с этим задают вопрос: можно ли считать сексом сексуальное общение, не закончившееся половым актом или не закончившееся оргазмом и т. д.? Положительный ответ здесь не должен вызывать каких-либо сомнений. Пенетрация (введение полового члена во влагалище) стала рассматриваться как основной момент сексуальности в период патриархата с характерными для него религиями, в связи с необходимостью высокой рождаемости и демонстрирования тем самым мужественности — чем больше детей имеет мужчина, тем более он мужествен. Такое древнее архаичное отношение к сексу продолжает оказывать сильное воздействие на психологию мужской сексуальности и в настоящее время.

В сексуальных отношениях, основанных на приведенных схемах, многое теряется. Упрощенные подходы лишают человека многих способов сексуального самовыражения, обедняя тем самым его эмоциональную жизнь. Мужчины и женщины не должны испытывать чувства стеснения в обсуждении вопросов сексуальных отношений для установления характера своих желаний, способов сексуальной активности, наиболее приятных для них и приемлемых. Осознание желаний другой стороны побуждает расширить область собственного сексуального восприятия, испробовать новые формы интимности. К сожалению, слишком часто сексуальная активность протекает по сценариям, неприятным для одного из партнеров и скучно ритуальным для другого. Однако каждый исполняет свою роль в соответствии с культурально обусловленной «традицией», и никому не приходит в голову возможность выйти за пределы жесткой сексуальной

стереотипии. Поэтому на каком-то этапе полезно поставить перед собой вопрос о своей удовлетворенности сексуальной жизнью.

Эротика представляет собой весьма обширную область. Мифологические влияния способны придавать ей искаженный характер, сузив ее развитие, ограничив его определенным руслом. Нельзя забывать, что сексуальная сфера может включать в себя многосторонние воздействия. Сексуальность стимулируется, например, музыкой, интеллектуальным общением (о последнем часто забывают), просмотром фильмов, видео, разговором, различными рассказами, литературой. Страстная влюбленность, безответная любовь — это тоже эротические области со специфическими глубинными переживаниями, выходящими далеко за рамки примитивно упрощенной схемы.

В плане вышеизложенного интересно отметить, что по нашим наблюдениям, проводимым методом анкетирования среди мужчин молодого возраста (18—25 лет), более чем в 50% случаев имело место определенное предубеждение в отношении поцелуев и в 30% случаев в отношении объятий как активностей, занимающих значительное место в межполовом общении. Некоторые мужчины считали поцелуи «детским занятием» или утверждали, что «поцелуи нравятся женщинам, но мало что значат для мужчины». В ряде случаев обследованные мужчины положительно относились к поцелуям, но с оговоркой, что они должны рассматриваться лишь в качестве прелюдии к «настоящим» формам сексуальной активности. В 7,5% случаев мужчины жаловались на то, что они «должны целоваться, чтобы таким образом возбудить женщину, хотя это им не очень нравится». В большинстве случаев (80,5%) мужчины в зависимости от своего эмоционального отношения к поцелуям рассматривали их как приятную форму сексуального поведения, которая предваряет совершение полового акта или, во всяком случае, ставит перед собою такую цель.

В сравнительно небольшом числе случаев (меньше 10%) мужчины относились к поцелуям и объятиям как к формам поведения, которые вне связи с сексуальным актом, сами по себе доставляли большое удовольствие. Поцелуи и объятия, таким образом, являются менее типичной формой сексуального поведения как изолированный феномен у мужчин, что, очевидно, имеет культуральную обусловленность. Начиная с детского возраста мальчиков обучают отрицательному отношению к ним как к «немужскому делу», что в последующем получает подкрепление в общении со сверстниками в школе, в процессе постоянного столкновения со стереотипами, принятыми в обществе.

В связи с этим нужно обратить внимание на то, что мужчины в некоторых состояниях более «восприимчивы» к поцелуям и объятиям и

менее склонны расценивать их как первый этап, ведущий к «раскручиванию» всей сексуальной цепочки событий. Речь идет о состояниях усталости, упадке сил после различных неприятностей, когда возникает чувство покинутости и ненужности, чувство одиночества. В такие периоды мужчины воспринимают поцелуи и объятия как проявления нежности и участия. Ситуация становится похожей на пережитую в детстве, когда в трудные минуты мать своими поцелуями и объятиями создавала обстановку комфорта и полной защищенности.

Как относятся мужчины к разочарованию в любви, к уходу любимой женщины, к безвозвратным потерям?

В обществе на этот счет преобладают также основанные на мифологии представления о том, что страдания — это женская участь. Женщина оказывается жертвой, когда заканчивается любовное приключение. Такие сюжеты можно очень часто встретить в сентиментальных кинофильмах, сериалах, в средствах массовой информации, в художественной литературе. Здесь мы знакомимся с многочисленными вариантами судеб героинь, впадающих в безысходную тоску, апатию, совершающих отчаянные непрогнозируемые окружающими поступки, вплоть до попыток покончить с собой, в ответ на вынужденное расставание с любимым мужчиной. Мужчины в подобных ситуациях изображаются по-другому. На их переживаниях внимание не фиксируется, при этом подразумевается, что они «выше», сильнее «сентиментальных» страданий. Можно с трудом представить себе героев различных вестернов, гангстерских фильмов, суперменов погруженными в отчаяние, всхлипывающими и даже тайком утирающими слезы в ситуациях разрыва с любимой женщиной или потери ее? Если они и переживают, то, конечно же, находят в себе достаточно сил преодолеть эти чувства и стать еще собраннее, сильнее, активнее. Они могут позволить себе в виде реакции на разрыв отношений интенсивную выпивку, немного грусти под соответствующую музыку, и на этом неприятный отрезок сценария исчерпывается.

Наши наблюдения и литературные данные свидетельствуют, что все это далеко от действительности. В реальности окончание любовных отношений очень по-разному воспринимается мужчинами. Каждый случай своеобразен и зависит от многих обстоятельств. Грубой ошибкой является ориентация на так называемый «средний вариант», репрезентативный для типичного мужского реагирования. Нам приходилось консультировать и лечить мужчин в связи с тяжелыми депрессивными состояниями, возникшими после расставания с любимыми женщинами. В ряде случаев разрыв отношений приводил к возникновению психосоматических заболеваний.

Как известно, мужчины в современном обществе считают добрые сексуальные связи в основном оправданными и даже само собой разумеющимися. В этом контексте представляет интерес отношение мужчин к добрым сексуальным связям женщин, в особенности, если речь идет об их «избранницах» или женщинах, во что бы то ни стало решивших их на себе женить. Считают ли современные мужчины, что женщины должны пользоваться такой же свободой в отношении получения сексуальных удовольствий, как они, или же снова вступает да силу закон двойной морали? Считают ли мужчины более интересным для себя жениться на женщине, имеющей большой сексуальный опыт, так как с ней им будет легче и свободнее проявлять себя в сфере сексуальных отношений?

Интересны ответы мужчин на вопрос: должна ли женщина сообщать мужчине о ее прошлой сексуальной жизни? Большинство мужчин, которые выражали желание знать сексуальное прошлое женщины, проявляли одновременно с этим более терпимое отношение к ее сексуальным связям. Они считали, например, что информация о прошлом сексуальном опыте позволяет лучше понимать женщину и в случае настоящей любви между ними это не имеет большого значения. Некоторые мужчины считали, что если женщина рассказывает о своем прошлом, то это показывает ее открытость и честность. Высказывались также мнения о том, что женитьба на женщине с сексуальным опытом предполагает ее откровенность в этом отношении. Вместе с тем в большинстве случаев мужчины все же хотели быть посвященными в детали, касающиеся прошлого сексуального опыта своих избранниц.

Следует обратить внимание на то, что среди мужчин, которые не проявляли предубеждения в отношении вступления в брак с женщиной с сексуальным опытом, многие комментировали свои ответы, упоминая, что эти женщины не должны быть «дешевыми» и неразборчивыми в связях: «мне бы не хотелось жениться на проститутке, но я не против того, что у моей жены может быть предшествующий сексуальный опыт».

Интересно, что в ответах на подобные вопросы выступает определенная амбивалентность (двойственность) подходов, отражающее влияние двойной морали. Некоторые мужчины, проанализировав свои чувства, приходят к парадоксальному для них самим выводу, что, с одной стороны, они хотели бы жениться на женщине с сексуальным опытом, с другой – чтобы она же была девственницей. Во всех этих случаях речь идет о мужчинах, имеющих свой сексуальный опыт. По сути дела они хотят невозможного: жениться или вступить в длительные отношения с имеющей сексуальный опыт девственницей.

Согласно нашим наблюдениям, эта двойственность отношения к сексуальному опыту женщины выражается в отсутствии четкой дифференциации между приемлемым и неприемлемым сексуальным поведением, тем, что находится в границах «приличия», и тем, что оценивается как разврат и даже проституция. Детальный разговор на эти темы приводит часто к замешательству в суждениях и оценках и заканчивается формулировками типа: «Я вообще не против того, чтобы у нее кто-то был до меня, но мне бы очень не хотелось, чтобы их оказалось слишком много». В то же время преобладающее число обследованных нами мужчин молодого возраста (более 75%) считали, что вступление мужчины в добрачные сексуальные связи со многими женщинами и необязательно, но вполне допустимо и даже желательно, так как «полезно для здоровья», «необходимо для приобретения опыта». Мужчины обычно проводят «демаркационную линию» между женщинами, которые «годятся для секса», но совершенно не подходят в качестве брачных партнерш, подчеркивая при этом легкую доступность первых или наличие информации об их многочисленных сексуальных связях.

Одна из черт мужского подхода к сексуальным вопросам может быть проиллюстрирована выдержкой из повести «Шаги» американского писателя польского происхождения Косинки:

... - Ты был когда-нибудь с проституткой?

- Да.

- До того как ты со мной познакомился или позже?

- Это не имеет никакого значения.

- Но почему тебе была нужна проститутка? Что она делает такого, чего я не могу? Она более страстна, чем я?

- Я делаю с ней то, на что не могла бы согласиться.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что ты знаешь меня только с определенной стороны. А также потому, что наш союз основывается на том, что ты воспринимаешь меня таким, каким я являюсь, находясь с тобой.

- Итак, человек, за которого я тебя принимаю, это только твоя маска.

- Ты также показываешь только ту сторону своей личности, которую считаешь наиболее возможной для принятия мною. До сих пор ни один из нас не показал ничего, что может противоречить нашим принципам.

- Когда ты находишься с проституткой, все, что она делает, или говорит, является фальшью: ей нужны твои деньги, а не ты.

- Деньги дают мне силу; без них я не мог бы быть самим собой. Я не мог встречаться с тобой там, где мы встречаемся...Я не мог бы жить таким образом, каким я живу, я не мог бы позволить себе переживания, в которых нуждаюсь.

- Но это все, что проститутка с тобой делает, она делает также с другими, правда? Разве это не вызывает у тебя ревности?

- Меня это не касается: сознание, что ею обладают другие мужчины, в этом случае не мешает. Ею обладают столь многие, что их нельзя считать соперниками. Они вызывают даже некоторое чувство симпатии, поскольку те, кто ее имели перед этим, подтверждают мой собственный выбор. А поскольку обладать ею может каждый без исключения, она является не столько женщиной, сколько самой эссенцией вожделения, общей для всех мужчин.

- Но после твоего ухода она не помнит даже о твоём существовании.

- Когда я ее покидаю, сознание того, что произошло, уходит вместе со мной; это сознание принадлежит мне, а не ей!.

К этому надо добавить, что женщины во многих случаях учитывают такое, основанное на двойной морали отношение мужчин к сексуальной стороне жизни и соответственно выстраивают свою стратегию поведения. Они ведут себя совершенно по-разному с мужчинами, на которых не делают ставку как на будущих брачных партнеров, и с теми, которых выбирают себе в качестве будущих мужей. С первыми женщины могут вступать в сексуальные контакты без каких-либо задержек, поступая в данном случае так, как им подсказывает желания. С другими, наоборот, они играют роль скромных неискушенных в сексуальных вопросах женщин или даже девственниц. Естественно, в тех случаях, когда такая стратегия по каким-либо причинам раскрывается, это приводит обычно к разрыву отношений, но часто приводит к успеху.

Анима

Как мы уже указывали, мужчины в большом количестве случаев считают, что сексуальные добрачные связи с их стороны возможны и желательны. В то же время более глубокое психологическое исследование выявляет, что в подсознании этих мужчин происходит своего рода размежевание, в процессе которого женщины делятся на хороших,

ассоциируемых с матерью или бабушкой, и «плохих» — носителей привлекающего, но вместе с тем отрицательного начала, т. е. имеет место формирование комплекса ангела-проститутки. Это отношение, по-видимому, выходит в определенном смысле за пределы индивидуального опыта, произрастая из коллективного подсознательного (согласно терминологии Юнга).

Комплекс отражает наличие в коллективном подсознательном мужчин «внутренней фигуры» — символической фигуры «анима». Анима является персонификацией различных женских психологических тенденций в психике мужчины, таких как смутные неопределенные чувства, восприимчивость к иррациональному, предчувствия, и, что очень важно, определяет его отношение к своему глубинному подсознанию. В связи с вышеизложенным можно привести пример из ритуальных эскимосских обрядов, в процессе совершения которых шаманы одеваются в определенных случаях в женское платье или даже изображают на одежде женские грудные железы. Все это делается для того, чтобы продемонстрировать другим людям наличие своей женской стороны, посредством некоторой становится возможным установить контакт с миром призраков и духов. В процессе подобных действий или через какое-то время после их совершения у некоторых членов племени возникают видения женщины, излучающей яркий свет и дающей наставления в отношении дальнейшей жизни. Иногда такой женский образ появляется во сне.

Часть образа анима находится в индивидуальном подсознании, и на ее проявление оказывает большое влияние поведение матери. В случаях отрицательного материнского влияния (отсутствие достаточной любви к ребенку, незаслуженные наказания, отвержение ребенка в связи с наличием любовника и т. д.) анима выступает как сила, провоцирующая неуверенность, чувство незащищенности, снижение настроения, меланхоличность. В психике взрослого мужчины настроения, вызываемые видением анима, характеризуются чувством тоски, тревожностью неопределенного характера, иногда страхом заболеть какой-нибудь серьезной болезнью, оказаться жертвой несчастного случая. Анима может выступать в виде соблазнительницы, искушающей мужчину и затем унижающей его. Мы останавливались на этой стороне проблемы при описании феномена роковой женщины. Здесь добавим, что греческий миф о сиренах и немецкий миф о Лорелее отражают эту негативную сторону анима.

В случаях положительного отношения матери влияние анима также может быть отрицательным, однако это происходит уже по другим механизмам. Чрезмерная материнская любовь, гиперопека приводят нередко к тому, что, начиная с детского возраста мужчина лишается

возможности развивать свои мужские качества. Он полагается во всем на женщин, оказываясь мало приспособленным к самостоятельной жизни. Влияние анима на некоторых мужчин выражается в таких случаях в их чрезмерной ранимости и чувствительности, склонности к истерическому поведению. В более скрытой форме анима возникает в сказках, где присутствует принцесса или царевна, предлагающая своим поклонникам (кандидатам в мужья) разгадывать различные загадки или прятаться где-нибудь поблизости. Если загадка не разгадывается или принцесса находит прячущегося предполагаемого жениха, его тут же убивают. Анима в такой замаскированной форме вовлекает мужчин «в деструктивную интеллектуальную игру», в псевдоинтеллектуальные диалоги и подобные формы активности, мешающие им «вступать в прямой контакт с жизнью», принимать реальные решения. Мужчина в таких случаях... «рефлектирует так много... что теряет всю свою спонтанность и способность к выражению чувств».

Стремление мужчины к отрицательной стороне анима может объяснить возникающие желания изведать что-то порочное, притягивающее вместе с тем своей таинственностью и неопределенностью, хотя это всегда связано с риском. Своя внутренняя фигура анима может быть спроецирована мужчиной на ту или иную реальную женщину, которой в этом случае приписываются все качества анима. Женщины «русалочьего», «сказочного» вида обладают особой притягательной силой, так как на них легче совершается проекция. У мужчины при этом возникает чувство, что он знал эту женщину всю жизнь и готов всем пожертвовать, лишь бы добиться ее, при этом не имеет значения, что эта женщина в действительности собой представляет. Более того, проекция отрицательной стороны анима неизбежно приводит к связи с женщинами с имиджами, противоположными скромности, высокой морали и «хранительницы домашнего очага».

Положительная сторона анима проявляет себя в различных аспектах жизни мужчины. Она способствует, например, правильному выбору брачной партнерши. Благодаря ее влиянию мужчина способен выходить за пределы свойственной ему логической рассудительности и использовать источник питания из подсознания, что способствует творческому подходу, создает подготовительное поле для возникновения озарения. Положительная сторона анима является для мужчины внутренней силой, придающей ему чувство уверенности в себе, она осуществляет роль посредника интуиции, на основании которой мужчина способен вести себя экзистенциально, подчиняясь не внешним конъюнктурным требованиям, а руководствуясь своим внутренним видением мира. Влияние положительной анима позволяет фиксировать свои эмоции, воображение, фантазии и выражать их в различной художественной форме в виде музыки, литературы, живописи и

др. Настоящие произведения искусства возникают всегда при использовании материалов из глубин подсознания. Положительная сторона анима обучает мужчину разбираться в его чувствах, с нею связано отношение к женщине как к Деве или Ангелу.

У многих мужчин в современном обществе остается актуальным своего рода почитание, культ девственности, которая ассоциируется с чистотой и положительными качествами невесты. Это отношение имеет непосредственную связь с мифологией. Можно обратить внимание, например, на то, что в древнегреческой мифологии из шести основных богинь три были девственницами. Это Артемида, Афина и Гестия. Остальные три девственницами не были — род их занятий это полностью исключал. Трудно себе представить, например, чтобы богиня любви Афродита оставалась девственницей. Также и Деметра — богиня земли и плодородия по своему положению не могла оставаться девственницей. В то же время Гера, хотя и являлась женой Зевса, но каждый год восстанавливала свою девственность, купаясь в священном источнике. Сверхценное отношение к девственности во многих культурах сохранялось в течение длительного периода, исчисляющегося тысячелетиями. Оно продолжает оказывать влияние и в настоящее время. В этих механизмах немаловажное значение имеет затруднение восприятия мужчиной, начиная с детского возраста, своей матери как женщины, живущей половой жизнью. Реакцией на осознание этого факта является двойственное отношение к женщинам вообще, о чем мы говорили, останавливаясь на комплексе ангела - проститутки. Одним из выражений такого подхода является возникновение мифа о «святой» проститутке, т. е. проститутке с доброй, всепрощающей душой, достойной настоящей любви и способной на нее. В этой связи можно вспомнить, например, образы Сони в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского, образ главной героини «Одиннадцати минут» П. Коэльо и др.).

Во всех этих образах в той или иной степени звучит мотив принужденности, вынужденности заниматься проституцией в связи с тяжелыми условиями жизни.

Таким образом, у мужчин имеет место выраженная, хотя и скрытая обычно, тенденция рационализировать в определенном плане сексуальное поведение. Это проявляется и в действиях — в постоянном поиске качеств, свойственных «хорошим» и «плохим» женщинам, что оказывается ловушкой, так как отыскать женщину, обладающую качествами заботящегося и всепрощающего ангела и в то же время удовлетворяющую всем сексуальным желаниям, очень трудно.

Интересно, что, отвечая на вопрос о том, какие качества они считают наиболее важными для себя у женщины, с которой намерены вступить в

брачные отношения, мужчины, по нашим данным, наиболее часто называли заботливость, умение быть хорошей хозяйкой дома. На первый план выступала заинтересованность в том, чтобы в домашней ситуации чувствовать себя максимально комфортно, не подвергаясь каким-либо стрессам, чувствовать к себе внимание, иметь возможность во многом положиться на жену, освобождая себя от ряда забот, связанных с бытом.

В связи с вышеизложенным мы считаем необходимым обратить внимание на то, что анализ реально возникающих семейных ситуаций показывает, что в ряде случаев у мужчин возникает конфликт между имиджем мужественности, подразумевающим самостоятельность, силу, независимость, и стремлением находиться в состоянии социопсихологической зависимости от жены. Последнее, как правило, тщательно скрывается, маскируется различными формами поведения, включая рисовку, разыгрывание роли «сильного человека», демонстрирование своих возможностей (обычно значительно преувеличенных). Такие мужчины выбирают стратегию ухода от ответственности, они стараются никогда сами не принимать решений по важным вопросам, предоставляя это делать женам. Если решения оказываются неправильными, они, обвиняют во всем жен. В случае удачных решений стараются приписать себе лежащую в основе идею. Жены становятся для таких мужчин своеобразным громоотводом, мужчины проецируют на них чувство собственной неполноценности, неуверенности в своих возможностях и силах. Зависимость мужчин от женщин может быть очень выраженной, хотя они и заявляют, что «ни в ком абсолютно не нуждаются».

Совершенно естественно, что скрытое стремление к зависимости выступает не у всех мужчин и может быть более или менее выраженным. Вместе с тем эта психологическая особенность должна учитываться, так как ее непонимание с обеих сторон может приводить к неблагоприятным развитиям межполовых, в особенности семейных, отношении. Из этого вовсе не следует, что систему зависимости нужно стремиться во всех случаях разрушать. Жизнь всегда сложнее любой схемы или тем более догмы. Проявление зависимости со стороны мужчины может в определенной степени устраивать женщину, хотя неизбежно предполагает ее эксплуатацию, и она бывает заинтересована в сохранении таких отношений, что дает ей возможность держать семейную ситуацию под контролем, занимать фактически доминирующую позицию в отношениях. Некоторые женщины реализуют таким образом свой материнский инстинкт, относясь к мужу как к своему ребенку, который полностью зависит от нее.

Напомним, что подобные отношения зависимости очень характерны для семей с алкогольными или другими аддиктивными

проблемами мужа, который сочетает аддикцию с состоянием зависимости от жены. Более подробно мы останавливались на этом вопросе в книге «Психосоциальная аддиктология» (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2001).

Психологическое интервью мужчин различных возрастных групп обнаруживает, что они придают также большое значение правдивости, честности и искренности женщин, на которых собираются жениться. Они не хотят быть связанными с женщинами, которым нельзя доверять, которые будут скрывать от них что-либо, обманывать. В разговорах на эти темы наиболее часто повторялся мотив: «я хочу жениться на женщине, в которой я мог бы быть всегда уверен, где бы я ни находился: дома, в командировке, в доме отдыха, санатории и т.д. Правдивость и искренность расценивались как доказательства любви. В придавании большого значения этим качествам имело, по-видимому, немаловажную роль чувство опасения, что будущая жена через какое-то время потеряет прежний интерес к нему и станет увлекаться другими мужчинами. Однако в целом здесь отражено вполне понятное стремление чувствовать себя уверенно в собственной семье, связать свою жизнь с человеком, на которого можно положиться не только в радостные, но и в тяжелые периоды жизни, в ситуациях неуспеха, поражения, болезни и др.

Описанные мотивации не всегда бывают решающими для мужчин при заключении брака. Они совершенно «не срабатывают» в случаях страстной внезапной влюбленности, возникающей по механизму проекции образа анима на женщину, что сопровождается полным уходом из сферы рационального мышления и реалистического отношения к избраннице. Союзы, возникающие на такой основе, могут в каких-то случаях быть счастливыми, однако чаще всего они кратковременны и заканчиваются разрывом отношений, после чего остается иногда чувство перенесенной болезни, наваждения или даже безумия, в то же время нужно констатировать, что на заключение подобных союзов оказывает несомненное воздействие широко распространенное у населения мифологическое представление о благородстве, истинности так называемой романтической любви, которая как раз и является наиболее совершенным сексуальным отношением. «Любовь с первого взгляда» согласно этому мифологическому подходу противопоставляется «расчету», а под последним подразумеваются каждый рациональный или просто разумный подход и попытка объективного анализа. Романтическая любовь подразумевает непременно встречу с идеалом, отвечающим всем мечтаньям. Все развивается по следующему сценарию. Молодой человек встречает девушку. Они влюбляются друг в друга сразу, «с первого взгляда», так как между ними возникает вибрация любви, проскакивает нечто вроде электрического разряда. Ухаживание проходит как в тумане, влюбленные

находятся в постоянном экстазе. Они преодолевают все препятствия, возникающие на их пути, и вскоре женятся. После брака в соответствии с мифологическим сценарием они живут счастливой, безоблачной жизнью. Молодые (прежде всего) люди, попадая в такую мифологическую ловушку, строят свои отношения на иллюзорном материале, они ожидают от их отношений, от самой жизни невозможного. Чувство реальности разрушается, заменяясь мифологическими образами. Опасность такой замены состоит также и в том, что человек отвлекается от понимания того, что совершенство достигается в жизни ценой усилий, в процессе обучения, преодоления трудностей, неразрывно связано с приобретением опыта. Миф уводит от реальностей повседневной семейной жизни, включающей и финансовые трудности, и необходимость заниматься домашней работой: грязной посудой, стиркой, приобретением продуктов, приготовлением пищи и многим другим. После появления ребенка эти проблемы становятся еще более сложными, особенно в условиях сегодняшних кризисов. Все это можно успешно преодолевать при условии взаимной любви, взаимопонимания, уважения интересов друг друга. В противном случае разочарование и последующий разрыв неизбежны. Нельзя забывать, что сексуальная сторона сама по себе не является решающим фактором в союзе «на длинную дистанцию». Секс не способен решить сложные жизненные проблемы. Мы подчеркиваем это положение, поскольку нам приходилось неоднократно встречаться с ситуациями, когда мужчина, ставя во главу угла сексуальную сторону жизни, пытался с ее помощью выйти из лабиринта постоянно увеличивающихся затруднений, усиливающихся конфликтов, нарастающего раздражения и неудовлетворенности жены. Имела место своеобразная борьба за достижение «сексуального совершенства», причем подразумевалось, что таким путем можно «успокоить женщину», «сделать ее счастливой», отвлечь от других проблем, потому что, «если говорить серьезно, то она в этом только и нуждается, хотя сама не понимает, что ей нужно». Такая стратегия, естественно, приводила лишь к фрустрации, вызывала фригидность (половую холодность) со стороны жены и в ряде случаев в конце концов — развитие импотенции у мужчины. Сексуальное совершенство как изолированный феномен невозможно, оно в такой ситуации всегда приведет к разочарованию. Сексуальная привлекательность не заменяет других общих интересов и не избавляет от необходимости делить друг с другом невзгоды повседневной жизни.

Остановившись на этом вопросе несколько более подробно, нельзя не отметить, что само понимание сексуального совершенства не обязательно должно совпадать у мужчины и женщины, находящихся в интимных отношениях. У мужчины под сексуальным совершенством может подразумеваться дикая страсть, в то время как женщина может представлять себе сексуальное совершенство как необычную нежность. Эти чувства не всегда гармонично

сочетаются, они могут даже приводить к состоянию напряжения и конфликта, к разочарованию, отчуждению.

В заключение подчеркнем, что ошибки взаимного выбора, к сожалению, чрезвычайно часты. Этим во многом объясняется столь высокое число разводов. От молодого мужчины (как и женщины) нельзя ожидать, что он способен всегда разобраться в характерологических особенностях выбираемой женщины. Все выясняется позже, после окончания медового месяца, когда становится ясным, по-прежнему ли присутствие другого человека столь же приятно, сохраняется ли обстановка психологического комфорта, лучше ли чувствует себя каждый, когда они вместе, или стремится все еще изолировать себя. Знание психологии вопроса не способно, конечно, стать спасательным кругом, однако оно является серьезным вспомогательным компонентом, заставляющим лишней раз задуматься перед принятием ответственного решения.

В нашем обществе некоторые мужчины чувствуют себя неуверенно в отношении своей мужественности. В большинстве случаев это состояние неуверенности тщательно скрывается от постороннего взгляда. В процессе внутренней борьбы с комплексом неуверенности мужчины часто прибегают к стратегии постоянной проверки своих сексуальных возможностей с разными партнершами. Мы еще раз подчеркиваем этот факт, так как в настоящее время становится все более важным понимание мужчинами, что мужественность не измеряется исключительно сексуальной потенцией, а состоит из многих качеств. В связи с этим следует обратить внимание, что чрезмерное, можно сказать, сверхценное отношение к потенции приводит многих мужчин к опасению или страху, что любое временное затруднение в этой области может оказаться стойким, и такое восприятие представляет серьезную угрозу их мужской интегральности. Сексуальный миф о мужественности как сексуальной потенции бывает крайне деструктивным, он создает основу для возникновения хронических стрессовых состояний у мужчин, в частности, как показывают наши наблюдения, способствует развитию тревожных состояний в зрелом возрасте.

Эмоциональная зрелость мужчины предполагает восприятие естественного старения без чувства тревоги, священного во многом с концепцией, что сексуальные железы - это не единственное, что делает его мужчиной. Мужчина должен воспринимать себя таким, какой он есть, а не жить в плену у мифологических представлений. Это наиболее продуктивный подход к освобождению себя от чувства страха и неуверенности.

Одним из достаточно распространенных мифов, связанных с мужской (в большей степени, чем с женской) сексуальностью, является миф об обладании. В содержании этого мифа обладание смешивается с любовью. Такое смешение, замена понятий очень опасны, так как любовь не совместима с обладанием. Заключение брачного союза, естественно, подразумевает наличие определенных обязанностей по отношению друг к другу, но любовь — это чувство, которое должно постоянно присутствовать и возобновляться. Как мужчина, так и женщина не имеют оснований культивировать в себе чувство, что они могут «обладать» партнером, и никакой формальный акт бракосочетания не дает им права проявлять это чувство.

Миф об обладании оказывает непосредственное воздействие на психологию мужчин, считающих, что период ухаживания полностью исчерпал себя после первого сексуального контакта, а тем более после вступления в брак. Эти люди не понимают или не хотят понимать, что продолжение гармоничных любовных отношений возможно лишь при условии не обладания, а свободного проявления любви друг к другу. Обладание — деструктивное чувство. Можно утверждать, что оно разрушает любовь, так как противоречит основному принципу любви спонтанности и добровольности. Некоторые мужчины, находящиеся во власти мифа об обладании, рассматривают своих жен как какой-то вид их собственности, считают, что жены должны удовлетворять все их желания заботиться о них, вести хозяйство, принимать ответственные решения, воспитывать детей. Такое отношение раньше или позже вызывает ответную реакцию раздражения и протеста. Женщина начинает сомневаться в истинности чувств, которые испытывает к ней муж, несмотря на возможные уверения его в любви к ней. Создается психологический климат, благоприятствующий нарастающему отчуждению. Влияние мифа об обладании мешает уважительному отношению супругов, делает невозможным терпимость к взаимным недостаткам, прощение ошибок. Чувство обладания всегда стимулирует ревность, приводят к развитию недоверия и подозрительности. Более подробно мы освещаем этот вопрос в разделе, непосредственно касающемся ревности. В рамках мифа нарушаются естественность, гармония отношений, удар наносится по всему тому, что объединяется понятием «наше», исчезают взаимоподдержка, сочувствие, сопереживание. Для освобождения от мифа достаточно уяснить себе одну простую истину: если один из партнеров не хочет проявлять положительных эмоций в адрес другого, нельзя заставить его делать это насильно. Такие попытки всегда приведут лишь к отрицательному результату.

В заключении следует отметить, что, несмотря на значимость вышеперечисленных мифов, во многом определяющих систему ценностей,

смыслов, жизненный сценарий и качество жизни человека, важно понимать, что миф – это капкан, пребывание в котором приводит к неассертивности и потере способности контролировать свою жизнь.

Разрушению мифологического отношения к «правильности» своего сексуального поведения помогает осмысление таких вопросов, как, например: «Чем характеризуются мои сексуальные отношения с партнершей/партнером?», «Получаю ли я удовольствие от этих отношений?», «Устраивают ли эти отношения меня во всем?», «Что мне нравится больше всего в сексе?», «Могу ли я говорить на эту тему с партнершей/партнером?», «Имеются ли у меня сексуальные фантазии?», «Считаю ли я возникновение сексуальных фантазий нормальным явлением?», «Испытываю ли я чувство неудовлетворенности или чувство вины, если я или моя партнерша/партнер не достигли оргазма?» и др.

Разрушение мифологического восприятия отношений полов приведет к убежденности, что когнитивная, эмотивная, поведенческая, духовная и сексуальная зрелость является необходимым условием, позволяющим избежать иллюзий и избавиться от ложных ожиданий.

Литература

- Доморацкий В.А. (2009) Медицинская сексология и психотерапия сексуальных расстройств. – М.: Академический Проект; Культура.
- Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э., (2007) Новый мужчина: маркетинг глазами женщин/ Пер.с англ. А. Стативки. – М.:ИД «Питер».
- Короленко Ц.П. (1993) Мифология секса. – Новосибирск.
- Bradshaw J. (1988) The Family. Health Communications. Decrfield Beach.— Florida.
- Coleman A., Coleman U. Earth Father/Sky Lather (1981).— Цит. по: Sarrel U Sarrel Ph. (1984) Sexual Turning Points. — N. Y.: McMillan.
- Crawley E. (1960) The mystic ruse.— New York.
- Daly C. (1927) Hindumythologic and Kasirationskomplex // Wien: Imago— Bd 13.
- Fennichel O. (1945) The psychoanalytical theory of neurosis.— New York.
- Gessain R. (1958) Le motif vagina dentate.— Kopenhagen.
- Hays H. (1969) Mythos Frau. Das gefährliche Geschlecht.— Dusseldorf: Karl Ranch Verlag.
- Hite Sh., Colleran K. (1989) Keine Mann am jeden Preis.— Niedenthhausen: Falken Verlag.

- Horney K. (1932) The Dread of Women // The Intern. J. Psychoanal.,— Vol. 13.
- Keats J. (1956) Poetical works.— Oxford: Garrod H.
- Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. (1948) Sexual behavior in the human male.— N. Y.: Saunders W.
- Parkman F. (1910) Some of the Reasons Against Woman Suffrage.— Boston.
- Pater W. (1985) Mona Lisa. Fischer Taschenbuch Verlag.
- Phelps S., Austin N. (1988) The Assertive Woman.— San Louis Obispo. Impact Publishers.
- Pietropinto A., Simenauer J. (1978) Beyond the Male Myth.- - N. Y.: A Signet Book. New American Library.
- Schopenhauer A. (1908) Über die Weiber // Schopenhauers sämtliche Werke. — Leipzig: Brockhaus F. Verlag - Bd 6.
- Stein G. (1985) Femme fatale-Vamp-Blaustrumpf. — Frankfurt am Main: Fischer Verlag.
- Travers E. (1949) Die Blaustrumpfe // Blick in die Welt. — Hamburg —V. 4; N 11.

Глава 4. Психологические механизмы выбора брачного партнера

Freud'ом выделялись два типа выбора объекта, на основе которых происходит нормальное или патологическое развитие, оказывающее, с нашей точки зрения, существенное влияние на выбор брачного партнера во взрослом периоде жизни:

- 1) *анаклитический* (нуждающийся в поддержке раннего родительского типа);
- 2) *нарцисстический*, в содержании которого возможны следующие варианты:
 - а) человек может любить себя таким, каким он является в настоящий момент;
 - в) он может любить себя в своем прошлом имидже;
 - с) он может любить себя таким, каким ему хотелось бы быть;
 - д) он может любить в другом какую-то воображаемую часть себя.

Анаклитический выбор непосредственно связан со следующими характеристиками объекта:

- а) осуществляющая заботу, поддержку и протекцию женщина; в) защищающий мужчина;
- с) обладающие теми же свойствами преемники прежних объектов.

Freud (1915) рассматривал нарциссизм как необходимую промежуточную стадию при переходе от ауто-эротизма к алло-эротизму, то есть к объектной любви. Это состояние на «пол-пути» в норме необходимо. Однако, во многих случаях происходит застревание на нем в течение слишком долгого времени и в результате нарцисстические характеристики переносятся на более поздние периоды развития (*фиксационный* механизм).

Freud считал, что нарциссизм связан с «добавлением» к ауто-эротизму «нового психологического действия». Нарцисстический либидинозный катексис является состоянием, реализуемым в раннем детстве, и в своих основных чертах сохраняется в дальнейших возрастных периодах (*катектический* механизм).

Таким образом, по Freud'у, наиболее ранней примитивной формой отношений индивидуума с окружающей его средой является ауто-эротизм, за которым следует нарцисстическая стадия, на основе которой

развиваются объектные отношения. Это развитие формирует выбор объекта по нарциссстическому типу.

M. Balint (1959) развивает теорию выбора объекта, параллельно критикуя положение Freud'a о «первичном нарциссизме». Автор пишет: «В течение всех 50-ти лет со введения психоаналитической концепции нарциссизма, не были описаны никакие новые клинические наблюдения для доказательства существования или неприемлемости первичного нарциссизма».

В качестве альтернативы Balint предложил теорию «первичного отношения к среде или теорию «первичной любви».

Balint исходит из положения о том, что плод находится в состоянии гармонии со средой в организме матери, но эта гармония строится на постоянном взаимодействии, экстремальной зависимости от среды. Зависимость в это время еще более выражена, чем в периоде после родов. Для благополучия плода чрезвычайно важно, чтобы среда соответствовала его нуждам. Серьезные несоответствия между потребностями и возможностью их обеспечения могут представлять опасность для жизни.

Биологическая ситуация становится основой катексирования среды плодом. Своеобразие процесса заключается в том, что в этом периоде среда, окружающая плод, для него недифференцирована, в ней нет еще объектов как таковых; отсутствует структура; не установлены жесткие границы между плодом – средой и плод проникают взаимно друг в друга и находятся в состоянии «гармонического смешивания» (плод, амниотическая жидкость, плацента). Концепции первичного нарциссизма противоречит то, что ребенок рождается уже в состоянии интенсивных отношений со своей средой как биологически, так и либидинозно.

Роды нарушают равновесие, так как среда резко изменяется, заставляя младенца находить новые способы адаптации. Нарастает отделение младенца от среды. Из «первичной средовой субстанции» начинают проявляться различные объекты, принимающие все более четкие контуры. Младенец постепенно распознает эти объекты, включая самого себя. Либидо не находится уже в состоянии непрерывного гомогенного течения от id к среде и обратно, оно начинает фиксироваться на возникающих объектах.

В тех многочисленных новых ситуациях, когда встречи с объектами оказываются для младенца болезненными (в контрасте с гипотетической гармонией пре-натального периода), либидо может снова возвратиться в его.

Balint считает, что такой возврат способен ускорить развитие, используя при этом попытку восстановить прежнее чувство «Единства», присущее первым стадиям после рождения. Автор выделяет несколько форм либидинозных катексисов, наблюдаемых в раннем младенческом периоде:

а) остатки первоначальных средовых катексисов, перенесенные на возникающие объекты;

в) другие остатки первоначальных средовых катексисов, возвратившиеся в его в качестве вторичных «успокоителей» фрустрации (например, нарцисстические и ауто-эротические катексисы);

с) ре-катексисы, излучаемые из вторичного его-нарциссизма;

д) развитие окнофилических и филобактических структур.

В окнофилических структурах первичные катексисы, хотя и смешанные с тревогой, прилипают к возникающим объектам. В результате объекты чувствуются, воспринимаются как безопасные и комфортные. В то же время пространство между объектами чувствуется угрожающим и ужасным.

В филобактическом мире безобъектные пространства сохраняют первоначальные катексисы и переживаются как безопасные, комфортные и дружеские. В то время как сами объекты чувствуются угрожающими, опасными, предательскими.

Окнофилическая реакция на возникающие объекты проявляется примыканием к ним, эти объекты непроецируются. Без них возникает чувство неуверенности и потерянности. Таким образом создаются условия для гиперкатектирования объектных отношений. В предыдущих исследованиях мы описывали реализацию этого механизма в различных вариантах нарушения привязанности и блокировки интимности.

В филобактическом варианте имеет место гиперкатектирование своих собственных его функций; создаются предпосылки для самостоятельного развития различных навыков, независимых от объектов.

Balint полагает, что на основе окнофилии и филобактизма формируется, с одной стороны, Эдипальный комплекс, с другой – «зона творчества». Зона творчества начинает развиваться с регрессивного отхода от объектов, воспринимаемых как фрустрирующие, к гармоническому смешиванию ранних состояний. Возврат к ранним состояниям дает шанс создать новую, лучшую реальность, чем та, которая

связана с фрустрирующими объектами. К сожалению, этот шанс очень часто не используется, более того, регресс оказывается стойким и деформирующим психику.

Анализируя психодинамику объектных выборов, Balint обращает внимание на то, что некоторые из реальных объектов, в противоположность фрустрирующим и/или индифферентным, становятся источником удовлетворения. Часть среды сохраняет часто некоторые из первоначальных «первичных катексисов». Они становятся «первичными объектами». Отношения с первичными объектами и/или с их дериватами во взрослых периодах жизни будут всегда отличаться от отношений с другими объектами, находясь одновременно в некоторой зависимости от них.

При окнофилии объект воспринимается в виде витальной экзистенциально важной поддержки. Угроза отделения от объекта вызывает тревогу, в качестве защиты человек стремится к прилипающим симбиотическим или зависимым отношениям. В то же время возможна ситуация, когда объект воспринимается в качестве «первичной субстанции» внутриутробного периода, оказывается настолько насыщенным собственными последнему катексисами, что автоматически лишается прав на самостоятельное существование. У него не может быть желаний, стремлений, отличающихся от таковых у индивидуума. Объект должен просто «быть здесь», присутствовать, жить жизнью индивидуума. Мы наблюдали варианты таких отношений при аддикции созависимости.

В этой системе отношений только один из партнеров может иметь интересы, желания, другой партнер-объект лишается всего этого.

В случае возникновения какого-нибудь столкновения, потери гармонии в отношениях между субъектом и объектом, у первого из них возникают признаки агрессивности и дезинтеграции: «как будто весь мир, включая себя, разрушился; как будто субъект оказался поглощенным...агрессивно-деструктивными импульсами».

Психическое состояние такого субъекта, по словам Balint'a, выражается следующим образом: «Я должен быть любим и опекаем во всем каждым...значимым для меня без того, чтобы кто-нибудь потребовал от меня какого-то усилия или ожидал, что я рассчитаюсь за это. Исключительно мои собственные желания, интересы и нужды имеют значение, никто из значимых для меня людей не может иметь каких-либо интересов, желаний и нужд, отличающихся от моих, и, если они имеют какие-нибудь, они должны подчинять их моим без какой-либо платы; в

действительности для них должно быть удовольствием и радостью совпадать с моими желаниями. Если это случится, я буду хорошим, довольным и счастливым, и это все. Если же так не случится, это будет ужасно как для мира, так и для меня».

Окнофилия, по Balint'у, приводит к следующим последствиям:

1. переоценка объекта;

2. относительное подавление развития личностных навыков, которые могли бы сделать индивидуума независимым от его объектов.

Филобактизм, как второй тип примитивных отношений с объектами, предполагает, что объекты рассматриваются как индифферентные или даже как потенциально опасные, которых следует избегать. Однако способность к избеганию требует личностных навыков умения сохранить в себе или восстанавливать свободу действий в безобъектном пространстве, например, уметь отстраниться от неприятных межличностных контактов, уходя в себя и сохраняя единство с теми объектами, которые относятся к классу потенциально первичных: горы, море, лес, вся природа.

Окнофилия во взрослом периоде может оказывать сильное влияние на особенности межличностных отношений, в частности, определять выбор брачного партнера, который в этом случае носит «невротический» характер (*невротический* механизм). Выбранный партнер в реальности не соответствует придуманному имиджу, что вскоре приводит к конфликту интересов.

Один из механизмов конфликтов между брачными партнерами связан с тем, что в бессознательном остаются интернализированные *Self-объектные* отношения с первичными объектами любви, имевшими место в раннем возрасте. Эта сохраняющаяся бессознательная связь может иметь значение в выборе партнёра, определять характер брачных связей и конфликты, возникающие внутри этих связей. В данной ситуации можно говорить о действии такого защитного механизма, как *проекционная идентификация*, связанная с желанием человека вместе с выбором партнёра реактивировать, возродить ощущения, связанные с ранним опытом переживаний в отношениях с первичным объектом любви и проецировать на партнёра эти переживания. То есть, происходит проекция части *Self-объектных* отношений на другую личность (*проективный* механизм).

Подобная динамика прослеживается на примере инцестных отношений в детстве. Лица, являющиеся жертвами таких отношений,

выбирают в ряде случаев себе партнёра, проецируя на него часть Self-объектных отношений, связанных с первичным переживанием инцеста. Они бессознательно идентифицируют свой объект выбора с первичным образом сексуального агрессора, что накладывает определённый отпечаток на зарождающиеся отношения, способствуя развитию, различных конфликтов и фригидности. Такие люди часто становятся жертвами сексуальных агрессий. Внешне это выглядит как случайность, хотя, на самом деле, на бессознательном уровне прослеживается наличие амбивалентного отношения к сексуальной агрессии, что способствует созданию потенциально опасных ситуаций.

В брачных взаимодействиях можно обнаружить содержание проецированного материала, представляющего высококонфликтные элементы отношений между супругами с их первичными объектами с отражением явлений, имевших место в ранних периодах жизни.

Брачные отношения могут провоцировать и «экстернализировать» аспекты старых, иногда очень ранних конфликтогенных отношений. В то же время искажённым образом они обновляют бессознательные потребности, стремления к потерянному инфантильным привязанностям, объектам, по отношению к которым возникает различная степень ностальгических эмоций.

Поэтому внутри брачных диад развивается бессознательная игра взаимных проекций, которая может в результате роста напряжения перерасти в сознательное столкновение, результатом которого становится декомпенсация брачных отношений.

Несмотря на то, что причины брачных конфликтов различны, самыми значимыми из них являются те, которые имеют глубинную психологическую обусловленность, находящуюся в прямой зависимости не столько от текущей ситуации, сколько от индивидуального развития каждой личности, механизмов защиты, бессознательных ожиданий от партнёра, которые могут не удовлетворяться. Эти причины порождают существование большого количества несчастных людей с высокой степенью тревожности, с выраженным чувством вины. Такие люди вместо того, чтобы получать от жизни удовольствие, чувство комфорта, счастья, входят в ситуацию драматического столкновения, приводящего к распаду брачной диады и разводу.

Анализ происходящего на уровне сознания недостаточен, кажущаяся «понятность» причин конфликта не отражает его настоящего содержания. Остается нераспознанной бессознательная часть, приводя,

например, в дальнейшем к повторению ситуации в случае выбора следующего партнёра.

Значение вышеперечисленных бессознательных механизмов в ряде случаев не учитывается даже специалистами, участвующими в решении семейных конфликтов, по причине их недостаточной профессиональной компетентности в решении такого рода проблем.

Между тем, распознавание внутренней бессознательной динамики проецированных частей ранних Self-объектных отношений во многом помогает в разрешении межличностных столкновений, способствуя переходу конфликтующих сторон в новую плоскость коммуникаций и установлению гармоничных социальных связей.

Нами наблюдалось значительное количество супружеских пар, демонстрирующих роковое расхождение между реализуемым и бессознательно желаемым, что становилось основной причиной брачных несоответствий.

Бессознательные ожидания и потребности, предъявляемые к партнёру, могут носить разнообразный характер. Один из частных вариантов – наличие бессознательного желания «получить» в браке нового родителя. Молодая женщина, рано потерявшая отца, после нескольких неудачных связей вступает в брак с более старшим по возрасту мужчиной, проявляя бессознательную потребность приобрести в нём эквивалент своего отца. Её желание не удовлетворяется, так как этот мужчина имеет аналогичное стремление видеть в жене свою мать. Результатом брака является разочарование и неудовлетворённость друг другом, так как женщина не получает ожидаемой от мужа защиты, а муж – ожидаемого от жены материнского внимания.

Иногда выбор брачного партнёра осуществляется с целью удовлетворить инфантильные стремления, вызывающие чувства стыда и страха, что может иметь, в частности, инцестное содержание.

Например, дважды разведённый молодой человек, проявляющий высокий уровень тревожности и депрессию, подтверждённые объективным обследованием, сообщает, что причина двух неудачных попыток сохранить брак заключалась в том, что он воспринимал себя в браке в качестве жертвы. После фазы начальной влюблённости у него появлялась импотенция, становящаяся причиной разводов.

В то же время, наряду с импотенцией, появляющейся при общении с женой, параллельное вступление в сексуальные связи с другими партнёрами половых нарушений не вызывало.

В ходе анализа выяснилось, что у мужчины существует бессознательное стремление видеть в жене мать, воспоминания о которой связаны с запретными инцестуозными желаниями. Результатом возникшей амбивалентности между желанием обладать матерью и запретом, вызывающим чувство стыда и страха, являлось сексуальное нарушение, проявлявшееся только при общении с женой.

При анализе семейных отношений целесообразно получение информации от обеих сторон, что позволяет увидеть ситуацию в другом ракурсе и предоставить партнерам возможность убедиться в том, что в любом конфликте виноваты оба участника брачной диады.

Первичные отношения, фиксация на первичных объектах, особенно в проблемных ситуациях, позволяют определить линию психологического развития личности. Существующие *отклонения в развитии* личности в силу своей выраженности могут приводить к постоянному совершению ошибок, связанных с невозможностью найти себя, обрести свою идентичность и установить прочные супружеские отношения, что проявляется в следующих вариантах:

1. аддиктивные отношения; созависимость;

2. варианты с наличием скрытых причин, при которых скрывается нечто очень важное, какое-то событие, оставившее след и интернализованное в психике на последующие жизненные периоды.

К сожалению, специалистами обращается мало внимания на варианты, характеризующиеся наличием инцестных отношений между братом и сестрой. В этих отношениях, иногда продолжающихся годы, чаще всего в качестве агрессивной стороны выступает брат.

Следствием таких отношений является появление различных форм невротического реагирования и разнообразных видов психологических защит у их участников.

Диагностическая трудность при обращении таких людей к специалистам заключается в предъявлении ими жалоб на что угодно, только не на истинную причину (инцест), спровоцировавшую патологический симптомокомплекс. Последний может проявляться диссоциативными, конверсионными, ипохондрическими, психосоматическими симптомами и др.

Выявление инцеста представляется в этой ситуации чрезвычайно важным, в частности, потому, что второй участник инцестных отношений продолжает на протяжении длительного времени участвовать в жизни сиблинга, во многом определяя её.

Это связано с тем, что эти отношения в некоторых случаях строятся не только согласно модели жертва–агрессор, но имеют и другой компонент, отражающий существующую между сиблингами взаимную зависимость, а иногда и романтическую любовь.

Зависимость, строящаяся на привязанности, обладает значительной силой, особенно в случаях, где брат значительно старше сестры и располагает большими материальными возможностями. Если, помимо этого, брат для сестры является ещё и авторитетом, то его влияние на её будущий брачный выбор будет значительным.

Чаще всего брат выступает как помеха в брачном выборе сестры, препятствуя её вступлению в брак. Возможна и другая ситуация, при которой происходит прямая стимуляция братом вступления сестры в брак с косвенным подбором для неё неадекватного мужа, с ориентацией на скорый развод.

Ситуация, негативно влияющая на будущее замужество, может иметь место во взаимоотношениях мать–дочь, приводящих к формированию у дочери психологической концепции «I am only a daughter».

Мать, воспитывая дочь, пытается сильно привязать её к себе. Дочери внушается мысль о её чрезвычайной значимости для матери, выражающейся в том, что жизнь и благополучие матери зависят только от дочери. Если с матерью что-нибудь случится, в этом прямо или косвенно будет виновата дочь. В таких случаях мать заявляет: «Со мной это произошло потому, что тебя не было рядом». У дочери возникает чувство вины. Наблюдается хронофагия–захват матерью времени, принадлежащего дочери. Хронофагия проявляется в требованиях к дочери проводить все свободное от учебы или работы время дома.

В круг знакомых дочери, находящийся под контролем матери, входят лица, не представляющие непосредственной угрозы для отношений «мать–дочь». Попытки дочери вырваться из очерченной матерью семейной орбиты, куда-то уехать, в чём-то участвовать, иметь собственных друзей, ограничиваются матерью, для чего часто используется механизм «двойной связки» с противоречащими друг другу установками на сознательном и бессознательном уровнях.

Создаются патологические тандемные отношения. В случае возникновения угрозы замужества, мать использует извращённо–феминистическую стратегию, отражающуюся, например, в следующих обращениях к дочери: «Посмотри на историю нашего рода и семьи.

Известными в них были только женщины. Мужчины представляли слабых, безответственных и никчёмных людей».

Такие обращения провозглашаются достаточно часто и интенсивно. Вместе с тем, понимая, что в силу биологических причин, постоянно препятствовать браку дочери не удастся, мать провоцирует ее на неудачный выбор партнёра, поощряя общение дочери с выбранным самой матерью партнёром и препятствуя её встречам с потенциально «опасными» мужчинами. Разрешение матери на общение дочери с «неопасным» партнёром сопровождается иронически-саркастическим отношением к нему. Связь оформляется браком только в случае выполнения парой неременного условия жить вместе с матерью. Находясь рядом, мать использует тактику подрыва отношений, приводящую к окончательному распаду брака, заявляя при этом примерно следующее: « Вот видишь! Я же тебе говорила! Теперь ты поняла это на собственном опыте. Не переживай, каждая из нас должна была через это пройти».

Реализация подобной стратегии возможна и по отношению к сыновьям, которых с детства воспитывают в обстановке максимальной зависимости от матери с «профилактическим» обеспечением основных стратегически опасных позиций, таких, например, как подавление возможности становиться самостоятельным, независимым от матери. С этой целью используется проявление постоянной заботы, препятствование формированию необходимых по возрасту навыков согласно модели: «Ты не справишься, дай я тебе помогу».

Возможны случаи, когда мать заранее выстраивает стратегию жесткого привязывания к себе, используя «игру в психиатрию». При этом подчеркивается неадекватность, непрогнозируемость поступков, агрессивность, нарушение социальных правил ребенком (подростком). Последний изолируется максимально от контактов со сверстниками; по настоянию матери, неоднократно направляется на консультацию к психиатру, на которого оказывается давление с целью диагностирования психического заболевания.

Влияние трансформационных объектных отношений на выбор брачного партнера может быть проанализировано с позиций концепции Bollas'a (1987). Автор подчеркивает значение «тени объекта», возникающей в раннем возрасте. Тень падает на ребенка и оставляет следы в течение всего взрослого периода жизни. *В отличие от классических психоаналитических трактовок*, Bollas анализирует психологический механизм *трансформации сэлфобъектных отношений* и утверждает, что значение первого осознания человеком окружающего мира заключается не

в осознании объекта как такового, а в возникающем при этом процессе отношения. Иными словами, человек осознает и ощущает не сам статический объект как таковой, а чувствует определенное отношение к нему. Эти сэлф-объектные отношения всегда эмоционально оформлены и насыщены, поэтому их сколько – нибудь полная вербализация невозможна или затруднена. Например, при контакте ребенка с матерью или отцом особую значимость для него приобретает не само восприятие родителей, а переживание, которое возникает при этом контакте. Эмоционально насыщенный процесс отношений, во-первых, имеет свойственный каждой семье индивидуальный ритм, а, во-вторых, прочно фиксируется в памяти ребенка. Природа отношений с объектом имеет большее значение, чем качество самого объекта. Ребенок воспринимает мать как процесс, как ритм.

Возникающие эмоционально оформленные отношения с близкими ребенок интернализирует. Анализируя суть введения ребенком информации, автор отмечает, что при этом происходит интернализация не объекта, а процесса, который связан с отношением к этому объекту. Особое внимание фокусируется на эмоциональном аспекте интернализации, т.к. именно от него зависят периодически появляющиеся у человека эмоциональные «вспышки», находящие отражение в его поведении. Следствием проявлений интернализированной когда-то информации является ряд неосознаваемых состояний, которые характеризуются внезапным появлением определенного «настроения». Такие состояния грусти и раздражения, с точки зрения Bollas, представляют собой комплекс состояний сэлфа, связанный с тем, что происходило ранее. Их нельзя назвать пассивными воспоминаниями, т.к. они являются следствием повторного воссоздания прежде существовавших переживаний.

Следовательно, появление у человека определенного оттенка настроения связано с отражением его прежнего Я. В этот момент он «становится» тем, кем он был в детстве, пребывая в состоянии Я, которое было у него когда-то, не отдавая себе отчета в происходящем. При этом он может чувствовать себя виновным, достойным осуждения, покинутым, ненужным и, наоборот, может чувствовать себя прекрасно, «извлекая» из бессознательного грандиозное чувство блаженства, испытанного им когда-то как реакция на похвалу со стороны окружающих.

Таким образом, мы оцениваем внутренний, нераскрытый мир человека не только как мир интернализированных им объектов, образов и репрезентаций, а как мир интернализированных аффектов, которые возникали в момент межличностных отношений и генерировались этими отношениями.

Возникающее у человека несколько повышенное жизнерадостное настроение, не достигающее по своей интенсивности гипоманиакального, и противоположное дистимическому состоянию, получило название ютимического. Это настроение может быть связано с реверберацией тех положительных состояний, которые человек испытывал в ранние периоды жизни, если они были насыщены этим состоянием.

Иногда у человека может отсутствовать способность связать глубокие селф переживания с каким-то конкретным объектом. В связи с тем, что эти селф переживания способствуют развитию идентичности, Bollas называет их консервирующими, то есть сохраняющими чувство детского сэлфа. Иными словами, *то, что было когда-то в детстве, интернализируется и оказывает сильное влияние на смысл дальнейшего существования человека и на выбор брачного партнера.* Это особенно касается травмирующих психику событий, которые овладевали незрелым ребенком еще тогда, когда у него не было возможности символизации и интеграции этих состояний. Эти неинтегрированные состояния и связанные с ними чувства навсегда остаются в бессознании. Имеет значение характер воспитания ребенка, связанный с пренебрежением к нему, отсутствием эмоциональной поддержки, насилием, жесткостью и отсутствием эмпатии.

Мы наблюдали пациента с интенсивными слуховыми галлюцинациями, с его слов являющихся причиной распада двух предыдущих браков. Попытки терапии галлюциноза нейролептическими средствами оказывались малоэффективными. Психодинамический анализ состояния больного позволил сделать вывод, что, несмотря на усталость от голосов, они были чем-то приятны для пациента, т.к. в момент галлюциноза он испытывал положительные ощущения, напоминающие его детство. Голоса ассоциировались с голосами родителей и в этом было что-то притягательное. Пациент «цеплялся» за это состояние, т.к. оно воспроизводило те эмоциональные паттерны, которые были для него когда-то особенно приятны.

По мнению Bollas, эти первичные переживания связаны с контактами с матерью. Автор называет их трансформационными объектными отношениями. К их числу относятся отношения с объектами, которые вызывают наиболее значимые для человека ощущения. Несмотря на то, что мир взрослого человека включает в себя взаимодействие с разнообразными объектами, какой-то один из них имеет для него большее, чем другие, значение. Этот объект называется трансформационным, в силу того, что он приводит к трансформации, стимулирующей внутреннее положительное или отрицательное развитие.

Bollas считает, что на восприятие других объектов в качестве значимых влияют первичные трансформационные отношения, которые складывались у ребенка в ранние периоды его жизни. Это влияние может быть как прямым, так и косвенным, как, например, при созависимых отношениях с партнером, когда трансформационным объектом является не сам партнер, а его «употребление» с целью удовлетворения невротических страхов и потребностей.

Трансформационным объектом может стать встреча с будущим брачным партнером, «спроецированная» на матрицу ранних отношений. В поведении взрослого человека проявляются следы таких отношений. Если мужчина встречает женщину, которая производит на него сильное впечатление, это может быть объяснено тем, что она напоминает ему какой-то трансформационный объект из детства. Возникает сильная эмоция, на основании которой устанавливается определенная связь.

Трансформационные «узлы» очень значимы для человека, т.к. они значительно изменяют его жизнь. В момент кризисов человек стремится к партнеру, вызывающему эти сильные чувства, т.к. встреча с ним выводит его на другую орбиту. Партнер может вызвать ощущение комфорта и способствовать реинтеграции нового опыта.

Bollas считает, что жизнь человека наполнена постоянным поиском новых трансформационных объектов. Поскольку таким объектом может быть созданный в воображении идеальный образ партнера, это позволяет по-новому проанализировать понимание причин одиночества, вызванного неумением совмещать мечты с реальностью и выстраивать отношения с реальными, обладающими как достоинствами, так и недостатками, партнерами.

Практика показывает, что таким «идеалом» может оказаться, например, созависимый партнер, злоупотребляющий алкоголем, что вызовет деструктивный трансформационный процесс. Аддиктивный объект (созависимый партнер) стимулирует и эксплуатирует стремление человека к трансформации, но, обещая конструктивную трансформацию, в реальности обеспечить ее не может. Качество возникших отношений и их значимость зависит от способности спровоцировать возникновение такого вида трансформации человека, который «выведет» его к источникам селфа, к первичному его переживанию. В монографии «Психосоциальная аддиктология» (2001) нами описан **аддиктивный** механизм выбора брачного партнера.

Встреча с трансформационным событием находится в основе селфа. Значимость события заключается в возвращении человека к

невербализуемым и неосознаваемым переживаниям, которые «освежают» чувство жизни и активизируют стремление жить. Происходит как бы второе рождение. Возвращение к источнику сознания в виде основных переживаний в жизни, позволяет найти в себе силы для дальнейшего личностного роста. Этот возврат делает возможным прорыв к новому уровню интеграции и трансформации, катализируя процесс развития. Bollas считает, что у каждого человека существует потенциал для этой трансформации.

Возврат внутрь себя не следует квалифицировать как регрессию в отрицательном смысле. Регрессия может иметь положительное значение. Позитивная сторона этого явления заключается в том, что регрессия на ранний уровень детской психики позволяет использовать его энергетику (источник «живой воды») и стимулировать дальнейшее развитие.

К объектам, которые могут вызывать процесс трансформации, относятся встреча с новым человеком в жизни или изменение отношений с прежним партнером.

Анализ с этой точки зрения мира сексуализированной рекламы позволяет сделать вывод о том, что в основе ожидаемого рекламного воздействия лежит попытка сделать предлагаемый товар трансформационным объектом для потенциального покупателя.

Стремление человека к поиску трансформации это часть постоянно продолжающегося процесса человеческого развития, в основе которого лежит внутренний драйв.

В то же время этот процесс может носить деструктивный характер.

Так, например, может иметь место уход в аддиктивные созависимые отношения с партнером. Временное стимулирование первичного переживания сменяется чувством пустоты, потери связи с глубинной частью своего Я, вызванное стремлением слиться с партнером и установить с ним общие границы. Возникает стремление вернуться к этому состоянию, что достигается путем реализации желания проводить с партнером практически все время.

С точки зрения Vuber (1970), человек оценивает объекты, которые его окружают, исходя из двух позиций. Первая позиция включает в себя отношение «Я-Вы», а вторая, - «Я-Оно». Таким образом, окружающий человека мир разделяется на два класса отношений - отношения к «Вы» и к «Оно». Несмотря на имеющееся в данном процессе разделение объектов и явлений на одушевленные и неодушевленные (люди и предметы), здесь подчеркивается другая, не менее значимая сторона позиции: различие

между отношениями «Я-Вы» и «Я – Оно» заключается не в объектах, которые человек воспринимает, а в самом Я, в разном поведении человека в отношениях «Я-Вы» и «Я- Оно». Предполагается, что в отношениях «Я-Оно» Я носит отстраненный, «глухой», невовлеченный в этот процесс характер. В случаях отношения «Я-Вы» Я приобретает признаки участия, заботы, вовлеченности и принадлежности.

При отношении «Я-Оно», человек рассматривает «Оно» в качестве объектов для достижения своих целей и беззастенчиво пользуется ими. В отношении «Я-Вы» часть, относящаяся к «Вы», признается как свободная и автономная структура второго человека. Следовательно, речь идет о различиях, касающихся не объекта, а состояний Я, возникающих по отношению к этому объекту.

Отношение «Я» к объекту как к «Оно» является типичным для созависимости, при которой отношение к партнеру носит инструментальный, манипулятивный характер.

Отношение человека к сексуальному партнеру также не всегда приобретает значение «Я-Вы». Так, например, в случае промискуитета устанавливаются инструментальные временные, поверхностные отношения с целью удовлетворения сексуальной потребности, т.к. другой характер отношений в данном случае нецелесообразен. Проблема возникает тогда, когда человек настолько вовлекается в отношения «Я-Оно», что при этом теряется способность к установлению отношений «Я –Вы». Для созависимой личности характерна потеря такой способности. Рассуждения о потере способности к установлению отношений «Я-Вы» исходят из наличия таких отношений в прошлом. Если эти отношения существовали, а потом были потеряны, их можно восстановить.

Анализ литературы и собственной практики позволяет заключить, что *психологическими механизмами выбора брачного партнера являются анаклитический, нарцисстический, фиксационный, катектический, невротический, проективный, **аддиктивный** и механизм трансформации сэлф-объектных отношений.* Психотерапия случаев сексуальной и семейной несостоятельности должна учитывать эти механизмы, порождающие большое количество серьезных психологических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2001) Психосоциальная аддиктология. Новоисбирск, Изд-во «Олсиб».

Balint, M. (1959) Thrills and Regressions. London: Hogarth.

Balint, M. (1965) Primary Love and Psycho-Analytic Technique. London: Tavistock.

Bollas, Ch.(1987) The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known. New York: Columbia University Press.

Buber M. (1970), I and Thou. Trans. W. Kaufmann.Seribner's. New York: Harper and Row.

Freud,S. (1915) On Narcissism. SE., 14, London. Hogarth.

Глава 5. Женская сексуальная агрессивность.

Несмотря на общеизвестный факт, касающийся совершения мужчинами большинства сексуальных агрессивных действий, в последние годы становится все более ясной недооценка в постсовременной культуре значения женщин как сексуальных агрессоров. Особенности и проявления женской сексуальной агрессивности сравнительно мало освещены в литературе. Публикации, описывающие отдельные случаи женской сексуальной агрессивности в прессе и других средствах массовой информации носят, как правило, сенсационный характер и объективно смещают фокус внимания читателей, отвлекая их от главных вопросов.

Традиционный имидж женщины как осуществляющей заботу, не склонной к проявлению насилия, создавал серьезное препятствие для распознавания у некоторых женщин опасного агрессивного потенциала (Christiansen, Thyer, 2002; Craissari, 2004).

Только в последнее время начала накапливаться систематически появляющаяся информация о частоте и различных вариантах сексуально агрессивного поведения женщин (Cortoni, Hanson, 2005; Denov, 2003): Ford, 2006, Vandiver, 2006).

Большинство случаев женского сексуального насилия совершается в отношении детей и подростков, хотя зарегистрированы случаи, когда жертвами оказывались и взрослые (Grayston, de Luca, 1999; Krahe et al , 2003). Сексуально повреждающие активности женщин имеют разнообразный характер, включающий специфичные поцелуи, ласки, сексуальное игровое поведение с разновариантными сценариями, оральный секс, пенетрацию пальцами или другими объектами и половое сношение.

Физические формы сексуальной активности часто проявляются женщинами лишь после предварительного периода повышенного внимания, опеки над будущей жертвой, когда ее контроль над своим поведением и возможность сопротивления значительно снижаются или вообще теряются.

При условии второстепенного значения психологического компонента сексуальное насилие с самого начала может носить физический характер. В таких случаях жертвы не оказывают сопротивления из страха быть серьезно поврежденными или из страха нарушить безопасность своих близких.

Grayston, de Luca (1999) выделяет активных или прямых перпетраторов (агрессоров) и косвенных или пассивных перпетраторов. Последние (1) наблюдают сексуальное насилие, но не вмешиваются, чтобы не препятствовать ему; (2) демонстрируют детям сексуальное поведение других или порнографические материалы; (3) предоставляют своих детей мужчинам для совершения над ними сексуального насилия.

Косвенной причиной игнорирования случаев женской сексуальной агрессивности является влияние идеологов феминизма в его максималистском варианте. В результате к настоящему времени общество в целом, в том числе и профессиональные сексологи далеко не в неполной мере знакомы с особенностями женской сексуальной агрессивности, вариантами ее динамики и последствиями. Включение в данную монографию отдельного раздела о женской сексуальной агрессивности обусловлено вышеуказанными обстоятельствами.

Женская сексуальная агрессивность часто рассматривается в контексте общей агрессивности и особенностей женского криминалитета, касающихся совершенных правонарушений с применением физического и/или психологического насилия. Доказательством наличия такого подхода является, например, публикация книги Morris (2008) "Опасные женщины", в которой автор ссылается на статистические данные, согласно которым приблизительно в 30% случаев ювильной преступности агрессорами оказываются лица женского пола. Garbarino (2006) приводит данные правоохранительных органов США о об увеличении случаев женской подростковой агрессии в 1990 годы при одновременном уменьшении количества агрессивных нападений, совершаемых подростками мужского пола. Около одного миллиона женщин в США (одна женщина на 109 жителей) отбывают уголовное наказание в тюрьмах, находясь под домашним арестом, полицейским контролем. Согласно Katzenstein (2008), находящиеся под наблюдением полиции полтора миллиона американских женщин являются матерями несовершеннолетних детей. Автор обращает внимание на то, что еще десять лет тому назад большинство исследователей полагали, что женщины чрезвычайно редко совершают сексуальное насилие

над детьми. Тем не менее, количество женщин, арестованных за сексуальные преступления в 2000 году, возросло к 2008 году в пять раз. В 2004 году Департамент Образования США опубликовал данные о жалобах 20% студентов на сексуальные приставания со стороны женщин - преподавателей и вспомогательного персонала.

Shoop (2003), наряду с другими исследователями, считает, что приблизительно 4 миллиона детей в США подверглось женскому сексуальному насилию.

По мнению Garbarino (2006), за последние два десятилетия обнаружена нарастающая с каждым годом четкая тенденция к снижению возраста лиц женского пола с "плохим поведением". Со слов автора, девушки стали более непослушными, они используют ругательства и одеваются как проститутки. Некоторые из них не только нецензурно бранятся, но и дерутся, и совершают убийства. Количество убийств, совершаемых девушками в США, превышает число убийств, совершаемых подростками мужского пола в некоторых других индустриальных странах. В целом в США лицами молодого возраста ежегодно совершается около 2000 убийств, что составляет 12% от общего количества убийств. При этом девушки совершают приблизительно 10% всех ювенильных убийств. Автор отмечает процесс нивелирования разрыва между количеством случаев мужского и женского насилия. Если в 1980 годы соотношение числа криминальных актов, совершенных девочками и мальчиками было один к десяти, то в последнее время оно составляет один к четырем. 7% учениц и 18% учеников были организаторами и участниками драк, произошедших на школьной территории.

По данным Бюро Судебной Статистики США (1997), количество совершенных женщинами сексуальных правонарушений возросло в период с 1985 по 1994 годы на 11%.

Согласно Allen (1991), в предшествующем десятилетии 3 миллиона детей в США подверглись сексуальному насилию со стороны женщин. Исследования Schwartz и Cellini (1995) показали, что количество жертв женского сексуального насилия составляет от 5 до 60%. McCarty (1985) обнаружила, что 52% сексуальных агрессоров - матерей подвергали насилию своих дочерей, а 35% - своих сыновей.

Результаты исследований Morris (2008) и ряда других авторов показывают, что в большинстве случаев акты сексуального насилия по отношению к детям совершают их матери.

Анализ женской сексуальной преступности затруднен в связи с тем, что большинство лиц убеждено, что молодые женщины не совершают

сексуальных преступлений, что, по данным вышеперечисленных авторов, не соответствует действительности. Существование противоречащего установленным фактам общественного мнения, порождающего подобные ложные убеждения отрицательно влияет на возможность раскрытия агрессивных действий.

Большинство сексуальных агрессий, совершаемых девочками до семнадцатилетнего возраста, включает насилие над детьми различной тяжести, включая изнасилования. В репертуар женского сексуального насилия входят сексуально окрашенные поцелуи, поглаживания и сосание груди, имитация сексуального сношения, касание и проникновение во влагалище пальцами или различными предметами, *cunnilingus*, минет.

Наблюдаются и другие варианты сексуальной агрессии, в которые входят неприличные телефонные сообщения, вуайеризм, эксгибиционизм. Несовершеннолетние девушки оказываются вовлеченными в производство и распространение порнографии. Как правило, девушки проявляют акты сексуальной агрессии по отношению к малолетним членам собственной семьи или к знакомым детям, однако в ряде случаев жертвами становятся и незнакомые дети женского и мужского пола.

Преобладающий возраст жертв женской сексуальной агрессии – 12 лет и младше, средний возраст - 9 лет. Зарегистрированы пятилетние жертвы сексуального насилия (Ryan, Lane, 1997).

Как указывалось выше, в настоящее время представляется возможным выделить несколько типов женской сексуальной агрессии. На основании изучения данных литературы и анализа собственных наблюдений Morris (2008) описывает следующие варианты представляющих опасность агрессивных женщин: женщины, осуществляющие сексуальное насилие над детьми; женщины-преподаватели, проявляющие сексуальную агрессию по отношению к ученикам (студентам); матери-убийцы; женщины, совершающие как сексуальное насилие, так и убийства; и женщины, убивающие своих сексуальных партнеров.

Nathan и Ward (2001) установили, что имеющие место сексуальные отношения между преподавательницами и учениками (чаще мужского пола) женщины квалифицировали как взаимную романтическую любовь, отрицая при этом свою агрессию и насильственное навязывание желаемых взаимодействий.

McCarthy (1986), рассматривая проблему материнско-детского инцеста, обнаружил, что инцестуальные матери в 52% случаев проявляли сексуальную агрессию по отношению к девочкам, а в 35% - к мальчикам. В некоторых случаях жертвами агрессии оказывались соседские дети, или дети,

приходящие в гости поиграть с их детьми. Matthews et al. (1991) описывают пять типов женщин, адресующих свою сексуальную агрессию детям:

- (1) женщины, которые считают себя вовлеченными в романтические отношения с ребенком или подростком;
- (2) женщины, сами подвергшиеся в детстве сексуальному насилию со стороны кого-то из родителей или другого близкого члена семьи;
- (3) женщины с зависимым поведением, принуждаемые совершать сексуальное насилие мужчиной-сексуальным агрессором;
- (4) экспериментирующие подростки, выполняющие функцию воспитателей;
- (5) женщины с психическими расстройствами, часто на психотическом уровне нарушения.

Ogilvie (2004) в публикации об инцестных отношениях между

матерью и дочерью описывает эмоционально нестабильных матерей, нарушающих личностные, телесные и интимные границы детей, что приводит к серьезным последствиям в их дальнейшем психическом развитии.

В последнее время все чаще привлекают к себе внимание факты сексуальных отношений между женщинами преподавателями и студентами, очевидно, в связи с учащением таких случаев и/или их лучшим распознаванием. Проблема должна рассматриваться в контексте влияния и авторитета, которым пользуются учителя у учащихся, их возможностью манипулировать обучающимися с целью удовлетворения потребности в признании, контроле и власти. Некоторые учителя, в том числе женщины, используя свое служебное положение, соблазняют учеников. Исследование случаев сексуального насилия в американских школах, проведенное Associated Press, показало, что в период с 2001 по 2005 годы нарушения сексуального поведения зарегистрированы у 2500 преподавателей. По данным Департамента образования США (Shoop, 2003), в 20% случаев неадекватное вербальное и физическое сексуальное поведение в отношении студентов проявляли учителя женщины.

Существуют разные интерпретации *факторов риска и причин* сексуальной агрессивности девушек и женщин. Так, например, в общей форме придается значение *генетическому фактору*, исходя из предположения, что некоторые женщины несут в себе генетическую, передающуюся по наследству из поколения в поколение, предрасположенность к сексуально агрессивному поведению. Предрасположенность к различным видам агрессии, в том числе сексуальной, связана с темпераментом, определенными *личностными особенностями*. В то же время подчеркивается, что сами по себе

генетические факторы не оказывают существенного влияния на формирование социально опасного поведения женщин.

В качестве фактора, которому придается особое значение, выступает так называемое *примитивное воспитание*. Речь идет, прежде всего, о воспитании детей в молодых семьях, в которых неопытные родители не обладают достаточными знаниями и навыками, необходимыми для воспитания психологически здоровых детей в силу неспособности адекватно и своевременно информировать их о вопросах, связанных с сексом.

Именно поэтому в большинстве цивилизованных стран давно обсуждается идея о целесообразности сексуального просвещения и воспитания будущих родителей в рамках специальных образовательных программ. До настоящего времени необходимость разработки и внедрения таких проектов воспринимается неоднозначно, вызывая возражения, связанные с различными социо-культуральными и религиозными подходами.

Как подчеркивает Morris (2008), к сожалению, в большинстве случаев современные подростки объективно практически лишены возможности получения от своих родителей необходимой информации на волнующие их темы, например, о связи проявлений сексуальности и беременности. Образующийся вакуум неизбежно заполняется информацией, получаемой от сверстников и средств массовой информации, которая часто носит не вполне экологичный с психологической точки зрения характер.

В вопросах отношения общества к сексуальному воспитанию нельзя сбрасывать со счетов влияние взглядов, индоктринируемых различными религиозными сектами. Эти взгляды обычно характеризуются непримиримостью и максимализмом, оправдываемыми ссылками на приверженность субъективно интерпретируемым “древним традициям”.

Примером такого влияния служат ссылки Morris (2008) на тексты радио выступлений и книгу Ingraham (2007) “Сила людям” (Power To The People), в которой автор описывает “эгоцентричных” родителей, воздерживающихся от многодетности по причине экономических трудностей. Ingraham критикует эту позицию, ссылаясь на проповеди William Jeff. William Jeff- пророк фундаменталистской секты «Святых Последних Дней» предстал перед судом в штате Юта в сентябре 2007 года по обвинению в соучастии в изнасиловании 19-летней девушки с целью заставить ее выйти замуж за ее 19-летнего двоюродного брата и незамедлительного деторождения. Согласно достоверным сведениям, William Jeff имел сотни детей от 70 жен, в том числе вдов его умершего отца.

В то же время в *постсовременной культуре* нарастает поток информации, поощряющий сексуальную невоздержанность, женский и мужской промискуитет. Ingraham называет эту культуру «порнифицированной» (Pornified Culture). Levy (2005) использует другой термин - “Raunch Culture”(похотливая культура).

Наглядным примером рекламируемого и насаждаемого средствами массовой информации изменения к сексуальным подходам и паттернам поведения женщин в постсовременном обществе является сериал «Секс в большом городе»(Sex and the City). Премьера фильма состоялась в 1998 году. Фильм и книга того же названия показывают (описывают) женщин старше 30-ти лет, вступающих в многочисленные сексуальные связи и очень много говорящих на эти темы. Их разговоры о сексе не ограничены никакими традиционными условностями, здесь все позволено и выглядит естественно, как само собой разумеющееся. Героини фильма одиноки, их сексуальность и психологические портреты очень архетипны. В архетипности психологических имиджей и сексуальных образов заключается сила их восприятия женщинами с разными личностными характеристиками. Так, для женщин с промискуитетными наклонностями архетипным образом может быть Samantha Jones (Kim Cattrall). Для чрезмерно оптимистичных и доверчивых женщин (Pollyanna) архетипная фиксация возможна на Charlotte York (Kristin Davis). Цинично-осуждающие архетипные черты представлены в образе Miranda Hobbes (Cynthia Nixon). Сама Sarah Jessica Parker, играющая роль Carrie Bradshaw, олицетворяет образ, на который легко проецируются самые разные архетипы.

Происходящая в настоящее время сексуализация девочек начинается с детского возраста и стимулируется популярными, любимыми детьми и хорошо раскупаемыми игрушками. Одним из ярких примеров сделанного нами вывода является чрезвычайно популярная кукла Барби. Внимание ребенка фиксируется на размерах бюста и других сексуализированных частях ее тела. Второй пример - кукла Братц, популярность которой превосходит интерес детей к Барби. Производители серии кукол Братц широко используют косметику и сексуально провокационную одежду с аксессуарами, с помощью которых девочка может создать образ проститутки. Raunch культура не имеет никаких ограничений. Даже девочки с явно избыточным весом сексуализируют избыток массы тела с помощью специально подобранной одежды и многочисленных татуировок. Raunch культура направлена на формирование имиджей сексуальной привлекательности. По мнению Levy, целью ее представителей является привлечение сексуального внимания без вступления в сексуальную связь.

Образцы и продукты постсовременной культуры насыщены разнообразными посланиями сексуального характера, в том числе активизирующими женскую сексуальную агрессивность. Примером служит фильм режиссера Тома Кэлина “Жестокое милосердие” (2007).

Героиню фильма, которую играет Джулианна Мур, бросает муж, уходя к девушке их сына. После измены мужа мать вступает в сексуальные связи с несколькими мужчинами, вызывая дополнительные страдания и ревность сына.

Сохраняя и усиливая свою доминирующую позицию, она изощренно соблазняет своего сына, агрессивно навязывая ему сексуальную связь и полностью подчиняя своим желаниям. Во время совершаемого сексуального акта мать полностью доминирует над сыном и комментирует его действия, употребляя воспринимающиеся как матерински ласковые, но в контексте инцестуозного секса высказывания садистического характера. В результате сын теряет все привязанности. Происходит крах системы его смыслов и ценностей. Фильм заканчивается трагически. Накопленные в бессознании ярость и агрессия приводят к импульсивному убийству матери, а в последующем и бабушки по материнской линии, к которой сын был направлен после признания его невменяемым.

В настоящее время женская агрессивность, в том числе и сексуальная становится все более частым предметом специального исследования. Анализируются причины, по которым женщины постсовременного общества проявляют различные формы агрессии и эффективные меры по предупреждению этого явления.

Как указывалось выше, дискутируется вопрос о значении генетического фактора. Несмотря на то, что до сих пор не идентифицированы гены, непосредственно связанные с фактором общей склонности к совершению агрессии, изучается потенциальная возможность генетического влияния на формирование некоторых индивидуально-психологических особенностей, например, предрасположенности к Нарушению Поведения и к развитию антисоциального личностного расстройства. Тем не менее, одного воздействия генетических факторов явно недостаточно для возможного объяснения женской агрессивности.

Morris (2008) анализирует историографию этого вопроса, начиная с 1960 года. Специалисты по детскому развитию высказывали озабоченность тем, что большое число родителей обнаруживали потрясающее отсутствие необходимых для воспитания психологически здоровых и интеллектуально развитых детей знаний. Одновременно результаты исследований показали, что неинформированные и лишенные необходимых навыков воспитания

родители, в том числе матери, проявляли выраженную тенденцию к пренебрежению своими детьми и к насилию над ними.

В США в 1960 годы была разработана специальная общественная программа по воспитанию психологически здоровых и информированных в вопросах секса родителей (Education for Parenthood) с целью профилактики насилия над детьми. Однако идея о необходимости обучения здоровой сексуальности и навыкам адекватного родительства взрослых и предупреждения проблемного сексуального поведения у несовершеннолетних подростков встретила серьезное социальное, политическое и религиозное сопротивление. В результате в настоящее время большинство тинэйджеров получают интересующую их информацию от сверстников, из СМИ или от необразованных родителей.

Таким образом, анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод о целесообразности проведения дальнейших исследований проблемы в рамках *холистической биопсихосоциокультуральной парадигмы*.

Представленные в литературе результаты исследования инцеста и насилия над детьми со стороны родителей крайне недостаточно освещают не только роль агрессоров женщин, но и позицию, которую при инцестных отношениях занимают непосредственно не участвующие в них родители. Обычно принято считать, что в случае сексуального насилия над ребенком со стороны отца или отчима мать или сама является жертвой, или не ведает о происходящем. Реальная ситуация такова, что в дисфункциональной семье складываются такие варианты отношений, в которых мать по существу вместо того, чтобы защитить ребенка, практически создает статус благоприятствования для совершения над ним сексуального насилия, которое часто приобретает длительный тянущийся годами характер.

Audrey Ricker (2006) на материале собственных наблюдений сотен лиц, перенесших инцест, сексуальное насилие и изнасилование в детском возрасте, выделяет специальную группу случаев фактического стимулирования матерями сексуальных действий мужей или сожителей в отношении их детей. Автор полагает, что такие факты чаще всего встречаются в семьях с «матриархальным статусом». Под последним понимается семья, в которой мать занимает позицию, напоминающую положение королевы. Вся семейная жизнь и все члены семьи вращаются вокруг доминантой и авторитарной матери, решающей вопросы быта, организации жизни семьи, семейных ролей и функций, ответственностей и обязанностей, финансов и др. Семейный статус всех членов семьи определяется ее решениями и никем не оспаривается.

Жертвы инцеста и других форм сексуального насилия в такой семье могут быть отвергнуты, дистанцированы от остальных членов семьи и подвергнуты полной психологической изоляции. Если они решаются пожаловаться на сексуальные домогательства отца или отчима, им не верят.

Матриархальная мать не только руководит, но и активно вовлекается во все виды активности. Все семейные праздники проходят согласно заранее расписанному ею сценарию, любое отклонение от которого абсолютно исключено и совершенно непозволительно. Мало кто из членов семьи может решиться на это, с учетом возможных катастрофических последствий. Действия матриархальной матери не подвергаются критике и всегда одобряются. Тактика и стратегия членов семьи направлена на то, чтобы понравиться матери, завоевать ее доверие и добиться покровительства. В случае полной семьи муж матриархальной матери занимает подчиненное положение, не принимает серьезных решений и полностью подчиняется ей. Никто из членов семьи не рассчитывает на его поддержку в динамике межличностных отношений, так как решающее слово всегда остается за матерью.

На структуру матриархальной семьи не влияют страдания и переживания детей, над которыми осуществляется сексуальное насилие. Речь идет не только о тех сравнительно редких случаях, когда агрессором является сама мать, но и о тех, когда насилие совершается отцом. Самым главным для такой семьи является сохранность матриархального статуса, любые попытки «раскачать» существующую систему встречают ожесточенное сопротивление.

Согласно наблюдениям Ricker (2006), если один из сиблингов в матриархальной семье подвергался сексуальному насилию со стороны отца, другие сиблинги –свидетели насилия не решались поддержать жалобы жертвы матери из-за страха возможных последствий. Автор описывает случай госпитализации жертвы инцеста по поводу возникшего у нее посттравматического стрессового расстройства. Несмотря на это матриархальная мать не только не поддержала ее, но еще и обвинила в том, что она все придумала. Девочку воспитали по типу «личности, осуществляющей заботу», с полным подчинением доминирующей матери, что привело к снижению у нее волевых качеств и самооценки.

С нашей точки зрения, особенности поведения матриархальной матери, очевидно, отражают задействование психодинамических механизмов, выходящих за пределы индивидуальной психики. Повидимому, имеет место феномен овладения психики влияниями материалов, исходящих из коллективного бессознательного. Матриархальная мать своей самооценкой, отношением к детям и другим

членам семьи демонстрирует в той или иной мере проявления архетипа Великой Матери, называемого в психоанализе также комплексом Афины.

Влияние архетипа Великой Матери может быть различным по силе. В мягком варианте оно проявляется в социально приемлемой форме и не вызывает большой настороженности со стороны окружающих. Материнское доминирование объясняется в таких случаях “твердостью характера”, “железной волей”, “сильным организующим началом”. В то же время нарастание силы воздействия архетипа сопровождается поведением, провоцирующим появление настороженности, критики и, наконец, выводов о его неприемлемости и подозрения о наличии психотического состояния.

В некоторых сравнительно легких случаях архетипного влияния матриархальная мать проявляет мягкие формы доминирования и на этом фоне видит все происходящее в розовом свете. Сексуальное насилие над ребенком (детьми) ею действительно не замечается. Даже в таких случаях дети боятся пожаловаться из страха поколебать таким образом ее царственную позицию и нарушить атмосферу фасадного благополучия “образцовой семьи”.

С целью объективизации наличия матриархального статуса матери в семье Ricker (2006) предлагает ответить на вопросы следующего содержания:

- (1) Ведет ли себя Ваша мать в семье как диктатор?
- (2) Чувствуют ли члены Вашей семьи, что они должны советоваться с матерью по поводу каждого решения?
- (3) Должна ли Ваша мать знать обо всем, что происходит в семье?
- (4) Влияла ли Ваша мать на выбор имени детей в Вашей семье?
- (5) Боятесь ли Вы, что Ваша мать будет разочарована в Вас?
- (6) Возникало ли у Вас чувство, что Ваша семья является корпорацией, а Ваша мать ее президентом?
- (7) Думаете ли Вы, что другим членам Вашей семьи не всегда нравится Ваша мать, но они боятся сказать об этом?
- (8) Чувствуете ли Вы, что в экстремальных ситуациях члены семьи рассчитывают на мать?
- (9) Чувствуете ли Вы, что члены семьи должны делать то, чего хочет мать, чтобы в случае необходимости рассчитывать на ее помощь?

(10) Чувствуете ли Вы, что благополучие отдельного члена Вашей семьи менее важно для матери, чем благополучие семьи в целом?

Шесть и более положительных утверждений позволяют сделать заключение о матриархальном статусе семьи.

Ricker исходит из положения о том, что для матриархальных матерей отребность контролировать эмоциональные состояния членов семьи, но эта потребность особенно сильно выражена по отношению к жертвам инцестных отношений. Жертвы инцеста лишаются возможности выражать свои истинные чувства по отношению к происходящему. Вопрос о том, какие чувства они должны переживать, решает только мать, особенно если речь идет о чувствах к ней.

Страх вызвать в свой адрес отрицательное отношение матриархальной матери настолько велик, что он подавляет чувства, связанные с инцестной травматизацией. В результате хроническая психическая травматизация постоянно вытесняется в бессознание, что приводит к нарастанию психического напряжения и способствует развитию второй формы посттравматического расстройства (ПТСР).

Эта форма ПТСР очень часто не диагностируется и в дальнейшем ее симптомы объясняются “плохим характером” ребенка, возрастным кризисом, генетическими особенностями, патологией воспитания. Наличие второй формы ПТСР создает благоприятные условия для развития других психических отклонений, в том числе и развития во взрослом возрасте при встрече с серьезной психической травмой ПТСР, диагностируемого впервые (первая форма ПТСР).

Матриархальный статус семьи предрасполагает к формированию у детей комплекса неполноценности. В случае возникновения инцеста исходно низкая самооценка жертвы становится дополнительным деструктивным фактором, который усиливает чувство обреченности и стыда с тенденцией считать себя виновной/ виновным в происходящем. У жертв постепенно формируется убежденность в том, что они сами провоцируют инцест имеющимися у них отрицательными качествами: слабой волей, испорченностью, похотливостью. Чувство неполноценности постоянно подкрепляется поведением матриархальной доминирующей матери, которая обвиняет ребенка в лени, некомпетентности, безответственности. Любой промах, неудача, ошибка расцениваются не объективно с присущей им конкретной спецификой и конкретными причинами, а субъективно - как неизбежные события, обусловленные отрицательными личностными качествами ребенка. Что бы ребенок ни делал и как бы себя не вел/вела, он/она не получает положительной оценки, похвалы и поддержки.

Коварство ситуации заключается в том, что замечания, осуждения и наказания ребенка формально осуществляются ради “ее/его же блага со ссылкой на самые благородные цели. Интернализованное в психике чувство стыда приводит к чувству неуверенности, невозможности защитить свои личностные границы.

Стимулируется развитие максималистских дуалистических подходов, с полярным «черно-белым» выделением в возможных жизненных стратегиях ролей жертв и агрессоров. С последним, очевидно, связан тот факт, что жертвы инцестных отношений в детстве в дальнейшем сами становятся агрессорами, совершающими сексуальное насилие уже над собственными детьми. По такой модели обычно складывается психо-исторический сценарий семейной судьбы, транслируемый из поколения в поколение.

Возможность и устойчивость инцестных отношений в матриархальных семьях во многом опираются на свойственную доминантным матерям убежденность в том, что она является безукоризненно хорошей родительницей, образцовой моделью матери, достойной подражания.

Матриархальная мать чрезвычайно озабочена сохранением имиджа женщины, заслуживающей всеобщего уважения и в используемых тактиках и стратегиях старается исключать любые события, которые могли бы разрушить этот имидж.

Большое значение имеет способность матриархальной матери в трудных и тем более экстремальных ситуациях дистанцироваться от других членов семьи. Ricker (2006) в этом контексте фиксирует внимание на наблюдавшихся ею фактах, когда, несмотря на разыгрывающуюся в семье инцестную драму, матери проявляли потрясающую способность в реализации своих жизненных планов, карьерных устремлений, возможности получать удовольствие от жизни, поддерживать отношения с прежними знакомыми, принимать активное участие в различных событиях, праздниках, устанавливать новые контакты.

Многие матери детей, являющихся жертвами инцеста, проявляют в этом отношении контрастное поведение. С одной стороны, они занимаются собой, затрачивают энергию и время на достижение успеха в различных сферах своей деятельности, а, с другой, - совершенно игнорируют потребности и чувства своих детей. Этот факт особенно поражает, когда ребенок становится жертвой сексуального насилия.

Способность матриархальных матерей в значимых для них ситуациях и особенно в случаях угрозы их имиджу и статусу отстраняться, дистанцироваться от своих детей, “выбрасывать их из своей жизни” не может на эмпатическом уровне не восприниматься жертвами инцеста, у

которых неизбежно возникают ощущение ненужности, беспомощности, безнадежности, снижается качество жизни, актуализируется предрасположенность к патологии развития.

Исследователи сексуальных девиаций предлагают дифференцировать женщин, совершающих “сексуально повреждающие” действия и насилие на две группы: (1) женщины, которые по собственной инициативе осуществляют сексуальное насилие по отношению к одной или нескольким выбранных жертвам, и (2) женщины “сопровождающего” типа, активно или пассивно участвующие в насильственных действиях других лиц (Mathews, 1987; Nathan, Ward, 2002).

Nathan, Ward (2001) идентифицируют категорию «предрасположенных к сексуально повреждающим действиям насильниц», у которых сексуальное насилие детей и подростков возникает на фоне общей озлобленности, чувства эмоциональной покинутости, одиночества, бессилия, склонности к импульсивному поведению.

Регистрируемые Nathan, Ward признаки, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что они, по-видимому, входят в структуру пограничного личностного расстройства (DSM-IV-TR, 2000).

Подробное описание клиники и динамики пограничного личностного расстройства приводилось нами в предыдущих монографиях (Короленко, Дмитриева, 2006, 2010). В свете современной концепции женской сексуальной агрессивности очевидна целесообразность выделения **новой категории пограничного личностного расстройства с сексуальной агрессивностью**. В наблюдаемых нами случаях сексуальная агрессивность женщин с пограничным личностным расстройством носила как периодический, так и постоянный характер. Объектами сексуального влечения были несовершеннолетние дети и подростки обоих полов. Мы объясняем этот факт изменчивостью гендерных ролей, свойственных лицам с пограничным личностным расстройством.

Nathan и Ward (2002) описывают также женщин, осуществляющих сексуальное насилие над своими детьми в угоду требованиям мужчин. Насильницы обнаруживают выраженную зависимость от своих мужей или любовников, испытывают страх насилия над собой или страх покидания. В то же время Saradjian и Hanks (1996) сообщали, что небольшое количество иницируемых мужчинами женщин насильниц воспринимают свою сексуальную агрессию как средство, облегчающее переживание чувства беспомощности, постоянно присутствующее в зрелых межличностных отношениях.

Значение первичной сексуальной gratификации в качестве основной мотивации женского сексуального насилия подчеркивается Atkinson (2000). Сексуальная агрессия у таких женщин обусловлена не компульсивностью, а их сознательным выбором. Тем не менее, и в таких случаях возможными побудителями действий часто являются чувства гнева, униженности, отверженности, отчуждения, мести.

Согласно наблюдениям Saradjian (1996), прекращение актов сексуального насилия над детьми сопровождается у совершающих его женщин развитием самоповреждающего поведения на фоне выраженных симптомов тревоги и депрессии. На основании результатов исследования подобных случаев Eldridge и Saradjian (2000) приходят к заключению, что реализация сексуального насилия может быть связана с патологической попыткой преодолеть таким образом чувство страха, тревоги и одиночества.

Современными исследователями высказываются разные точки зрения о мотивах женского сексуального насилия. Некоторые авторы (Wolfers, 1992; Forbes, 1993) акцентируют внимание на том, что женщины, как правило, совершают сексуальное насилие над детьми под давлением мужчин и обычно являются "соагрессорами".

В то же время Johansson-Love, Fremouw (2006) сообщают, что из 13 наблюдаемых ими случаев женского сексуального насилия только три совершены под влиянием мужчин.

Gallagher (2000) описывает женщину, играющую ключевую роль в организации сексуального насилия над детьми с вовлечением других женщин, участвующих в насилии и предоставляющих для этого собственные дома.

Struckman-Johnson, C., Struckman-Johnson, D. (1994) описывают случаи, когда женщины принуждали мужчин к сексуальной агрессии. На недооценку роли женщин как инициаторов сексуальной агрессии указывает Ford, Cortoni (2008), Logan (2008). Авторы подчеркивают целесообразность специального исследования сексуальных фантазий женщин, содержания создаваемых в их воображении сценариев, особенностей отклонений в вариантах реализации их сексуального возбуждения.

Ford, Cortoni (2008) и др. полагают, что женское сексуальное насилие является не самостоятельным психосоциальным феноменом, а явлением, неразрывно связанным с процессом развития самооценки, способами преодоления фрустрации, характером переживаний и уровнем развития эмпатии. Особое значение имеет наличие перенесенного в детстве сексуального или других форм насилия. Как известно, перенесенное в детстве сексуальное насилие имеет длительные последствия, одним из

которых является контагиозность, в процессе которой жертва становится сексуальным агрессором в следующем поколении (Warren, Hislop, 2001).

Глава 6. Сексуальный харассмент

Харассмент (harassment) - трудно переводимый термин, обозначающий в широком смысле слова агрессивное поведение в межличностных отношениях, с целью причинения психологического ущерба, унижения, создания ситуации угрозы. Под сексуальным харассментом понимается нежелательное для объекта внимания сексуальное приставание, преследование, домогательство. Такое поведение осуществляется в школе, на рабочем месте, в развлекательных заведениях, на улице и в любых других местах. Английское слово harassment, очевидно, происходит от французского глагола harasser, означающего “мучить”, “беспокоить”, “преследовать”.

В связи с актуальностью проблемы, в 1964 Конгресс США году провел Положение в Акте Гражданских Прав, в котором была запрещена дискриминация на рабочем месте, связанная с вопросами расы, цвета кожи, религии, национального происхождения и пола. Запрет на половую дискриминацию лег в основу первого закона о харассменте с провозглашением политики одинакового уважения лиц обоих полов. Директива о запрещении харассмента на рабочих местах содержалась в Хартии Целей Человека 1969 года, устанавливающей равноправие обоих полов.

В 1986 году Верховный Суд США санкционировал судебное преследование работодателей, способствующих созданию обстановки, благоприятствующей сексуальному харассменту на рабочем месте (Wikipedia, the free encyclopedia).

В 2006 году президент США George W. Bush подписал закон, запрещающий передачу задевающих честь и достоинство личности сообщений по Интернету (aka spanning), без раскрытия реальной идентичности отправителя (McCullagh, 2006).

В Канаде в 1984 году на основании Акта о Правах Человека Федеральная юрисдикция запретила сексуальный харассмент на рабочих местах.

В Соединенном Королевстве также существуют законы, запрещающие харассмент, в том числе Акт Защиты от Харассмента 1997 года.

Сексуальный харассмент включает использование нежелательных, смущающих, вызывающих стыд, чувство унижения слов, действий, символов, жестов сексуального содержания. Харассмент по принципу половой принадлежности и сексуальной ориентации также входят в категорию сексуального харассмента.

В настоящее время в англоязычных странах практически параллельно с термином харассмент используется термин bullying (издевательство, запугивание).

Сексуальный харассмент получил особенное широкое распространение на рабочем месте и в школах. Варианты сексуального харассмента в учебных заведениях различны. Они включают надписи оскорбительного содержания, граффити, распространение сексуально дискриминирующей информации, сексуальные приставания и другие виды сексуально агрессивных действий.

Согласно данным Shephard (2009), сексуальный харассмент в школах стал каждодневным кошмаром для многих учащихся. В Соединенном Королевстве в течение года было исключено из школ 3500 школьников в связи с нарушениями сексуального характера.

По данным Департамента по делам детей, школ и семей (the Department for Children, Schools and Families-DCSF), в 2006-2007г.г. 260 исключенных за сексуальную агрессию учеников продолжали обучение в начальных школах.

В январе 2009 года в эфир вышла передача BBC (Би Би Си) "Дети, Которые Ведут Себя Плохо". В программе Панорама BBC использовались данные DSCF о результатах обследования 273 детей, проведенного с помощью благотворительной организации «Молодой Голос». Было установлено, что каждая/каждый из 10 обследованных детей в возрасте от 11 до 19-ти лет принуждались к участию в сексуальных актах. Диапазон неприемлемого (плохого в широком смысле слова) поведения (misconduct) включал различные его виды: от распространения слухов о сексуальных контактах до изнасилования.

В программе говорилось о необходимости профилактики сексуального харассмента и давались советы учителям о целесообразности стимулирования учеников к формированию здоровых дружеских отношений между подростками мужского и женского пола и противопоставления ганговым группам с мизогинистической идеологией.

Обращалось внимание на факты сексуального харассмента, осуществляемого учениками по отношению к учительницам. Сексуальный

харассмент по отношению к преподавателям женского пола включал использование мобильных телефонов для фотографирования ложбинок бюста, замечаний и комментариев двусмысленного содержания с сексуальным оттенком, использование Интернета с помещением текстов провокационного содержания и в сравнительно редких случаях с угрозами непосредственной сексуальной агрессии.

Констатировано, что до настоящего времени, несмотря на значительное распространение сексуального харассмента, в большинстве учебных заведений Соединенного Королевства, его значение не осознается. Данные о сексуальном харассменте не регистрируются, а в случаях его возникновения необходимые меры не предпринимаются. Вместе с тем, 2242 преподавателя прореагировало на эту телевизионную программу ответами, в которых сообщалось об ухудшении ситуации, связанной с сексуальным харассментом в школах. 2/3 учителей начальных школ придерживаются такой же точки зрения (Shepherd, 2009).

В целях профилактики сексуальных домогательств в учебных заведениях США распространяется информация следующего содержания:

СЕКСУАЛЬНЫЙ ХАРАССМЕНТ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ СУЩЕСТВУЕТ!

ПОДУМАЙТЕ ОБ ЭТОМ!

Согласно отчету “Hostile Hallways” американской Университетской Организации Женщин:

- 85% девушек и 76% юношей сталкиваются с различными вариантами нежелательного и не приветствуемого сексуального поведения.
- 47% студентов отмечают, что первый случай сексуального приставания они испытали в средней школе.
- 66% девушек сообщили, что они испытывают сексуальные приставания “часто” или “иногда”, в то время, как среди юношей таких оказалось 49%.
- Юноши (24%) более часто, чем девушки (14%) испытывают сексуальные приставания в закрытых помещениях.
- Почти 1/3 студентов сообщили, что после этого они чувствуют себя менее уверенными и более застенчивыми.

ФОРМЫ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАССМЕНТА:

- намеренное касание,
- хватание,
- попытки загнать в угол,
- пощипывание; попытки целовать или ласкать;
- замечания по поводу чьего-либо тела;

- сексуальные требования,
- комментарии или предложения;
- чересчур личные разговоры,
- демонстрация порнографических фотографий,
- рассказывание непристойных историй,
- сексуальные шутки или поддразнивание,
- принуждение к свиданию или сексу,
- неприличные жесты,
- оскорбительная демонстрация сексуальных предметов,
- пристальное рассматривание человека, которое может показаться слишком личным;
- требование секса в обмен на звания, продвижение, увеличение зарплаты.

Литература

Короленко Ц.П, Дмитриева Н.В. (2003) Психоанализ и психиатрия: Монография. –Новосибирск: Изд.НГПУ.

Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В., Загоруйко, Е.Н. (2007) Идентичность. Развитие, перенасыщенность, бегство: Новосибирск: Изд.НГПУ.

Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В. (2009) Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постсовременном мире. – Новосибирск:Изд.НГПУ.

Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В. (2010) Личностные расстройства. - СПб.: Питер.

Allen, C. (1991) Women and Men Who Sexually Abuse Children. Orwell, VT. Safer Society Press.

Atkinson, J. (2001) Case Studies of Female Sex Offenders in the Correctional Service Canada. Ottawa . Correctional Services Canada.

Christiansen, A., Thyer, B.(2002) Female Sexual Offenders: A Review of Empirical Research .Journal of Human Behavior in the Social Environment, 6; 1-16.

Cortoni, A., Hanson, R. (2005) A Review of the Recidivism Rates of Adult Female Sexual Offenders (Research Report R-169). Ottawa. Correctional Service. Canada.

Craissati, J. (2004) Managing High Risk Sex Offenders in the Community: A Psychological Approach. Hove, UK. Brunner-Routledge.

Denov, M. (2003) The Myth of Innocence: Sexual Scripts and the Recognition of Child Sexual Abuse by Female Perpetrators. *Journal of Sex Research*, 49; 303-314.

Eldridge, H., Saradjian, J. (2000) Replacing the Function of Abusive Behavior for the Offender: Remarketing Relapse Prevention in Working With Women Who Sexually Abuse Children. In D.Laws, S. Hudson, T. Ward (Eds.) *Remarketing Relapse Prevention With Sex Offenders. A Sourcebook*. Thousands Oaks. Sage.. 427-452.

Forbes, J. (1993) Female Sexual Abusers. *Practice* 6(2);102-111.

Ford, H., Cortoni, F. (1998) Sexual Deviance in Females: Assessment and Treatment. In D.Laws, W. Donahue (Eds.) *Sexual Deviance. Theory, Assessment, and Treatment*.. New York. Guilford, 508-526.

Ford, H. (2006) *Women Who Sexually Abused Children*. Chichester, UK. Wiley.

Garbarino, J. (2006) *See Jane Hit: Why Girls Are Growing More Violent and What We Can Do About It*. New York. Penguin.

Grayston, A., de Luca, (1999) Female Perpetrators of Child Sexual Abuse. A Review of the Clinical and Empirical Literature. *Aggression and Violent Behavior*, 4; 93-106.

Ingraham, L. (2007) *Power to the People*. Washington, DC. Regnery Publishing.

Johansson., Love, J., Fremouw, W. (1996) A Critique of the Female Sexual Perpetrator Research. *Aggression and Violent Behavior*, 11(1); 12-26.

Katzenstein, R. (2008) Foreword. In L. Morris *Dangerous Women*. New York. Prometheus Book.

Krahe, B., Waizenhofer, E., Moller, I. (2003) Women's Sexual Aggression Against Men : Prevalence and Predictors. *Sex Roles*, 49; 219-232.

Levy, A. (2005) *Female Chauvinist Pigs: Women and the Rise of Raunch Culture*. New York .Free Press.

Logan, C. (2008) Sexual Deviance in Females: Psychology and Theory. In D.Laws, W. Donahue (Eds.) *Sexual Deviance*. New York. Guilford, 488-507.

Mathews, J., Mathews, R., Speltz, K. (1991) Female Sexual Offenders: A Typology. In *Family Sexual Abuse*, Ed. M. Patton. New bury Park, CA. Sage Publication.

McCarthy, L.(1986) Mother-Child Incest: Characteristics of the Offender. *Child Welfare* 65, 447-458.

McCullagh, D. (2006) Create An Annoyance, Go To Jail ([http:// news. Com.com./ Create an annoyance, go toJail/ 2010-1028 3-6022491. html](http://news.Com.com./Create-an-annoyance-go-to-jail/2010-1028-3-6022491.html)). CNET nes. January 9).

Morris, L. (2008) *Dangerous Women..* New York. Prometheus Books.

Ogilvie, B. (2004) *Mother-Daughter Incest: A Guide for Helping Professionals.* Binghamton. NY. Haworth Press.

Ricker, A. (2006) *The Ultimate Betrayal* (2005) Tucson. Arizona. See Sharp Press.

Ryan, G., Lane, S. (1997) (Eds.) *Juvenile Sexual Offending: Causes, Consequences, and Correction.* San Francisco. Jossey-Bass.

Saradjian, J., Hanks, H. (1996) *Women Who Sexually Abuse Children: From Research to Clinical Practice.* Chichester, UK. Wiley.

Schwartz, B., Cellini, H. (1995) *The Sex Offenders Corrections: Treatment and Legal Practice.* Kingston, NJ. Civic Research Institute, 5-22.

Shephard, J. (2009) 3500 Pupils Suspended For Sexual Bullying. *Documentary Unveils Widespread Playground Abuse.* Guardian. Couk.

Shoop, R. (2003) *Sexual Exploitation in Schools. How To Spit It and Stop It.* Thousand Oaks, CA. Corvin Press.

Struckman-Johnson, C., Struckman-Johnson, D. (1994) Men Pressured and Forced into Sexual Experience. *Archives of Sexual Behavior*, 23(1);12-26.

Vandiver, D. (2005) *Female Sex Offenders.* In E. McAnulty, M. Burnette (Eds.). *Sex and Sexuality*, vol. 3. Westport, CT. Greenwood Press.

Warren, J., Hislop, J. (2001) *Female Sex Offenders.* In R. Hazelwood, A. Burgess (Eds.) *Practical Aspect of Rape Investigation: A Multidisciplinary Approach.* Boca Raton, FL. CRC Press.

Wolfers, D. (1992) Same Abuse, Different Parent. *Social Work Today*, March 12; 13-14.

Глава 7. Влияние семьи на сексуальную идентичность

Блокировка привязанности и интимности

Анализ результатов собственной практики психологического консультирования показал, что большинство клиентов, обратившихся к нам за помощью по поводу эмоционально-поведенческих проблем, связанных с сексуальностью, испытывают трудности при ответе на вопросы о психологической сущности таких понятий, как привязанность и интимность. Наиболее частыми интерпретациями этих феноменов является их деление на положительную и отрицательную привязанность. Первую, как правило, идентифицируют со здоровьем, заботой, теплом, родством душ, а последнюю - с созависимостью и привычкой. Выраженные трудности испытывают клиенты при ответе на вопрос, насколько близкими по психологическому наполнению являются привязанность и интимность. Большинство опрошенных, как правило, ассоциируют интимность с половыми отношениями.

В связи с существующей в литературе терминологической неопределенностью, касающейся психологического наполнения этих дефиниций, мы попытались исследовать их структуру, конкретизировать типы и описать наиболее часто встречающиеся в психотерапевтической практике варианты блокированной (ограниченной) интимности и привязанности.

По нашему мнению, привязанность – это потребность в длительных, глубоких отношениях, при которой партнеры поддерживают друг друга, помогают друг другу, зависят друг от друга, обеспечивая при этом друг другу определенную степень свободы.

Истоки формирования привязанности идут из детства. Объектом привязанности, как известно, являются родители. Сценарии, подаренные родителями или значимыми близкими, воспроизводятся в дальнейшей жизни.

Мы используем в практической деятельности авторскую классификацию типов привязанности:

1. Нормальная, здоровая, безопасная.
2. Тревожно-цепляющаяся.
3. Тревожно-избегающая.

4. Тревожно-дезорганизованная, хаотичная.

Тип привязанности зависит от экзистенциальной (жизненной) позиции, которая, с одной стороны, выбирается самим человеком, а, с другой, одновременно зависит и от характера взаимоотношений в семье, и от значимого окружения.

Характеристики типов аттачмента (привязанности)

в зависимости от жизненной позиции

1. Нормальный, здоровый, безопасный тип привязанности формируется при условии получения ребенком от матери или от значимого близкого всего, что необходимо для нормального развития. Если все потребности ребенка удовлетворяются, если о нем заботятся родители, если все, что он ищет, он находит, возникает модель здоровых отношений. По мере взросления окружающие воспринимаются как партнеры, страх покинутости и отверженности не формируется. Базовая жизненная позиция «Я благополучен – Вы благополучны».

2. Тревожно-цепляющаяся привязанность возникает в случае дробного частичного внимания матери или другой родительской фигуры. В какой-то момент, когда ребенок нуждался в удовлетворении потребности в ласке, любви, привязанности, заботе, мать испытывала временной дефицит, торопилась по своим делам, не успевала, спешила к мужу, на работу и пр.

Какие взаимоотношения между матерью и ребенком порождает данный тип привязанности? При появлении матери ребенок вцепляется в нее и старается удержать, чтобы убедиться в том, что через несколько минут она не «исчезнет», не убежит снова.

Если этот тип реагирования с желанием удержать значимую фигуру зафиксирован, во взрослой жизни он ляжет в основу зависимого, саморазрушающего поведения. Если значимый человек или объект (алкоголь, работа, или другой аддиктивный агент), обеспечивающий ощущение комфорта и благополучия, удаляются, цепляющаяся, зависимая личность стремится его удержать. Подобный тип привязанности является основой многих видов зависимого и созависимого поведения.

Чтобы элиминировать ощущение постоянной тревоги, используются аддиктивные агенты с седативным эффектом. *Стремление к аддиктивной*

седации является одним из психологических механизмов саморазрушающего поведения.

Индивид с базовой жизненной позицией «Я не благополучен – Вы благополучны» придает объекту тревоги огромное значение. Низкая самооценка формирует установку «я хуже, чем значимый объект».

Клиенты с нормальным, здоровым, безопасным типом привязанности, как правило, справляются со своими проблемами сами и обращаются за психотерапевтической помощью крайне редко. Второй тип привязанности является частым поводом для визита к специалисту, основными задачами которого являются:

- Работа с самооценкой. Трансформация позиции «Я не благополучен – Вы благополучны» в установку «Я благополучен – Вы благополучны».
- Усиление личностной автономии.
- Формирование ассертивной позиции. Обучение умению проговаривать четкое «Нет» и четкое «Да».

3.Тревожно-избегающий, недоверчивый тип привязанности формируется либо тогда, когда мать проводит незначительное количество времени рядом с ребенком, либо формально присутствует, но проявляет безразличное, эмоционально уплощенное, дистантное отношение, не удовлетворяя его потребность в тепле и заботе. Причинами такого поведения могут быть чрезмерная поглощенность чувством к отцу ребенка, учеба, работа, долги, ситуация потери супруга, переезд в другой город, поиск работы и др.

Ребенок воспринимается как помеха. Ему сообщается скрытое послание: «Было бы хорошо, если бы ты сам решал свои проблемы». И, хотя формальная забота вроде бы и присутствует, но крайне ограниченное внимание к нему, формальный тип отношений с наспех осуществляемой заботой формируют ощущение ненадежности, ограниченности внимания и недоверия. Уверенности в получении внимания в дальнейшем нет. Эмоциональная отверженность порождает дефицит эмпатии. Вырастая, такие люди не будут показывать своих чувств и по механизму *проекции* будет отвергать теплоту взаимоотношений с другими. Их жизненным девизом становится утверждение «не верь, не бойся, не проси, не доверяй». При внешнем впечатлении благополучия и успешности, к их лицам «прирастает» маска напряжения, равнодушия и безразличного эмоционального отчуждения. Практика показывает, что большинство обладателей такого типа привязанности - несчастные люди с непоколебимой жесткой, ригидной установкой «Я должен быть благополучным любой ценой».

Следование родительским предписаниям «держи эмоции при себе» и «только слабый обнажает свои чувства» проявляется в запрете на демонстрацию собственных чувств. Внешне наблюдаемое эмоциональное спокойствие маскирует подавленные эмоции, которые, как правило, проявляются в ситуациях, оторванных от контекста культуры, например, за границей, в экстремальных ситуациях, в приеме аддиктивных агентов.

Поскольку для лиц с третьим типом привязанности характерна «замороженность» эмоций, (один из них в ходе беседы сказал, что чувствует себя как мясо в морозилке), в задачи психотерапевта входит простраивание зоны доверия и работа с чувствами.

Корректировать базовую жизненную позицию: «Я благополучен – Вы не благополучны» чрезвычайно трудно. Осложняют психотерапевтическое вмешательство такие личностные качества клиента, как высокомерие, снобизм, пренебрежение, ощущение собственной значимости и эксклюзивности. Неустойчивая самооценка и нарциссизм мешают обращению за помощью, поэтому они приходят к специалисту крайне редко и только при наличии очень серьезных проблем. Для таких «нарциссов» крайне важен профессиональный, социальный и финансовый статус психотерапевта. «Открытые нарциссы» сами светятся от ощущения собственной значимости и ищут «эксклюзивного» специалиста. «Закрытые нарциссы» удовлетворены ликом исключительности психотерапевта и «купаются» в созданном в их воображении образе его исключительности.

4. Тревожно-дезорганизованная, хаотичная привязанность свойственна выходцам из социально неблагополучных семей, в которых родители не обращали на детей никакого внимания. Дезорганизованный стиль воспитания проявляется, например, в том, что сегодня алкоголик - папа пьяный и добрый и поэтому любит маму. Ребенку в этот день достается большая порция тепла. Завтра злой, агрессивный отец избивает мать и издевается над ребенком. Ощущения безопасности нет. Значимые близкие и окружение воспринимаются со знаком минус. Формирование идентификаций и положительных самоопределений, происходящее в раннем детском возрасте, затрудняется в связи с ежедневно обрушивающимися на ребенка хаотическими, беспорядочными и непонятными установками.

Базовая жизненная позиция: «Я не благополучен – Вы не благополучны».

Ощущения безнадежности, недоверия, негативизма, пессимизма, нигилизма порождают пассивное отношение к себе и жизни с позицией «А

зачем что-то делать, если все вокруг плохо и у меня все равно ничего не получится?».

Деструктивный дезорганизованный тип привязанности встречается у детей из так называемых нормальных, формально благополучных семей, в которых потребность ребенка в любви и ласке не удовлетворяется и поэтому ответной стойкой привязанности не возникает.

Частая смена нянь, гувернанток, пребывание в условиях детского дома способствуют возникновению именно такого трудноподдающегося коррекции вида привязанности.

Наиболее типичными *вариантами поведения* таких лиц являются:

- Тяга к идеальной любви и неумение выстраивать близкие отношения. Мечта о красивых, романтических взаимоотношениях существует параллельно с отсутствием знаний о том, как их построить. Одним из наиболее частых высказываний обратившихся к нам за помощью женщин с таким типом привязанности, было следующее: «Я плохая, окружающие еще хуже, все плохо, но когда-нибудь придет принц и подарит счастье». Проблема заключалась в том, что если в редчайших случаях принц все же появлялся, реакцией на него были изумление, неожиданность, недоверие, растерянность, отвержение и не умение завязать с ним желаемые отношения.
- Минимальное проявлении эмоций со стороны окружающих порождает неадекватные ответные чувства. Одна из таких женщин рассказывала, что простой ничегонезначащей улыбкой, подаренной ей шоколадки, коробки конфет или пачки сигарет было достаточно для возникновения желания полного подчинения дарителю. Мужчины паразитируют на таких женщинах, удовлетворяют за их счет многие из своих потребностей. Наиболее типичны для таких женщин частая смена потребностей, беспорядочный секс, отсутствие умения выстраивать отношения близости, ощущение постылости, ненадежности, небезопасности жизни и саморазрушающее поведение с целью избавления от тревоги.

Практика показывает, что при такой базальной позиции тотальной безнадежности клиент «не слышит» специалиста. Он воспринимает только интонации, а не суть обращений к нему. Работа с носителем такого типа привязанности напоминает общение с аутичным пациентом.

Встреча с таким типом личности наиболее вероятна в детском доме, в комнате милиции, в доме интернате, в тюрьме.

Согласно нашим наблюдениям, одним из эффективных методов психотерапии в данном контексте является работа с телом в рамках телесно-ориентированного воздействия, поскольку принцип опоры – это то, что такие лица ищут всю жизнь.

В основе психотерапии шизоидных, аутичных личностных особенностей должно лежать формирование привязанности между их обладателями и специалистом. Неэффективность воздействия связана с нежеланием посещать психотерапевта из-за страха соприкосновения с его «теплом», которое может «обжечь», поэтому при первых признаках напряжения они легко уходят от сеансов и, как правило, больше не появляются на них.

Смысл психотерапии – формирование первого типа привязанности и умения выстраивать партнерские отношения. Основная цель – трансформировать второй, третий и четвертый типы привязанности в первый.

Первоначальную *психодиагностику типа привязанности* облегчает знание следующих ориентиров:

- Лица с первым типом привязанности практически со всеми возникающими проблемами справляются без помощи специалиста. Сила их личности и количество ресурсов таковы, что возникающие у них проблемы переводятся в разряд самостоятельно решаемых задач.
- Если клиент в неприятной для себя ситуации ищет человека, который мог бы помочь ее разрешить, скорее всего, речь идет о втором типе привязанности. В ситуации стресса возрастает потребность быть к кому-то или чему-то привязанным. При этом воспроизводится механизм *регрессии*. Возникает желание стать как в детстве маленьким и найти поддержку и защиту у человека, к которому мы стремимся. В этот момент он становится для нас значимым и «большим». Воспроизведение регрессивных отношений сопровождается поиском родительской фигуры, которая могла бы дать ощущение необходимой заботы.
- Если вышеупомянутая задача не решается, происходит «цепляние» за привычные способы реагирования (фиксация на людях, ситуациях и пр.). Происходит обесценивание окружающих и ситуации и формирование третьего типа привязанности.
- Лица с четвертым типом привязанности чаще других переживают кризис с ощущением хаоса.

Использование в практической деятельности разработанного нами *алгоритма диагностики типа привязанности* позволяет установить, что

именно происходит с клиентом в ситуации стресса. Фактически определяется наиболее привычный индивидуальный способ реагирования на стресс, при котором одни проживают все его стадии с ощущением растерянности, смятения и хаоса, а другие застревают на одной из них. Вероятность вхождения в кризис, скорость его проживания и эффективность выхода зависят от внешних и внутренних ресурсов личности и типа привязанности.

Предложенная нами рабочая классификация типов привязанности и алгоритм их психодиагностики доказали свою эффективность. Понимание и осознание психологических механизмов психических процессов и состояний, переживаемых клиентом, является необходимым инструментом в работе психотерапевта.

Согласно нашим наблюдениям, в основе практически каждой проблемы лежит неудовлетворенная потребность в признании, принятии, любви, нарушение привязанности и интимности.

Анализ литературы показал, что, к сожалению, в психологической науке и практике до сих пор не существует общепринятого понятия любви и интимности. В основе используемой нами индивидуальной концепции любви лежит трактовка этого феномена, представленная в древнеиндийском трактате «Ветка персика», согласно которому влечение ума порождает уважение, влечение души – дружбу, а влечение тел – желание. Более того, мы считаем, что интимность в зрелом возрасте – это прикосновение не столько половых органов, сколько любящих друг друга душ, хотя одно, как известно, не исключает другое. Вышеуказанные концептуальные положения позволили сформулировать *авторское определение интимности*, под которым мы понимаем зависящий от возраста и пола процесс когнитивной, эмоциональной, духовной, сексуальной близости с индивидуальным диапазоном доступности в установлении внутриличностных и межличностных границ.

Анализ наиболее часто встречающихся жалоб клиентов позволил разработать рабочую *классификацию видов блокированной интимности*:

1. Частичные взаимоотношения при невозможности установления полных, удовлетворяющих большинство потребностей отношений, выстраиваются при условии пребывания партнера в браке, или его склонности к аддиктивным реализациям (работоголизм, алкоголизм, гэмблинг и др).

Дробные, частичные отношения устанавливаются с целью получения определенной психологической выгоды, которая хоть каким-то образом уравнивает разочарование от осознания их неполноценности и

ощущения недоступности партнера. *Преимуществами* частичных взаимоотношений являются:

- Возможность избегания страха поглощения (партнер в браке, он безопасен и, следовательно, не причинит вреда).
- Позитивный, волнующий, возвышенный характер эмоциональных переживаний, наполненных ощущением романтического флера (между мной и любимым - его жена, но есть ощущение счастья).
- Подпитка нарцисстически ранимой части Я у нарцисстической личности.
- Редкая возможность получения порции любви и тепла при деструктивных, дистантных отношениях с аддиктивным партнером (жена аддикта, например, алкоголика, безусловно, страдает, но периоды ее страданий сменяются редкими временными промежутками, когда муж не пьет и как в прямом, так и в переносном смысле *принимает ее*, а не алкоголь).

2. Быстрая интимность.

Не краткосрочные, мгновенно развивающиеся взаимоотношения, при которых быстрое мимолетное утреннее знакомство заканчивается вечерним сексуальным контактом, а наличие противоречия, заключающегося в том, что, с одной стороны, предъявляются жалобы на не умение завязывать стойкие отношения, а, с другой- сообщается информация о том, что, например, за неделю имели место три случая вступления в сексуальные связи с малознакомыми женщинами.

Известно, что для установления длительных любовных и сексуальных взаимоотношений необходимо проживание обоими партнерами периода проб и ошибок. Одна из стадий отношений должна включать знакомство, получение информации в процессе нарратива (рассказов о жизни друг друга). Обладание знаниями о близком человеке служит фундаментом прочных отношений и профилактирует возможные разочарования. Период сбора информации сменяется периодом тревоги по поводу возможного отделения. Фантазии о вероятном разрыве отношений – неременный атрибут их прочности. Результат ответа на вопрос: «А сумею ли я ужиться с его/ее недостатками?» может быть как положительным, так и отрицательным. В последнем случае фантазии о разрыве отношений реализуются.

При быстрой интимности партнеры «проскакивают» этот период и быстро «ныряют» во взаимоотношения, длительность которых весьма сомнительна.

3. Цепляющиеся, прилипчивые взаимоотношения устанавливаются в двух случаях. Во-первых, с целью реализации стремления избежать

индивидуализации. Многолетний опыт работы авторов в Вузе показывает, что законный брак как желаемая модель прочных отношений выбирается, например, студентами пятого курса непосредственно перед окончанием ВУЗа. Два одиночества с заблокированной самостоятельностью пытаются выйти в жизнь вдвоем, прилипая друг к другу, чтобы иметь возможность защищать себя вместе.

Второй причиной цепляния за партнера является делегирование ему функции седатика. Примером служат отношения алкоголика и созависимой личности, которая успокаивается, цепляясь за действия, чувства, фетиш и др.

4. Дистанцированные взаимоотношения возникают у лиц, призванных по роду профессиональной деятельности проводить большое количество времени вне семьи (моряки, пилоты самолетов, специалисты, работающие вахтовым методом и др.), и в случае раздельного проживания партнеров (в разных квартирах, разных городах или в разных странах), сексуальная близость которых происходит только на отдыхе. Недолгие встречи на курортах, в свободные от основной работы дни дарят ощущение радости и яркого праздника. Длительное совместное времяпрепровождение порождает обоюдное напряжение и психосоматические проблемы. По образному выражению одной из наблюдаемых нами женщин в последнем случае «происходит наезд на личностные границы», т.к. навыки, умения и знания о том, как жить вместе отсутствуют.

5. Секс без эмоциональной вовлеченности - еще один вариант нарушенных дисфункциональных семейных отношений, предпочитаемый лицами, склонными к промискуитету (беспорядочные сексуальные связи) или свингерству (приглашение другой пары для секса). В случае договорного брака один или оба партнера удовлетворяют сексуальные потребности «на стороне».

И хотя приглашающие другую семью для сексуальных контактов лица (свингеры), делают акцент только на физической составляющей секса и, согласно данным литературы, не испытывают никаких эмоций, с нашей точки зрения, было бы неправильно утверждать, что свингеры, затрачивающие огромное количество энергии на контрактно-договорные отношения, не переживают при этом вообще никаких чувств. Обмен чувствами происходит, но осуществляется он опосредованно через другую пару. Семья ищет психический «материал» для укрепления своих социальных, эмоциональных и сексуальных взаимоотношений вовне. Возникает созависимая «сцепка», при которой один партнер, активно настаивающий на свингерстве, впоследствии испытывает вину, а другой, пассивно соглашающийся с ним, переживает чувство обиды и протест. Возникающее у обоих партнеров эмоциональное насыщение нивелирует горечь от ощущения нарушения

личностных границ. Один из пассивных участников таких встреч, обратившийся к нам за помощью, назвал свингерство «изнасилованием по договоренности, но с принуждением».

6. Эмоциональная вовлеченность без секса.

Отношения строятся на взаимном эмоциональном притяжении друг к другу, защите от взаимных сексуальных притязаний, прилипанию друг к другу и отсутствию сексуальных контактов. В сознании одного или обоих партнеров существует расщепление между фасадной идеальной, романтической частью сексуальных отношений и их грязной, недоступной, низменной составляющей. Представители такого взгляда утверждают, что их семья может жить и прекрасно обходиться без секса и их отношения и без него полны, насыщены и интересны.

Наиболее часто такие отношения наблюдаются:

- у партнеров, предпочитающих свободные от обязательств верности друг другу отношения, основой которых служит духовная близость;
- у пожилых пар в связи с естественным угасанием потребности в сексуальных отношениях;
- при сексуальных дисфункциях.

7. Садомазохистические взаимоотношения выбирают лица, глубоко убежденные в своей эмоциональной холодности. Они находят друг друга из всего богатства выбора по наличию признака неспособности полноценно испытывать чувства или уверенности в узости и незначительности диапазона имеющихся у них эмоций. Первоначально возникающее увлечение друг другом сменяется разрядкой сексуального напряжения. Ощущение эмоционального и физического напряжения от возможной близости с объектом сексуальной привязанности и характерная для таких контактов тревога увеличивают ценность разрядки. Расширение диапазона и интенсивности возникающих эмоций совпадает с пиком физической боли. Один из наблюдаемых нами клиентов заявлял: «Я могу разрядиться от напряжения только тогда, когда секс сочетается с болью».

Работая с такими клиентами, мы пришли к заключению, что садист и мазохист – это парные, взаимозаменяемые роли. Мазохист в сексуальных отношениях отыгрывает свою агрессию в других сферах активности и, наоборот, агрессивно, жестко, а порой brutally ведущий себя садист в отношениях, например, с женой, в отношениях с родственниками и коллегами проявляет спокойствие, доброжелательность, гибкость, мягкость и нежность.

8. Враждебная зависимость – вариант отношений, противоречащий известной поговорке «Милые бранятся - только тешатся». Речь идет о проявлениях жесткой обоюдной агрессии, реализуемой в постоянных конфликтах, физических баталиях и сражениях, результатом которых является не разрыв отношений, а продолжение устраивающего партнеров совместного проживания и общения. Супруги остаются вместе потому, что крайне нуждаются друг в друге.

Получаемая ими психологическая выгода заключается в потребности иметь объект для проективного отыгрывания (проекции своих отрицательных качеств на другого, например обвинения его в собственных недостатках).

Вместо того, чтобы разбираться со своей депрессией, печалью, гневом, осознанием собственного несовершенства, несостоятельности партнера, негативными чувствами и пр., проще и легче спроецировать их на объект привязанности.

В ходе беседы и сбора анамнеза мы наблюдали следующие закономерности:

- чем более отрицательными были родительские фигуры в детстве, тем большей была потребность в наличии объекта для отрицательной проекции во взрослом периоде жизни;

- чем враждебнее вели себя родители в детстве, тем в большем объеме отыгрывалось агрессивное поведение во взрослой жизни.

Многочисленные драки, побои и телесные повреждения заканчиваются в таких парах сладким примирением в виде полноценного секса. Враждебность отношений не влияет ни на количество, ни на качество секса. Более того, в таких драчливых парах импотенция и фригидность регистрируются значительно реже, по сравнению с партнерами, предпочитающими другие варианты интимности.

Конфликты, ссоры и скандалы воспринимаются через розовые очки романтизма и имеют сходство с садо-мазохистическими отношениями, в связи с созависимостью и снятием сексуального напряжения посредством сексуальных контактов.

У женщин, предпочитающих такой характер отношений, регистрируется большое количество абортов, как последствий *проективного отыгрывания партнера в виде физического повреждения* (репродуктивная сфера женщины выбирается партнером как мишень для разрядки его агрессии).

Поскольку такие лица не имеют в личной жизни опыта достойной, полноценной эмоциональной близости (родители не воспитали и не обучили их навыкам установления гармоничных эмоциональных отношений), психотерапия враждебной зависимости строится на формировании эмоциональной близости со специалистом. Почувствовав безопасность и возможность установления доброжелательных и добросердечных отношений, клиент привносит этот новый опыт в личные взаимоотношения.

Встречаются случаи враждебной зависимости партнера из деструктивной семьи от партнера из здоровой, функциональной семьи. Согласно нашим наблюдениям, динамика и исход такого «мезальянса» зависит, прежде всего, от глубины повреждения личностной идентичности. Чем выше уровень повреждения и дезинтеграции идентичности, тем больше степень *самоповреждающего отыгрывания*, например, в аддиктивном агенте. Один из обратившихся к нам клиентов (мужчина средних лет, злоупотребляющий алкоголем и женившийся на «достойной во всех отношениях девушке из хорошей семьи») сказал, что «вместо жены он дубасит себя». Рискованное автовождение, стритрейсинг, дайвинг и другие экстремальные виды спорта, свойственные лицам с таким вариантом интимности, подтверждают наши наблюдения.

Мы считаем, что одним из видов аутоагрессии, наиболее часто встречающихся у субмиссивных (подчиняющихся, пытающихся занять во взаимоотношениях «пристройку снизу») женщин, является запрет на проявление себя, на демонстрацию негативных чувств, мыслей и паттернов поведения. В результате «бытовой аутоагрессии» появляется скука. Женщина, в особенности не обремененная необходимостью зарабатывать деньги, начинает скучать, т.к. не может дать себе разрешение проявить себя. Мы называем такой вариант неполной блокированной интимности *аутоагрессивным проективным бытовым отыгрыванием*, проявляемым в виде «немотивированного» внезапно возникающего гнева с яростной брутальностью, когда спокойная, адекватно ведущая себя женщина вдруг начинает бить посуду, ломать мебель, набрасываться с кулаками на окружающих.

Представляет несомненный интерес проанализированный нами ранее теоретический аспект психоаналитических механизмов выбора брачного партнера. С практическим аспектом индивидуальных предпочтений мы неоднократно сталкивались во время проведения тренингов, когда из всего богатства выбора (например, наличия в группе двадцати привлекательных женщин) мужчина, не обращая внимания на девятнадцать участниц, выбирает двадцатую, не скрывающую а, порой явно демонстрирующую свое

нежелание общаться с ним, руководствуясь принципом: «Я точно знаю, кто сыграет со мной в мои игры». Партнеры с враждебной зависимостью подходят друг другу как ключ к замку. Проводя экспериментальное исследование по изучению сексуальной идентичности, мы наблюдали две супружеские пары, сложившиеся во время обучения в школе и по истечению длительных брачных отношений выбравших свингерство как средство расширения диапазона сексуальных предпочтений. Их высказывания были практически идентичными: «Мы знаем друг друга со школы, чувствуем принадлежность друг к другу, давно знаем друг друга и можем договориться о чем угодно».

Обобщая результаты проведенного нами исследования, следует заключить, что использование в теоретической и практической работе *разработанной нами рабочей классификация типов привязанности, алгоритма их психодиагностики, характеристики типов привязанности в зависимости от жизненной позиции, авторских определений привязанности, интимности и классификации видов блокированной интимности доказало свою эффективность.*

Литература:

Дмитриева, Н.В. (2010) Психология привязанности и интимности // Личность и общество: проблемы современной психологии: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (1февраля 2010г.) – Новосибирск: Издательство ЭНСКЕ, С.67-80.

Добряков И.В. (2010) Перинатальная психология. – СПб.:Питер.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.(2003) Психоанализ и психиатрия: Монография.- Новосибирск: Изд.НГПУ.

Психология привязанности и ранних отношений: Тексты /Сост.и перевод с англ. М.Л.Мельниковой, (2005); Под ред.С.Ф.Сироткина. Ижевск:НИПЦ, «ERGO».

Bowlby J. (1951) Maternal care and mental health //Geneva World Health Organization monograph, Ser.2.

Bowlby J. (1958) The nature of child's tie to his mother // Int.J.Psychoanal.Vol.39; 350-373.

Влияние семьи на возникновение сексуальных дисфункций

В исследовании влияния семьи на пациента не следует ограничиваться изучением только родителей. Необходимо учитывать роль и других членов семьи (в так называемой расширенной семье).

Члены семьи, как правило, сообщают о пациенте информацию, отличающуюся от информации, предоставляемой пациентом, которая является неполной и недостаточно достоверной, проходя сквозь призму их (членов семьи) картины мира.

Современные исследователи семьи характеризуют её как основную социокультурную единицу, посредством которой из поколения в поколение передаются традиции, привычки и подходы к сексуальным отношениям. При этом следует принимать во внимание возможность анализа семьи как комплексного образования в нескольких направлениях:

1. исследование членов семьи;
2. исследование субсистем семьи;
3. исследование жизненного цикла семьи;
4. исследование взаимодействия семьи как группы с другими группами;
5. исследование семьи как полной системы.

Исследование отдельных членов семьи включает фокусировку внимания на личности, её индивидуально-психологических качествах, на поведении каждого из членов семьи. Семья рассматривается как аккумулятивный результат поведения всех её членов. Семья как целое состоит из членов, которые в совокупности создают качественно новую функцию семьи. Взаимодействия отдельных членов семьи могут быть очень разными. Например, нормальное, функциональное взаимодействие родителей и детей является благоприятным для развития каждого из членов семьи. В отличие от обстановки дисфункциональной семьи здесь создаются более благоприятные условия для реализации своего потенциала, духовного, эмоционального, когнитивного и сексуального развития. Возможны и другие варианты взаимодействия, примером которых может быть следующее наблюдение:

К нам обратилась 35-летняя женщина с жалобами на ухудшение сексуальных отношений с мужем и внезапно возникшее антисоциальное поведение сына-подростка. Появление первых признаков антисоциальности связывала с предразводными отношениями с мужем, который прямо объявил ей о наличии у него сексуальных отношений с другой женщиной и желанием создать с ней новую семью. Узнавший об этом сын стал периодически убегать на несколько дней из дома, плохо учиться, воровать,

употреблять наркотики. Обеспокоенный отец в разговоре с женой сказал, что уйдет из семьи тогда, когда сын «образумится». В момент очередной ссоры с сыном он обвинил его в эгоизме и в том, что из-за него рушатся его матримониальные планы.

Анализ мотивации сына подтверждает обоснованность его антисоциального поведения целью сохранения семьи. Возникшее напряжение во взаимоотношениях родителей уменьшается и контролируется присутствием и поведением сына. «Принимая огонь на себя», он препятствует распаду семьи. Таким образом, сохранение единства семьи является, возможно, полностью неосознаваемой целью сына, реализуемой им в содержании его поведения. Сын становится одним из патологических «симптомов» дисфункциональной семьи.

Такой сдвиг от изучения нарушений у отдельного индивидуума к изучению внутрисемейных межличностных отношений – не просто иной способ изучения сексуальных дисфункций, а новая концепция нарушений, расширяющая границы традиционного диагностического мышления.

Изучение субсистем семьи подразумевает анализ отношений между супругами, родителями и детьми, сиблингами. Анализируются межличностные отношения, эмоции, роли, которые играют члены субсистем по отношению друг к другу, конфликты, возникающие между членами субсистемы.

Исследование влияния жизненного цикла семьи на характер сексуальных отношений между супругами включает анализ семейных событий, таких, например, как рождение, взросление, воспитание детей, уход детей из дома.

Изучение семьи как сравнительно изолированной группы предполагает учёт вида иерархии в семье, способов осуществления коммуникации, ролевого поведения. Изучаются взаимодействия семьи с другими социальными структурами, оценивается выполнение семьей конкретных жизненных задач, поведение семьи в ситуации стресса, использование ею социальных и других ресурсов сопротивления стрессу, опыта других семей и своего собственного прошлого опыта.

Исследование семьи как системы основывается на теории систем, согласно которой семья воспринимается как существующая в системе единица, включающая в себя интрапсихические, межличностные, внутрисемейные и экстрасемейные события и перспективы, взаимодействующие между собой как целостная система.

Изучение семьи должно включать в себя необходимость учёта культуры добрых сексуальных отношений. Подходы к добрым

отношениям варьируют в различных культуральных группах, даже живущих недалеко друг от друга. Отношения различных поколений к добрачным связям могут изменяться с течением времени, что может способствовать возникновению конфликтов.

Ноеbel (1972), исследуя отношения к добрачным сексуальным связям в Европе и в США показал, что большинство респондентов акцептирует добрачные сексуальные отношения, не возражая против них и не давая им отрицательных оценок. Из этнографического атласа Murdock (1967) следует, что из опрошенных 863 семей 67% не возражали против добрачных сексуальных отношений. *Пермиссивные общества*, допускающие такие отношения, находятся в Тихоокеанской зоне. *Рестриктивные общества*, ограничивающие эти отношения, расположены в бассейне Средиземного моря. *Учёт этих факторов необходим при анализе возникающих у пациентов скрытых стрессовых состояний как реакций на нарушение сексуальных отношений и запрета на добрачные отношения. Эти состояния проявляются по-разному и способствуют возникновению нарушений приспособления и декомпенсации некоторых личностных расстройств.*

Существуют общества, в которых браки ранжируются родителями, предварительно заключающими добрачные контракты. К таким обществам относятся некоторые Восточные страны и некоторые регионы бывшего СССР. В Китае, например, брачные контракты могут заключаться ещё до появления детей на свет. Описан случай, когда родители маленькой девочки на Тайване, облачив её в традиционный свадебный костюм красного цвета, отправили для проживания и воспитания в дом будущего мужа. Девочка росла вместе с будущим «женихом». Жених и невеста воспитывались как сиблинги с получением возможности пережить длительный период общения с инцестным табу. Исследования, проведённые Wolf (1966) на Тайване, свидетельствуют о том, что большинство «женихов», воспитывающихся в аналогичных условиях, в дальнейшем не хотели жениться на невестах, напоминаящих им сестёр. Более того, у этих «женихов» диагностировались психологические проблемы, препятствующие их вступлению в брак вообще. Эти молодые люди, поддерживая с псевдоневестами дружеские отношения, вступали в брак с другими женщинами, часто посещали проституток и вступали во внебрачные сексуальные отношения. Таким образом, диагностированные нарушения включали, с одной стороны, тенденцию к промискуитету, а, с другой, - затруднение сексуальной ориентации с неуверенностью в себе.

В семейных подсистемах прежде всего выделяют подсистему муж-жена. С психологической точки зрения целью брака является получение

безопасности, которую обеспечивает брачный союз, облегчающий жизнь партнёров посредством получения ими сексуального удовлетворения, удовлетворения от рождения и воспитания детей и других способов взаимодействия друг с другом. Основная природа брака состоит в реализации этических и моральных ожиданий, посредством которых достигается определённое членство партнёров в обществе с получением возможностей удовлетворить биологические, психологические, социальные и экономические требования. Брачные отношения могут рассматриваться или как обязательный контракт на длительный период, или как функциональное образование, основанное на взаимном удовлетворении потребностей и отношений. Если эмоциональные потребности и отношения не удовлетворяют друг друга, супруги могут разорвать эти отношения.

При рассмотрении семьи в целом сексуальные дисфункции следует квалифицировать в контексте семьи. Всякое нарушение, возникающее у отдельного члена семьи и имеющее индивидуальное проявление, вместе с тем представляет собой определённый признак, отражающий психическое неблагополучие семьи, которое могло существовать до возникновения этого нарушения, или служить проявлением тотальной дисфункциональности всей семьи. Индивидуальные нарушения отражают одновременно патологическое функционирование целостной семьи. Более тщательные исследования позволяют диагностировать комплекс дисфункциональных отношений в семье, которые нуждаются во вмешательстве для их устранения. Например, многие сексуальные расстройства члена семьи позволяют установить их связь с характером, «стилем» повседневной жизни в семье. В таких случаях, как правило, диагностируются ригидность отношений, хронический стресс и внутрисемейные конфликты.

Если у кого-то из членов семьи развивается психосексуальное нарушение, оно в той или иной степени «передаётся» другому члену семьи и, таким образом, один член семьи «заражает» этим расстройством другого, что может проявляться такими клиническими признаками, как диссоциация сексуальной идентичности, подозрительность, психоэмоциональное напряжение, симптомы посттравматического стрессового расстройства, вызванного ревностью, и др. Анализ описываемого контагиозного феномена у одного из членов семьи свидетельствует о том, что возникновение психосексуального нарушения у него является часто вторичным. Иногда такая диагностика бывает возможной только в результате длительного наблюдения в условиях разъединения членов семьи, в результате которого первичные нарушения не проходят, а вторичные, индуцированные через какое-то время исчезают. Контагиозный процесс нарушения психического состояния двух членов

семьи носит название «*болезнь двоих*». В случае включения в этот процесс большего количества людей используется термин «*семейное безумие*».

Исследования обнаруживают *наличие преморбидных особенностей у членов семьи, предрасполагающих их к развитию индуцированных состояний*. К ним относятся: определённые биологические детерминанты; наличие между членами семьи сильных эмоциональных связей, обеспечивающих их привязанность друг к другу; наличие стрессовых ситуаций.

Существующие в семье эмоционально стойкие связи способствуют возникновению у её членов стремления к семейному единству, желания разделять семейные невзгоды между собой, быть ближе друг к другу. Тем не менее, в таких семьях могут создаваться условия для возникновения *индукции нарушений*.

Влияние семейного фактора прослеживается при индуцировании, в частности, интимофобии.

Интимофобия характеризуется иррациональным страхом интимного контакта с другими людьми, при котором человек старается избежать ситуаций, представляющих потенциальную угрозу. Ранее это расстройство не диагностировалось, или терялось в массиве навязчивых страхов различного содержания. Причиной расстройства является озабоченность, связанная с впечатлением, которое произведет результат сексуального контакта на партнера. Озабоченность приводит к страху перед близким контактом, к опасению быть сексуально несостоятельным.

Анализ пациентов с интимофобией позволил сделать заключение о том, что это *расстройство развивается у «чрезвычайно чувствительных», рефлексирующих лиц, дискриминированных и лишённых чувства доверия в семье. Имеет значение негативный сексуальный опыт в прошлом и наличие факторов, вызывающих социально негативную оценку индивида в семье*. К таким порицаемым окружающими чертам относится социальный неуспех, развод родителей и все те ситуации, которые снижают самооценку детей и делают их чрезмерно чувствительным к оценке окружающими. В благоприятной обстановке, свойственной функциональным семьям, развитие интимофобии мало вероятно.

Семейными факторами, предрасполагающими к возникновению интимофобии, являются вербальные и невербальные ошибки коммуникации, подрывающие доверие ребёнка к эффективности его общения с другими людьми.

Так, например, молодой человек, эмоционально тесно связанный с матерью, получает от неё «послание» о том, что он должен наконец вступить в отношения с девушкой. Это воспринимается им как стимул к затянувшейся сепарации от матери. В ответ на сообщение сына о том, что он идёт на свидание мать «выдаёт» резко отрицательную реакцию, исключая первое послание и сопровождающуюся словами: «Как ты можешь уходить из дома, ведь ты проводишь со мной так мало времени».

Второй пример. Отец говорит дочери о том, что он её очень любит. Дочь, ориентируясь на его вербальное признание, стремится подойти к нему, приласкаться, но он отстраняется от неё. У дочери возникает состояние внутреннего напряжения и недопонимания.

Третий пример. Мать рассерженная поведением сына – подростка испытывает к нему резко негативные эмоции. Однако, в процессе приближения к нему, её охватывает чувство вины в связи с её отрицательными эмоциями. Не в состоянии подавить их, она внешне проявляет к сыну чувство любви и заботы. В такой ситуации сын воспринимает два «послания». С одной стороны, он чувствует, что мать его не любит, а, с другой стороны он сталкивается с демонстрируемой матерью нежностью. Ощущение фальши провоцирует развитие у него состояния неопределённости, тревожности, а во взрослой жизни интимофобии.

Обстановка, насыщенная взаимоисключающими принуждениями, приводит к тому, что дети, вырастая, плохо разбираются в общении с людьми, не зная, чего от них ожидать. Такое воспитание способствует развитию подозрительности, неуверенности, приводит к стремлению быть социально изолированным.

Рассмотрению семейной структуры пациентов с сексуальными дисфункциями с позиции изучения наличия в этих семьях явления созависимости до сих пор не уделялось достаточного внимания. Феномен созависимости хорошо разработан и проанализирован только на модели аддиктивного поведения. В то же время созависимость проявляется и в других нарушениях, выступая, например, в рамках соаддиктивных расстройств, при которых речь идёт о взаимодействии друг с другом нескольких людей, страдающих аддикциями.

Созависимость может рассматриваться и как форма болезни и как аддикция, выходящая за пределы химических аддикций. Созависимость – это аддикция отношений у личностей с расстройствами избегания и зависимых личностей.

Первым вариантом стратегии, используемым при созависимости, является контроль. Рассмотрение созависимости в рамках алкогольной модели невозможно без акцента на существующей в ней стратегии контроля.

Стратегия контроля осуществляется созависимыми людьми в семьях и выглядит следующим образом. Жена, получив информацию о том, что у мужа появилась другая женщина, берет на себя функции контроля над его поведением. Этот контроль может быть достаточно жестким. Роль контролёра часто очень устраивает жену, придавая особый смысл ее жизни. Контроль, осуществляемый над мужем, приводит к тому, что различные виды его деятельности, не имеющие к адюльтеру никакого отношения, а связанные с его обычными мотивациями, начинают контролироваться и осуждаться, в случае несовпадения поведения мужа со схемой, существующей в сознании контролёра.

Контроль характеризуется подозрительностью, сопровождающейся вопросами типа: «Где ты был? С кем общался? Что ты делал?». Такой контроль имеет отрицательные последствия для всех членов семьи, провоцируя возникновение отрицательных чувств как у мужа по отношению к контролёру, так и наоборот. Возникает замкнутый круг взаимного недоверия. Контроль приводит к усилению аутизма и поведенческой пассивности мужа. Возможна также провокация агрессивности и актуализация параноидных реакций.

Специалистам следует помнить о том, что амбивалентные межличностные отношения могут быть признаком нормы, а не патологии. «Выискивание» патологии в амбивалентности способно значительно ухудшить межличностные отношения.

Вторым вариантом стратегии, использующимся при созависимости, является протекция–защита, тесно связанная с контролем. В семье мужа, склонного к промискуитету, эта защита часто проявляется в том, что его защищают от возможных последствий его активного поведения. Мужчину защищают таким образом, чтобы он не имел возможности активно общаться с женщинами, так как это может подорвать авторитет и престиж семьи. Защита может проявляться и в ограждении мужа от выполнения других семейных функций.

В алкогольных семьях контроль имеет несколько иную специфику. Он более формален. Достаточной эмоциональной поддержки алкогольный аддикт не получает. На этот фон наслаивается механизм двойной связки (амбивалентность посланий, одно из которых – вербальное – проходит на уровне сознания, другое – невербальное, более значимое, – на бессознательном уровне).

ЛИТЕРАТУРА

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н., (2000). Идентичность в норме и патологии. – Новосибирск, НГПУ. – 256 с.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., (2000). Социодинамическая психиатрия.-М.: "Академический проект", Екатеринбург: "Деловая книга".– 460 с.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., (2003). Психоанализ и психиатрия: Монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ. – 667 с.

Виртуальное сексуальное насилие над детьми

В условиях постмодернистского мира Интернет настолько прочно вошел в нашу жизнь, что представить ее себе без него практически невозможно. Несмотря на безусловность позитивных моментов, связанных с Интернетом, последний привнес в жизнь среднестатистического человека массу серьезных проблем, одной из которых является перманентно осуществляемое Всемирной Паутиной виртуальное сексуальное насилие над детьми, приводящее во многих случаях к развитию порнографической аддикции (Skinner, K.,2005)

Страницы многочисленных порносайтов преступно доступны для малолетних пользователей, открываясь неожиданно, безо всяких усилий и грубо вторгаясь в психическое пространство детей. Порнопродукция в неограниченном количестве бесконтрольно «обрушивается» на ребенка, открывающего сайты с любимыми героями –покемонами, Наруто и др. Между тем, результаты исследований показывают, что, несмотря на интерес подростков к сексуальным отношениям, формат их представления на порносайтах вызывает беспокойство, тревогу, страх, протест и нежелание соприкоснуться с последними. Более того, противозаконность, брутальность и аморальность информации пугает не только подростков, но и большинство взрослых.

В связи с этим, нам хотелось бы остановиться на весьма поверхностном анализе внутренних (психологических) и внешних (социальных) *факторов риска, обуславливающих виртуальное сексуальное насилие над детьми.*

Психологическими факторами риска являются индивидуально-психологические особенности личности ребенка. Например, *любопытность, стимулирующая поисковую активность и*

заинтересованность в исследовании Интернета. Не секрет, что дети гораздо быстрее взрослых постигают секреты новых технологий и программ и являются не менее «продвинутыми» пользователями интернета. Одной из составляющих виртуального мира является виртуальный секс, в отношении к которому дети представляют собой чрезвычайно уязвимую часть населения. При столкновении с жесткостью и насилием в Интернете возникает угроза психофизической интегральности и психосоматическому здоровью детей. Всемирная Паутина вовлекает детей в интернет-площадки, на которых часто пропагандируется употребление наркотиков, проституция, гомосексуализм и педофилия.

Специалисты все чаще наблюдают сегодня деструктивные последствия бесконтрольного взаимодействия ребенка с Интернетом в виде девиантного, поврежденного, деформированного развития личности, дезинтеграции идентичности и нарушения психосексуального развития. Виртуальное сексуальное насилие над детьми уже давно относится к числу серьезных проблем российского общества. Всемирная Паутина является зоной максимального благоприствования для совершения виртуальных развратных действий против детей – как самой распространенной формы сексуального насилия.

Вторым *психологическим фактором* риска виртуального сексуального насилия над детьми являются возраст и особенности психики несовершеннолетних детей: неспособность прогнозировать свои действия, анализировать происходящее, доверчивость, открытость миру, отсутствие необходимой осведомленности в вопросах сексуальности и жизненного опыта.

Социальными факторами риска виртуального сексуального насилия над детьми являются сексуализация СМИ, рекламы, товаров потребления, табуирование родителями обсуждения интересующих детей сексуальных вопросов, стили воспитания (например, по типу гипоопеки), чрезмерная занятость родителей реализацией своих целей и задач. Родители, забывающие или не имеющие возможности контролировать собственных детей, даже не подозревают, что последние надолго «зависают» на чатах с сексуальной ориентацией с названием «Виртуальный секс» и др.

Негативные *последствия виртуального соблазна* трудно переоценить. Они зависят от продолжительности, характера сексуального контакта и особенностей психики ребенка. Особенно тяжелые последствия виртуального сексуального насилия выявляются у девочек. Специалисты диагностируют наличие у них склонности к крайним сексуальным проявлениям, смешанной или навязчивой мастурбации и к сексуальному

интересу по отношению к взрослым, раннему материнству, абортам, нарушениям личностной и социальной адаптации.

Зависимые, недостаточно развитые, сексуально соблазненные Интернетом дети вовлекаются зачастую в не очень понятные сексуальные взаимодействия без их согласия, дать которое они не способны.

Сексуальная травматизация ребенка зависит от возраста. Наличие ее на начальных стадиях психосексуального развития (до 13 лет) приводит к грубым деструкциям ядра личности, нарушениям и расстройствам поведения, к числу которых относятся проблемы с установлением межличностных отношений, эмоциональной отгороженности, безучастности, недоразвитии эмпатии, неадекватным поведенческим паттернам. Воздействие виртуального секса на завершающей стадии развития сексуальности чревато развитием личностных расстройств, возникновением регрессивных форм поведения, деперсонализации, дереализации, диссоциации идентичности личности.

Задачами сексуального воспитания, профилактирующего вышеперечисленные нарушения являются:

1.Создание в семье атмосферы взаимного доверия.

2.Понимание родителями факта «нормальности» и закономерности интереса подрастающих детей к теме отношения полов и настороженность в случае его отсутствия. (Полное отсутствие интереса к этой теме в процессе взросления ребенка чревато возникновением нарушений его психического развития, возникновения в дальнейшем проблем, вызванных недоразвитием половой, гендерной и сексуальной идентичности).

3.Предоставление детям возможности обсуждения со взрослыми интересующих его вопросов.

4 Информирование о возможности столкновения с порнографией в момент самостоятельного пользования Интернетом. Объяснение разницы между нормальными сексуальными отношениями, включающими закрытость от окружающих, тайну, интимность, доверие и защиту личностных границ от открытости, демонстративности, агрессивности порнографии как индустрии «выкачивания» денег противоправным и аморальным путем.

5.Формирование у ребенка ответственного отношения к выбору информации в Интернете.

6.Строгий контроль над пребыванием ребенка в Интернете.

7. Запещение пользоваться компьютером в отсутствии родителей. В случае сомнения в выполнении просьбы, последующий контроль за тем, что именно являлось объектом его внимания в Сети.

8. Установка программ-фильтров, блокирующих доступ к нежелательной информации.

9. Информирование о законах Сети. Например, получение знаний о том, что внезапное появление порнографических картинок направлено на пробуждение интереса к порносайтам, просмотр которых стоит денег.

10. Обучение ребенка алгоритму немедленного выхода из порносайтов.

11. Наказание за платное пользование порносайтами в виде лишения права пользования компьютером на какое-то время.

12. При отсутствии желаемого уровня доверия к ребенку размещение компьютера в местах, доступных для деликатного и незаметного для ребенка родительского контроля его пребывания в Сети.

13. Создание в семье психологической обстановки, профилактирующей слишком ранний повышенный интерес ребенка к порнографии.

Специалисты отмечают, что рост обращений за помощью родителей, обеспокоенных просмотром детей порнофильмов и порносайтов во время их отсутствия дома зачастую спровоцирован ранней сексуализацией детей самими родителями. Во время беседы с такими матерями выясняется, что они считают возможным проходить, например, обнаженными в ванную комнату через комнату сына, делиться с ним информацией о своих сексуальных партнерах, обсуждать с ним интимные подробности сексуальных взаимоотношений с отцом и пр. Спровоцированное матерью сексуальное возбуждение сына снимается посредством контакта с порнопродукцией. В таких случаях мы имеем дело со спутанностью ролей и функций, при которой границы роли матери размываются и она параллельно играет роли подруги, соблазнительницы и др., бессознательно пытаясь привязать к себя сына и сохранить свое влияние на него.

Правовые механизмы идентификации и привлечения к уголовной ответственности за виртуальное сексуальное насилие в нашей стране до настоящего времени практически отсутствуют. Российское законодательство не обеспечивает безопасность детей в Сети. Лицемерно провозглашая широкоизвестные тезисы «Все лучшее – детям!» и «Дети – наше будущее!», Россия до сих пор не подписала такие значимые международные документы, как факультативный протокол Конвенции ООН о правах ребенка,

касающийся детской порнографии, детской проституции и продажи детей, и Конвенция о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. В такой ситуации обучение детей безопасному поведению в Интернете и обеспечение их безопасности в Сети является одной из приоритетных задач семейного и школьного сексуального воспитания.

Было бы неправильно утверждать, что никто в нашей стране не занимается проблемами безопасности детей в Интернете. На сайте Центра безопасного Интернета (<http://www.saferunet.ru>) функционирует горячая линия, позволяющая ребенку пожаловаться на случившееся с ним в Интернете и бесплатно получить необходимую психологическую помощь по телефону 8-800-200-24-00.

Литература

Skinner, K.,(2005) Treating Pornografy addiction. Provo, Utah. GrowthClimatc.

Сексуальное воспитание

Актуальность проблемы сексуального воспитания в настоящее время обусловлена значением, которое занимает сексуальность в структуре личности. По нашему мнению, это место является “центральным”. В ряде современных публикаций подчеркивается роль сексуальности в формировании идентичности и становлении межличностных отношений.

Тем не менее, многие аспекты сексуальности в сознании большей части популяции в постсовременной культуре воспринимаются неоднозначно, являются предметом периодически обостряющихся дискуссий, вызывают смятение, растерянность, смущение, тревогу, а порою неадекватные максималистские высказывания и реакции.

Широко распространенное невежество и неправильное понимание значения сексуальности в сохранении психосоматического здоровья личности и улучшении качества жизни приводят к различным отрицательным последствиям. К ним относятся, в частности, нарушение нормальной коммуникации, неоправданные стрессы в межличностных отношениях, искаженная самооценка, особенно в области гендерной идентификации. Деструктивность этих проявлений связана с тем, что они носят не спорадически возникающий, а хронический длительный характер, обусловленный их интернализацией и трансмутацией (формированием в психике функциональных нарушений) с развитием стойких ригидных, монополярных, однонаправленных бескомпромиссных умозаключений, решений и активностей.

Сложившаяся ситуация осложняется распространенным, зачастую скрываемым, но вполне определенным чувством неуверенности в вопросах, касающихся сексуальности, что приводит к нежеланию затрагивать эту тему или ограничиваться при прикосновении к ней общими фразами, абстрактными рассуждениями, декларативными заявлениями.

Сформированные в сознании популяции психологические и социальные стереотипы и предубеждения являются серьезным препятствием в создании и тем более в реализации программ сексуального воспитания.

Вместе с тем, было бы ошибкой выделять в консервативных подходах к сексуальному воспитанию только отрицательные стороны. Реальность такова, что существующие программы, как правило, далеки от совершенства, эклектичны, строятся по заимствованным моделям, разработанным на базе других культуральных стереотипов и недостаточно учитывающим национальные традиции данного региона.

Содержание форм, методов, средств и психологического наполнения программ по сексуальному воспитанию периодически дискутируется как в профессиональной литературе, так и в средствах массовой информации, причем в последних гораздо чаще, чем в первых. Создание даже гипотетически вероятно перспективных программ исходно затрудняется рядом зафиксированных в сознании предвзятостей. К числу последних, в частности, относится убежденность в том, что феномен сексуальности включает в себя лишь сексуальный акт и прокреативную функцию. Негативные последствия такой широко укоренившейся тенденции исключают холистическое интегральное, многомерное, междисциплинарное толкование проблемы, что находит выражение в создании формальных узконаправленных программ, касающихся лишь отдельных аспектов сексуальности.

Замена понятия сексуальности понятием сексуального акта неизбежно приводит к возникновению установки, что сексуальность отождествляется с кратковременным сексуальным контактом, который происходит в определенном месте с помощью “специфических частей тела и часто приводит к зачатию” (Roberts, 1986).

Подобная трансмутированная в психике модель сексуальности фактически отделяет последнюю от других жизненных функций, психологических переживаний и от функционирования личности в целом.

Находящиеся под бессознательным и сознательным влиянием лимитированной «инвалидизированной» модели сексуальности лица испытывают серьезные затруднения в нахождении способов выражения

разнообразных, сложных, связанных с сексуальностью эмоций и переживаний.

Одним из негативных последствий влияния данного стереотипа является чрезмерная фиксация не на прелюдии и процессе сексуального акта, а исключительно на результатах его физической составляющей. Мысли о возможной неудаче присутствуют не только на сознательном, но и бессознательном уровне, вызывая неуверенность, тревогу, страхи, провоцирующие вероятность возникновения сексуальных дисфункций. Одним из психологических механизмов формирования последних являются самоосуществляющиеся пророчества (*self-fulfilling prophecy*), приводящие к развитию именно тех состояний, которых больше всего боятся.

Акцент на узкой трактовке сексуальности отражается на содержании сексуального воспитания, сводимого исключительно к физиологическим механизмам реализации сексуальной функции.

Большое значение имеет распространенная в популяции убежденность об отсутствии **детской сексуальности**, низкая информированность о стадиях детского эротизма, начинающегося с момента рождения младенца (оральная стадия) или активное отвержение такой информации. Вышеизложенное создает условия для формирования у родителей и профессионалов пассивной позиции в решении проблемы сексуального воспитания.

Как известно, сексуальность не сводится к сексуальному акту и предваряющим его действиям, она не ограничивается также прокреативными функциями. В диссертационном исследовании Н.И.Айзман «Психологические средства формирования сексуальности личности», выполненном под нашим научным руководством в 2010г., экспериментально установлено, что сексуальность личности представляет собой структуру в составе целостной идентичности и включает эмоциональный, когнитивный, поведенческий, телесный и экзистенциальный компоненты, базирующиеся на осознании человеком своей гендерной идентичности, оценке понятий мужественности и женственности.

В сексуальности интегрируются потребности в глубоких эмоциональных контактах, взаимопонимании, сочувствии, любви, с ее разнообразными оттенками, эротическими сновидениями и фантазиями.

Сексуальность присутствует в качестве важного компонента в структуре сэлф-объектных отношений, она влияет на содержание отношений и, в свою очередь, сама находится под влиянием этих отношений.

Согласно определению United Church of Christ (1972), “Сексуальность состоит из эмоциональной, физической, когнитивной, ценностной и спиритуальной составляющих. Ее дименсии являются личностными и социальными... Сексуальность представляет критический компонент личностного самопонимания и самоотношения человека к окружающему миру”.

Выход за границы узкого понимания сексуальности сегодня начинает восприниматься как само собой разумеющийся факт, входящий в систему общих гуманитарных ценностей. Этот процесс происходит постепенно и имеет разную динамику в различных культурах. Расширение диапазона понимания сексуальности, ее роли в обеспечении качества жизни выдвигает новые требования к сексуальному воспитанию. Возрастает понимание недостаточности упрощенных схем обучения и воспитания в этой области, ограничивающихся изложением фактов из анатомии и физиологии. Приходит осознание необходимости использования в этом процессе интегральных многосторонних подходов. Становится все более ясным, что сексуальное воспитание нельзя заменить циклами лекций и семинаров по контрацепции и семейному планированию.

Сексуальное воспитание ребенка, начиная с первых лет его жизни, должно носить не изолированный характер, а быть неразрывно связанным с его социальным, эмоциональным, когнитивным, духовным и физическим развитием.

В последнее время все большее внимание в реализации данной задачи уделяется наиболее раннему периоду жизни ребенка, в связи с пониманием значения условий воспитания в младенческом возрасте для его нормального развития в онтогенезе.

Большое значение в этом процессе играют как вербальные, так и невербальные методы и средства. Сексуальное обучение детей не ограничивается использованием одного лишь языка. К невербальным средствам эффективного воздействия относятся выражение лица, жесты, мимика, поза. Следует учитывать, что интонационные оттенки речи оказывают порой более существенное влияние, чем содержание произносимых слов, советов, указаний и наставлений, так как они сильнее воздействуют на глубинную бессознательную систему разума, научившуюся распознавать значение этих сигналов раньше понимания слов еще в младенческом периоде. Дети обучаются правильному сексуальному поведению на невербальном уровне посредством не только сознательного, но прежде всего бессознательного наблюдения всего происходящего в непосредственной близости от них.

Расхождение в содержании прямой вербальной коммуникации, обращенной к ребенку, с информацией, передаваемой на невербальном уровне, формирует неблагоприятный синтезированный конструкт в виде “двойной связки” Bateson’a, с помощью которого ребенку передаются два противоположных по своему значению послания. Это приводит к формированию во взрослом периоде жизни психологии двойного стандарта, когда думается одно, переживается второе, а делается третье.

Невербальное послание сильнее воздействует на бессознательную сферу и поэтому обладает большим эффектом по сравнению с вербальной информацией, что приводит в случае возникновения «ножниц» к возникновению эмоционального напряжения, сомнения в правильности понимания смысла происходящего, истинного отношения к сути высказываемых наставлений, предписаний, к транслируемой взрослыми сексуальной морали.

Заведомо неправильные, неискренние ответы родителей на вопросы детей, касающиеся сексуальной тематики, отрицательно влияют на развитие сексуальной сферы ребенка. Дети, утратившие доверие к родителям, получив интересующую их информацию из других, нередко антисоциальных источников, формируют примитивные, вульгарные подходы к этой важнейшей стороне психической реальности.

Одной из причин примитивизма и вульгаризации сексуальной социализации молодежи является отказ родителей или других авторитетных взрослых отвечать на связанные с сексуальностью вопросы, порицание, одергивание и апелляция к чувству стыда ребенка. Последний в таких случаях вынужден получать информацию от сверстников, из книг, журналов, других средств массовой информации, что формирует у него искаженную картину, осложняющую нормальное сексуальное развитие.

Центральное место в сексуальном воспитании занимает обучение ребенка гендерным ролям в контексте соответствующих культуре представлений о мужественности и женственности.

Культуральные ожидания в отношении характеристик мужественности и женственности непосредственно влияют на содержание вербальных и невербальных посланий, адресуемых ребенку, начиная с наиболее ранних периодов развития.

В традиционной и модернистской культуре все обстояло относительно просто. Гендерные содержания в целом соответствовали биологическому полу. Мальчики мужали, интериоризируя черты мужественности, девочки становились женщинами, идентифицируя себя с образом женственности. Имела место прямая “линейная” зависимость между биологическим

базисом и социально конструированными гендерными стереотипами. Уже в дошкольном возрасте в психику интроецировались представления о социальной необходимости вырабатывать и придерживаться отличающихся друг от друга мужского и женского стилей поведения. Во многих случаях процесс гендерной сепаратности усиливался отдельным обучением мальчиков и девочек.

Постмодернистская культура осложняет формирование сексуальной идентичности в связи с нарастающим непостоянством, неуверенностью, потерей значения прежних, считавшихся незыблемыми ценностей и смыслов. Фундаментальные представления о гендерных ролях подвергаются серьезному испытанию. В быстром потоке изменений многое определяется словесными формулировками, которые очень часто меняются, фиксируя реальность лишь на короткий промежуток времени.

Постсовременная личность сталкивается с ситуациями, когда его/ее отношение к окружающей действительности, к самой/самому себе определяется произносимыми фразами авторитетных в той или иной области людей. Непостоянство затрагивает и сферу гендерных ролей.

Растет количество лиц, подвергающих сомнению правильность прежних четко дифференцированных понятий и определений мужественности и женственности. Со второй половины 20 века в профессиональной литературе появляются работы, описывающие явления андрогинии. Как известно, андрогиния представляет собой психологическое состояние, в котором индивидум аккумулирует в себе черты мужественности и женственности. По влиянию конкретных обстоятельств андрогинный индивидум, вне зависимости от биологического пола, проявляет женские или мужские паттерны ролевого поведения.

В результате возникает феномен гендерной флюидности, характеризующийся неоднократной сменой мужской и женской гендерной идентичностей у одного и того же индивидуума (Diamond, 2008). Примером, подтверждающим данное положение, являются результаты диссертационного исследования М.Н.Сазонова «Влияние деформации личностных ценностей на гендерную идентичность личности», выполненного под нашим научным руководством в 2010г., в котором экспериментально установлено, что значительное количество обследованных автором студентов одного из новосибирских вузов представлено лицами с андрогинной идентичностью.

Освобождение от груза ригидных гендерных ролей в постсовременной культуре объективно воспринимается многими лицами молодого возраста как психологически приятное явление, так как ассоциируется с

раскрепощенностью, представляет возможности для изучения себя, своих скрытых возможностей, активизации репрессированных психологических функций. В динамике этого процесса не берутся во внимание его негативные последствия, не учитывается, что постсовременная культура не только фрагментирует личность, но и подавляет и искажает ее эмоциональное функционирование, акцентируя значение формально-логического мышления. В результате возникает хронический психологический дискомфорт и внутренняя неудовлетворенность своим состоянием. Давление нереализованных, непроявленных бессознательных эмоций нарастает, что может приводить к внезапной инфляции сознания плохо интегрированными элементами первичного процесса. Появляющийся на таком фоне соблазн высвобождения от традиционных стереотипов, расширение их границ может повлечь за собой самые нестандартные реализации.

Люди постсовременной культуры испытывают серьезные затруднения в выражении интимности. Это обусловлено недоразвитием эмпатии, блокировкой эмоциональной сферы в детском возрасте. Дети не обучаются адекватному выражению интимных мыслей, чувств и переживаний как на вербальном, так и на невербальном уровне.

Неуверенность, нерешительность, растерянность в интимных ситуациях, доходящая до интимофобии, характерна в настоящее время для различных категорий мужчин и женщин. Этот феномен, к сожалению, до сих пор не исследован в достаточной степени.

Единственным исключением в этом отношении является исследование любовных аддиктов, проведенное Mellody (1992) и Ц.Короленко и Н.Дмитриевой (2001). Mellody констатировала наличие у любовных аддиктов двух основных содержаний страха. На сознательном уровне они испытывают страх покидания и в связи с этим стараются постоянно контролировать поведение партнера/партнерши, существенно ограничивая их личную свободу. На бессознательном уровне любовные аддикты испытывают страх интимности, так как не имеют опыта адекватного поведения в интимных отношениях, что оказывается одним из важных элементов риска разрыва интимных отношений.

Описанный Mellody страх интимности у любовных аддиктов в настоящее время стал типичным. Он наблюдается в широких слоях популяции и имеет тенденцию к нарастанию, по мере того как элементы постмодернистской культуры внедряются в повседневную жизнь большинства людей. Обучение правильному отношению к интимности, профилактике нарушений, вызванных недостаточной эмоциональной, сексуальной и духовной интимностью должно входить в структуру

сексуального воспитания в качестве основных звеньев. В свете всех этих аргументов мы публикуем в данной монографии специальные сведения, посвященные коррекции и профилактике нарушений, вызванных недостаточной эмоциональной, сексуальной и духовной интимностью.

Проведенный нами анализ характера сексуального воспитания в современном и постсовременном обществах выявил преобладание акцента на физической составляющей сексуальных отношений. В традиционном обществе этот контекст отношений, как правило, не освещался. В дальнейшем альтернативной стала фиксация внимания на физиологии сексуальности, на функциях тела, у мужчин - на "перформансе" – коитальном соитии - совершении сексуального акта, а у женщин - на внешней физической привлекательности, на своем теле как инструменте привлечения сексуального внимания, атрибуте настоящей женственности.

Одним из последствий такого ограниченного толкования сексуальности явилось по существу исключение ее роли из большинства аспектов повседневной жизни и сведение ее значения к кратковременному периоду непосредственного совершаемого полового акта. Это приводило к пренебрежительному отношению к другим элементам эротизма, к обеднению палитры сексуальных переживаний, лишенных широкого спектра чувственности.

Поколение, выросшее на усеченной модели сексуального воспитания, было вынуждено самостоятельно «добирать» необходимую информацию о значении периода предварительных ласк, прикосновений, поглаживаний, объятий, сексуальных фантазий, романтизма, нюансов окружающей обстановки (музыки, приглушенного света и др.) в эротическом наполнении сексуальных отношений.

Многие из обратившихся к нам клиентов различного образовательного уровня были убеждены в том, что сексуальные привлекательность и способности напрямую связаны с анатомическими особенностями полового члена, размеры которого наряду с эрекцией во многом определяют ментальное содержание понятия мужественности.

Широко распространена уверенность в том, что "нормальный" мужчина постоянно готов к генитальному сексу и не упустит возможности реализовать представившуюся возможность.

Следует подчеркнуть, что подобные убеждения противоречат данным исследований Masters, Johnson (1966, 1970), которые показали отсутствие связи между величиной пениса, способностью к совершению сексуального акта и возможностью удовлетворения своей партнерши.

В последние десятилетия значительно изменилось понимание женской сексуальности, что происходило параллельно общему изменению оценки роли женщины в современном и постсовременном обществе. Увеличивается количество женщин по-другому оценивающих свою сексуальность. Разрушаются традиционные представления о значении секса для женщин. Сегодня невинность во всех ее смыслах для большинства подростков уже не является «главным сокровищем» приличной девушки. Женщины стали лучше осознавать свои сексуальные потребности. Адюльтер перестал быть редкостью. Многие сознательно заводят любовниц/любовников, чтобы разнообразить сексуальную жизнь. Стали возможными открытые дискуссии о сексе и сексуальности. Большое значение приобрело изобретение эффективных методов контрацепции и контроля над рождаемостью. Потеряла прежнюю популярность идея о том, что сексуальные потребности женщины должны быть реализованы в основном в деторождении. Происходящая *десакрализация секса* – сняла с последнего покров потаенности и недоступности. Обращающиеся к нам клиенты все чаще предъявляют жалобы на снижение способности переживать остроту ощущений во время занятия любовью, на необходимость использовать все большее количество техник, символов, ритуалов, обстоятельств и партнеров для того, чтобы испытать возбуждение.

Сексуальность, сводимая к половому акту, имеет механический, уплощенный, примитивный и грубый характер. Ее единственной конечной целью становится достижение оргазма, отсутствие которого рассматривается как поражение и вызывает тяжелые эмоциональные переживания. В такой форме сексуальности отсутствует эмоциональное и духовное начало, необходимое для развития полноценной гармоничной личности.

Сексуальность, лишённая спиритуальности, не способна обогатить жизнь, сделать ее более целостной и интегральной, обеспечить аутентичную удовлетворенность жизнью. Видимо, поэтому все большее число современных женщин живут чувствами героев многочисленных телесериалов, а часть мужчин зрелого возраста под воздействием стрессов и образа жизни все чаще отказываются от секса ради сна, кружки пива и пиццы, не считая его самым интересным в жизни и сублимируя свою агрессию, просматривая спортивные телепередачи.

Money (1998) полагает, что сексология (наука о сексуальности) впитывает в себя моральный, религиозный и юридический климат культуры постсовременного мира и находится под сильнейшим влиянием господствующих идей своего времени и места происхождения. Воспитание сексуальности в различных традиционных культурах не должно слепо копировать образцы постсовременной культуры, поскольку многие аспекты

сексуальности не являются универсальными, они отражают региональные и культуральные установки и предубеждения. Например, то, что в одной культуре считается порнографией, в другой рассматривается как обычное допустимое развлечение.

Неадекватное сексуальное воспитание выступает не как изолированный процесс, оно является составляющей общего неправильного воспитательного стиля, создавая условия для развития сексуальных отклонений в различные возрастные периоды.

Обращаясь к психотерапевтам, лица с сексуальными проблемами, являющиеся следствием патологии сексуального воспитания, предъявляют нереалистические в физиологическом смысле требования. При этом они ориентируются на усвоенные ими неадекватные представления о физиологических нормах. Как известно, физиология фиксирует внимание на репродуктивной функции, не учитывая в сколько-нибудь достаточной степени индивидуальные психологические различия и культуральные факторы (не говоря уже о возможной неточности и изменяющемся характере самих физиологических знаний).

Социальные нормы, характерные для определенного периода времени, и модели сексуального поведения в постсовременной культуре быстро меняются. Декларации “нормы” в такой ситуации носят арбитражный характер, не отражая всей сложности данного вопроса.

Культуральные сексуальные нормы подвергаются в настоящее время постоянному сильному давлению, оказываемому средствами массовой информации. Женские и мужские популярные гламурные журналы, телевидение, видео, кинофильмы, рекламные ролики систематически влияют на содержание сексуального воображения. Эта информация интернализуется в психике на сознательном и на бессознательном уровне. Сформированные в глубинной бессознательной системе разума модели продуцируют предубеждения, доминирующие идеи, системы оценок и нереальных ожиданий.

На формирование норм сексуального поведения влияют узнаваемые телезрителями лица, известные как профессионалы в решении различных проблем, затрагивающих нарушения в сексуальной сфере. Негативное влияние в этом плане может оказывать, во-первых, их недостаточная информированность и односторонние взгляды, не учитывающие происходящие в обществе процессы, а, во-вторых, их моральная и профессиональная «нечистоплотность», обусловленная жадной наживы и коммерциализацией деятельности. Так, например, с января по апрель 2010-го года по двум каналам Российского телевидения несколько раз в день

известный своими исследованиями ученый – психотерапевт и сексолог рассказывает о «чудо-препарате», который не только увеличивает сексуальную потенцию, но и увеличивает размер полового члена.

Большое значение имеют подходы, основанные на религиозно-этических догматах.

Понимание влияния правильного сексуального воспитания в детстве на формирование здоровой личности нашло отражение в созданной в США в 1964 году добровольной охраняющей здоровье организации SIECUS, помогающей людям понять, оценить, и использовать свою сексуальность ответственным и информированным образом. В число организаторов вошли профессионалы в области общественного здоровья, семейного воспитания, психологии, социологии, медицины, юриспруденции, религии.

Вслед за появлением SIECUS, имеющей статус частной организации, возникла инициатива создания на государственном уровне Департамента Здоровья, Образования и Благополучия, который занимался развитием и поддержкой «семейной жизни и сексуального образования как интегральной части мероприятий, проводимых на дошкольном уровне, во время обучения в колледжах и во взрослом возрасте». Департамент финансирует обучение учителей, программы оказания помощи родителям и исследования в области семейной жизни и сексуального образования (Haffner, 1989).

С 1967 года в Америке функционирует Ассоциация Сексуальных Педагогов и Советников (American Association of Sex Educators and Counsellors), задачей которой является объединение усилий профессионалов различных специальностей, занимающихся обучением и консультированием населения по проблемам сексуальности. К настоящему времени деятельность этой организации значительно расширилась. В ее структуру вошли специалисты в области медицины, и теперь она работает под названием AASECT - Американская Ассоциация Педагогов, Советников и Терапевтов (American Association of Sex Educators, Counsellors and Therapists). Организация занимается совершенствованием и развитием стандартов обучения и критериев компетентности для сертификации в области сексуального воспитания педагогов, консультантов и терапевтов. Активная деятельность этой организации привела к тому, что в начале 1990-х годов количество сертифицированных специалистов в США превысило 1000 человек.

Актуальность вопросов сексуального воспитания значительно возросла в связи с распространением СПИД'а. С 1980 года в школьные программы учебных заведений большинства Штатов включены вопросы, связанные с

профилактикой синдрома иммунодефицита. Активная деятельность SIECUS в области сексуального образования продолжается и сегодня, основываясь на реализации следующих целей:

- Общество ответственно за сексуальное образование и просвещение.
- Всем родителям должна предоставляться помощь в осуществлении сексуального образования их детей
- Все школы должны обеспечивать сексуальное образование детей и подростков
- Все религиозные институции, занимающиеся проблемами молодежи, должны обеспечивать сексуальное образование населения.
- Все молодежные организации должны использовать образовательные программы по развитию здоровой сексуальности и проводить соответствующую политику, направленную на реализацию этой задачи.
- Средства массовой информации должны играть более активную роль в освещении вопросов сексуального образования.
- Федеральная политика и федеральные программы должны поддерживать сексуальное образование.
- Директивы, материалы, стратегии в области сексуального образования должны быть доступны всем членам общества.
- Преподаватели и руководители групп, обеспечивающие сексуальное образование молодежи, должны пройти соответствующее обучение.

Внедрение в школы программ сексуального образования в США наталкивалось на определенное сопротивление. Так, например, число опрошенных, одобряющих школьное сексуальное образование, составляло в 1965 году лишь 69%, по сравнению с результатами опроса, проведенного в 1993 году, показавшего рост количества одобряющих сексуальное образование в школах (85%), (Kendall- et al, 1999) .

Отрицательное отношение меньшей по численности группы опрошенных было связано с тем, что введение сексуального образования в учебных заведениях приведет к усилению сексуализации детей и подростков. Эти опасения не подтвердились. Так, по данным Центров Контроля за Заболеваниями и Всемирной Организации Здравоохранения (1994), сексуально образовательные программы и программы образования в области СПИД'а не ускорили начало сексуальных отношений, не увеличили количество вступающих в сексуальную связь и число сексуальных контактов. Практика реализации программ показала, что профессионально созданные программы сексуального образования способствуют более позднему началу сексуальных контактов и увеличению показателей, свидетельствующих об использовании контрацептивов. Более того, программы, направленные на профилактику ранних сексуальных контактов

и безопасный секс оказались более эффективными, по сравнению с программами, провозглашающими полное воздержание (Haffner, 1994).

Согласно данным Haffner и Kelly (1987), подростки отмечают, что источником первой информации по вопросам секса являлись для них сверстники того же пола. На втором по значимости месте были средства массовой информации (печатные и визуальные). К числу менее значимых источников отнесены родители и школа.

Огромное влияние на формирование сексуальности детей и подростков в США оказывают телевизионные передачи, содержащие не только прямую, но и косвенную, замаскированную информацию сексуального характера, в которой отсутствует непосредственная демонстрация сексуального поведения. Haffner и Kelly (1987) сообщали, что в прайм-тайм на телевидении в течение года было показано 20000 сцен, в которых суггестировались сексуальные сношения и другие виды сексуального поведения, сопровождающиеся сексуальными комментариями, намеками и двусмысленными выражениями. Время, проводимое школьниками за просмотром телевизионных программ, превышает количество времени, проводимого в школе. Haffner и Kelly писали: телевидение “снабжает молодых людей множеством советов как быть сексуальным, но не дает необходимой информации об ответственности в сексе”.

Массовая популяризация не всегда экологичных знаний, связанных с отношением полов, перестала удивлять и возмущать население многих развитых стран. Современные романтические новеллы переполнены переживаниями героев, связанными с сексуальностью и чувственностью. В них сексуальные термины скрываются за эфемизмами, позволяющими называть половой член “любовной мышцей”, а влагалище - “храмом любви”. Неконтролируемая доступность такой информации приводит к ранней сексуализации детей, гипертрофированному необоснованному интересу к сексу, нарушению развития сексуальной идентичности, ранним сексуальным связям, абортам, венерическим заболеваниям, СПИДу и искаленным судьбам.

Сексуальное воспитание, по нашему мнению, должно осуществляться не в отрыве от воспитания в целом, а являться составной частью многостороннего развития личности, направленного на успешность выполнения социальных задач взрослой жизни, протекающей в соответствии с культуральными, моральными и духовными нормами. Сексуальное воспитание включает максимально осторожное и дозированное сообщение детям и подросткам информации об отношении полов,

необходимой для формирования адекватной сексуальной идентичности и приемлемых способах ее выражения.

Daines и Perrett (2000), анализируя ситуацию с сексуальным воспитанием в целом, приходят к заключению о необходимости соблюдать осторожность в декларациях общих утверждений о норме и, прежде всего, профессионалами в области сексологии. Следует избегать некритичного переноса на пациентов/пациенток собственных моделей и концепций сексуальности и не отвергать необходимость обсуждения не только физиологических, но и других аспектов данной проблемы, социальных норм и убеждений.

Lavee (1991) выделяет основные концепции сексуальности, лежащие в основе формируемой в современных Западных обществах модели:

- (1) Секс первично нацелен на получение взаимного удовольствия.
- (2) Оба партнера равноправно вовлекаются в сексуальную активность.
- (3) Люди нуждаются в информации о сексуальности и хотят ее получать.
- (4) Для хороших сексуальных отношений необходима коммуникация.

Работая с пациентами из Северной Африки, автор констатировал, что большинство из них были мужчинами с нарушениями эрекции. Некоторые из них жаловались на преждевременную эякуляцию, но исключительно в тех случаях, когда преждевременное семяизвержение мешало получению собственного сексуального удовольствия. Мнение об этом партнерши во внимание не принималось, поэтому обычно пациент посещал психотерапевта без нее. Использование в этом плане когнитивно-бихевиорального подхода для большинства обратившихся пациентов оказалось неэффективным, поэтому они прерывали курс терапии.

D'Ardenne и Maktam (1989) советуют профессионалам терпеливо выслушивать пациентов и рассматривать содержание их жалоб в контексте культуральных норм, не навязывая в рамках терапевтического процесса своих ценностей и убеждений.

Представляет интерес точка зрения Bancroft (1989), который описывает сексуальную функцию как "психосоматический процесс". Автор считает, что удовлетворяющее сексуальное переживание включает потребность чувствовать телесный комфорт от физиологических изменений, сопровождающих сексуальное возбуждение. Все тело, а не только гениталии, включается в физические и психологические процессы, каждый из которых неразрывно связан с коммуникацией и обратной связью от партнерши/партнера. Успешное взаимодействие этих элементов дает возможность получать удовольствие от сексуальных переживаний.

Психосоматический сексуальный цикл идентифицирует взаимодействия между психологическими и соматическими звеньями, которые вовлечены в цикл сексуального возбуждения. Сексуальное возбуждение может быть усилено или ослаблено в зависимости от представленности обратной связи и коммуникации между различными частями системы, которая включает исходные подходы, ожидания и страхи, бессознательную сферу, когниции, тактильные стимулы, периферическое возбуждение, генитальную реакцию, ее осознание, оргазм.

Эротизация постсовременной культуры привела к проникновению сексуальных имиджей, сексуального символизма во многие области повседневной жизни. Сформировалась новая система повышенного спроса на секс, возник психологический климат, придающий сексу сверхценное значение, убежденность в том, что секс является главным в жизни, что привело к появлению нового поколения потребителей сексуальности во всех ее проявлениях.

Horrocks (1997) указывает на “невротическую эротизацию” современного общества, которая возникла как социальный защитный феномен, обусловленный тщетным стремлением избежать глубокого переживания покидания и депривации. Невротическая эротизация общества создает статус благоприятствования для развития сексуальной и любовной аддикции.

В противоположность Фрейду, Horrocks не считает, что невроз имеет сексуальную этиологию. По мнению автора, сексуализация в структуре невроза является “аспирином или транквилизатором для многих людей”.

Успешность сексуального воспитания напрямую зависит от задачи формирования здоровой спаянной идентичности, спаянного сэлфа.

Bateman и Holmes (1995) анализируют эту сторону вопроса, специально останавливаясь на нарциссизме, расщеплении, идеализации, интроекции, проекции и проективной идентификации.

Авторы используют термин нарциссизм для характеристики тех лиц, которые “организуют жизнь и все переживания вокруг себя как центральной точки отсчета. В сексуальных отношениях это ведет к желанию использовать сексуального партнера/партнершу в качестве инструмента для получения сексуального удовольствия. Таким лицам крайне трудно или невозможно принимать в расчет какие-либо потребности партнерши/партнера или их несогласие с тем, что они считают сексуально неприемлемым. У нарциссов отсутствует эмпатия по отношению к потребностям другого человека и способность понять, почему запросы партнерши/партнера не совпадают с их желаниями.

Расщепление объекта на “хорошую” и “плохую” часть по отношению к сексуальности проявляется в различных формах. Так, например, отношения могут быть расщеплены на “хорошие”, включающие взаимопонимание, любовь и сочувствие и “плохие”, относящиеся ко всему, связанному с сексом.

Гениталии могут психологически отщепляться от остального тела, восприниматься как “плохие” и исключаться из отношений. С этим связана тактика избегания секса, в том числе и в брачных отношениях. Внимание смещается на работу, хобби, воспитание детей. Отрицательное отношение к сексу может объясняться усталостью, занятостью более важными делами.

При идеализации создается идеальный образ партнерши/партнера. Все, что не соответствует сформированному в психике идеальному представлению, отрицается или игнорируется. Временная идеализация в периоде влюбленности усиливает сексуальную коммуникацию, однако в последующих периодах развития отношений идеализация может приводить к осложнениям, разочарованиям, психической травматизации, неизбежно нарушающей сексуальные отношения в связи с “загрязнением” объекта.

Адекватность сексуального воспитания затрудняется тем, что дети на интуитивно-эмпатическом уровне отрицательно относятся к сексуальным отношениям родителей. То, что родители способны наслаждаться интимной близостью, воспринимается ими с трудом. А размышления в этом контексте о бабушках и дедушках многих повергает в шок. Малейшее несоответствие вербальной и невербальной информации приводит к негативным последствиям. Дети усваивают не только прямые вербальные родительские послания, но и спектр бессознательных сигналов, оказывающих значительное влияние на подавление или искажение сексуального функционирования на психологическом и физиологическом уровнях. В психике ребенка постепенно формируется представление о сексуальных проявлениях, о своих гениталиях как о чем-то нехорошем «грязном», о том, чего следует стыдиться.

В этом контексте ряд исследователей приходит к заключению о неодинаковых последствиях родительского влияния в детском возрасте на мальчиков и девочек. Мальчики отчетливо видят свои гениталии и легко манипулируют ими. Девочки в значительно большей степени зависят от лиц, осуществляющих воспитание, в формировании психической репрезентации скрытых от визуализации внутренних гениталий. Эта зависимость у девочек в случаях отсутствия экологичной сексуальной информации от взрослых в семье способна индуцировать тревогу.

В зависимости от характера воспитания открытие девочкой факта наличия у нее вагины может сопровождаться как положительными эмоциями, так и реакцией ужаса. Ранние репрезентации гениталий у девочки могут очерчивать ее сексуальные переживания во взрослом периоде.

В противоположность более локализованным ощущениям, присущим сексуальным переживаниям мужчин, возникающие в момент женского оргазма сокращения, вначале появляются в клиторе, вагине и матке и в уже в дальнейшем распространяются волнами по всему телу. Одни женщины испытывают при этом сексуальное удовлетворение, другие – даже в случаях наступления оргазма, переживают вслед за ним чувство вины, стыда и тревоги с возможным блокированием в дальнейшем его развития и усиливающимся отрицательным отношением к сексуальным контактам. Такие родители транслируют своим детям модель негативного отношения к сексу, которая, передаваясь из поколения в поколение, может стать своего рода семейной судьбой.

Психологическим механизмом развития сексуальных нарушений может стать проекция, заключающаяся в атрибутировании собственных неприемлемых для себя чувств другим лицам. Проекция мешает установлению и сохранению взаимного доверия, без которого невозможна здоровая зрелая сексуальность. Проецирование на партнера/партнершу отрицательных качеств приводит к растущему напряжению, формированию атмосферы взаимного недоверия и нарушениям сексуального функционирования.

Центральной темой сексуального просвещения является информирование о том, что сексуальность человека, его сексуальные переживания и поведение многосторонни и включают не только биологическую, но и психологическую, духовную, культуральную и социальную стороны. Сексуальные переживания имеют определенную связь с возрастом. В рамках прежних типичных для нашего общества представлений фактор сексуальности учитывался, начиная с периода половой зрелости. Естественно, что сексуальность взрослых не тождественна сексуальности в подростковом и тем более детском возрасте.

В разные периоды после достижения половой зрелости в сексуальности также происходят изменения. Однако было бы неправильно утверждать, что сексуальность появляется внезапно, возникает «на пустом месте» — не имеет предшествующей истории, начальных фаз развития. Такое предположение противоречит как здравому смыслу, так и данным научных исследований, в том числе и психоаналитического направления.

Определенные компоненты сексуальности обнаруживаются у ребенка с первых дней жизни (Polte, 1988). Это положение имеет не только теоретическое значение, но непосредственно относится к практике семейной жизни. С ним связаны проблемы правильного сексуального воспитания, которое, к сожалению, обычно игнорируется и пускается на самотек. В настоящее время все более часто выдвигается требование начинать сексуальное воспитание как можно раньше, не отделяя его от воспитания в других областях.

Сексуальное воспитание проявляется уже в общем отношении родителей к ребенку. Здесь крайне важен эмоциональный компонент, выражение чувства любви, неформальное отношение. Трудно переоценить значение эмоционального тепла в контактах с детьми, начиная с первых дней их жизни. Достаточно отметить, что психиатры придают большое значение в усилении риска заболеть шизофренией отсутствию эмоционального положительного отношения к ребенку со стороны матери. В психиатрии существует даже специальный термин — «шизофреногенная мать», т. е. мать, провоцирующая развитие болезни ребенка в связи с холодным, отчужденным отношением к нему (Lidz, 1964; Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В, 2003). Существует убеждение, что для нормального развития ребенка необходимо, чтобы родители как можно чаще «болтали» с ним, в процессе чего усиливается эмоциональный контакт. Такой контакт необходим для того, чтобы в дальнейшем могли развиваться глубокие привязанности к людям, в том числе и основанные на настоящих чувствах эротические связи. От развития детской эмоциональности зависит эмоциональность человека в дальнейшие периоды жизни. Дефекты эмоционального развития в детстве трудно корригируются.

Таким образом, для правильного сексуального воспитания необходимо наличие стабильных уравновешенных эмоционально теплых отношений в семье, между родителями. На ребенка оказывают неблагоприятное влияние семейные конфликты, эмоциональное напряжение, существующее между родителями и другими членами семьи. Это напряжение дети поразительно тонко чувствуют, даже в тех случаях, когда оно не находит непосредственного выражения в словах. При наличии конфликта между родителями ребенок должен поневоле сделать обычно достаточно болезненный для него выбор: чью сторону в этом конфликте принять, кого считать правым, а кого несправедливо обиженным, пострадавшим и т. д. Нередко возникают ситуации, когда и такой выбор оказывается невозможным, так как ребенок не чувствует правоты ни отца, ни матери в конфликте, и к тому же испытывает страх перед обоими. Единственным выходом для ребенка в последнем варианте является

замыкание в себе, уход в зону возможно меньших контактов с родителями. Такое отчуждение от родителей вместе с тем является наиболее неблагоприятным для эмоционального развития, приводит к затруднениям в контактах с другими людьми на эмоциональном уровне в последующей жизни.

Одним из важных моментов в раннем воспитании, имеющем непосредственное отношение к сексуальному развитию, является реакция родителей на формирующееся отношение ребенка к собственному телу. Эта сторона имеет огромное практическое значение, здесь могут допускаться подходы, приводящие к неблагоприятным результатам. Так, например, не следует мешать ребенку интересоваться собственным телом, включая половые органы. Всякие грубые вмешательства приводят обычно лишь к повышенному интересу, при этом присоединяется чувство «запретного плода» или реакция протеста. В тоже время нужно избегать дополнительных стимуляций, которые возможны при фиксации внимания на чрезмерных санитарно-гигиенических мероприятиях. Здесь следует иметь в виду приходящее с возрастом понимание принадлежности к определенному полу. По мере взросления все большее значение приобретает воспитание на вербальном уровне, качество которого во многом зависит от такта, образованности родителей, их этико-культурных подходов.

Ребенку всегда свойственно стремление задавать все большее количество вопросов, касающихся сексуальных сторон жизни в прямом или косвенном смысле. Нужно уметь отвечать на такие вопросы и не бояться их. Ни в коем случае ребенку нельзя говорить неправду. Недоверие и появившаяся запретная зона способствует дистанцированию от родителей, а в дальнейшем накладывает отпечаток и на сферу интимных отношений во взрослом возрасте. Значительные успехи в этом отношении достигнуты во многих странах, прежде всего, в Скандинавских. Одним из основных подходов, реализуемых в процессе как школьного, так и дошкольного воспитания, является защита, своего рода страхование ребенка от раннего ощущения чувства вины, неполноценности, греховности в связи с интересом к сексуальной сфере. Ребенок не должен чувствовать себя «плохим», заслуживающим осуждения, презрения в связи с интересом к этим проблемам.

В противоположном варианте развивается «хорошо воспитанный», но не умеющий, не способный любить, сочувствовать человек. Такого человека легче индоктринировать, фанатизировать, сделать бесчувственным к переживаниям других людей. Он не способен к глубинному сопереживанию, под влиянием преступного приказа, распоряжения может совершить преступление, убийство без угрызений совести, оправдываясь той или иной

навязанной ему преступной идеей. Потеря человеческих качеств начинается очень рано и затрагивает, естественно, не только сексуальную сферу, но и развитие всей личности.

В шведских школах, например, детей воспринимают такими, как они есть, учитывают не только способности к определенным дисциплинам, но и эмоциональные, в том числе и сексуальные, потребности. Все вопросы, связанные с сексуальными проблемами, ребенок имеет возможность обсудить со школьным психологом в обстановке полного сохранения тайны. Ребенок обучается терпимости, пониманию других людей. Дети имеют собственные права и обучаются с раннего возраста их пониманию, их обучают уважению к себе, проецированию этого уважения на окружающих. Объяснение сексуальной тематики требует не только такта, но и соответственно подобранных слов и выражений, что связано с общим уровнем культуры родителей, преподавателей, всех участвующих в процессе воспитания ребенка.

Одной из существенных, с нашей точки зрения, ошибок классического психоаналитического объяснения механизмов деятельности и различных видов творческой активности является положение о том, что все они обусловлены сексуальным инстинктом и представляют собой лишь скрытое, сублимированное его выражение. Наиболее важным в отношении к сексуальной сфере следует считать положение, что наша область эмоций захватывает в условиях нормы двоих людей и носит поэтому социальный характер. Человек всегда нуждается в человеческом отношении, отношении к нему не как к предмету, а как к личности. Достижение психофизиологического комфорта возможно только в тех случаях, когда к ним относятся как к личностям, воспринимают их индивидуальные особенности, преимущества и недостатки, а не видят в них ничего, кроме изолированной сексуальности. Отношение к вопросам секса как к чему-то греховному способствует формированию различных комплексов, задерживающих не только нормальное развитие сексуальной сферы, и формирование полноценной здоровой личности. В настоящее время сексуальное воспитание очень часто подменяется изложением данных из области анатомии, физиологии зачатия, деторождения и др. Фиксация именно на этих аспектах часто сопровождается значительными затруднениями, связанными как со стыдливостью, так и страхом попасть в смешное положение.

Во многих семьях сексуальные вопросы, с одной стороны, считаются крайне значимыми, с другой — представляют табу, о котором не принято говорить. В таких случаях ребенок «погружается» в процесс первичной социализации с представлением о сексуальной жизни как о чем-то туманном и

пугающем. Гидденс Э. (2004) описывает наставления матери перед свадьбой, ранее табуирующей обсуждение сексуальной проблематики с дочерью: «Перед твоей свадьбой...с тобой будут проделывать неприятные вещи, но ты не обращай внимания, я всегда так и делала» (с.26). Далее автор утверждает, что «...неосведомленность о сексе...подразумевает ненормальность, но широко распространена» (с.98).

Внимание детей, естественно, привлекается к запретной теме с еще большей силой, интерес к «уличной» информации становится одной из главных мотиваций. В таких случаях возникает также реальная угроза оказаться под влиянием лиц с различного рода сексуальными отклонениями с далеко идущими отрицательными последствиями.

Вопросы пола и его значения должны интегрироваться в сознании ребенка задолго до пробуждения сексуальных желаний. Эти знания способствуют, по данным ряда исследователей (Chauchard, 1969; и др.), будущей адаптации к новой реальности. Психологические исследования показывают, что в настоящее время даже в странах со сравнительно либеральными подходами к сексуальным проблемам в обществе во многих случаях дети в достаточной степени не защищены от неблагоприятных воздействий среды, становятся жертвами плохого воспитания. Результатом этого является возникновение упрощенных и к тому же неправильных представлений механистического характера. Появление сексуальных желаний, эротизация воображения сочетаются с отрывочными сведениями из области физиологии и анатомии, отсутствием каких-либо знаний по психологии сексуальности. Добавим, что анатомические знания нередко носят «опережающий» характер, что может способствовать нарушению развития. Сведения об анатомической стороне проблемы и чувственности должны «ложиться» на подготовленную психологическую почву, как дополнение к осознанию своего пола, половой и гендерной идентичности.

В сексуальном воспитании детей (или при внешнем отсутствии такового) уже в ранние годы могут закладываться мифологические представления, заимствуемые из родительских подходов к этим проблемам. Развитие мифологического отношения ко всему, связанному с сексуальной стороной жизни, происходит незаметно, исподволь и в течение долгого времени может не проявляться, однако в последующей взрослой жизни накладывает отпечаток на сексуальное поведение, являясь причиной многих предубеждений, неадекватных оценок реальных ситуаций. Мифологическое мышление способно существенно исказить судьбу человека и его близких. На основе мифологического воспитания нередко возникают серьезные нарушения в сексуальной жизни, например, сексуальное аддиктивное поведение, функциональная импотенция, комплекс неполноценности. Более

подробно мы останавливаемся на этих вопросах в соответствующих разделах данной монографии. Здесь в качестве примера фиксируемого уже в детстве сексуального мифа приведем миф о зле, о дьявольской порочности секса и всего того, что имеет к нему отношение.

Руководства по воспитанию детей в Великобритании содержали советы избегать вступления в излишне теплые отношения со своими детьми, чтобы не ослабить авторитет родителей (Гидденс Э., 2004).

Предубеждение к сексуальности характерно для традиции христианской цивилизации. Это предубеждение было свойственно многим людям, считающим, что зло присуще человеку, поскольку он представляет собой не только духовное, но и телесное существо. Отражением этого отношения было различного рода «укрощение плоти» в контексте положения о том, что все физические желания порочны, практиковавшееся мучениками и отшельниками в период раннего христианства и в середине века. Миф о зле находил свое выражение в страхе перед катастрофическими последствиями всякого отклонения от того, что считалось «нормальным» в сексе. Были широко распространены верования, что малейшие отклонения от принятых образцов чреватые развитием психического завоевания, слабоумия, могут привести к ранней смерти и гарантируют горение в вечном огне. Воспитание детей в духе презрительного отношения к своему телу, резкое осуждение родителями всякой фиксации внимания ребенка на его половых органах обычно обусловлены влиянием мифа о зле. В результате у детей воспитывается, начиная с раннего возраста, чувство вины, способное в последующем существенным образом отравить жизнь, лишив ее естественных человеческих эмоций. Воспитание детей в атмосфере мифа о зле развивает у них искаженное отношение к себе и к другим людям. Характерна, например, узость, ограниченность подходов ко всему тому, что касается сферы межличностных контактов. Воспитанные таким образом люди имеют привычку во всем видеть что-нибудь порочное, «нечистое». Они склонны к пуританскому мировосприятию, непримиримому осуждению «слабостей» окружающих их людей.

В связи с вышеуказанным следует подчеркнуть, что воспитание в духе мифа о зле не имеет ничего общего с христианством как таковым, а отражает лишь его некоторые интерпретации.

Иисус, как известно, не проявлял нетерпимости к людям, поглощенным земными радостями. Он понимал этих людей, выходил им навстречу, поскольку они искали его помощи. Иисус предпочитал находиться в обществе таких грешников, чем в обществе лицемеров, вообразивших, что они заслужили святость соблюдением внешних приличий в поведении.

Чувство вины, развиваемое у ребенка в соответствии с мифом о зле, в особенности сильно, если оно основывается на воспитанных внутренних идеалах, но оно деструктивно и в тех случаях, когда строится на растерянности, неуверенности в себе, страхе. Известны многочисленные случаи, когда родительская реакция неодобрения на поведение ребенка, выразившееся в исследовании своего тела, зафиксировалась в его сознании и обнаруживалась в зрелом возрасте в виде склонности к легкому возникновению сниженного настроения во многих ситуациях сексуальной жизни. Эти люди испытывали чувство вины при всяком появлении сексуального желания, так как в их подсознании постоянно присутствовала установка на греховную, порочную сущность всего связанного с сексуальной сферой.

Человек не рождается с комплексом идентификации сексуальных желаний со злом, точно так же, как он не рождается с отрицательной оценкой своего стремления к пище, своего аппетита. Комплекс появляется в результате неправильного, основанного на мифологических представлениях воспитания, в процессе которого родители передают ребенку свою собственную нетерпимость, неуверенность, свое чувство вины. Родители считают, что таким образом они предохраняют детей от соблазнов, направляют их жизнь в строго контролируемое русло, больше привязывают к себе. Воспитание в духе мифа о зле нередко сочетается с воспитанием по типу повышенной опеки. Родители доминируют над детьми. Они избегают чаще говорить с детьми в это время на темы, касающиеся сексуальных вопросов, или высказываются в форме прямого категорического запрета думать об этом или упоминать сексуальные темы в разговоре со взрослыми и другими подростками. Иногда используются заявления следующего содержания: «Об этом тебе рано думать и интересоваться этим вредно; когда женишься (выйдешь замуж) — будет время и поговорить». Подобное воспитание, наряду с чувством вины, может вызвать у подростка реакцию протеста в виде бунта против родительского авторитета. Типичными выражениями такого протеста являются побеги из дома, нарочитая грубость, курение, употребление алкоголя, наркотиков в подростковых компаниях. Восставая против родителей, в целях самоутверждения подростки могут вступать в ранние сексуальные связи, и это сексуальное поведение, как правило, очень быстро приобретает деструктивный аддиктивный характер (подробнее об аддиктивном сексуальном поведении мы пишем в соответствующем разделе книги).

К числу *дефектов сексуального воспитания* относится использование в этом процессе отдельных элементов *ядовитой педагогики*, разрушающей чувство внутренней интеграции, идентичности ребенка, развивающей у него чувство стыда.

Bradshaw (1988) цитирует выдержки из книги Алисы Миллер (Alice Miller) «Для вашего собственного добра» («For your own good»), в которой автор сгруппировала родительские правила, часто применяемые при воспитании детей, назвав их «ядовитой педагогикой».

«Ядовитая педагогика» придерживается основной концепции в воспитании, которая заключается в признании послушания в качестве высшей ценности. Дети считаются «хорошими», если они ведут себя, чувствуют, и думают так, как от них этого требуют взрослые. Детей поощряют, хвалят и награждают, если они мягки, уступчивы, соглашаются со всеми родительскими предложениями, не высказывают своих собственных желаний, не рассуждают, не проявляют независимости. Ребенок существует для того, чтобы его «видеть, но не слышать», он должен говорить только тогда, когда к нему непосредственно обращаются, но не по собственной инициативе. «Ядовитая педагогика» содержит в себе несколько наиболее характерных принципов. К ним относятся, например, следующие:

1. Родители — хозяева зависимого ребенка.
2. Родители определяют, что правильно и что нет.
3. Ребенок всегда ответствен за злость родителей.
4. Жизнеутверждающие чувства ребенка представляют угрозу для авторитарных родителей.

5. Воля ребенка должна быть сломана как можно раньше.

В рамках ядовитой педагогики детям передаются послания, способствующие формированию чувства стыда, вины и неполноценности. К ним относятся, например, следующие:

1. Любовь всегда связана с чувством долга.
2. Родители заслуживают уважения потому, что они родители, дети не заслуживают уважения просто потому, что они дети.
3. Послушание делает ребенка сильным.
4. Высокая самооценка вредна, низкая самооценка полезна.
5. Проявление нежности вредно, суровость и холодность по отношению к ребенку хорошо подготавливают его к жизни.
6. Тело — это что-то грязное и вызывающее отвращение.
7. Сильные чувства вредны.
8. Родители всегда правы.

Воспитание в духе «ядовитой педагогики» приводит во многих случаях к тому, что дети идеализируют своих родителей и ощущают себя плохими, недостойными, а в дальнейшем проецируют эти чувства на свои отношения с другими людьми, что приводит к возникновению серьезных психологических проблем.

Вторым дефектом сексуального воспитания является участие в нем токсичных родителей. *Токсичные родители*, по мнению S.Forward (1990), «...склонны рассматривать бунт или индивидуальные различия как атаки против себя лично. Они обороняются, усиливая тем самым зависимость и беспомощность своих детей. Вместо того, чтобы стимулировать здоровое развитие, они бессознательно подрывают его, находясь в убеждении, что действуют в интересах своих детей».

Автор выделяет типы токсичных родителей: эмоционально неадекватные, отказавшиеся от ответственности за своих детей, склонные к употреблению алкоголя, физически и вербально наказывающие, критикующие детей, сексуально посягающие на своих детей.

Гарантией психосексуального здоровья личности, имеющей дефекты в сексуальном воспитании, является необходимость проработки отношений с токсичными родителями и разрешения себе прав на мысли, чувства и поведение, позволяющие удовлетворять собственные желания.

Профилактика дефектов в сексуальном воспитании строится на развитии ассертивности. В этой связи родителям полезно ответить себе на следующие вопросы:

- Признаю ли я, что мой ребенок имеет право на личную жизнь или же я настаиваю на полном контроле его мыслей, чувств и действий?
- В какой степени я ограничиваю свободу выбора у моего ребенка (проведение свободного времени, просмотр определенных телепередач, выбор друзей и др.)?
- Позволяю ли я моему ребенку открыто не соглашаться со мной по каким-то вопросам?
- Оказываю ли я поддержку моему ребенку в отстаивании его интересов и прав перед другими людьми?
- Знаю ли я его точку зрения?
- Всегда ли я стараюсь быть правой в спорах с ребенком и обязательно доказываю свою правоту?
- Проявляю ли я в воспитании ребенка гиперопеку, делая все за него, решая его проблемы, ограничивая самостоятельность действий?
- Разрешаю ли я моему ребенку выражать свободно свои чувства и высказываться по всем возникающим вопросам?
- Являются ли мои требования всегда реалистичными?
- Развиваю ли я у ребенка чувство уважения к себе и чувство уважения к другим людям?

Дети очень наблюдательны и способны понимать многие вещи на интуитивно-эмпатическом уровне в общении друг с другом и другими людьми. Если самим родителям свойственны неассертивные пассивные подходы, то дети обучаются этим же подходам и усваивают их как интегральную часть своей жизни. Точно так же дети обучаются агрессивному или косвенно агрессивному стилю поведения. В то же время дети легко усваивают ассертивные модели поведения родителей, развивая у себя чувство личной значимости, силы, внутренней свободы и независимости.

Пожалуй, наиболее важным, хотя и первым шагом в развитии ассертивности у ребенка является восприятие ребенка как личности с ее собственными правами, такой же личности, как родители, только пока с меньшими возможностями, с меньшей силой. Важно внимание к ребенку, понимание того, что он делает и чего от него ожидают. Как известно, ребенок иногда ведет себя не как ребенок, а имитирует поведение взрослых. Не следует требовать от ребенка взрослых решений во многих ситуациях, так как имитация поведения взрослых может задержать развитие собственных подходов. Достаточно в связи с этим вспомнить концепцию транзактного анализа Э. Берна, согласно которой «ребенок» присутствует в каждом взрослом, являясь частью его личности. Подавление этой части отражается на творческих способностях, способности принимать нестандартные решения, находить оригинальные пути.

Ребенок нуждается в поддержке и коррекции своего поведения, однако ему следует обучаться независимости, умению самостоятельно справляться с трудностями. Очень плохо, когда ребенок во всем чувствует свою зависимость от родителей, боится предпринимать какие-либо самостоятельные действия.

На пути развития ассертивности у ребенка могут встречаться *ловушки, попадание в которые задерживает формирование ассертивности*. Одна из таких ловушек называется «ловушкой сострадания» (Phelps, Austin, 1988). Родители подталкивают ребенка в эту ловушку, предъявляя ему непомерные требования, рассматривая детей в качестве взрослой замены себя, например, девочку в роли новой «хозяйки дома», которая должна заботиться о родителях, младших сестрах и братьях. У детей воспитывается таким образом, с одной стороны, чувство ответственности и сострадания к родителям, с другой — чувство вины, если они не справляются со своими обязанностями. Положение усугубляется, если родители подсознательно стараются вызвать у ребенка чувство сострадания, фиксируя внимание на своей слабости, своих болезнях. Ребенок оказывается в «ловушке сострадания», его кредо становится необходимость думать только о здоровье и психологическом благополучии родителей и острейшее чувство

вины при всякой попытке сделать что-либо в соответствии со своими личными интересами. У девочек это приводит иногда к развитию комплекса, получившего название «я всего лишь дочь своей матери». Этот комплекс сохраняется во взрослом периоде жизни и приводит к большой изоляции от общества, затрудняет межличностные контакты, особенно интимного характера. Такие женщины часто не выходят замуж, или, выйдя замуж, вскоре разводятся, чему содействует эмоциональное состояние и поведение матери, рассматривающей зятя в качестве «грабителя, похитившего ее дочь». Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что такой стиль поведения обычно передается девочкам следующего поколения и история повторяется снова. В этом смысле можно говорить о «генетической судьбе», обусловленной во многом «ловушкой сострадания».

Вторым типом ловушки является «ловушка рабства». Ее готовят родители детям, воспитывая их по типу гиперопеки, выполняя за них все те обязанности, которые они способны выполнить сами. Иногда это делается с внешне благородной целью оградить детей от трудностей для того, чтобы их детство было счастливым и безмятежным. Однако такое воспитание делает детей чрезвычайно зависимыми от родителей, поэтому они и в дальнейшей жизни оказываются неспособны постоять за себя. У детей не развивается чувство независимости, возникает страх перед жизнью. У женщин основным мотивом становится поиск мужа, который был бы эквивалентом рабовладелицы-матери.

Существует также ловушка, связанная с проявлением агрессивности по отношению к детям в ситуациях, когда очень трудно сдерживать свои эмоции. Так, мать, обнаружив в сумочке у дочери-подростка сигареты или почувствовав запах табака у нее изо рта, набрасывается на дочь с криком: «Этого только не хватало! Я давно подозревала, что ты идешь по неправильному пути! Сегодня сигареты, а завтра алкоголь или наркотики. Тебя, наверно, научили девицы легкого поведения! Я знала, что ты плохо кончишь!»

Подобные вспышки агрессии не дают обычно положительного результата, они оставляют у матерей ощущение неудовлетворения, а иногда и чувство вины. В подобных ситуациях следует действовать асертивно и рационально. К дочери нужно обратиться серьезно, по-деловому сказать ей, что вас беспокоит в последнее время факт ее курения и что на эту тему необходимо поговорить. Вот, например, один из возможных вариантов разговора: «Я знаю, что ты начала курить. Возможно, ты, таким образом, стараешься утвердиться в жизни. Стать взрослее, самостоятельнее. Однако ты должна знать, что я против этого, не потому что мне это не нравится, а потому что курение вредно и особенно отрицательно сказывается на

здоровье женщины. В нашей семье были частыми болезни, провоцируемые курением. Я против этого, потому что чувствую опасность для тебя, а ты для меня не безразлична. Теперь ты знаешь мою точку зрения, и я бы хотела услышать твою. Я готова тебя выслушать, ты можешь говорить спокойно, не торопясь, у нас много времени».

Это лишь один из возможных вариантов разговора, применительно к той или иной конкретной ситуации, содержание его может меняться. Самое важное здесь то, что с детьми следует говорить, используя ассертивные, а не агрессивные подходы. Ассертивный подход дает возможность ребенку или подростку понять позицию родителей, последствия, к которым может привести их поведение.

Сексуальные секреты

Американский психолог Klein (1988) обнаруживала прямую связь между риском распространения СПИДа и неправильным сексуальным воспитанием, способствующим развитию неадекватного сексуального поведения. Важным механизмом в этом отношении автор считает формирование с детского возраста так называемых «сексуальных секретов», что происходит с целью избежать родительского наказания за какой-либо интерес, проявляемый к сексуальной сфере. Ребенок прямо или косвенно обучается тому, что его любопытство в этом направлении является чем-то порочным. В результате, начиная с детского возраста, люди стараются скрывать свои сексуальные мысли, чувства и поведение. Секретность защищает и не делает жизнь лучше, наоборот сексуальное «я» человека задерживается в развитии, более того, его развитие принимает искаженный, зачастую уродливый характер. Находясь под влиянием навязываемой вне секретности, подростки не имеют возможности поделиться своими чувствами, опасениями, поручить необходимые рациональные объяснения от взрослых. И отбросив лицемерие, следует признать, что практически нельзя найти 8-летнего мальчика или девочку, у которых не было бы никаких сексуальных секретов от родителей, точно так же, как очень трудно представить себе зрелого взрослого человека, который не имел бы сексуальных секретов, скрываемых от жены, любовницы (мужа, любовника) или лучших друзей (подруг).

На содержание сексуальных секретов влияет характер сексуального воспитания, при котором детям индоктринируются представления о том, что все, связанное с генитальной сферой, и с проявлениями сексуальности является чем-то постыдным и дискредитирующим.

Значение секретов анализирует Saltz (2006), отмечая их разное содержание и отличие от сексуальных фантазий. Поскольку аддикты вообще, а сексуальные аддикты, в частности, тщательно скрывают свою аддикцию от окружающих, автор выделяет некоторые признаки, указывающие на наличие таких секретов. К ним относятся: отсутствующий взгляд, задумчивое настроение, нервные действия, возбудимость по незначительному поводу, озабоченность без видимых причин, подозрительность, скрытность, длительные “выпадения” из семейного общения или общения с друзьями, телефонные переговоры за закрытыми дверями в ванной, невозможность объяснить причину траты денег.

Автор идентифицирует признаки, помогающие установить наличие неосознаваемых секретов у самого/самой себя. К ним относятся: чувство нарастающей свободно плавающей (беспричинной) тревоги; чувство подавленности или грусти без видимой причины; взрывы гнева и ярости по незначительному поводу; частое кусание ногтей, “ленточное” курение.

Сексуальные секреты хранятся в психике каждого человека, обеспечивая существование важной составляющей жизни, создавая атмосферу загадочности, таинственности, индивидуальности, формируя комплекс особенностей, с которыми связано харизматическое воздействие. Присутствие сексуальных секретов в бессознательном влияет на психологическое и физическое состояние, активизируя глубинное бессознательное и выход за рамки оценок окружающего мира с позиции формально-логического мышления, стимулируя свободу поиска, инсайты и интуитивное восприятие. Сексуальные секреты играют большую роль в интимных отношениях, являясь базой для возникновения внезапной влюбленности, возникающей при актуализации архетипа анимы у мужчины и архетипа анимуса у женщин.

В то же время сексуальные секреты нуждаются в ответной реакции, в получении обратной связи от партнера/партнерши, которым в определенной степени доверяется их суть. В случае отсутствия взаимного эмоционального обмена сексуальные секреты могут стать источником вины, стыда, тревоги и отчаяния.

По мнению Saltz, дети имеют свои секреты, начиная с 4-летнего возраста. В более раннем периоде они верят, что все их мысли известны родителям, которые знают про них все. По мере того как дети начинают лучше контролировать происходящие в окружающей реальности события, они начинают понимать, что они знают о себе кое-что такое, о чем их родители даже не догадываются. Способность иметь секреты и тайны способствует формированию самосознания и здоровой сексуальной идентичности. Секреты, которыми делятся с людьми, входящими в

структуру качественного мира, определяют характер межличностных отношений в течение всей жизни.

Сохранение секретов в тайне может иметь положительное значение в формировании идентичности в раннем детстве и сохранению интегрального образа Я в последующие периоды жизни. В то же время неразделенные ни с кем секреты, в том числе и сексуальные, способны приводить к ощущению изоляции, нарастанию эмоционального напряжения, значительному нарушению сексуального функционирования.

Многие люди неоткровенны в отношении сексуальных вопросов даже сами с собой. Этому способствует задействованность различных психологических механизмов, к которым относится, прежде всего, избирательное нарушение памяти на некоторые неприятные события, в особенности детские сексуальные травмы. Речь идет об *инцесте*. В течение долгого времени этот вопрос был практически полностью закрытым в отечественной литературе. Инцестом называют сексуальный контакт между близкими родственниками: родители — дети, бабушка — внуки, братья — сестры. Это юридическое определение инцеста на практике оказывается чрезвычайно узким, и в результате «...миллионы людей не осознают, что они были жертвами инцеста, потому что они не были пенетрированными» (Forward, 1990). С психологической точки зрения, инцест включает значительно больше действий, чем завершённый сексуальный акт. Он включает физический контакт с различными частями тела ребенка, если эти действия совершаются с целью сексуального возбуждения со стороны агрессора. Последний не обязательно должен быть кровным родственником. Он (реже она) может быть любым человеком, которого ребенок воспринимает в качестве члена семьи, например, приемным отцом. Инцестное поведение с современной точки зрения включает и действия, не сопровождающиеся физическим контактом с ребенком. Сюда относятся специальное обнажение перед ним, мастурбация, косвенная стимуляция сексуальных интересов ребенка, использование ребенка для порнографических фотографий.

Очень важной особенностью инцеста является то, что это поведение держится в глубоком секрете. Совершающие инцест лица используют различные угрозы, чтобы гарантировать молчание жертвы. Среди них наиболее частыми являются следующие (цит. по Forward, 1990):

Если ты расскажешь, я тебя убью.

Если ты расскажешь, я изобью тебя.

Если ты расскажешь, мама заболеет.

Если ты расскажешь, люди подумают, что ты сошла (сошел) с ума.

Если ты расскажешь, никто тебе не поверит.

Если ты расскажешь, мама возненавидит нас обоих.

Если ты расскажешь, я буду ненавидеть тебя всю жизнь.

Если ты расскажешь, меня посадят в тюрьму и некому будет поддерживать семью.

Подобные заявления содержат в себе эмоциональный шантаж, спекуляцию на незащищенной психике ребенка наряду с прямой угрозой физической расправы.

Дети-жертвы находятся длительное время в состоянии полной зависимости от своих преследователей и их агрессивных действий. Они боятся поделиться своей тайной с кем-либо, включая мать, живут с этой тайной в изоляции от других. Тайна часто не раскрывается ни перед кем и во взрослом периоде жизни, оказывая деструктивное влияние на все межличностные отношения, особенно связанные со вступлением в брак, отношением к своим детям и др. Эта короткая информация в контексте данной книги нам представляется необходимой, так как в обществе отношение к данной проблеме основывается на ряде неправильных идей, во многом заимствованных из специальной литературы, в которой фиксируется внимание на том, что инцест совершается главным образом лицами, страдающими слабоумием, различными психическими заболеваниями, на худой конец, алкоголизмом. В реальной жизни лица, совершающие инцест, лишь в небольшой части случаев страдают психическими заболеваниями. Инцест настолько отвратителен, что по механизмам защитной реакции он не воспринимается массовым сознанием как реальная угроза; об этом не хочется думать — проще отмахнуться от проблемы, переведя ее в плоскость психопатологии, и не обсуждать. В восприятии инцеста мы встречаемся с выраженной мифологической аперцепцией, в этом смысле можно сказать, что в обществе распространены мифы об инцесте. К ним, прежде всего, относятся верования, что инцест является крайне редким событием. В то же время данные департамента по службам человека в США показывают, что, по крайней мере, один из каждых десяти детей подвергался инцесту со стороны облеченного доверием члена семьи до 18-летнего возраста. Только в начале 80-х годов в США стали понимать, насколько распространены инцесты. Ранее люди наивно полагали, что инцест встречается не более чем в одной из ста тысяч семей (Forward, 1990).

По материалам Раш (Rush, 1980; Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2003), инцест и другие формы сексуального насилия над детьми являются

событиями, окутанными мифами, противоречиями и смятением. Автор обращает внимание на то, что трудно получить достоверные данные о количестве инцидентов. Приводимые цифры противоречивы: примерно 5—35 млн. чел. пережили сексуальный контакт со взрослым в детском возрасте. Директор центра по проектам профилактики психических нарушений в Канзасе Свифт (Swift, 1978) считала, что об инцесте сообщается лишь в 50—80% имевших место случаев. По данным Финкельхор (Finkelhor, 1979), из 530 студенток колледжа 19,2% стали жертвой инцеста в детском возрасте, а из 266 студентов — 8,6%.

По данным Киф (Keefe, 1973), в 1975 г. из 5058 сексуальных преступлений в Нью-Йорке в 27,2% случаев жертвами были дети моложе 14 лет. Грин (Green, 1977) обнаружил, что сексуальное насилие над детьми «является более частым среди пациентов детской больницы, чем переломы костей и тонзиллоэктомия».

К. Флеминг и А. Флеминг (Fleming K., Fleming A., 1975) приводят случаи, когда мужчины в детском возрасте принуждались к сексуальным контактам с женщинами. Иногда инцест в отношении девочек совершают взрослые женщины с лесбийскими наклонностями. Биографы Байрона приводят факт активного «использования его» в возрасте 8 лет горничной. Инцест совершался в течение года (Maurois, 1969).

Не существует специфического социологического профиля людей, совершающих инцесты. На практике ими оказываются лица различного образовательного уровня (в 80—90% мужчины), имеющие разные профессии, различный социальный статус. Они внешне ничем не привлекают к себе внимания. В судебной практике США среди них были школьные учителя, бизнесмены, юристы, врачи, офицеры полиции, работники социальных служб. Можно предположить, что у всех них имелись какие-то общие психологические особенности, но это должно быть предметом специального изучения.

Для максимальной нейтрализации пагубных последствий сексуального насилия важна своевременная психологическая поддержка родителей, их понимание, принятие, внимание, такт, осторожность и сдержанность в суждениях. Не следует обсуждать случившееся используя травмирующие психику ребенка высказывания. Запрет на обсуждение инцидента правомерен только тогда, когда дети настолько малы, что способны поверить в то, что происшествие было ни чем иным, как грубым физическим нападением. Обучение детей осторожному поведению с незнакомыми взрослыми входит в задачу сексуального воспитания.

Естественно, сексуальные секреты не ограничиваются столь драматичными переживаниями, как инцест. Клайн (Klein, 1988) предлагает следующее определение: «Удерживание сексуальной тайны имеет место, если Вы скрываете информацию о Вашей сексуальности. Оно также имеет место, если Вы пассивно позволяете значимому в Вашей жизни человеку верить дезинформации или неправильным предположениям о Вашей сексуальности, вне зависимости от того, из какого источника происходят эти идеи».

Соккрытие сексуальных секретов имеет место в тех случаях, когда человек расценивает свои сексуальные чувства и желания как неприемлемые настолько, что подсознательно прячет их, маскируя другими чувствами и интересами.

Воспитание детей в обстановке отрицательного отношения ко всему, связанному с сексуальной сферой, формирует людей с выраженной недоверчивостью, склонных к обманам, неискренности, манипулированию другими. Все это особенно болезненно сказывается на контактах с наиболее близкими людьми. В семейных отношениях каждый из супругов имеет свою сексуальную «биографию», свой сексуальный опыт, наконец, свое отношение ко многим сексуальным проблемам. Не всегда этот опыт идентичен. Отсутствие возможности откровенно говорить на сексуальные темы, обсуждать возникшие затруднения, высказывать скрываемые желания приводит к нарастанию непонимания, напряжению, подозрительности в отношениях.

С какими сексуальными секретами приходится наиболее часто встречаться в нашей культуре?

К ним относятся фантазии на сексуальные темы, затруднения в достижении оргазма, предпочтение при сексуальном акте определенной позиции, психологическая или физическая сексуальная травматизация в детском возрасте, мастурбация, мысли гомосексуального (лесбийского) содержания, предшествующий сексуальный опыт. Некоторые люди стесняются признаться самим себе, что сексуальные отношения для них имеют очень важное (если не самое важное) значение в жизни. Они тем более не поделятся этими соображениями со своим сексуальным партнером, хотя для последнего это могло бы иметь большое значение в эмоциональном плане. Многие женщины стараются держать в секрете свои сексуальные чувства, исходя из заученного в детстве положения о порочности сексуальных желаний. Кроме того, они нередко убеждены, что по сравнению с мужчинами женщины менее сексуальны.

Сексуальное воспитание, строящееся на мифологических концепциях секса, накладывает отпечаток также на восприятие сексуального партнера в нереалистическом ракурсе, когда последнему приписываются несуществующие это свидетельствует об их развращенности или даже ненормальности. У таких женщин здоровое сексуальное влечение сопровождается растерянностью, чувством вины и страхом. Мы консультировали одну женщину, которая после каждого сексуального контакта со своим любовником испытывала чувство отвращения к себе, длительное время не только не встречалась с ним, но и не могла творчески работать, так как «в голову лезли мысли о своей слабыхарактерности, подверженности животным инстинктам».

Эта точка зрения на женскую сексуальность достаточно популярна и среди некоторых мужчин, воспитывающихся в прошлом веке. Она выражается в том, что «честные» женщины мало сексуальны и им больше свойственны эмоции материнского характера. Такие мужчины иногда проявляют обеспокоенность по поводу сексуальных желаний своих жен, если последние становятся активными в этом плане. Анализ показывает, что это отношение к женской сексуальности уходит корнями в ранние периоды жизни и, очевидно, обусловлено заимствованием родительских подходов.

слабости, значительно переоценивается его ранимость в отношении восприятия информации, касающейся вопросов секса, что благоприятствует удерживанию сексуальных секретов. Поведение определяется присутствующей в сознании формулой: я не могу сказать ему (ей) об этом, так как он (она) этого не перенесет. Здесь возможны многочисленные варианты реализации сокрытия какой-либо сексуальной информации о себе, например: «она слишком хрупкое создание, чтобы знать», «она не сможет после этого оправиться от эмоциональной травмы», «это напомнит ему о его первом браке и разобьет его сердце» и т. д. В случаях имевшего места в детстве инцеста одним из возможных мотивов сокрытия, наряду с чувством стыда, является представление: «он убьет моего отца» или «он сойдет с ума и наделает непоправимых глупостей».

Такого рода убеждения чаще всего далеки от реальности. Опыт показывает, что большинство людей способны воспринять информацию о сексуальной жизни своего партнера и адаптироваться к ней.

До последнего времени в отечественной психиатрии имела место определенная недооценка роли психологического фактора в возникновении психических нарушений. Это касалось, в частности, эмоциональных расстройств, длительных состояний сниженного настроения, сниженной самооценки. Подробный анализ ряда подобных случаев, диагностируемых как «эндогенные депрессивные состояния» в рамках циклотимии,

маниакально-депрессивного психоза или даже так называемой «вялотекущей шизофрении», привел нас к установлению значения в их развитии неправильного сексуального воспитания, в процессе которого детям внушалась мысль о разрушительности сексуальных желаний. Внедрение в сознание идеи о деструктивности секса приводило к формированию логической формулы: «секс разрушителен, у меня возникают сексуальные желания, следовательно, я разрушителен для других и для себя, я заслуживаю к себе плохого отношения и наказания». Такого рода формулы объективно способствовали возникновению депрессивных состояний, возникавших в ситуациях сексуальных реализаций. Сексуальные желания рассматривались как выражение личностного несовершенства, неполноценности, в то же время диагностика этих психологических механизмов встречается с большими трудностями, обусловленными стремлением скрыть от окружающих свою «порочную сторону».

В связи с вышеприведенными данными представляется возможным выделить несколько *типичных формул сексуального воспитания*, усваиваемых в детском и подростковом возрасте. К ним относятся, например: «ты должна знать, что мальчики от девочек хотят только одного»; «когда они говорят «нет», они всегда имеют в виду «да», «ты должна пойти на это, иначе он оставит тебя и уйдет к другой».

По данным Klein (1988), обладающие сексуальными секретами молодые люди на каком-то этапе фактически начинают обманывать самих себя, закрывая глаза на последовательность развития событий. Так, например, молодые девушки, идя на свидание, не берут с собой противозачаточных средств, хотя объективно должны понимать, что целью свидания является сексуальный контакт. Потом они рассматривают ситуацию с точки зрения того, что это случилось с ними, но они сами не принимали в этом участия. Такое объяснение, к сожалению, достаточно типично и отражает лицемерное отношение к себе. Оно является непосредственным результатом патологии сексуального воспитания.

В заключение можно отметить, что сексуальные секреты приводят, в конце концов, к ряду отрицательных последствий. К ним относятся, по мнению Клайн (Klein, 1988): изоляция от любви; снижение самооценки; озабоченность сексуальными проблемами; невозможность излечиться от эмоциональных ран.

Изоляция от любви связана с тем, что, удерживая сексуальные секреты, человек не дает возможности другим понять, кто он на самом деле. Чем больше он скрывает, тем в большей изоляции он находится от других людей и от самого себя. Страх перед «раскрытием» подавляет самовыражение, в особенности в сексуальной активности.

Самооценка снижается в связи с неспособностью устанавливать эмоциональные отношения с небезразличными для себя людьми.

Постоянная озабоченность сексуальными проблемами обусловлена двойственным к ним отношением как к запретному плоду.

Невозможность излечиться от эмоциональных сексуальных травм прошлого связана с блокировкой коммуникации, неспособностью поделиться своими переживаниями даже с близким человеком. Клайн приводит данные о том, что примерно одна из пяти американских семей пережила в какой-либо форме сексуальное насилие. Большинство этих часто криминальных историй остаются нераскрытыми, потому что жертвы никому не жалуются.

Человек, скрывающий сексуальные тайны, начинает видеть в своем сексуальном партнере не друга, а врага, который, получив запретную информацию, сразу же покинет его, разобравшись в его порочной сущности. Подобные люди, будучи достаточно интеллектуальными, постепенно разрабатывают для себя стратегию поведения, основным стержнем которой является стремление избегать настоящих эмоциональных контактов с сексуальными партнерами. С этой целью формируется своеобразное второе «я» с придуманной сексуальной биографией, соответствующей приемлемым, с его точки зрения, стандартам. Возникает ситуация, в которой партнер общается не с реальным, а с псевдо «я» и устраняется угроза отбрасывания, унижения. В то же время предоставляется возможность манипулирования партнером, придумывания различного ролевого поведения. И все же такая стратегия недостаточна. Она создает лишь иллюзию решения, иллюзию безопасности. При этом отсутствует реальное интимное общение и неизбежно возникает чувство неудовлетворенности и разочарования.

Дефекты в сексуальном воспитании приводят к формированию сценариев, которые оказываются превосходной почвой для удержания сексуальных секретов. К числу таких сценариев относятся, например: «я не достоин того, чтобы кто-то любил меня»; «я всегда становлюсь жертвой плохого отношения ко мне окружающих»; «я могу нравиться мужчинам (женщинам) только своим умом, но не внешним видом»; «я не способен любить кого-либо». Сексуальные секреты могут иметь и определенное положительное значение, они, например, создают атмосферу таинственности, неопределенности, что на каком-то плане отношений стимулирует повышение интереса друг к другу. Кроме того, некоторые люди получают особое удовольствие от усилий по раскрытию сексуальных секретов партнера, что может сопровождаться усилением сексуального влечения. Полезно иметь в виду, что стратегия по удерживанию сексуальных секретов

не должна быть чересчур серьезной и не должна касаться глубинных отношений, в ней лучше использовать игровой характер. Не нужно бояться, что раскрытие секретов приведет к отторжению партнера. Следует больше доверять партнеру, ориентируясь не на логические схемы в поведении, а на собственную эмпатию и интуицию.

Оперирование сексуальными секретами, т. е. их сутью и раскрытием, должно строиться на нормальной самооценке, которая не содержит мифологического представления о ряде сексуальных проблем.

Клайн (Klein, 1988) приводит небольшой список, иллюстрирующий достаточно широкий диапазон сексуально поведения, которое, вопреки распространенным предубеждениям, является совершенно нормальным. Автор пишет: «Вы не ненормальны только потому, что Вы: вступаете в сексуальные отношения один раз в день или один раз в каждые три месяца. Имеете только одного сексуального партнера в течение всей жизни или дюжину различных партнеров в течение каждого года. Мастурбируете каждый день или не мастурбируете вообще — вне зависимости от Вашего брачного статуса. Думаете о ком-то другом, а не о Вашем партнере во время секса, никогда не фантазируете. Перенесли венерическое заболевание. Предпочитаете оральный или мануальный (ручной) секс обычному. Получаете удовольствие от различных позиций или каждый раз от одной и той же. Стыдитесь своего тела или гордитесь им».

В сексуальном воспитании в семье не следует упустить из виду естественного чувства стыда. Разговор на сексуальные темы требует от родителей большого такта и деликатности. С одной стороны, здесь опасны лицемерие, обман и неестественность, а, с другой, - опасны всякие опошление и грубость, фиксация внимания на физиологии и технике половых отношений. Родители учат своих детей жизни со всеми ее проблемами, включая сексуальные. В хорошем варианте они воспитывают детей, передавая им свой положительный опыт и умения; разговаривают на все темы по мере того, как возникают все новые детские интересы, в том числе и касающиеся сексуальной сферы. Полнота ответов на интересующие детей вопросы зависит от возраста. Так, например, в возрасте 3—5 лет на вопрос «откуда берутся дети» достаточно правдивого, но очень краткого ответа.

Замечено, что в стабильных семьях с благоприятным психологическим климатом сексуальное воспитание протекает, как правило, спокойно и постепенно и у детей в результате формируется серьезное отношение к жизни, исчезает инфантилизм. Отсутствие адекватного сексуального воспитания приводит к тому, что каждая сексуальная проблема в подростковом и молодом возрасте вызывает бурные неадекватные реакции, нередко провоцирует цинизм, брутальность, различные формы протеста или

состояние эмоционального шока с уходом в себя, невротическими нарушениями. По мнению многих сексологов (Swiecicka, 1972; и др.), родители, которые серьезно и с полной вовлеченностью относятся к сексуальному воспитанию своих детей и при этом сами не инфантильны и «правильно воспитаны», не нуждаются в прохождении специальных сексологических курсов, так как их супружеский и родительский опыт оказывается достаточным для бесед на эти темы и делает возможным выбор наиболее подходящего места и времени. Неповторяемость, индивидуальная значимость сексуальных отношений — это то, о чем, к сожалению, забывают, увлекаясь обучением технике и анатомии. Этот психологический аспект очень важен в воспитании. Не менее важна, с нашей точки зрения, современная информация, касающаяся основных психологических проблем, психологической стороны сексуальных отношений. Помощь и совет особенно нужны в подростковом периоде, когда происходит бурный процесс сексуального созревания. Подростки в каждом случае должны получать объективную информацию об аддикциях, венерических заболеваниях, способах их предубеждения, средствах, предохраняющих от беременности.

Культура и секс

Сексуальное воспитание связано с общим состоянием общества, с уровнем жизни, с демократическими, культуральными традициями. В этом отношении заслуживает внимания опыт сексуального воспитания, приобретенный в Скандинавских странах. Основным в этом опыте является уважение прав ребенка, предоставление ему возможностей самостоятельного развития с максимальным использованием природных способностей и стимуляцией соответствующих мотиваций. Дети имеют широкие возможности осваивать более сложные программы по предметам, которые им больше нравятся и даются. Во время обучения в школах дети имеют возможность консультироваться по вопросам, касающимся секса, с психологами, сексологами при соблюдении полной конфиденциальности. Дети воспитываются без комплексов. Подростков обучают пользоваться противозачаточными средствами, оказывают помощь во всех трудных ситуациях. Все это возникло не на пустом месте. Швеция была первой страной, которая не на словах, а на деле, начиная с 1920 г., стала систематически воплощать в жизнь демократический закон, обеспечивающий одинаковые права и одинаковую ответственность для мужа и жены. Шведский кодекс о браке ликвидировал опекунские функции мужа, оба партнера обязывались поддерживать друг друга и своих детей в финансовом плане. Домашняя работа рассматривалась в качестве финансового вклада в общий семейный бюджет. Согласно закону, «муж и

жена связаны между собой верностью и поддержкой. Они работают вместе ради лучших достижений семьи». В соответствии с принятым в 1949 г. в Швеции Родительским Кодексом оба родителя имеют юридический авторитет» в отношении малолетних детей. Приемные дети пользуются теми же правами, что и биологические (закон от 1959 г.). В 1960 г. было внесено дополнение к закону, заключающееся в том, что мужа в равной степени, как и жены, имеют право отказываться от выполнения некоторых видов работы, если последние препятствуют им оставаться достаточное время дома и помогать детям в случае такой необходимости. Женщины имеют право при вступлении в брак сохранять свою фамилию или принимать фамилию мужа. Мужья имеют так же право принимать после вступления в брак фамилию своей жены. В 1965 г. в Швеции был принят новый криминальный (уголовный) кодекс, включающий специальный раздел о сексуальном поведении. Здесь имеются четыре ограничения, включая преступления против морали, изнасилование, половые контакты с лицами, не достигшими 15 лет, половые контакты с близкими родственниками и гомосексуальные контакты с несовершеннолетними.

Отметим в этом контексте, что в другой Скандинавской стране — Норвегии в первые три месяца после рождения ребенка как жена, так и муж имеют равные права оставаться дома и получать декретный отпуск по их общему усмотрению с соблюдением условия, что один из супругов будет работать.

В 1964 г. в Швеции была опубликована книга Уллерстэм «Эротические меньшинства» (Ullerstem, 1964). Автор требовала для обоих полов юридического права получать любые виды сексуального удовлетворения при условии, что другая сторона не несет никакого ущерба и согласна на это. Большое место уделялось обоснованию необходимости сообщать в средствах массовой информации о предлагаемых сексуальных контактах, прекратить практику всяких запретов на порнографические фильмы при условии, что в них не содержатся сцены насилия. Автор предлагала также организовать специальную службу «эротических самаритян», которые будут обеспечивать сексуальное удовлетворение лиц, находящихся в заключении, а также старых людей.

В воспитании детей в духе, исключаящем подходы, основанные на двойной морали, в Скандинавских странах имеет значение последовательное проведение идеи о том, что убеждение в принципиальной роли материнства для женщины носит мифологический характер и нуждается в коррекции, без чего действительное равноправие недостижимо. Ответственность за детей и дом должна быть разделена между матерью, отцом и обществом.

Однако в мире существуют и другие, в том числе и очень далекие от скандинавских, модели. Остановимся на одной из них. До 1955 г. в Индии были разрешены детские браки. Согласно закону 1955 г. разрешаемый для вступления в брак возраст был определен 15 годами для женщин и 18 — для мужчины. Мужской имидж в Индии значительно более престижен, чем женский. С этим связано то обстоятельство, что девочки в течение сравнительно долгого времени сопротивляются идентификации себя с женским полом. Девочки хотят быть мальчиками чаще, чем мальчики девочками. Мальчики проявляют мужской тип поведения уже с 5-летнего возраста, в то время, как девочки проявляют «женское» поведение не ранее 9—10 лет, а в ряде случаев и позже.

Индийские обычаи и религия исходили из положения, что замужество девочки, не достигшей половой зрелости, не только желательно, но и является своего рода социальной обязанностью. Если, например, девочка не связана брачным обязательством до появления у нее менструации, ее семье угрожает наказание после смерти. Муж, воздерживающийся от сексуальной связи со своей детской женой, может быть обвинен в преступлении «убийства матки», что влечет за собой «земное и духовное осуждение».

В таком известном историческом памятнике, появившемся в начале новой эры, как «Кама Сутра», являющемся фактически настольной книгой по сексу в Индии, содержатся инструкции по соблазнению детей мужчинами. В 20-е годы более 80% населения Индии практиковало вступление в детские браки. Согласно данным государственной комиссии Джоши, в 1929 г. сексуальные контакты сразу же после заключения детского брака являлись очень распространенными и приводили к большой детской и материнской смертности. По рекомендации комитета возраст заключения брака был повышен до 14 лет (Масе, 1960).

В 1927 г. вышла в свет книга Мэйо «Мать Индия», в которой описывались ужасающие последствия детских браков, когда 5—12-летних девочек отдавали замуж за 25—50-летних мужчин. Автор книги беседовала с медицинским персоналом, изучала истории болезни. Собранные ею данные свидетельствуют о серьезных телесных повреждениях, кровотечениях, разрывах влагалища, перитонитах и даже смертельных исходах маленьких невест. Дети не всегда переносили беременность и роды. Против детских браков высказывались некоторые общественные и политические деятели, и среди них Ганди, осудивший «жестокий обычай детского брака».

Несмотря на официальный запрет, эта практика полностью не исчезла. По данным (Goldstein, 1977), в 1961 г. 28,8% девочек в возрасте 10—14 лет

состояли в браке. Согласно данным Института Гуттмахера, браки детей женского пола в Индии в этот период еще являлись распространенными.

Приведенные данные показывают, насколько различными могут быть подходы к сексуальным вопросам в разных культурах, что находит отражение в особенностях сексуального воспитания. Эта проблема должна рассматриваться не только с позиции сегодняшнего дня, но и с учетом исторического развития. В то же время следует критично относиться к «историческому наследию» и к традициям, находящимся в прямом противоречии с правами человека как свободной личности.

Необходимость остановки на этих вопросах важна потому, что сексуальное воспитание, а вернее, отсутствие такового — характерная особенность тоталитарных систем. Причем в каком-то смысле особенность более стойкая, удерживающаяся в сознании после крушения остальных тоталитарных мифов.

С чем это связано? Есть все основания для предположения, что «асексуализм» в воспитании использовал или заимствовал основанные на более старой мифологии аскетические традиции отрицательного отношения ко всему «плотскому». В этой области тоталитаризм становился для многих людей как бы заменителем церкви, усиливая тем самым псевдорелигиозное мифологическое восприятие системы в качестве стража высших этических ценностей. Спекулируя на чувствах обманутых таким образом людей, можно было эффективно заниматься «охотой на ведьм», отыскивать безнравственность, «антинародность», признаки морального упадка и «духовного вырождения» во всем том, что не соответствовало взглядам высшего руководства тоталитарной системы.

Последствиями целенаправленного игнорирования сексуального воспитания приводят к возникновению в сознании психологического вакуума. Биологические стремления вступают в конфликт с идеологизированным сознанием, что делает возможным три основных варианта развития: 1) реализацию биологических влечений, несмотря на запреты, с присоединением реакции протеста, что находит выражение в беспорядочных половых связях, в антисоциальном поведении; 2) подавление влечений на значительный период времени за счет формирования стойкой мифологической установки, включающей отрицательное отношение ко всему тому, что ассоциируется с «низменными» сексуальными инстинктами; 3) формирование человека, ориентирующегося на ведение «двойной жизни» под маской благопристойности, аскетизма, скромности, за которой скрываются различные сексуальные приключения.

Если отрицательные последствия первого варианта в общих чертах очевидны, то этого нельзя сказать об остальных двух.

Во втором варианте внешне все выглядит вполне прилично. Любовь здесь всегда выглядит очень серьезно, она основывается на идейном единстве, а не на эротических чувствах. Любовь во всех случаях быстро приводит к браку. Никакие «шалости» не допускаются. Брак должен быть счастливым и бесконфликтным. Все члены семьи (муж, жена, дети, старшее поколение) исправно выполняют свои обязанности в полном соответствии с социальным сценарием, и это делает их удовлетворенными и счастливыми.

К счастью (не «к сожалению», иначе жизнь человека оказалась бы совершенно запрограммированной, что привело бы общество к самоуничтожению), приведенная модель является всего лишь умозрительной схемой, она изображает всего лишь одну из множества возможностей, причем сегодня исключительно редкую. Опасность заключается в том, что сама ориентация на подобную схему основывается не на реалистическом отношении к действительности, а на мифологическом мышлении. Браки людей, попавших в такую ловушку, как правило, не долговечны. Люди вскоре убеждаются, что их совместная жизнь совершенно не соответствует сформированному в сознании имиджу и по сути дела они чужие друг другу, придумавшие для себя красивую иллюзию. Ошибки такого рода исправимы при условии формирования в себе асертивных подходов к жизни, т.е. требуют ухода от мифологического восприятия действительности.

Третий вариант («двойная жизнь») широко распространен. Он может выступать в разных формах, отличающихся друг от друга как степенью вовлеченности, так и характером маскировки. Так, например, особенно негативно воспринимаются категории демагогов, ханжей и лицемеров, которые постоянно дают наставления, поучают других, «принципиально и со всей прямоотой» осуждают все то, что в значительно большей мере свойственно «обратной стороне» их жизни.

В целом лица, использующие эту стратегию, потенциально оказывают сложное влияние на общество, с одной стороны, являясь отрицательным примером, с другой — примером для подражания у определенной части людей, способствуя тем самым общему снижению морали, формированию подходов, характеризующихся неискренностью, ложью и лицемерием. Такие подходы применяются в последующем не только по отношению к вопросам секса, но становятся универсальными. Это приводит к тому, что, в конце концов, маска «срастается» с лицом, роль овладевает человеком и его истинная идентичность почти полностью исчезает.

Литература

- Гидденс Э. (2004) Трансформация интимности. – СПб.: Питер.
- Добряков И.В. (1993) Воспитание в семье и здоровье детей. Психосексуальное развитие ребёнка. // Медицинская и возрастная психология: уч. пособие. – Изд. Отд. СПбПМИ, 39 – 53.
- Добряков И.В. (1998) Интимная жизнь (изменение этических установок). - «Мир медицины», 11-12;68 – 69.
- Добряков И.В. (1999) О детской гиперсексуальности. – «Мир медицины», 3 – 4;56 – 57.
- Добряков И.В. (2010) Перинатальная психология. – СПб.: Питер.
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2001) Психосоциальная аддиктология. Новосибирск. Изд-во «Олсиб».
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2003) Психоанализ и психиатрия: Монография. - Новосибирск. Изд-во НГПУс.
- Bancroft, J.(1989) Human Sexuality and its Problems. London. Churchill. Livingstone.
- Bateman, A., Holmes, J. (1995) Introduction to Psychoanalysis. Contemporary Theory and Practice. London. Routledge.
- Chauchard P. (1969) La Vie Sexuelle.— Paris: Presse Universitaires de France.
- Diamond, L. (2008) Sexual FluidityCambridge, MA. Harvard University Press.
- Daines, B.,Perrett, A. (2000) Psychodynamic Approaches to Sexual Problems. Buckingham. Philadelphia.
- D'Ardenne,P., Mahtani, A. (1989) Transcultural Counselling in Action. London. Sage.
- Finkelhor D. (1979) Sexually victimized children. 1 N. Y.; N. Y. Free Press, P. 53.
- Fleming K., Fleming A. (1975) The First Time.— New York: Simon and Schuster.
- Forward S. (1990) Toxic parents.— New York: Bantam Book.
- Goldstein R. (1977) Indian Women in Transition // Sexual Abuse of Children Common.— Bergen; N. Y.: Record.
- Green F. (1977) Sexual abuse of children common. — Bergen; N. Y.: Record, N 15.
- Haffner, D., Kelly, M. (1987) Adolescent Sexuality In Media. SIECUS Report. March-April. 9-10.
- Haffner, D. (1994) The Good News About Sexuality Education. SIECUS Report. August-September, 17-18.

Horrocks, R. (1997) *An Introduction to the Study of Sexuality*. London. Macmillan.

Keefe, M.(1973) *Police Investigation in Child Sexual Assault // Burgess A. et al. Sexual assault of children and adolescents.*— Lexington: Lexington Books, p. 159.

Kendall-Tackett, K., Williams, L., Finkelhor, D. (1995) *Impact Of Sexual Abuse On Children: A Review And Synthesis Of Recent Empirical Studies.* *Psychological Bulletin*113, 164-180.

Klein M. (1988) *Your Sexual Secrets.*— New York, E. Dutton.

Lavee, Y. (1991) *Western and Non-Western Human Sexuality : Implications for Clinical Practice.* *Journal of Sex and Marital Therapy.* 17, 208-213.

Lidz T. (1964) *The Family and Human Adaptation.* — L.: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis. 1964. *Liner S. Sexual behavior in Sweden // B. Lieberman., 1987. Human sexual behavior.*—L.; N. Y. et al. Wiley J. and Sons.

Mace V., Mace D. (1960) *Marriage East and West.*— New York .: Garden City Doubleday, p.p.194—200.

Masters W., Johnson V. (1966) *Human Sexual Response,*— Boston.

Masters, W., Jonson, V. (1970) *Human Sexual Inadequacy.* Boston,MA. Little, Brown.

Mellody, P.(1992) *Facing Love Addiction.* San Francisco. Harper.

Money, J. (1998) *Sin, Science and the Sex Police.* New York. Prometheus Books.

Maurois A. Byron,(1968)— New York .: Appleton, p.p.32—34.

Polte W. *Unsere Ehe.*— Ixip/.ig: Verlag fiir die Frau, 1988.— 344 S.

Rush B. (1980) *The Best Kept Secret.* San Francisco. Toronto: McGraw Hill.

Saltz, G. (2006) *Anatomy of Secret Life. The Psychology of Living a Lie.* New York. Morgan Roads Books.

Swiecicka H. (1972) *Wychowanie seksualne w rodzinic // Erotyka w aspekcie zdrowia psychicznego.* — Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX., p. 39—55.

Swift C. (1978) *Sexual Assault of Children and Adolescents. From Testimony Prepared for the Subcommittee on Science and Technology of the U. S. House of Representatives on 1978, Januarv 11 in N. Y. City.*

United Church of Christ. (1977) *Human Sexuality: A Preliminary Study.* New York. United Church Press

Ullerslem L. (1964) *De Erotiska Minonterna.* — Stocholm: Seelig.

Глава 8. Факторы риска сексуальных дисфункций

Ревность

О ревность! Это ты, мой слух дразня,

Советы шепчешь злей один другого!

Послушайся советчика такого,

Так наша честь не устоит и дня.

Лопе де Вега «Собака на сене».

Ревность является эмоцией, переживаемой в случае возникновения угрозы потери важных отношений с другим человеком (партнером/партнершей), в связи с заменой этих отношений на отношения с соперником/соперницей или с иным более значимым объектом. Угроза включает утрату имеющихся отношений в пользу соперника/соперницы. При этом может возникать страх возможной потери в будущем, актуальной потери, имеющей место в настоящем или случившейся в прошлом.

Описывая *психологическую структуру* ревности, разные авторы вкладывают в нее различные содержания.

Так, например, Lansky (1997) перечисляя психологические состояния, входящие в структуру ревности, отмечает: “прежде всего это страх потери, во вторых, стыд и раненная самооценка, являющаяся следствием чувства вины и, в третьих, гнев, который служит защитным механизмом, оправдывая ненависть ревнующего, делая его правым и таким образом восстанавливая его поврежденную самооценку”.

Ревность очень легко провоцирует в ревнующем/ревнующей возникновение желания отомстить сопернице/сопернику. Месть может проявиться импульсивно или же носить продуманный, расчетливый характер с целью сокрытия и маскировки ее последствий. Импульсивная реализация связанной с ревностью мести более характерна для лиц с пограничным личностным расстройством или с пограничной личностной организацией.

разрушить вожаделенный предмет, которым владеет другой человек. Жадность - Ревность заключается в желании сохранить для себя высоко ценимый объект. Подозрение, что может что-то измениться, мысль о том,

что объект любви, обладания «принадлежит» или «будет принадлежать» еще кому-то другому, представляет собой жизненную, витальную угрозу: потерять, превратить «свою собственность» в общественную, лишиться себя того, что «по праву» тебе принадлежит, выглядеть смешным, достойным сожаления,

Ревнивый человек по сути завистлив. На основании наших наблюдений было установлено, что в структуре ревности большое место занимает чувство зависти. Присущие ревнивым людям чувства внутренней неуверенности в себе, отсутствия безопасности, сочетаемые с открытой или замаскированной зависимостью от любовного объекта, резко усиливаются при появлении конкурента или человека, который может казаться подозрительным в этом плане. В подобных случаях усиливается страх потери любовного объекта. Одновременно появляется «чувство хозяина, у которого отбирают его собственность», увеличиваются требования к любовному объекту. Само же чувство любви оказывается приглушенным, вытесненным из сознания, его заменяют резко усиленные зависимость и страх потери.

Согласно Wurmser и Jarass (2008), «Вслед за ревностью всегда возникает чувство потери и связанные с ним острая боль и грусть, а также чувство униженности и стыда». Ревность подразумевает характер переживаний, заключающийся в формулировке «Я являюсь исключенным третьим, а вместо этого хочу быть исключаемым первым».

Wurmser и Jarass (2008) наблюдали случаи, когда у лиц с сильным эго происходило вытеснение ревности с одновременным использованием психологических защитных механизмов. Так, например, вместо того, чтобы ревновать самому, включается тактика, направленная на стремление заставить ревновать другого, соперника или соперницу или же настроить их против объекта ревности. Возможно «включение» механизма формирования реакции: я великодушно отказываюсь от своей любви к объекту ревности и получаю удовольствие от передачи объекта сопернице/сопернику. Вышеперечисленные сценарии происходят в основном на бессознательном уровне, что придает сопутствующим переживаниям особенную силу.

Ревность является чувством, в котором содержатся отрицательные мысли, присутствует тревога, неуверенность, страх потери того, что для ревнующего имеет особенную ценность. Такой ценностью может быть межличностное отношение, дружба, или любовь. Наряду с завистью, эмоция ревности часто соединяет в себе злобу, грусть и отвращение. Ревность отличается от зависти тем, что переживающий ее человек имеет нечто и боится это нечто потерять, в то время как завистливый человек

желает приобрести то, чего у него нет, или же стремится лишиться этого человека, обладающего предметом зависти.

Ревность является сложной эмоцией, в определенном смысле вторичной и производной, т. е. ее возникновение всегда связано с другой эмоцией, с другим чувством. Поэтому в известной степени ревность можно сравнить с отражением, с феноменом эха. Она объединяет не только чувство и ревностные мысли, но и находит выражение в различных формах поведения. Исходя из этого, мы можем назвать совокупность ревностных проявлений *эмоционально-когнитивным поведенческим комплексом*.

Особенности ревности существенно затрудняют ее точное универсальное научное определение, которое до настоящего времени отсутствует. Разные авторы используют различные дефиниции этого чувства.

Так, например, Bringle и Buunk (1991) определяют ревность как любую аверзивную реакцию, которая возникает в результате реального, воображаемого или оцениваемого как возможное экстра-диадное отношение партнера.

Bevan (2004) понимает под ревностью “защитную реакцию на угрозу значимым отношениям, возникающую в ситуации, когда вовлеченность партнера в активность с другим человеком противоречит модели отношений с партнером у ревнующего лица”.

Guerrero et al. (2004) пишут: “ревность концептуализируется как когнитивный, эмоциональный и поведенческий ответ на угрозу в области отношений. В случае сексуальной ревности, эта угроза исходит от знания или подозрения, что партнер ревнующего имел или хочет вступить в сексуальные отношения с третьим лицом. В случае эмоциональной ревности, индивидуум чувствует угрозу эмоциональной вовлеченности партнера или угрозу возникновения любви с третьей стороной”.

Общим для всех вышеупомянутых определений является наличие треугольных отношений, угрозы, отрицательные эмоциональные и когнитивные реакции и защитное поведение.

Ревность в исторически обозримом периоде привлекала внимание не только научных работников, но и деятелей искусства, писателей, поэтов, кинорежиссеров, социологов и теологов. Психологи идентифицировали ряд факторов, активизирующих развитие ревности. Социологами было показано, что особенности культуры и связанные с ней системы ценностей влияют на возникновение ревности и специфические особенности ее проявлений.

Обычными примерами ревности служат романтические любовные отношения. Любовь – созидание, ревность – разрушение. Коктейль из ревности и страсти может быть крайне опасным. Хотя подавляющее большинство мужчин и женщин до сих пор считает страсть чуть ли не единственным доказательством любви и преданности. Существует поверье, что если мужчина ревнует, значит любит, и чем больше ревнует, тем сильнее любит. Это один из примеров довольно старого мифа, который до сих пор оказывает влияние на поступки и поведение людей. Находясь под влиянием такого мифологического восприятия, люди нередко обманывают себя, выдавая желаемое за действительное, не могут вовремя распознать опасности, склонны смотреть «сквозь пальцы» на угрозы ревнивцев, гнев и месть которых могут приводить к трагедиям, которые возможно предотвратить. Согласно нашим наблюдениям, выраженная ревность в условиях психического здоровья свидетельствуют обычно в пользу незрелости любовных отношений. Зрелая любовь сочетается с чувством уверенности и взаимной безопасностью. Незрелая любовь характеризуется беспокойствами, сомнениями, которые не исчезают на сколько-нибудь длительное время перед лицом, казалось бы, самых убедительных фактов и действий.

Ревность может возникать и при других вариантах отношений и не исчерпывается только любовными содержаниями. Хорошо известна ревность между сиблингами разного возраста, ревность нередко формируется между друзьями, коллегами по работе в сфере отношений с начальником, между школьниками и студентами по отношению к преподавателям. Таким образом, чувство ревности выходит далеко за пределы чисто любовных отношений. Соперником может оказаться даже неодушевленный объект. Жена может, например, ревновать мужа к его новой машине, работе, творчеству. Муж может ревновать жену к ее профессиональной увлеченности, участию в социальных программах, религиозной деятельности и др.

Человек, охваченный чувством ревности, часто теряет контроль над своим поведением и способен совершать социально опасные действия, представляющие угрозу прежде всего для соперника/соперницы и самого себя. Агрессия опасна тем, что в отличие от таких эмоций, как гнев и обида, она является не кратковременным, а длительно переживаемым чувством. Существует выражение, “Ревность всегда рождается с любовью, но не всегда умирает вместе с ней”.

Непременным условием ревности является наличие треугольных отношений. Одна сторона треугольника представлена отношениями между двумя лицами (ревнующий субъект и его/ее партнера/партнер). Другая -

отношениями между ревнующим/ревнующей и его/соперницей/соперником. Третья сторона характеризует отношения партнера/партнерши и соперницы/соперника.

Согласно Neu (1980), Tuv-Ruach (1984), в основе ревности лежит угроза потери внимания другого человека, при том не обычного, а “формативного внимания”. Под формативным вниманием понимается такое внимание, которое поддерживает часть Я - концепции индивидуума. Ревность непосредственно и органично связана с потребностью в своей нуждаемости. Потребность быть нужным/нужной отражает концепцию психоанализа объектных отношений. Человек с момента его рождения живет в мире межличностных отношений, без которых невозможно нормальное психическое развитие, формирование зрелой когезивной идентичности. Отношения с людьми по-существу интроецируются в сэлф, интернализуются в нем и становятся его интегральной частью.

Человек испытывает постоянную потребность в зеркальном переносе, ему необходима поддержка со стороны других людей. Он нуждается в положительных оценках, ему важно производить положительное впечатление на окружающих, важно признание его ума, оригинальности, наличия чувства юмора и др. Человек нуждается в аудитории, которая его видит и слушает. Членами этой аудитории оказываются многочисленные лица из окружающего мира. Некоторые из них входят в структуру качественного мира, присущего каждому из нас. Лица, входящие в структуру качественного мира, - это особенно значимые для нас люди, которые нам дороги, о которых мы думаем, о которых мы переживаем. Их внимание и оценки имеют для нас чрезвычайно важное значение.

Люди нуждаются в других людях не только для того, чтобы укрепить веру в себя, подтвердить наличие тех или иных положительных качеств и достижений, но и для формирования новых мотиваций, создания необходимых условий для саморазвития и самосовершенствования.

Таким образом, угроза потери значимых отношений с людьми из структуры собственного качественного мира становится угрозой потери, лишения части себя, части ядра личности, своего сэлфа. Подобная угроза, лежащая в основе ревности, значительно сильнее угрозы потери имущества, состояния, любых материальных ценностей.

Нурка (1989) пытался связать различные уровни ревности с уровнями испытываемой тревоги, выделяя низкую, промежуточную и высокую тревожность. Низкий и промежуточный уровни тревоги, согласно автору, сопутствуют виду «ревность – подозрение», в то время как высокий уровень

тревоги соотносится с ревностью, называемой “*fait accompli*” («ревность как осознание совершившегося факта»).

Ревность, как и зависть, может оформляться различными конкретными содержаниями. Когда люди делятся своими переживаниями ревности, они повествуют о ней, используя язык *нарратива*. Нарративный язык отличается от информативного, сообщающего о тех или иных фактах и событиях в логической последовательности с регистрацией причинно-следственных отношений и временных параметров событий. Эмоционально насыщенный нарративный язык отражает эмоциональное состояние рассказчика, который во время нарратива погружается в свои переживания с чувственным акцентом на описываемые им события или состояния. Образность и неформальность нарративного повествования вызывает у слушающих эмоциональный отклик, сочувствие и сострадание.

Salovey (1991) обозначает нарратив как “эмоциональный эпизод”, из истории эмоционального события, описания причин его возникновения, сопровождающих его эмоций, попыток саморегуляции состояния, его продолжения или разрешения.

Анализ различных межличностных конфликтов показывает, что в их содержании присутствуют скрытые триадные отношения, в которых вмонтирована ревность. В то же время за фасадом триадных отношений могут скрываться диадный конфликт, со свойственной последнему эмоцией зависти. Особенно трудно выявить ревность при наличии выраженного чувства стыда, связанного с нежеланием обнаружить свою слабость, неполноценность, страх быть покинутой/покинутым или же страх слишком близких отношений.

Parrott (2001) полагал, что на психологическое содержание ревности и причины ее возникновения оказывают влияние культуральные факторы, нарративы, которые создаются на основе переживаемых отношений, мыслей, восприятий, воображения, сознательных и бессознательных индоктринаций. Чем в большей степени общество и культура участвуют в формировании этих психологических образований, тем в большей степени ревность связана с особенностями социальной структуры. Имеется и противоположная точка зрения, которую выражает Goldie (2000). Автор считает, что ревность является “когнитивно непроницаемым” состоянием, на возникновении которого образование и рациональные убеждения имеют крайне незначительное влияние.

Причины возникновения ревности

Анализ литературы и собственных наблюдений позволяет выделить три основных причины возникновения ревности:

- Психологические особенности личности ревнивца.
- Дисфункциональные отношения в семье.
- Оценочные модели, нормы и убеждения.

Психологические особенности личности ревнивца

Описанные выше данные, позволили нам дать характеристику ревности как *эмоционально-когнитивного поведенческого комплекса*. С нашей точки зрения, ревность является еще и свойством личности. Значимыми причинами ее возникновения в этом контексте являются следующие:

1. Характерологические особенности, приводящие к заострению черт характера, неадекватность и неустойчивость самооценки, высокий порог восприимчивости к эмоциональным переживаниям, нестабильность эмоционального фона, снижение рефлексии к критике.

2. Состояния неуверенности, дискомфорта, опасения, возбуждения.

3. Страх потерять любовь, хотя ревность возможна и без любви. Незрелая форма любви.

4. Угроза потери “формативного внимания” другого человека, поддерживающего часть Я - концепции ревнующего.

5. Чувство стыда, связанного с нежеланием обнаружить свою слабость, неполноценность, страх быть покинутой/покинутым или же страх слишком близких отношений.

6. Эмоциональная зависимость (созависимость) от близкого человека при сниженном фоне душевной теплоты в отношениях.

7. Чрезмерная амбициозность, зависть, уязвленное самолюбие, обида, комплекс неполноценности, стремлением к власти, к овладению, переживание утраты своей исключительности.

8. Ревность женщин часто вызвана комплексом неуверенности в себе, неудовлетворенностью своим внешним видом, низкой самооценкой в сексуальном плане. Отсюда страх потерять привлекательность, страх старения.

9. Страх «потери лица», «позора», «унижения» в глазах знакомых и родственников.

10. Чрезмерное чувство собственности, убеждение в праве обладания другим человеком.

11. Угроза реализации невротической потребности в контроле.

12. Недоверие.

13. Пренебрежение партнером.

14. Потребность в острых ощущениях. Иногда женщины стремятся спровоцировать ревность, чтобы «получить доказательство» любви, ориентируясь на формулу «ревнует — значит любит». Мы встречались с ситуациями, когда женщины вызывали ревность с целью сделать отношения более драматичными, эмоциональными в плане получения острых ощущений.

15. Эгоизм. Мы наблюдали ревнивцев, действия которых укладываются в закономерность: чем больше они любят себя, тем больше ревнуют. Сила их ревности была прямо пропорциональна степени выраженности эгоизма.

16. Комплекс ненужности, отсутствие чувства эмоциональной безопасности.

17. Ревность как одно из проявлений у мужчин - комплекса Эдипа — ревности сына к отцу, у женщин — комплекса Электры — ревности дочери к матери.

18. Инверсия ролей и функций, возникающая под влиянием культуральных факторов и нарративов, формирующих ригидные гендерные полоролевые стереотипы.

Дисфункциональные взаимоотношения в семье как условие возникновения ревности

Существует распространенный тезис: «Семья — это судьба». Влияние отношений в семье на возникновение ревности требует отдельного рассмотрения.

Семья в контексте изучения дисгармоничности взаимоотношений ее членов является объектом пристального внимания исследователей, поскольку она играет решающую роль в успешности личностного и социального самоопределения. Функциональность семьи зависит от многих ее особенностей, важнейшими из которых являются супружеские

отношения, отношения между родителями и детьми, отношения между сиблингами и стили родительского воспитания.

Выделяют три основных подхода к исследованию семейных проблем и основных параметров семейной системы: психодинамический, системный и смешанный. В одной из предыдущих монографий (Короленко, Дмитриева, 2000) нами сформулирован и обоснован четвертый - *социодинамический подход*, который сосредоточивает внимание на эмоциональном функционировании семьи. Мы считаем, что недостаток эмпатии к актуальному состоянию партнера провоцирует возникновение ревности.

Эмоциональные связи в дисфункциональной супружеской диаде характеризуются напряженностью и высоким уровнем тревожности, следствием которых являются дистанцирование, внутриличные и ролевые конфликты, нарушение структуры семейных подсистем, формирование вертикальных коалиций, несбалансированность сплоченности семьи, нечеткость, ригидность границ и правил.

Особенности родительского воспитания

Общеизвестно наличие у людей веры в достаточно популярные мифологические представления. Например, о том, что «все невесты хороши, а все жены плохи», что нежная кроткая невеста после выхода замуж становится «ведьмой», «мегерой». Такие же легенды распространяются и в отношении мужчин. Они нашли выражение в рассказах о Синей бороде, увлекающем женщин, а вскоре после брака убивающем их, в повествовании о мужчинах — психологических вампирах, высасывающих энергию из своих жен, что приводит к их быстрой гибели и др. На самом деле, в реальности все обстоит по-другому: ревнивые люди нередко выбирают в качестве партнеров лиц, которые в наибольшей степени способны стимулировать это чувство. Об этом мы писали в одной из опубликованных ранее монографий (Короленко, Дмитриева, 2003). Почему же они так поступают? Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным. Проведенные нами исследования, касающиеся выявления механизмов возникновения таких поступков, показали важность особенностей родительского воспитания в выборе подобного партнера. Оказалось, что родители таких детей применяли к ним меры физического наказания. Детей били за нарушение дисциплины, неповиновение, плохие оценки в школе, участие в развлечениях, несанкционированных родителями и т. д. Эти наказания остались в памяти в подростковом и взрослом периодах жизни. Психологический анализ показывает, что у лиц с такого рода воспоминаниями детства чувство любви к родителям смешано со страхом

перед наказанием, любовь смешана с болью. Затруднение или невозможность отделить любовь от боли и от наказания оказывается перенесенной травмой детства и может иметь значение в выборе партнера, который рассматривается в качестве эквивалента одного из родителей.

Существенную роль в воспитании ребенка играет согласованность его стилей. Чем менее согласованы воспитательные позиции родителей, тем вероятнее риск возникновения у ребенка неадекватного отношения к ревности. Несогласованность родительской позиции приводит к повышению уровня конфликтности в паре, концентрации внимания родителей на своих проблемах, «выяснению отношений», формальности в воспитании ребенка и вовлечению его в треугольник ревности.

Нами наблюдалась женщина, страдающая от приступов ревности к своему мужу, которые она сама квалифицировала как необоснованные. Их появление пациентка связывала с особенностями ее характера и чрезмерной подозрительностью. Выяснилось, что в детстве она постоянно получала от родителей противоречивые наставления. Так, приходя из школы домой, она выслушивала по телефону рекомендации отца, который настаивал на немедленном выполнении домашнего задания. Мать, покормив ее обедом, считала, что девочка сначала должна погулять, подышать свежим воздухом и отдохнуть и только после этого приступать к работе. Позиция матери была более близкой для дочери, которая предпочитала следовать ее советам. Возвращающийся вечером отец, устраивал матери и дочери скандалы, результатом которых являлось установление между последними отношений глубокой эмоциональной привязанности. Пациентка вспоминает, что они, закрывшись на кухне, могли часами обсуждать негативные черты характера отца, не обращая внимания на его переживания. Со слов женщины, отец ревновал ее к матери, пытаясь «заигрывать» с дочерью после ссор с целью получения положительных эмоций в свой адрес.

Особенности отношений в супружеской диаде

Создается достаточно обоснованное впечатление, что предрасположенность к ревности во многом связана с характером отношений между родителями, так как во-первых, супружеская диада первична по отношению к семейной триаде, возникающей после рождения ребенка; во-вторых, гармоничные отношения в любовном союзе родителей повышают удовлетворенность браком, что становится положительным эмоциональным фоном для формирования личности ребенка.

Свободные от ревности родители закладывают в детях иммунитет к возникновению ревности. Родители с выраженным чувством ревности

передают по наследству своим детям целый комплекс психологических особенностей и поведенческих паттернов, способствующих раннему стимулированию эмоциональных состояний, значительно повышающих риск возникновения ревности в дальнейшей жизни.

Очевидно, именно в этом смысле следует понимать роль наследственных факторов в возникновении ревности. Практика свидетельствует о том, что в ревнивых семьях родители и предки с отцовской или материнской стороны осложняли себе жизнь теми же проблемами. Такой семейный «рок» отражает, несомненно, социопсихологические ситуации, типичные для повседневной жизни в этих семьях, и стиль поведения, передающиеся из поколения в поколение.

Особенности детско-родительских отношений

Когда между партнерами возникает напряжение, обусловленное самыми разнообразными причинами, часто появляется некто третий, помогающий разрядить обстановку. В процесс, происходящий между родителями, оказывается втянутым ребенок, который «расплачивается» за эту роль беспокоящими его впоследствии страхами, трудностями с учебой, поведением, психосоматикой. Появившиеся у ребенка проблемы становятся темой родительских разговоров, каналом выражения негативных эмоций и «слива» агрессии, фактически направленной друг на друга. Ребенок в такой семье становится психоклеем, удерживающим ее от распада.

Мы неоднократно встречались с примерами делегирования ребенку полномочий по устранению конфликта. С этой целью сначала один из родителей (чаще всего мать) объединяется с ребенком против второго родителя и начинает использовать его как парламентаря, игнорируя основной закон гармоничности отношений в семье, согласно которому в отношении одного уровня (супружеские) противопоказано вовлекать лиц из другого уровня (детско-родительского).

В диссертационном исследовании В.Г.Петровской (2009), выполненном под нашим научным руководством, исследовалась роль родителей в возникновении отклоняющегося поведения подростков. Автором установлено, что особую роль в формировании асоциальности играет родитель противоположного пола, особенно это касается диады «отец-дочь». Отсутствие взаимопонимания приводит к изменению психологического пространства подростка. Степень суверенности психологического пространства, в свою очередь, оказывает влияние на формирование акцентуации характера подростка и склонность к отклоняющемуся поведению. Повышение уровня депривированности

психологического пространства подростка приводит к формированию гипертимического, тревожного, дистимического и демонстративного типов акцентуации характера, которые становятся основой для формирования асоциальности. Дисфункциональность пары, а именно низкий уровень адаптации, низкий уровень удовлетворенности семейной жизнью обоих супругов, ролевая неадекватность жены влияют на формирование застревающего и дистимического типов акцентуации характера у подростков, которые становятся основой для формирования деструктивных характерологических особенностей и отклоняющегося поведения. Дисфункциональность семьи характеризуется также наличием родительской директивы «не живи», что формирует склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению.

Классификация видов ревности

Ревность многолика. Нам приходилось встречаться с самыми разнообразными ее проявлениями, позволившими подразделить это чувство на *первичную* (базальную) детскую ревность и *вторичную*, профессиональную ревность и ревность, вызванную нарушениями интимности. Каждой из них свойственны специфические переживания.

Более того, мы наблюдали случаи *негативной*, разрушительной ревности и *позитивной*, созидательной, сохраняющей супружество, устраняющей сенсорный голод посредством оживления отношений, заполнения эмоционального вакуума в случае эмоциональной опустошенности, оущения пресности отношений и скуки.

Первичная (базальная) детская ревность

Ревность наблюдается уже в очень раннем возрасте. Она зарегистрирована у пяти-шести месячных младенцев (Hart, 2002, 2004; Draghi-Lorenz, 2000).

Hart et al. (2004) высказывают предположение, что даже трехмесячные младенцы способны распознавать и отрицательно эмоционально реагировать на мать, которая фокусирует свое внимание не на них, а на других социальных объектах: «младенцы чувствительны даже к кратковременным и ненамеренным эпизодам своего социального исключения».

Hart наблюдал четкие признаки возникновения ревности у шестимесячных младенцев в случаях, когда матери переключали

позитивное внимание к ним на похуже на живого ребенка куклы. У младенцев исчезали проявления радости, появлялись беспокойство, грусть, слезы. Такого изменения эмоционального состояния младенцев не происходило, если мать переключала внимание с младенца на книги или другие неодушевленные предметы. В то же время еще более выраженные признаки ревности возникали у младенцев, если мать перемещала свое внимание на другого ребенка и проявляла в его адрес положительные эмоции.

Ревность в младенческом возрасте характеризуется прежде всего выражением грусти. Существует определенный взгляд, отражающий чувство ревности у младенца. Чем глубже эмоциональный контакт с матерью, тем более выражена реакция ревности.

Ревностный протест отражает степень значимости основанных на аттачменте отношений. У депрессивных и чрезмерно "прилипчивых" матерей реакция ревности имеет менее выраженные проявления (Hart, 2004).

З.Фрейд связывает детскую ревность с ранними стадиями развития личности и соперничеством по отношению к матери/отцу (Эдипальный комплекс, комплекс Электры). Ребенок и его родители являются членами первого любовного треугольника. Чувство соперничества и другие детские переживания, репрессированные в бессознательное в детском возрасте, актуализируются во взрослом периоде жизни и становятся одной из причин ревности. Практика показывает, что острота проявлений вытесненного Эдипова комплекса прямопропорциональна силе ревности.

В практической работе приходится наблюдать случаи, когда ревность проявляется не только к какому-либо одному сопернику, а вообще ко всем, например, знакомым мужчинам (или женщинам). В выраженных случаях возможна проекция ревности и на различные принадлежащие объекту ревности предметы, которые для него особенно дороги. Возможна ревность к работе, хобби, творческой деятельности, а также к домашним животным. В основе этого заложена установка: объект ревности должен полностью находиться во власти ревнующего, заботиться лишь о нем, выполнять все его желания.

Специалисты, придерживающиеся психоаналитических взглядов, считают, что механизмы подобной ревности зарождаются в раннем детстве, что ревнивые люди в определенной степени подобны детям, которые (в случае мужчин) боятся, что жена покинет их, подобно тому, как покидала их в детстве мать, «отдавая предпочтение» отцу. Таким образом, ревность рассматривается как одно из проявлений комплекса Эдипа — ревности сына

к отцу, у женщин — комплекса Электры — ревности дочери к матери, вытесненных в детском возрасте в подсознание и прорывающихся в сознание во взрослом периоде жизни, особенно в ситуациях брачных отношений. Отметим, что у ревнивых людей психологические исследования нередко выявляют черты психического инфантилизма, выражающиеся в неуверенности в принятии решений, зависимости, страхе утраты [Borneman, 1986]. Автор приводит данные о том, что в детском периоде жизни ревнивые люди уже испытывали «отторжение», проявляющееся в том, что их родители старались проводить почти все время друг с другом, оттесняя детей на второй план, вызывая тем самым у них комплекс ненужности, отсутствие чувства эмоциональной безопасности.

Внимательный анализ структуры переживаний при ревности, даже без использования психоаналитических методов, выявляет, согласно нашим наблюдениям, активизацию в воображении переживаний детского возраста, совершенно естественно, что сами по себе, спонтанно, ревнивые люди не говорят на эти темы, не осознавая их значения в механизмах ревности. Однако при тактично сформулированных вопросах, в обстановке неформального общения они обычно охотно отвечают, проявляя способности к самостоятельному анализу, у них возникает потребность разобраться в истоках мучающей их проблемы. Отметим, что в таких случаях прогноз состояния более благоприятен. Мы считаем, что ревность или ее рудименты в детском возрасте являются часто признаком, свидетельствующим о риске развития ревности во взрослом периоде жизни.

Профессиональная ревность

Одним из, по-видимому, специфических вариантов ревности, типичных для нашего времени, является ревность, которая возникает в ситуациях совместной работы, например, с женой в одном учреждении. Конкурентом оказывается сотрудник, более быстро и удачно делающий карьеру. Крайне болезненно воспринимаются любые положительные оценки женой такого конкурента. Возникают мысли о собственной несостоятельности. Служебные неурядицы накладывают отпечаток на общее психологическое состояние, приводят к угнетению, способствуют алкоголизации. Нарушается сон, снижается настроение, развиваются раздражительность, нетерпимость к замечаниям. Появляются непонятные для окружающих вспышки злобы. Согласно нашим наблюдениям, ситуация на работе непосредственно отражается и на сексуальной сфере. Психологическое интервьюирование лиц с идеями ревности, развившимися по отношению к сослуживцам, показывает, что служебные успехи предпола-

гаемого соперника приводят к возникновению у них нарушений половой потенции.

Ревность, вызванная нарушениями интимности

Основные виды ревности, входящие в эту классификационную подгруппу, были описаны Ц.П.Короленко в книге «Мифология секса» (1993). Уточняя и конкретизируя современный контекст этих понятий, мы отмечаем, что, несмотря на общую для них схему треугольных любовных взаимоотношений, они отличаются друг от друга по глубине эмоциональных переживаний.

Ревность-подозрение

Проявляется фантазиями ревнивца о вероятном или уже состоявшемся адюльтере (супружеская неверность). Предполагаемый соперник может быть истинным, реально существующим, а может быть и мнимым, предполагаемым.

Анализ показывает, что конкретный соперник обычно играет второстепенную роль. Даже само существование соперника не имеет решающего значения. Ревнивец ревнует всегда, когда есть соперники и когда их нет, в последнем варианте их изобретают, придумывают. По выражению известного испанского кинорежиссера Бюнюэля, «ревнивец выпивает свой кубок скорби не потому, что у него есть соперник, он имеет соперника, потому что он ревнив. Он так сильно нуждается в сопернике, что, если бы у него его не было, он бы его придумал. Выраженные ревнивцы видят соперника в каждом мужчине. Мучение ревнивца в том, что он превращает обычные аспекты каждодневной жизни в причину для подозрения».

Ревность-сомнение

Согласно высказыванию Ф.Ларошфуко: «Ревность питается сомнениями; она умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность».

В то же время у психически здорового человека ревность всегда сочетается с мучительными сомнениями, которые терзают его практически постоянно. Состояние может быть охарактеризовано следующим образом: нельзя найти себе места от гложущих душу сомнений, хочется узнать правду, все выяснить окончательно и вместе с тем невероятно страшно убедиться в

правоте подозрений. «Нормальная» ревность никогда не строится на полной уверенности в измене, болезненная исключает всякие сомнения. В этом смысле мы имеем дело с парадоксальным явлением: патологический ревнивец не сомневается, он более рационален, и чем более он рационален, тем более безумен.

Провокативная ревность

Иногда женщины стремятся спровоцировать ревность, чтобы «получить доказательство» любви, ориентируясь на формулу «ревнует — значит любит». Мы встречались с ситуациями, когда женщины вызывали ревность с целью сделать отношения более драматичными, эмоциональными в плане получения острых ощущений. Эта мотивация у некоторых женщин может занимать столь значимое место в сознании и эмоциях, что без ее удовлетворения они не получают удовольствия от сексуальных контактов. Следует подчеркнуть, что женская «стратегия» провоцирования ревности является небезопасной и часто приводит к непрогнозируемым результатам.

Провокация «позитивной» ревности может использоваться как «перчинка», придающая отношениям определенную пикантность.

Сексуальная ревность

Ревность нельзя рассматривать как исключительно сексуальное чувство. Сексуальный компонент ревности, как правило, переоценивается, что приводит к непониманию важных ее механизмов, связанных с несексуальными чувствами и представлениями.

Анализ содержания структурных компонентов ревности и их значения в ее становлении и развитии показывает, что сексуальный компонент заключается в чувстве переживания потери или страхе возможной потери объекта сексуальной привязанности. Сексуальный компонент ревности может проявиться на фоне реальной угрозы ухода любимого человека, в ситуации распада семейных отношений. Однако и в этих условно нормальных обстоятельствах практически невозможно выделить исключительно сексуальное звено. Неуверенность в себе, комплекс неполноценности (не только в сексуальном значении), зависть, жажда обладания, болезненное тщеславие оказываются переплетенными и неразрывно связанными.

В ревности оказывается важным не только факт ущемления возможности своего сексуального удовлетворения, но и невозможность примириться с тем, что объект ревности сам получает такое удовлетворение. Таким образом, зависть включается в структуру переживаний ревности.

В возникновении ревности у мужчин в последнее время приобрел довольно большое значение один из вариантов комплекса неполноценности, выражающийся в неудовлетворенности физическим строением своих половых органов, в частности небольшими размерами полового члена. В связи с такими представлениями этих мужчин постоянно преследует опасение, что они не способны по-настоящему удовлетворять женщин в сексуальном плане, несмотря на отсутствие каких-либо признаков импотенции в подобных случаях. Положение усугубляется при контактах со сравнительно холодными (фригидными) женщинами, не испытывающими оргазма во время сексуальных отношений. Возникает подозрение, что не получающая достаточного удовлетворения женщина будет активно искать вариант замены партнера.

Нами наблюдались также мужчины, которые начали ревновать своих жен после вступления в сексуальный контакт с любовницами, оказавшимися более требовательными в вопросах секса или делавшими критические замечания, упрекая партнера в неспособности вызвать у них оргазм.

В последнее время увеличилось число обращений за помощью мужчин, ревнующих не к сопернику, а к сопернице — женщине, с обвинениями жены в том, что она стремится к лесбийским отношениям. Было бы неправильным рассматривать эти случаи с ортодоксальных психиатрических позиций, так как обычно такая ревность имеет основания, поскольку жены явно предпочитают встречаться и проводить время совместно с подругами, чем с мужем, что может объясняться различными интересами, недостаточной эмпатией мужа, отсутствием чуткости с его стороны и др. Кроме того, здесь не исключена возможность, что подруга проявляет лесбийские интересы, наиболее часто в рамках бисексуальных влечений.

Имеются также данные, что ревность у мужчин в последнее время очень часто возникает без наличия конкретного соперника. Женщину ревнуют не к точно идентифицированным, а к мужчинам вообще или ее обвиняют в извращенной сексуальности — наличии лесбийских влечений. Раскрытию смысла феномена препятствует ортодоксальный психиатрический подход, согласно которому указанные явления классифицируются как «бред ревности», т. е. относятся к категории психических нарушений, по отношению к которым всякая «психологизация» считается «ненаучной» или даже крамольной. В задачу данной монографии не входит

анализ ревности при психических заболеваниях. Однако необходимо подчеркнуть, что всегда существует опасность «переведения стрелок» за счет расширения границ психических заболеваний, отнесения к ним психологически объяснимых состояний и реакций, к которым относится большинство случаев ревности.

Анализ особенностей психологической структуры ревности показывает, что во многих случаях на первый план вообще выступают не сексуальные, а престижные, социально обусловленные факторы. Ревность развивается на основе сформированной в процессе воспитания общей картины окружающего мира, системы ценностей, приоритетов. На ее возникновение влияет страх «потери лица», «позора», «унижения» в глазах знакомых и родственников.

В связи с вышеизложенным обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обществах с консервативной, жесткой системой взглядов на вопросы супружеской верности ревность развивается чаще и сопровождается более опасным, агрессивным поведением. В этом отношении можно, например, сравнить север и юг Италии, в частности Сицилию. Таким образом, происходит непосредственное влияние социопсихологических, культуральных факторов на эмоциональную сферу человека, его чувства. При этом нельзя говорить, что воздействию подвергается главным образом сексуальная сторона эмоций, атаке» подвергаются сам смысл жизни, самооценка, в результате чего «почва уходит из-под ног» и человеку трудно справиться с реальной или воображаемой угрозой.

Одним из значимых социопсихологических и культуральных факторов, влияющих на возникновение ревности, является ригидность гендерных стереотипов.

По данным White (1981), наиболее часто ревность возникает у лиц с традиционными гендерными стереотипами в отношении понятий мужественности и женственности. Автор приводит доказательства в пользу того, что ревности более подвержены люди, чувствующие себя неуверенно, с низкой самооценкой, считающие, что они не способны удовлетворить своих партнеров. Сексуальная ревность включает в себя прежде всего страх, что высокозначимые отношения могут быть узурпированы кем-то, каким-либо соперником.

Оказалось, что основными мотивами, вызывающими страх быть покинутым и ревность, являются: неудовлетворенность настоящими отношениями; стремление к сексуальному разнообразию; общая привлекательность другого человека; стремление к более широким интересам, чем имеющиеся в настоящее время. Рейтинг этих мотивов

показал, что ощущение партнера неудовлетворенным является значимым критерием ревности. Меньшее значение имеет необходимость сексуального разнообразия. Привлекательность соперника вызывала ревность у женщин и не вызывала у мужчин. Стремление к более глубоким отношениям было слабым мотивом для ревности у обоих полов. Таким образом, наиболее значимыми были ситуации, когда интерес к другому обусловлен неудовлетворенностью партнером, в частности, неудовлетворенностью сексуальными отношениями. В меньшей степени имело значение стремление к интересам, не занимающим партнера.

Согласно данным Вуинк (1984), у мужей ревность была наиболее сильной, если они чувствовали стремление к сексуальному разнообразию у их жен, в то время как женщины были наиболее ревнивы, если они считали, что их мужа недовольны ими.

Изучение ревности свидетельствует о том, что постмодернистская культура является значимым условием происходящих в развитии общества изменений, отражающихся и на некоторых особенностях ревности, и на ее структуре. Основное значение в этом процессе, по-видимому, имеет изменение традиционных ролей, связанных с половой принадлежностью, растущая независимость женщин на экономическом, социальном и психологическом уровнях, увеличение количества женщин, принимающих активное участие в выборе сексуальных партнеров и мужей, неспособность мужчин, ориентированных на традиционные подходы в вопросах взаимоотношений полов, осознать равноправие женщин, в особенности в вопросе разрыва отношений, развода.

Вызывают интерес происходящие в постмодернистском обществе значительные изменения института семьи, выражающиеся в появлении новых моделей отношений, обусловленных независимостью женщины, значительным ростом ее активности в различных областях. Примерами таких моделей являются свингерство и так называемая либеральная семья, в которой муж и жена предоставляют друг другу полную свободу, включая сексуальные внебрачные контакты. Мы не рискнули бы оценивать такие семьи с позиции морали, не желая оказаться в русле назиданий и ханжества. Очевидно, и такие семьи бывают как счастливыми, так и несчастными. Нам приходилось встречаться со случаями возникновения постоянного, хотя и скрытого, компонента ревности в таких либеральных «компанейских» семьях, что приводило в конце концов к разрыву отношений.

Согласно существующим мифам, женщины более ревнивы в сравнении с мужчинами. Анализируя особенности женской ревности, следует учитывать значение психологических и социальных факторов, не игнорируя при этом биологические особенности женского организма.

Отметим в связи с этим, что женщины нередко придают большее значение социальному положению партнера, чем его физическим данным. В то же время мужчины, воспитанные в обстановке социопсихологического неравноправия женщин (вне зависимости от декларативно-лозунговой стороны), придают значительно большее значение физической стороне сексуальной жизни, сексуальной привлекательности женщины, чем уровню ее развития и другим психологическим аспектам.

В последнее время в связи с изменением ситуации во многих странах, развитием различных женских движений, ростом экономической независимости женщин картина существенно изменяется и в количественном отношении: мужская ревность начинает преобладать над женской.

В возникновении ревности у мужчин большое значение имеет нередко импотенция, как правило, психогенного, функционального характера.

Проективная ревность

Во время все большего равноправия полов, что особенно характерно для развитых стран с высоким жизненным уровнем и демократическим строем, некоторые мужчины чувствуют себя потерянными и не могут в достаточной степени адаптироваться к новой ситуации. Их ревность к воображаемым абстрактным соперникам является по существу смешанным чувством, в структуре которого большое место занимает вытесняемое в подсознание недоверие к себе, неуверенность в своих силах. Характерны растерянность, стремление отыскать внешнюю проекцию — «козла отпущения», любым путем найти таким образом самооправдание. Красной линией в поведении проходит отношение к женщине как к неравноправному существу, которое должно подчиняться мужчине и поступать согласно его желаниям. Типично старание убедить женщин на словесном, «логическом» уровне в неправильности их поведения, упреки «в неблагодарности», впадение в ярость в связи с тем, что «она не хочет ничего понимать», не хочет «исправиться», стать «честной добропорядочной женой» и т. д.

Что же касается верности, то ревность может возникать как у верных, так и неверных людей. И это качество не имеет решающего значения. Имеются данные (Borneman, 1986), что подозрение в неверности партнера бывает связано с мыслями о собственной неверности (вне зависимости, имела место на самом деле измена или нет). Эти мысли могли быть вытеснены в подсознание, так как человек их стеснялся. В механизме развивающейся ревности происходит в таких случаях оживление, прорыв в сферу сознания чувства ревности, в процессе чего свои собственные желания приписываются партнеру.

Нарцисстическая ревность

Особенностью ревности является то, что ревнующий (ревнующая) чувствует себя всегда непонятым ревнуемым. В беседах с людьми, для которых ревность стала серьезной психологической проблемой, мы часто встречались с жалобами на «отсутствие понимания». Постепенно выяснилось, что под «отсутствием понимания» всегда подразумевается невыполнение требований, чтобы партнер (партнерша) следовал всем желаниям ревнующего, оказывался на высоте его ожиданий. Любое отклонение от этой схемы приводило к возникновению раздражения, гнева, к упрекам в неуважении, непонимании.

Мы специально подчеркиваем значение симптома — непонимания ревнуемым — поскольку в нем отражается потеря чувства реальности, характерная для лиц с выраженной ревностью. Ревнивцы не способны понять, что и партнер является живым существом, человеком с собственной независимой эмоциональной и интеллектуальной жизнью. Он требует у партнера полного подчинения старается максимально контролировать его чувства, мысли и действия. В ситуациях ревности наиболее часто приходится встречаться с проекцией мира собственных переживаний и чувств ревнующих на ревнуемых. Так, например, женщина, ревнующая своего любовника, говорит: «Я ему никогда не изменяю (с мужем это не считается), поэтому он тоже должен быть мне верен», в такого рода конструкциях проявляется еще одна особенность ревности — ее связь с нарциссизмом. В книге «Личностные расстройства» (Короленко, Дмитриева, 2010) мы описывали нарцисстическое поведение в качестве одного из вариантов, деструктивных для личности и представляющих опасность для наиболее близких людей. В случаях ревности нарциссические проявления выражаются как раз в том, что ревнивец рассматривает ревнуемого не как самостоятельного независимого человека, а как взбунтовавшуюся часть самого себя, часть, которую любой ценой следует полностью подчинить и превратить в объект для манипуляции. Однако здесь имеется и одно существенное отличие: нарциссическая личность сравнительно легко расстается с вышедшим из-под контроля, ставшим самостоятельным объектом и сразу же начинает поиск его замены. Для ревности такое развитие нетипично, наоборот, зависимость от объекта не только не проходит, а нарастает, что может приводить и к совершению убийств, обусловленных ревностью. Анализ таких случаев показывает, что агрессия чаще всего направлена не на реального или воображаемого соперника (соперницу), а на объект ревности, измена которого рассматривается и ощущается как разрушение важной части самого себя.

Сравнительный анализ ревности, направленной прежде всего на ревнуемого (ревнуемую), и ревности, направленной главным образом на соперника (Borneman, 1986), показывает, что в первом случае имеет место

значительно большая потеря чувства реальности, в то время как во втором варианте «признается автономность как партнерши, так и соперника», что приводит к другой стратегии поведения — стремлению избавиться от соперника и помириться с партнершей.

Поскольку психоанализ постулирует наличие нарциссической зависимости от любви другого человека, психотерапия личностей с нарциссическими чертами направлена на осознание вытесненных в детстве переживаний, связанных с любовным треугольником и обсловленных Эдипальным конфликтом, и преодоление детской психотравмы.

Садомазохистическая ревность

Переживания ревности тесно связаны с самомучением, с проявлениями мазохистских тенденций. Ревнивцы получают своеобразное удовольствие от мучений, испытываемых при постоянной слежке, высматриваниях доказательств измены партнеров. Их воображение занято развитием сюжетов на тему измены, в нем присутствуют сцены сексуальных отношений с соперниками (соперницами), в сознании возникают наиболее сладостные картины. Все это сопровождается нарастающим возбуждением, по выражению Борнемана, подобно «раушу, чувственной одержимости». Все то, что в обычных условиях вызывает у человека отрицательные эмоции, у ревнивцев часто сопровождается сладострастным чувством, которое тем сильнее, чем болезненнее переживания.

Мазохистские тенденции при ревности требуют дальнейшего изучения. Не все в психологической сущности этой проблемы достаточно ясно. Так, например, мы располагаем данными, позволяющими высказать предположение, что лица с идеями ревности относительно часто становятся жертвами несчастных случаев. Если это положение будет статистически подтверждено, возникнет вопрос: с чем это связано? Нельзя исключить возможности, что большой риск несчастных случаев объясняется нарушением концентрации внимания в связи с занятостью мыслей ревностными переживаниями. В то же время несчастные случаи могут быть обусловлены и наличием скрытых подсознательных саморазрушительных тенденций мазохистского характера.

Саморазрушительные тенденции при ревности иногда представлены и в сознании, приводя к развитию разных форм деструктивного поведения, включая совершение самоубийства. Borneman (1986) приводит описание ревности у молодого человека, которого покинула его невеста. Этот молодой человек отрубил себе палец и отправил его по почте бывшей подруге, он также написал ей, что, если она не вернется к нему, то он каждый день будет отрубать себе по пальцу и отправлять ей в посылке. После получения ответа,

в котором бросившая его женщина спрашивала, что он будет делать через 19 дней, молодой человек покончил с собой. Самоубийство из ревности может рассматриваться, таким образом, как крайнее выражение мазохизма.

Наряду с явлениями мазохизма ревность включает в себя нередко садистские тенденции, или у одного и того же человека наблюдается сочетание мазохизма с садизмом. В данном контексте, однако, следует особо подчеркнуть, что в психиатрической практике ревность, сопровождающаяся садистскими действиями, является чрезвычайно серьезной проблемой. Этот вариант очень типичен для лиц с алкогольным аддиктивным поведением в случаях развития одного из алкогольных психозов — алкогольного бреда ревности, лица с алкогольным бредом ревности издеваются над своими женами, требуя у них признания в неверности, избивают их, наносят увечья, а в ряде случаев совершают убийства.

Вместе с тем садистское поведение наблюдается не только при ревности психотического характера. Так, мужчины с проявлениями ревности иногда стараются причинить во время полового акта максимальную боль партнерше, что им не было свойственно до возникновения ревности. Известны также случаи садомазохистской активности, выражающейся в том, что один из сексуальных партнеров душит себя петлей фактически почти до потери сознания, что может сопровождаться оргазмом, а в последний момент его партнер распускает петлю, доводя себя при этом до состояния оргазма. Потом они могут меняться ролями. Однако нередко последний момент опускается партнером, и наступает смерть. Подобные случаи рассматриваются обычно как самоубийства или убийства по непонятным мотивам (Borneman, 1986).

Следует отметить, что корни приведенного варианта садомазохистского поведения уходят в глубь столетий. В Германии широко распространено народное поверье, получившее название «мандрагоровая смерть». В соответствии с поверьем у повешенного в момент смерти возникает оргазм и из излившейся на землю семенной жидкости вырастает магический корень мандрагоры — растения, которому приписываются свойства вызывать сильное сексуальное возбуждение.

Архетипическая ревность

Общеизвестно, что ревность как свойство личности, по наследству не передается, «гена ревности» не существует. В возникновении и развитии этого многокомпонентного чувства участвует ряд биопсихо-социокультуральных факторов. Некоторые клинические наблюдения, которыми мы располагаем и данные исследования Короленко, Донских

(1990), позволяют утверждать, что в коллективном подсознательном существуют *не описанные Юнгом* архетипы врага и соперника (соперницы). Психологическая сущность этих архетипов описана нами в предшествующей монографии (Короленко, Дмитриева, 2003). Матрица этих архетипов отражает опыт предшествующих поколений, уходящий в глубокую древность, передается по наследству и присутствует в каждом человеке.

Архетипом, имеющим прямое отношение к ревности, может являться архетип соперника (соперницы). Возможность продуцирования им феномена ревности находится в прямой зависимости от особенностей окружающей среды, культуры и т. д. В то же время такая же возможность активизации матрицы, содержащей архетип соперника, создается в случаях ослабления контроля сознания, что происходит при психических заболеваниях, во время инфекционных болезней, при интоксикациях и т. д. Ц.П.Короленко (1993) выделяет, в связи с этим несколько вариантов возникновения ревности.

1. Конституционально (генетически) сильная матрица ревности с архетипом соперника (соперницы) при недостаточно развитом контроле сознания как особенности личности.

2. Наличие семейных, культурных факторов, активизирующих матрицу ревности, стимулирующих нарастание «давления» на сферу сознания с возможностью прорыва и овладения сознанием чувством ревности.

3. Снижение контроля сознания, обусловленное интоксикациями, инфекциями, наличием психического заболевания.

4. Стимулирование матрицы ревности наличием реальной угрозы.

В связи с вышеуказанным необходимо также обратить внимание на то, что прорывающийся в сознание архетип соперника (соперницы), как и архетип врага, обладает большой разрушительной силой, приводит к дезорганизации психической деятельности, не способен достаточно интегрироваться в психике, что зачастую затрудняет дифференциацию развившегося состояния с психическим заболеванием.

Поскольку в глубине подсознания лежат матрицы типов поведения, связанных с вышеуказанными архетипами, проведение с ревнивцами юнгианской аналитической психотерапии дает положительные результаты.

Ревность в норме и патологии

Ревность, являясь страстью, может быть крайне опасной. Не всегда легко дифференцировать так называемую «нормальную», обоснованную ревность от ревности болезненной, беспочвенной, патологической, бредовой.

В «нормальной» ревности также следует различать рациональную и иррациональную ревность (Ellis, 1974). Рациональная ревность возникает перед лицом действительной, реальной угрозы, иррациональная мало связана с реальностью, а строится на воображении и фантазировании, она возникает чаще у людей с развитым воображением, впечатлительных, страдающих скрытым комплексом неполноценности, перенесших психические травмы в детском возрасте.

«Нормальную» ревность можно корректировать с помощью психологических подходов, учитывающих особенности личности и ее развития, болезненная ревность не проходит без специальных психофармакологических методов лечения.

Диагноз патологической, ревности ставится тогда, когда для возникновения этого чувства, с точки зрения ревнивца, есть все основания, но проявления его ревности неуравновешаны и неадекватны. Отличается патологическая ревность от нормальной частотой и степенью выраженности проявлений.

Бред ревности, как правило, необоснован, возникает тогда, когда причин для ревности нет, и является сопутствующим симптомом других более серьезных психических нарушений (шизофрении, параноидального расстройства, алкоголизма).

В упрощенной форме это разделение может быть выражено формулой: ревность переходит в бред, когда уверенность в своей правоте вытесняет способность к мучительным сомнениям. В случаях болезненной ревности психотического уровня мы обычно встречаемся с ситуацией, когда ревнивые пациенты проявляют сравнительную холодность в отношении к предполагаемым изменам своих жен, в беседе с врачом «логически» доказывают свою правоту, интеллектуализируют положение, что не мешает им в домашней обстановке вести себя по-другому, «нести в себе» постоянную угрозу для здоровья и даже жизни.

Мы наблюдали ревнивцев, способных справиться со своими чувствами, осознать причины их возникновения, понять, принять и пережить случившееся. Это так называемый нормальный вариант контакта со своими эмоциями. В то же время нам приходилось встречаться и с неадекватной

реакцией ревнующих, чувства которых переполняли их настолько, что блокировали возможность апелляции к здравому смыслу и голосу разума. В данном случае речь идет о патологии.

Используемый в психиатрии термин патологическая ревность определяет обычно сверхценные или бредовые идеи ревности. Последние традиционно относятся к разделу нарушений мышления. Тем не менее, следует иметь в виду, что при наличии бредовых идей ревности формально-логическое мышление не нарушено. Пациенты/пациентки, испытывающие бредовые идеи ревности, обычно используют формальную логику для доказательства своей правоты другим лицам. При этом для них самих подобная система доказательств не нужна, так как им и без логических доказательств ясно, что они правы.

В основе бредовых идей ревности лежит патологическая убежденность в объективной правильности своего чувства ревности. В этом случае, с нашей точки зрения, правильнее говорить не о нарушении мышления, то есть не о патологическом умозаключении, а о патологической интуиции, из которой формируется патологическая бредовая ревность.

Интуиция является древним архаичным чувством, она присутствует с момента рождения и формируется значительно раньше, чем рациональное логическое мышление. Предрасположенность к развитию патологической интуиции формируется, по-видимому, еще в преэдипальном периоде, в первые шесть месяцев после рождения в периоде шизоидно-параноидной позиции (согласно Melanie Klein), когда в психике младенца отсутствует интегральность, и он воспринимает себя и окружающий его мир, включая мать, не целостно, а фрагментарно.

Младенец в это же время испытывает амбивалентные чувства по отношению к частичному объекту, каким является для него материнская грудь. Его первичная любовь формируется к груди, которая прикасается к нему, кормит его, насыщая питанием и положительными эмоциями. Однако, наряду с этой "хорошей" грудью у младенца возникает восприятие "плохой" груди, которая не появляется в непосредственной близости к младенцу, когда он испытывает чувство жажды и голода, или слишком рано отнимается, когда еще не наступило чувство насыщения. По отношению к такой "плохой" груди формируется чувство первичной ненависти и развиваются деструктивные агрессивные фантазии. В тех случаях, когда в контактах матери с младенцем повторно и часто принимает участие плохая грудь и ее временное присутствие превышает таковое хорошей груди, в психике младенца интернализируются преобладающие отрицательные эмоциональные состояния. К последним относится также страх наказания за агрессивные фантазии в виде оставления, покидания матерью.

Эмоции страха наказания более характерны для депрессивной позиции, проявляющейся в более позднем периоде развития (6-12 месяцев), когда младенец воспринимает мать уже не парциально, а как целостный объект и понимает, что хорошая и плохая грудь это не две различные груди, а одна и та же грудь.

Имевшая место агрессия по отношению к плохой груди воспринимается на новом уровне как агрессия направленная против матери в виде целостного объекта, от которого полностью зависит выживание младенца.

Отрицательные эмоции, появляющиеся в шизоидно-параноидной позиции, включают также зависть и ревность. В случаях неадекватного воспитания, обусловленного эмоциональной холодностью, дистантностью матери, ее слишком длительными отсутствиями, тревожностью, ожиданиями различных несчастий, вероятность фиксации в психике младенца отрицательных эмоций, включающих ревность, значительно увеличивается. Тень этих состояний распространяется на последующие периоды жизни. В результате создается основа предрасположенности к регрессу на уровень шизоидно-параноидной позиции в различные, в том числе взрослые периоды жизни.

Невозможность или большая трудность возникновения критического отношения к патологической ревности связана с тем, что ее корни интернализированы в психике в раннем периоде развития, в периоде шизоидно-параноидной позиции, когда еще отсутствовала способность к логическим умозаключениям, рационально-логическому мышлению в целом.

Патологическую ревность следует расценивать как психическое расстройство психотического уровня, которое в психиатрии диагностируется как бредовое. Клиническая категория бреда ревности хорошо известна психиатрам. Известно, что *бред ревности* сравнительно часто возникает у лиц с алкогольной аддикцией, обычно при наличии не только признаков психологической, но и симптомов физической алкогольной зависимости в виде синдрома отнятия, симптома потери контроля, неудержимого влечения к алкоголю и невозможности воздержаться. Бред ревности может развиваться в некоторых случаях при параноидной форме шизофрении, и в сравнительно редких случаях выступать в виде относительно изолированного паранойяльного синдрома.

В ракурсе психоаналитических концепций в развитии бреда ревности имеет значение фиксация на шизоидно-параноидной позиции в раннем младенческом возрасте и регресс на ее уровень при ослаблении эго в

результате, например, хронических алкогольных интоксикаций или влияния генетических факторов. Тематикой фантазий являются omnipotentность (всемогущество), возможность игнорирования всех законов и ограничений реального мира, обладание силой, позволяющей контролировать и направлять в желаемом направлении динамику событий, поведение и эмоциональное отношение к себе других людей. Фиксация на образах всевластия провоцирует в свою очередь фантазии негативного содержания о возможности мести со стороны какой-то враждебной силы, воплощающейся в сэлфобъекты других конкретных лиц-конкурентов.

Важно понимать, что ревность представляет собой сложное комплексное состояние, которое включает в себя все компоненты психической структуры – ид, эго и суперэго. Имеется точка зрения, что наличие соперника/соперницы при ревности бессознательно отражает потребность в защитнике/защитнице перед опасностью развития глубокой интимности в отношениях с женщиной или мужчиной. Отношения с объектом, «который оценивается в качестве подобного и равного себе (гомосексуальные), более безопасны, по сравнению с выраженными потребностями в обладании неравноценным, отличным (взрослым гетеросексуальным) объектом»(Cohen,1987).

В этом контексте глубинный психологический компонент патологической ревности имеет скрытую нарцисстическую гомосексуальную подоплеку. Гетеросексуальный женский объект воспринимается бессознательно как фаллический и мужественный и включается в дальнейшем в содержание бессознательных фантазий на тему о гомосексуальной связи. Контроль, равенство и тождественность, основывающаяся на двойниковом переносе, выступают в качестве психологических защит по отношению к развитию подобных фантазий. Cohen полагал, что организующим центром ревности является “интенсивный страх позволить себе любить одного человека... Триадиическая конструкция ревности помогает справиться с этой опасностью и потребностью”(Cohen,1987).

Анализируя интенсивность проявлений ревности, можно прийти к выводу, что степень патологичности этого чувства зависит от уровня психологической регрессии. Чем более патологична ревность, тем в большей степени в ее структуре преэдипальные компоненты преобладают над эдипальными.

Психотерапия ревности

Выбирая метод возможной коррекции «нормальной» или «патологической» ревности, следует определиться в том, что именно нуждается в психотерапии: структура личности ревнивца или отношения, явившиеся причиной ревности. Основной мишенью психотерапевтического вмешательства при бреде ревности становится лечение самой личности (основного психического расстройства, при нивелировании симптомов которого проходит и бред ревности). Нормальная ревность, вызывающая напряжение, корректируется посредством достижения интимности на всех четырех уровнях отношений в партнерской диаде: социальном, эмоциональном, духовном и сексуальном. Принципиальных отличий в коррекции «нормальной» и «патологической» ревности не существует.

Корректируя *особенности личности* ревнивца, мы учитываем доказанную практикой эффективность следующих направлений психотерапии:

1. Рационально-эмотивной терапии, направленной на коррекцию иррациональных оценочных моделей, норм, убеждений, представлений, умозаключений с заменой их на рациональные.

2. Психодрамы, монодрамы, гештальта, игровой терапии.

3. Дистанцирования от напряжения, связанного с переживанием ревности.

4. Обесценивания партнера (по принципу: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло»).

5. Устранения комплекса неполноценности и заниженной самооценки.

6. Изменения личностных установок, объяснения механизмов возникновения ревности, «захватывания» ею сознания, обучения методам психологической защиты.

Психотерапия *дисфункциональных супружеских отношений* направлена на:

1. Восстановление утраченного доверия и любовных интимных отношений в партнерской диаде.

2. Изменение ситуации, провоцирующей возникновение ревности, либо отношения к ней.

3. Устранение реальной причины для ревности в случае ее существования.

Если, например, речь идет о внебрачных отношениях мужа и жены, то они должны быть прекращены. Психотерапия может проводиться с каждым партнером отдельно, хотя общеизвестно, что семейная терапия обеспечивает в данном случае больший эффект. Возникшую проблему следует обсуждать совместно, чтобы четко определить установки обеих сторон, исключить неправильное понимание, улучшить коммуникацию. Необходимо, чтобы партнеры понимали, какую угрозу для их отношений и дальнейшей судьбы несет в себе чрезмерно выраженная ревность.

4. Корректировка эмоций и повышенной эмоциональной реактивности.

5. Принятие ситуации и партнера в качестве равного себе и обладающего абсолютной ценностью исключает попытки его порабощения или ограничения свободы. Гуманистическая психотерапия, направленная на гармоничное развитие личности, является значимым противовесом ревности.

6. Установление отношений взаимной благожелательности, уважения, понимания, сотрудничества значительно снижают возможность возникновения ревности и способствуют ее смягчению. Очень важно научиться считаться с волей и автономией партнера, не рассматривать его (ее) как предмет или орудие своей деятельности, послушный управляемый механизм. Люди должны иметь чувство внутренней свободы и признавать это чувство за другими, уважать его у других. Для сегодняшнего постмодернистского общества особенно характерно, что люди не хотят чувствовать себя марионетками, а сами принимают решения по всем жизненно важным вопросам. Эта особенность, с нашей точки зрения, создает благоприятный климат для уменьшения компонента ревности в жизни.

Литература

Короленко Ц.П. (1993) Мифология секса, Новосибирск.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2000) Социодинамическая психиатрия. – М.: «Академический проект», Екатеринбург: Деловая книга.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2003) Психоанализ и психиатрия: Монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ.

Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева (2009) Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире: Монография / Ц.П.Короленко, Н.В.Дмитриева. - Новосибирск: Изд. НГПУ.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2010) Личностные расстройства. – СПб.: Питер.

Короленко Ц.П., Донских Т.А. (1990) Семь путей к катастрофе. – Новосибирск: Наука.Сиб.отд-ние.

Bevan, J. (2004) General Partner And Relational Uncertainty As Consequences Of Another Person's Jealousy Expression. *Western Journal Of Communication*, 68; 195-218.

Borneman E. Die neue Eifersucht.— Munchen: Ileyne W. Verlag, 1986.

Bringle, R., Buunk, B. (1991) Extradynamic Relationships And Sexual Jealousy. In K. McKinney, S. Sprecher (Eds.) *Sexuality In Close Relationships*. Hillsdale, NJ. Lawrence Erlbaum Associate. 135-153.

Bunuel L. (1987) Do posledniho dechu. — Praha. Mlada Fronta.

Buunk B. (1984) Jealousy as Related to Attributions for the Partners Behaviour // *Social Psychol. Quart.* - 107—112.

Cohen, S. (1987) Pathological Jealousy. *International Journal Of Psycho-Analysis*, 68; 99-108.

Draghi-Lorenz, R. (2000) Five-Month-Old Infants Can Be Jealous: Against Cognitive Solipsism. 12 Biennial International Conference On Infant Studies, 16-19 July. Brighton, UK.

Ellis A., Harper R. (1974) *A Guide to Rational Living*— North Hollywood: Wilshire Book.

Goldie, P. (2000) *The Emotions. A Philosophical Explanation*. Oxford. Oxford University Press.

Guerrero, L., Spitzberg, B., Yoshimura, S. (2004) Sexual And Emotional Jealousy. In J. Harvey, S. Spender, A. Wenzel (Eds.) *The Handbook Of Sexuality In Close Relationships*. Mahwah, NJ. Lawrence Erlbaum Associates.

Hart, S., Carrington, H., Tronick, S., Carrol, S. (2004) When Infants Lose Exclusive Maternal Attention: Is It Jealousy? *Infancy*, 6 (1), 57-78.

Hupka, R. (1986) Jealousy: Compound Emotion Or Label For a Particular Situation ? *Maturation And Emotion*, 8; 141-155.

Lansky, M. (1997) In M. Lansky, A. Morrison (eds.) *The Widening Scope Of Shame*. Hillsdale, NJ. The Analytic Press.

Neu, J. (1980) Jealous Thoughts. In A.Rorty (Ed.) Explaining Emotions. Berkeley. University of California Press.

Parrott, G. (1991) The Emotional Experience Of Envy And Jealousy. In P. Salovey (Ed.) The Psychology of Jealousy and Envy. New York. Guilford Press.

Salovey, P. (Ed.) The Psychology of Jealousy And Envy. New York. Guilford Press.

Tot-Roach, L. (1980) Jealousy, Attention, And Loss. In A. Rorty (Ed.) Explaining Emotions. Berkeley. University Of California Press.

White G. Jealousy and partner's perceived notion for attraction to a rival // Social Psychology Quarterly.— 1981.— N 49,— P. 24—30.

White G. A model of romantic jealousy // Motivation and emotion. — 1981. — Vol. 5. — P. 295—310.

White G. Some correlates of romantic jealousy // Journal of Personality.— 1981. — Vol. 9, N 1. — P. 129—147.

Wurmser, L., Jarass, H. (2008) Jealousy And Envy. New York. The Analytic Press.

Зависть

Ты зависть не заставишь примириться,
Так можешь всласть над нею поглумиться.

Успех твой отравляет ей житье,
Потешься же над муками ее.

А.Шопенгауэр.

Зависть и ревность представляют собой эмоциональные состояния, которые, несмотря на их распространенность и большое значение для нормального развития личности, до сих пор не являются достаточно изученными психологическими феноменами. В учебных руководствах по психиатрии эмоция зависти не описывается и не анализируется. Зависть, являясь одним из семи смертных грехов, то же время остается на периферии религиозных, философских и литературных обсуждений. Упоминания о зависти встречаются в произведениях Данте, в поэмах Средневековья и Ренессанса. Время от времени зависть становится объектом внимания различных социальных исследователей и антропологов, однако при этом упускается или недостаточно подчеркивается роль этого чувства в межличностной агрессии и семейном насилии.

Классическая работа Melanie Klein “Зависть и благодарность” большинству Российских психиатров и психологов или неизвестна или, в силу ее психоаналитического содержания, она а priori оценивается ими как “ненаучная” и не заслуживающая внимания.

Описывая свои наблюдения над младенцами и взрослыми пациентами, автор пришла к выводу, что зависть и ревность являются врожденными. Они отличаются у разных людей только объемом и соотношением.

Представляет интерес анализ *психологических механизмов*, влияющих на возникновение зависти. К их числу относятся:

1. Врожденный конфликт между любовью и ненавистью. Расщепление любовного объекта.

Потребность ребенка в обладании направлена на материнскую грудь, как на источник питания и, следовательно, самой жизни. Для удовлетворения психобиологических потребностей ребенку необходимо знать, что все, что ему необходимо, он получит вовремя и в полном объеме. Это обеспечит полноценное проживание им периода адаптации к новой

действительности, переход от «потерянного рая», в котором он ощущал себя единым целым с матерью, у груди которой было все, необходимое для его выживания. И даже при самом заботливом уходе бывают моменты, когда ребенок испытывает разочарование, ведь временами, когда груди нет, его потребности не только в утолении голода, но и в утешении, защите, снижении тревоги и страхов не удовлетворяются полностью. Периоды удовлетворенности и приятного насыщения сменяются периодами неизбежного разочарования, что усиливает врожденный конфликт между любовью и ненавистью. Возникает иллюзия наличия двух мам – хорошей и доброй «Феи» и злой «Бабы Яги». Такое расщепление любовного объекта на добрый и злой сохраняется в психике ребенка до 4 – 5 лет, а начинается оно с расщепления на «хорошую» и «плохую» грудь, порождая одно из первых в жизни переживаний обретения и потери любимого объекта. Согласно Melanie Klein, несмотря на то, что сила этого конфликта зависит от некоторых врожденных качеств, некоторые негативные внешние факторы, такие, как отсутствие заботы и любви, могут усилить развитие жадности, страха, зависти. В подобных случаях зависть развивается чересчур гипертрофированно, препятствуя развитию чувства благодарности, нарушая умение радоваться жизни и быть счастливым. Зависть препятствует формированию хорошего объекта младенцем, который считает, что «удовлетворение, которого он был лишен, оставлено фрустрирующей его грудью для себя» и начинает ее за это ненавидеть.

Самым первым объектом зависти становится кормящая грудь, поскольку младенец ощущает, что именно она обладает всем тем, что ему нужно, что существует неограниченный поток молока и любви, который грудь оставляет себе для собственного удовлетворения. Это ощущение добавляется к его чувствам обиды и ненависти и в результате нарушает отношения с матерью.

Melanie Klein выделяла два вида зависти: первичную – к материнской груди и следующую за ней форму зависти, связанную с желанием девочки занять место матери. Объектом зависти мальчика, по мнению автора, является женственность матери.

2. Невозможность интроецировать психологические образования в качестве хорошего объекта.

Завистливый человек ненасытен, вероятно, он не будет удовлетворен никогда, потому что его зависть имеет интернальное происхождение, она идет изнутри, поэтому объект ее приложения найдется всегда, что подчеркивает связь зависти с ревностью и жадностью.

Melanie Klein считает, что между завистью, ревностью и жадностью следует проводить четкое различие, т.к. в своей основе это разные чувства. Зависть – это «злое чувство» направленное на то чтобы отобрать, завладеть или это бесконечная, превышающая меру потребность брать от объекта, нацеленная на «вычерпывание, высасывание и пожирание груди». Потребность давать при этом блокируется. Основную разницу между завистью и жадностью Melanie Klein видит в том, что жадность связана с интроекцией, а зависть с проекцией.

Ревность же основывается на страхе потерять то, что человек имеет, она означает, что кто-то другой пытается забрать нечто, по праву принадлежащее индивидууму. Завистливый человек переживает по поводу того, что кто-то имеет то, что хочется иметь ему, он страдает при виде чужого удовольствия и испытывает удовольствие при виде чужого страдания. При этом зависть желает не просто взять чужое, ей необходимо испортить, разрушить вожаемый объект, чтобы он никому не достался. Материнская грудь – это первый в жизни ребенка объект, достойный зависти, ведь она обладает всем, что жизненно необходимо ему, молоком и любовью, но он не может ее контролировать, и испытывает разрушительные тенденции к, по сути, созидательным возможностям груди. Эти тенденции могут быть настолько сильны, что ребенок сам пугается своих чувств и того, что может действительно разрушить так необходимый ему объект или отношения с ним. После того, как ребенок проявил зависть, ненависть и агрессию, а грудь все равно возвращается к нему и продолжает давать питание и любовь – это воспринимается им как доказательство того, что он не нанес ей большого ущерба, и она не сердится на него, остается доброй и благосклонной. Тогда отношения любви сохраняются и развиваются, обеспечивая становление сильной личности, способной справляться с жизненными трудностями, приступами разочарования, зависти, ненависти и возвращаться к нормальным, стабильным отношениям.

Зависть и различные варианты психологических защит от нее играют важную роль в негативной терапевтической реакции, что препятствует постепенному построению хорошего объекта в ситуации переноса. Зависть подрывает способность к удовлетворению. Жадность, зависть и тревога неизбежно усиливают друг друга. Чувство вреда, причиненного завистью, вызванная этим сильная тревога и, как следствие - неуверенность в том, что объект действительно «хороший», приводят к нарастанию жадности и деструктивных импульсов.

3. Ревность, соперничество и конкуренция на Эдипальной стадии развития.

По мнению Melanie Klein, существует связь между завистью, переживаемой к материнской груди, и развитием ревности. Ревность основана на подозрении к отцу и чувстве соперничества с ним, поскольку он обвиняется в том, что отнял и материнскую грудь, и мать. Соперничество отмечается на ранних стадиях прямого и инвертированного Эдипального комплекса. Амбиции – другой фактор, способный всколыхнуть зависть, проявляющийся в соперничестве и конкуренции в Эдипальной ситуации. Чрезмерная выраженность амбиций свидетельствует о том, что их корни следует искать в зависти к первичному объекту. Неспособность удовлетворить свои амбиции часто вызвана конфликтом между желанием исправить объект, поврежденный деструктивной завистью, и новым проявлением зависти. По мнению Melanie Klein, зависть к пенису у женщин связана с ранними отношениями с матерью, завистью к материнской груди и деструктивными чувствами.

4. Отсутствие зависти у окружающих.

Особой причиной зависти может быть ее относительное отсутствие у окружающих. Завистник считает, что тот, кому завидуют, обладает тем, что в глубине души наиболее ценно и желанно – хорошим объектом, подразумевающим наличие хорошего характера и психического здоровья. Человек, который может без зависти наслаждаться результатами творчества и счастьем других людей, свободен от мук зависти, обид и преследования. Относительная свобода от этого негативного чувства является основой гармоничных и умиротворенных состояний души, психического здоровья, выступает основой внутренних ресурсов и жизнерадостности, дающей возможность даже после больших несчастий и душевной боли восстанавливать душевный покой. Завистливый человек ощущает все это как нечто совершенно ему недоступное, и от этого его зависть только усиливается.

Структура супер-эго, на которую проецируется сильная зависть, становится особенно преследующей и препятствует процессам свободного мышления и любой продуктивной деятельности и творчеству.

5. Дефицит стабильной, способной к интеграции идентичности.

П.Куттер рассматривает зависть как следствие чувства собственной неполноценности. Чтобы диагностировать наличие этого чувства, нередко требуется «демаскировка» с целью разоблачения искусно замаскированной зависти. Объект зависти располагает чем-то, что высоко ценится завистником (дети, карьера, материальные блага и т.д.). Сам завистник чувствует свою неспособность достигнуть именно этого. Зависти свойственна полярность в обладании ценностями, один полюс которой представляет не имеющий

объекта зависти завистник, а другой – обладающий этой вещью индивидуум, вызывающий зависть. Внешне зависть может безмолвствовать, но внутри она как дремлющий источник колоссальной энергии, могущий взорваться в любую минуту. И только от индивидуума как обладателя этого мощнейшего энергетического потенциала зависит позитивная или негативная его направленность.

Зависть заявляет о себе при появлении подходящего объекта, выступающего в роли внешнего возбудителя, требующего разрядки. Однако чувство зависти гнездится в душе завистника, его преследуют самоистязательные и саморазрушительные фантазии. Он страдает под бременем тяжких размышлений, отравляющих его и подтачивающих изнутри.

По мнению Куттер, человек, обуреваемый экзистенциальной завистью, имеющей хронический характер, ненавидит силу, удачу, счастье, здоровье, естественность, которых у него нет, поэтому удовлетворения своих потребностей в положительных эмоциях он достигает за счет равнодушия, цинизма, насмешек, позволяющих ему избегать травматизации, связанной с ощущением дефицита и неполноценности своего существования. Однако, принижая значение того, чем обладает объект зависти, завистник принижает одновременно и себя самого.

Зависть может трансформироваться в самобичевание, самонаказание и, принося наслаждение, дополняется мазохистическим компонентом. При этом ее действие направлено вовнутрь. Внешним негативным проявлением зависти является ее направленность на окружающих. Болезненное ощущение их превосходства над собственной личностью является психологической причиной самобичевания и причинения им вреда. Столкнувшись с недоброжелательностью в детстве или юности, завистник автоматически проникается неприязнью ко всему, что радует других людей. Завистник – человек несчастный, достойный сожаления, страдающий от сомнений, от навязчивых мыслей, от отсутствия здорового чувства собственного достоинства.

Зависть и ревность относятся к базисным эмоциям, представляющим особый интерес как для теории психоанализа, так и для практики психоаналитической терапии. Это - не идентичные состояния, каждое из которых имеет свою специфику, причины возникновения, особенности динамики и исход.

Практика показывает, что ряд специалистов использует зависть и ревность как взаимозаменяемые понятия, значение этих психологических феноменов неоправданно смешивается, что приводит к утрате

специфичности каждого из них. Описание ревности проводится исключительно в границах психопатологического синдрома бреда ревности или сверхценных идей, без какого-либо анализа психодинамических механизмов возникновения и развития этих нарушений.

Зависть возникает, когда у завидующего отсутствует то, что имеет объект зависти. При этом завидующий не только и не столько стремится обладать тем, чего не имеет и чему завидует, сколько хочет, чтобы объект зависти лишился этого. Чувство зависти переживается как ощущение собственной неполноценности и желания плохого человеку, которому завидуют (Neu, 1980).

Известный в шестидесятых годах прошлого столетия социолог Helmut Schoeck (1969) писал, что попытки социологов и философов конца 19-го и начала 20-го веков разработать всеобъемлющую концепцию зависти активно блокировались, очевидно, в связи с сопровождающими этот феномен неприятными ассоциациями. В то же время автор утверждал, что зависть играет значительную роль в жизни всех общественных формаций. Зависть относится настолько к энергетически сильным эмоциональным состояниям, что может приводить к преступлениям. Многие политические преступления основаны на чувстве зависти. Schoeck считал, что пренебрежение значением зависти неизбежно приводит к полному непониманию глубинного смысла многих социальных феноменов.

Современная социальная ситуация развития государства, зависящая от изменений в различных сферах жизни общества в целом и функционирования отдельной личности, в частности, препятствует возможности индивидуума адекватно удовлетворять психосоциальные потребности. Эмоции зависти и ревности часто, и, фактически, постоянно, вторгаются в жизнь современного человека. В условиях постсовременной культуры рассматриваемая проблема приобретает особое значение, в связи с тем, что драматические конфликты и трагедии, связанные с завистью и ревностью, происходят на фоне охватывающих все большую часть популяции факторов нарастающего ускорения темпа жизни, нестабильности, изменчивости, доминирующего в сознании факта ощущения отсутствия времени. Психологические проблемы, вызванные завистью и ревностью, все чаще привлекают внимание практикующих психоаналитиков, постоянно встречающихся с пациентами/пациентками, у которых проявления этих эмоций имеют наиболее разрушительные для психики последствия.

Одно из отличий ревности от зависти заключается в том, что первая эмоция включена в триадные отношения. Зависть выступает в диадном контакте.

Wurmser, Jarass (2008) подчеркивают, что “переживание ревности всегда сопровождается чувством потери, острой боли, грусти, унижения и стыда. Это означает “ я являюсь исключенным третьим, а хочу вместо этого быть выбранным первым”.

В случае зависти индивидуум ощущает, что другой имеет больше, чем он, его уважают больше, при этом появляется чувство неполноценности и униженности. Зависть всегда соединена со стыдом, даже в большей степени, чем ревность (Lansky, Harrison, 1997).

Согласно Joffe (1969), зависть представляет собой злобное чувство, вызванное тем, что другой/другая радуется обладанию чем-то желанным. Возникает стремление отобрать желаемый объект или разрушить его.

К сожалению, ответы на теоретические вопросы, связанные с психоанализом зависти, до сих пор основываются исключительно на положениях, развиваемых в работах M.Klein, хотя со времени их публикации прошло достаточное количество времени, во многих регионах мира произошла смена культуральных формаций, стереотипы межличностных коммуникаций значительно изменились, границы понятий нормы и патологии в области различных аспектов межличностных, в том числе сексуальных отношений расширились.

В последнее время *первичные* проявления зависти изучаются в рамках раннего периода жизни младенца, которые уже в инфантильном периоде не ограничиваются завистью только к материнской груди (согласно Klein), а рассматривается как более генерализованный процесс. В дальнейшем психологическое содержание зависти включает все женское (материнское) тело и способность к деторождению, суммированные в понятии “зависть к матке” или “зависть к родам” (Balsum, 2003).

Lansky (2001) полагает, что зависть и ревность оказывает непосредственное влияние на структуру характера личности. Характеры одних людей центрируются вокруг зависти (тип Яго), а других, – вокруг ревности (тип Отелло).

Зависть, являясь повседневным переживанием обычных людей, в той или иной форме знакома каждому. При этом происходит формирование диадной конструкции, при которой один человек завидует, а другой/другая в той или иной мере чувствует, что ей/ему завидуют.

Несмотря на то, что Melanie Klein установила центральную роль зависти как постоянно действующего фактора во многих вариантах поведения человека, тем не менее, в исследованиях автора зависть анализируется исключительно с позиции ее динамики и рассмотрения психологического

состояния завидующего. Психологический статус человека, которому завидуют, остается без внимания. Таким образом, вторая часть диады зависти из анализа выпадает.

Нам представляется целесообразным исследование другого компонента диады зависти, так как только такой подход к изучению данного феномена будет способствовать более полному пониманию сложности и специфики как самой зависти, так и формирующихся под ее воздействием отношений.

Человек, которому завидуют, как на сознательном, так и на бессознательном уровне чувствует психологическую угрозу. По нашим наблюдениям, эта угроза редко ограничивается сознательно идентифицированным содержанием. В большинстве случаев возникают трудности с четкостью ее вербализации.

Особенность восприятия зависти, с нашей точки зрения, определяется ее экзистенциальным характером. Пациентки\пациенты, чувствующие, что им кто-то завидует, обычно стесняются рассказывать об этом. В то же время они испытывают выраженное чувство тревоги с частой тенденцией к выходу на глубинный бессознательный уровень и включением мифологических содержаний. Возникают мысли о надвигающемся несчастье, возможности физической агрессии, наведении порчи, сглаза. Происходит ограничение ментализации в связи со сужением психологического поля, обедняется чувство субъективности, нарушается сфера мотивационной активности. Все мысли и другие виды психической активности сосредоточиваются на доминанте, связанной с угрозой зависти. Характерны скрываемые чувства беспомощности, безысходности и безнадежности. У некоторых наблюдавшихся нами пациенток подобное состояние было настолько выраженным, что вначале диагностировалось как тревожно-депрессивное расстройство в рамках большого депрессивного расстройства. Ошибочная диагностика была непосредственно связана с тем, что пациентки (а наблюдаемые нами выраженные нарушения отмечались у женщин) настолько тщательно скрывали основное содержание переживаний от окружающих и даже своих близких, что создавалось впечатление о полном отсутствии каких бы то ни было психогенных факторов, с которыми можно было связать развитие наблюдаемого психического нарушения.

Приведенные данные свидетельствуют о целесообразности выделения отдельной формы нарушения психического здоровья, которая в выраженных случаях может диагностироваться как *травматическое стрессовое расстройство, вызванное переживанием зависти*. Тяжесть расстройства усугубляется спецификой отношений между завидующими и теми, на которых зависть направлена.

Проявлениями этого вида нарушения являются:

- Любые попытки смягчить ситуацию, нейтрализовать негативные ощущения, вызванные завистью, улучшить отношения оказываются безрезультатными, в лучшем случае вызывают холодное непонимание, а чаще приводят к усилению зависти.
- Неудачи, поражения в жизни объекта зависти, даже личные драмы и трагедии не вызывают сочувствия.
- Объект зависти фактически теряет индивидуальные характеристики и в глазах завидующего/завидующей трансформируется в абстрактную личность, наделяясь различными, обычно отрицательными, нереально гипертрофированными качествами.
- Возможна идеализация тех, кому завидуют, в виде приписывания им обладания объектом зависти, недоступного завидующему/завидующей. Идеализация сопровождается нарастанием чувства ненависти к завидуемому, которое они обычно ощущают на сознательном и бессознательном уровнях.
- Между завидующим и завидуемым формируется непроницаемая стена. Достижение какого-либо взаимопонимания становится невозможным.
- Завидующий/завидующая чувствуют себя эмоционально опустошенными. Все переживания фиксируются на содержании зависти.
- Идеализация объекта зависти, если таковая присутствует, носит, как правило, временный характер. Далее включается механизм проекции, при котором собственные агрессивные чувства проецируются на объект зависти. Тем, кому завидуют, приписываются деструктивные желания причинения максимального вреда или полного уничтожения объекта. В результате у завидующих формируются идеи преследования, появляются страх лиц, которым они завидуют.

Следует помнить, что зависть является более деструктивным, по сравнению с ревностью чувством, так как она направлена и на устранение соперницы или соперника, и на уничтожение в любом человеке всех положительных качеств, которые вызывают зависть, что практически эквивалентно полному уничтожению объекта зависти.

Зависть может проявляться в качестве распространенного в народе страха перед “дурным глазом”, верой в “порчу”. Длительное воздействие зависти на человека, которому завидуют, приводит к риску развития у него различных заболеваний, к которым он генетически предрасположен. Термин зависть на английском языке “envy” происходит от латинского “invidere”, что означает смотреть с ненавистью на другого (здесь подразумевается “бросать злой взгляд”, наносить вред посредством злого завистливого взгляда). В

данном контексте это понятие означает “бросание мощного магически деструктивного взгляда в окно души другого человека”.

Betsy Cohen (1986) считает, что зависть, являясь более базисным и более примитивным, по сравнению с ревностью чувством, представляет собой более энергоемкую и всеохватывающую эмоцию.

Ядерным компонентом психологической структуры зависти является самооценка. Уровень самооценки начинает флюктуировать в момент начала процесса социального сравнения себя с другими, оказывающего сильнейшее влияние на самооценку индивида.

Если собственные способности, достижения, финансовый уровень и пр. оцениваются индивидом как проигрышные и недостаточные, по сравнению с таковыми у других, возникает угроза самооценке и оценке собственного социального статуса, что приводит к возникновению зависти.

Социальное сравнение способно “всколыхнуть” зависть и как результат осознания своей депривации, глубинного понимания того, что другие не разделяют моих переживаний, например, не страдают мне или не страдают так же, как и я.

В связи с этим следует отметить, что не все отрицательные результаты социальных сравнений приводят к возникновению зависти. Люди обычно не завидуют, например, благосостоянию миллиардеров, так как последние не входят в зону реальной конкуренции и вообще находятся на очень высокой ступени социального и финансового успеха. Зависть возникает только в тех случаях, когда разница между чьим-то успехом и собственной неудачей может интерпретироваться как показатель собственной неполноценности.

Сравнение себя с членами другого (элитарного, гламурного и пр.) круга лиц, имеющих, с нашей точки зрения, более высокий уровень жизни, не рождают в нас ощущения того, что мы в чем-то хуже, чем они. В то же время различия с окружающими нас людьми из одной и той же с нами социальной страты и во многом похожими на нас провоцируют мысли о том, что источником неравенства являются не какие-то, независящие от нас факторы, а наша несостоятельность, неполноценность и лень.

В развитии зависти имеют большое значение индивидуально-психологические особенности отдельной личности (Smith et al.,1990). Авторами была создана шкала для измерения предрасположенности к возникновению зависти, которая включает три фактора: (1) оценка частоты и интенсивности эмоциональных переживаний в жизни пациента; (2) оценка чувства неполноценности; (3) оценка мстительности и восприятия несправедливости.

Акцент на необходимости изучения именно этих факторов свидетельствует о том, что тенденция оценивать себя ниже других и восприятие своих неудач и поражений как результат несправедливости имеют решающее значение в развитии чувства зависти.

Neu (1980) считает целесообразным дифференцировать различные *виды* зависти. Автор выделяет злокачественную и незлокачественную зависть. Последняя подразумевает желание обладать тем, чему завидуешь и выражается следующей интенцией: “Я хочу иметь то, что имеете Вы”. Незлокачественная зависть может переживаться по-разному: как чувство неполноценности, по сравнению с объектом зависти; как желание обладать тем, чем обладает он; как отчаяние в связи с отсутствием того, что имеет другой; как восхищение объектом зависти; как желание самому/самой стать лучше.

Злокачественная зависть выступает под девизом: “Я хочу, чтобы вы лишились того, что Вы имеете”.

Все варианты зависти приводят к отрицательным последствиям. Тем не менее, по-настоящему опасна только злокачественная зависть. Только она может быть отнесена к семи смертным грехам. Злокачественная зависть фокусируется на дискредитации или уничтожении объекта зависти. При этом желание обладать тем, чем обладает объект зависти, может вообще отсутствовать. Главным здесь является то, чтобы тот, кому завидуют, лишился обладаемого, чтобы он был серьезно поврежден или уничтожен.

Для злокачественной зависти характерно подозрение, что другой человек (объект зависти) является прямой или косвенной причиной неудач и поражений. Такие мысли порождают чувства гнева и ненависти к объекту зависти и желание отомстить ему.

Лица, испытывающие чувство зависти, могут пытаться каким-то образом замаскировать его, скрыть от окружающих и от самого/самой себя. Способы такого сокрытия разнообразны. Они включают, в частности, проекцию зависти на кого-то другого (обычно на объект зависти); провоцирование зависти у других под девизом самовосхваления; переживание жалости к себе (“Посмотрите, как я страдаю, как мне не везет, как я несчастна, в то время как другие так счастливы”); фиксация на критическом отношении к достижениям другого человека, чтобы таким образом на волне своей критики почувствовать себя лучше; идентификация с объектом зависти по модели Стокгольмского синдрома и др.

Contento (2002), анализируя динамику развития зависти, приходит к следующему заключению: “Промискуитет (частая смена половых партнеров) нарциссической личности...связан с желанием обладания

идеализированными объектами, которые должны быть красивыми, иметь высокую социальную оценку. В эту категорию входят “недоступные” женщины или мужчины, которые в связи с их сопротивлением должны быть покорены любой ценой.”Автор полагает, что в основе процесса соблазнения лежат бессознательная зависть и жадность.

В начале отношений сексуальное возбуждение временно усиливает иллюзию, создает энтузиазм, направленный на желаемый сексуальный объект, что может имитировать состояние влюбленности. Однако, вскоре сексуальное удовлетворение, gratification потребности в победе, сопровождаются обесцениванием объекта желания и приводит как к быстрому исчезновению возбуждения, так и к потере интереса к нему.

Бессознательная игра на этом не заканчивается. Бессознательная зависть и жадность проецируются на бывший объект желания. Проекция сочетается с появлением персекуторных фантазий (с тематикой преследования). Возникает страх лишения свободы, порабощения, метафорический страх кастрации.

Cohen (1986) исследовала динамику развития женской зависти, уделив особое внимание зависти матерей к дочерям. Этот вариант автор назвала “Синдромом Белоснежки”. Мать, подобно злой королеве из сказки, завидует дочери потому, что последняя имеет то, что в свое время было недоступно матери. Дочь обладает большим количеством возможностей, она получает больше удовольствия от жизни, пользуется большей свободой и ощущает себя более счастливой, чем мать. Автор обнаружила, что в случае, если мать завидует дочери часто и долго, дочь не чувствует себя в безопасности, у нее формируется страх перед естественным проявлением положительных эмоций в присутствии матери. Она боится проявлять радость, быть веселой, довольной и жизнерадостной. Таким образом ограничивается формирование многих конструктивных мотиваций, происходит задержка психического развития. Согласно Cohen, в жизни каждой матери бывают моменты, когда она проявляет черты злой королевы из сказки.

Поскольку эмоция зависти относится к запретной теме, к социальному табу, то и вербально, и в сновидениях зависть чаще всего проявляется в замаскированной метафорической форме.

Зеркало в сказке о Белоснежке позволяет «отзеркалить» и обнажить скрытые эмоции. Функция волшебного зеркала, принадлежащего злой королеве, заключается в демонстрации с его помощью отсутствия зеркального материнского переноса, отсутствия материнской поддержки позитивного имиджа и красоты дочери. Мать Белоснежки эгоцентрична и

нарцисстична. Она занята тем, что либо рассматривает себя в зеркале, либо пытается уничтожить свою дочь, обнаружив, что девушка становится угрозой для ее нарциссизма.

Проведенный нами анализ литературы и случаев из собственной практики позволил *конкретизировать описание синдрома «Белоснежки» и описать психодинамическую модель формирования зависти.*

Вначале индивидуум оценивает имеющуюся ситуацию и сравнивает себя с другими, чтобы укрепить свой положительный имидж. Процесс сравнения происходит в основном бессознательно, с участием бессознательной системы разума. Это сравнение протекает особенно остро, если в детском возрасте не произошла интроекция (введение) и интернализация (усвоение) психикой убежденности в своих положительных качествах, в своей компетентности и способностях, по сравнению с другими. Этот механизм актуализируется в основном тогда, когда ребенок воспитывается по типу “условной любви”, при котором его любят не просто так, а при условии достижения успеха (нет успеха – нет родительской любви), когда идет отрицательное сравнение собственного ребенка с ее/его братьями, сестрами, с соседскими детьми.

У ребенка формируется ложное убеждение в том, что его значимость напрямую связана со степенью близости к идеалу или к идеальной модели. Возможен вариант желания соответствовать родительскому идеалу. Отсутствие в этом процессе необходимого положительного зеркального переноса приводит к формированию у ребенка низкой самооценки.

Для формирования здоровой психики ребенок нуждается в любви, в положительном восприятии, в ощущении собственной значимости, в чувстве, что его любят просто так, ни за что, несмотря на возможные неудачи и поражения. Положительное “отзеркаливание” и вера в то, что ему всегда будет оказана необходимая поддержка, изначально необходимы. Ребенок, начиная с наиболее раннего возраста, видит себя в зеркале лица матери. Адекватный зеркальный перенос при контакте с матерью конструирует в его психике положительный имидж собственной значимости. При такой динамике условия для развития зависти не возникают.

Если мать эгоцентрична и использует ребенка прежде всего для удовлетворения своих потребностей, и в зеркале ее лица он не находит поддержки, в которой так нуждается, вырастает завистливый ребенок, лишенный чувства своей уникальности и значимости.

Дополнительным фактором, способствующим развитию зависти у ребенка, является ситуация, в которой мать ожидает, что ребенок разовьет в себе те качества, которые, с ее точки зрения, у нее не достаточно

представлены, то есть настойчиво ищет в ребенке (чаще всего в дочери) то, чего ей самой не хватает. Парадокс заключается в том, что как только ребенок начинает оправдывать ожидания родителей, мать начинает завидовать ему, транслируя родительский сценарий «не будь успешным», «не высовывайся». Ребенок интуитивно улавливает эмоциональное состояние матери, в котором присутствует зависть к его успехам. У него развивается страх быть в чем-то лучше матери, превзойти ее и тем самым нанести ей психическую травму. Возникает нарастающий психологический дискомфорт, чувство, что с ним не все в порядке, так как он не может сделать свою мать счастливой. Он начинает сравнивать себя с другими детьми и завидовать им. С возрастом такая динамика усиливается.

На фоне характерного для завистливого человека чувства внутренней пустоты, причинно связанной с отрицательным отзеркаливанием, у него отмечается снижение способности использовать внутренние психические ресурсы. Если при этом отсутствует еще и внешняя поддержка со стороны окружающих, положительное самоотношение не формируется, а чувство зависти к другим прогрессирует.

Отрицательный зеркальный перенос является не единственным механизмом возможного развития зависти. К числу других причин относится, например, *воспитание* по сценарию «Будь первым и лучшим!», при котором ребенку внушают, что он должен быть выше других в силу наличия у него необычных способностей, и что он всегда должен быть “человеком номер один”, всегда и во всем превосходящим других. Такой ребенок, постоянно пребывая в состоянии психо-эмоционального напряжения, боится оказаться несостоятельным и поэтому может завидовать другим “обычным” детям, не обремененным такими проблемами.

Зависть может быть вызвана несбыточными ожиданиями и противоречием между завышенным уровнем притязаний и отсутствием возможности их реализации, возникающих под влиянием рекламы в средствах массовой информации. Так возникает *внутриличностный конфликт*, как основной механизм развития зависти в условиях постсовременной культуры.

Защиты против зависти

Melanie Klein выделяет несколько вариантов защит от зависти, к которым относятся отрицание, расщепление, идеализация. Если в процессе развития ребенка не происходит фундаментального нормального расщепления любви и ненависти, хорошего и плохого объектов, то между ними возникает путаница, которая также может использоваться как защита.

Нами выделены низшие и высшие формы психологических защит против зависти (Короленко Ц.П, Дмитриева Н.В.,2003). К непродуктивным защитным вариантам относятся :

1.*Самовозвеличивание*. Попытка защититься от переживаемого чувства зависти неосознанным стремлением вызвать это чувство у окружающих. Пробуждение зависти в других людях с помощью своих собственных успехов, удач или того, чем человек обладает, приводит к возникновению замкнутого круга зависти. Неэффективность этого метода связана с тем, что он провоцирует возникновение тревоги. Завистливый внутренний объект является наихудшим преследователем. Возникающая у близких, особенно любимых людей зависть, переживание ощущения триумфа над ними порождают вину и страх за их повреждение, за вред, который им причиняется в процессе использования данного вида защиты. Пробудившаяся тревога блокирует переживание удовольствия от обладания собственностью и вновь увеличивает зависть. Следовательно, фокусировка внимания на собственных достоинствах непродуктивна, т.к. вызывает тревогу и опасение, что окружающие будут вести себя агрессивно.

2. *Вытеснение*. Зависть редко проявляется открыто, поскольку даже если человек переживает сильно чувство зависти, он, как правило, вытесняет его в бессознательное и не осознает.

3.*Проекция*. Стараясь избежать зависти, ее проецируют на окружающих. Зависть – очень злобное ощущение того, что другой человек обладает и наслаждается чем-то вожделенным и желанным. Проекция зависти выражается в направлении импульса зависти на то, чтобы отобрать или испортить желанное, но по каким-то причинам в данный момент недоступное.

4.*Стремление к идеализации* желаемого объекта. Желаемый объект настолько идеализируется, что находится вне достижения. Например, мать идеализируется как Природа со всеми присущими ей свойствами. Предмет восхищения при этом водружается на недостижимый пьедестал, что порождает у завидующего чувство собственной никчемности.

5.*Девальвация объекта*. Зависть может трансформироваться в девальвацию женской прокреативности. Девальвация может отражать принижение роли женщины – матери и всех функций, связанных с рождением и воспитанием детей, оскорбительное название беременных женщин, отнесение деторождения к чисто биологическим функциям. Одновременно с этим возвышается роль мужчины. Процесс деторождения расщепляется на две части. Одна – духовная оценивается очень высоко. Другая - соматическая девальвируется. Роль мужа, ответственного за спиритуальную часть, оценивается высоко, а женское предназначение – отвечать за телесный компонент, девальвируется.

6. Обесценивание предмета зависти может происходить как в реальности, так и в воображении. (А виноград то зелен!). Вначале этот вариант защиты может вызвать некоторое облегчение, однако в последующем возникают новые проблемы.

Обесцененному предмету можно больше не завидовать. Это касается и идеализированного объекта, который обесценивают и потому больше не завидуют.

7. Девальвация Self'a заключается в девальвации себя. Человек считает себя недостойным и несоответствующим каким-то нормам. Девальвация может приводить к развитию депрессивных и суицидальных тенденций, к выраженной агрессивности и враждебности, которые выступают как декомпенсация чувства неполноценности, для того, чтобы скрыть это чувство от себя. У мужчин появляется страх того, что рожденный ребенок заменит его и стянет на себя все внимание матери. Это обусловлено, в частности тем, что мужчина не принимает значительного участия в воспитании детей, особенно в ранние периоды их жизни. Возможна попытка присвоить себе женские силы (инициация). Эту попытку называют *инкорпорацией* – символическим повторением мужчиной процедуры рождения ребенка при полном исключении женщины с приданием этому ритуалу большой значимости. При остром приступе зависти возможно *самобичевание* в виде преуменьшения собственной ценности.

Обесценивание себя свойственно тем лицам, которые не обладают способностью к развитию своих талантов и их успешному использованию. Обесценивая свои таланты, они одновременно и отрицают зависть, и наказывают себя за нее. Одним из наиболее глубоких корней этой защиты являются связанные с завистью переживания вины и несчастья из-за неспособности сохранить хороший объект.

8. Искоренение чувства любви и интенсификация ненависти. Существует и другой способ защиты – искоренение чувства любви и интенсификация ненависти, - поскольку это менее болезненно, чем выносить вину, порождаемую сочетанием любви, ненависти и зависти. Практика показывает, что проявления ненависти как социально неодобряемого чувства принимают форму безразличия, к которому социум относится терпимее.

Продуктивными способами противодействия зависти являются:

1. *Сублимация*-высшая форма эго-защиты, позволяющая воплощать нереализованное влечение в творчество.

2. *Стремление возместить вред и потребность помочь объекту зависти.* Позитивность такой защиты заключается в противодействии деструктивным импульсам путем оживления чувства любви.

Работа психотерапевта по устранению зависти заключается в диагностике вида психологической защиты, доведения до сведения пациента этой информации, помощи в ее осознании, понимании, принятии и трансформации низших (деструктивных) защит в высшие (продуктивные). Процесс психотерапии зависти и ее последствий включает в себя:

1. Критический анализ и осознание сути феномена зависти как естественного и неотъемлемого желания каждого «быть» счастливым, здоровым, любимым и пр. Неосознанная зависть препятствует успешному обучению, личностному росту, проявлению креативности.

2. Признание зависти. Признать зависть иногда чрезвычайно трудно, поскольку это сопряжено с необходимостью смириться с наличием собственной беспомощности, острой потребности в чем-либо.

3. Нейтрализация отрицания наличия зависти у себя, поскольку страх признаться в зависти трансформируется в другие, более деструктивные психические симптомы и состояния.

4. Акцент на собственных преимуществах.

5. Формирование чувства собственного достоинства и уверенности в себе.

6. Развитие способности признавать ценность собственных нужд и потребностей, соперничать с другими в случае необходимости, стремясь к их удовлетворению, противоречит чувству зависти, связанному с ощущением собственной неадекватности и уязвимости.

7. Трансформация злокачественной зависти в здоровую конкуренцию.

8. Повышение уровня идентификации со значимыми другими.

9. Повышение социального статуса.

Литература

Короленко Ц.П, Дмитриева Н.В. (2003) Психоанализ и психиатрия: Монография. –Новосибирск: Изд.НГПУ.

Куттер П. (2004) Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. Перевод с немецкого С.С. Панкова. – СПб.: Б.С.К.– 115 с., издание второе стереотипное.

Шопенгауэр А. (2000) Афоризмы и истины. – М.: Эксмо-пресс.; Харьков: Фолио.

Balsum, R. (2003) The Vanished Pregnant Body In Psychoanalytic Female Developmental Theory. Journal of American Psychoanalytical Association, 51; 1153-1179.

Cohen, B. (1986) The Snow White Syndrome. New York. McMillan.

Contento, A. (2002) Rites and Myths of Seduction. Wilmette Ill. Chiron Publication

Joffe, W. (1969) A Critical Review of The Status of the Envy Concept. International Journal of Psycho-Analysis, 50; 533-546.

Klein, M. (1957) Envy and Gratitude. In The Writing of Melanie Klein, vol. 3; 176-235.

Lansky, H., Harrison, A. (1997) The Widening Scope of Shame. Hillsdale. NJ. The Analytic Press.

Lansky, M. (2001) Hidden Shame, Working Through, and the Problem of Forgiveness. Journal of American Psychoanalytical Association, 49; 1005-1053.

Neu, J. (1980) Jealous Therapists. In A.Rocky (Ed.) Explaining Emotions. Berkeley. University of California Press.

Schoeck, H. (1969) Envy: A Theory of Social Behavior. Indianapolis.IN. Liberty Press.

Smith, R., Parrott, W., Diener, E. (1991) The development and Validation of a Scale For Measuring Enviousness. In O. Salovey (Ed.) The Psychology of Jealousy and Envy. New York. Guilford Press.

Wurmser, L., Jarass, H. (2008) Jealousy and Envy. New York. Analytic Press.

Глава 9. Аддиктивная сексуальная идентичность

Любовные аддикции и аддикции избегания

Существует три вида аддикций, соприкасающихся друг с другом, к ним относятся любовные, сексуальные аддикции и аддикции избегания. Анализ лиц, предрасположенных к возникновению трёх вышеперечисленных аддикций, показывает наличие у этих людей *проблем с самооценкой*, адекватный уровень которой для себя они не могут установить. Они не обладают способностью любить себя, имеют трудности в установлении личностных границ между собой и другими людьми. Эти люди не могут ощутить границы своего Я, в связи с этим у них отсутствует и способность к реальной оценке окружающих. Им присущи проблемы с умеренностью в

поведении, в проявлении чувств, в реализации мотиваций и т. д. Таким людям свойственны проблемы контроля, при которых они позволяют другим контролировать себя или пытаются контролировать других. Характерны навязчивость в поведении, в эмоциях; тревожность; неуверенность в себе; импульсивность; насильственность; проблемы с духовностью. Они создают для себя идолов, наделённых «высшей силой», или стараются сами играть роль этой силы по отношению к другому человеку. Им свойственны трудности в формировании и выражении своих интимных чувств.

Любовная аддикция это аддикция отношений, с аддиктивной фиксацией на другом человеке, для которой характерны отношения, часто возникающие между двумя аддиктами. В последнем случае отношения, в которые вступает любовный аддикт, называют соаддиктивными. Наиболее типичным для них вариантом являются отношения любовного аддикта с аддиктом избегания.

Соаддиктивные отношения между двумя аддиктами основаны на нездоровых эмоциях с суженным спектром и недостаточностью тонких дифференциаций. При соаддиктивных отношениях на первый план выступает интенсивность эмоций и их экстремальность как в положительном, так и в отрицательном содержаниях. Эти эмоциональные реакции могут возникать, например, между мужем и женой, между родителями и ребёнком, между друзьями, профессионалом и клиентом, реально существующим человеком и популярной социальной фигурой, с которой у человека не было личных контактов.

Основные характеристики любовных аддикций

1. Любовный аддикт уделяет непропорционально большое количество времени и внимания человеку, к которому у него возникла аддикция. Этот процесс внимания и сверхположительной оценки выбранного объекта сопряжён с затратами большого количества времени, очень интенсивен и энергонасыщен. Доминируя в психическом состоянии, он становится сверхценной идеей, при которой всё остальное отодвигается на второй план, не имея прежнего значения. Происходящий процесс носит в себе черты навязчивости и насильственности, от которых чрезвычайно трудно освободиться.

2. Аддикт находится во власти переживаний нереальных ожиданий в отношении безусловного положительного отношения к себе со стороны другого человека, находящегося в системе этих отношений. Это ожидаемое отношение нереалистично. Оно подразумевает необходимость отказа от возможности быть самим собой. Ожидание, во власти которого находится аддикт, носит фантастический характер, что мешает ему реально оценить

обстановку, поэтому он не реагирует на критические суждения окружающих о происходящем. Любая критика аддиктивного поведения, подавляемая доминантой аддикции, активно отбрасывается и не воспринимается.

3. Любовный аддикт забывает о себе, перестаёт думать о своих потребностях вне аддиктивных отношений. Такое отношение к себе распространяется на его/ее здоровье, отношения с другими и прежде всего с близкими людьми. Анализ психологического состояния аддикта позволяет установить наличие у него серьёзных эмоциональных проблем, центральную часть в которых занимает страх. Частично этот страх удаётся подавить на уровне сознания. Страх, существующий у аддикта, подразделяется на страх, остающийся на сознательном уровне, и страх, находящийся в бессознании. Содержание этих страхов различно. Страх, который присутствует на уровне сознания, это *страх покидания*. Диапазон его действия заключается в том, что аддикт старается избежать покидания и с этой целью может идти на жертвы, перенося многое. Тем не менее, оценка поведения аддикта должна учитывать стремление избежать покидания. Однако, только этим стремлением не объясняется происхождение борьбы мотивов.

Страх, находящийся в бессознании,—это *страх интимности*, хотя внешне аддикт выглядит как стремящийся к интимности. Как известно, всё, что находится в бессознании, определяет очень многое. Таким образом, на уровне сознания аддикт стремится к интимности, но в то же время, в связи с бессознательным страхом интимности он не способен перенести «здоровую» близость. Такие люди боятся оказаться в ситуации, где необходимо быть по - настоящему интимным, аутентичным, быть самим собой. Это приводит к тому, что бессознание ведёт аддикта в ловушку, в которой он бессознательно выбирает для себя партнёра/партнершу, которые не могут быть интимным сколько-нибудь здоровым образом. Этот феномен объясняется тем, что в детстве аддикт потерпел неудачу, пережил психическую травму при проявлении интимности к родителям, не имел возможности развить сферу интимных переживаний.

Осуществление бессознательного выбора любовного аддикта имеет в своей основе взаимность, так как его также выбирают аддикты избегания, которые ориентируются на определённые характеристики любовного аддикта.

Для аддикта избегания характерны следующие черты:

1. Уход от интенсивности в отношениях со значимым для себя человеком, непереносимость этих отношений и создание интенсивности в аддиктивных реализациях вне этих отношений. Чтобы избежать

интенсивности в отношениях со значимым человеком (любовным аддиктом), аддикт избегания проводит время в другой компании, на работе, в общении с друзьями. Аддикция отношений со значимым человеком для аддикта избегания проявляется не в интенсивности, а в стремлении придать этим отношениям «тлеющий» характер. Однако, в связи с общей аддиктивностью психики, такой человек легко уходит в другие аддиктивные реализации. И, несмотря на важность отношений с любовным аддиктом, частично отстраняется от них. В отношениях со значимым для себя человеком аддикт старается не раскрывать себя, говоря о чём угодно, но только не о том, что каким-то образом может раскрыть черты его характера, потребности, опасения, защищая себя таким образом от «поглощения» другим человеком и контроля с его стороны.

2. Стремление к избеганию интимного контакта с использованием для этого различных техник психологического дистанцирования.

Изучение течения *процесса аддикции* позволяет выделить в нём несколько этапов:

1. Период, при котором эмоциональные переживания будут интенсивными с положительным знаком (приятные переживания). В начале любовный аддикт знакомится с партнёром, который ему импонирует. Часто таким партнёром оказывается аддикт избегания. Это объясняется тем, что аддикт избегания обращает внимание на любовного аддикта и стремится произвести на него большое впечатление. Аддикт избегания на интуитивном уровне «схватывает», что на этого человека он как раз и может произвести желаемое впечатление, так как он чувствует слабость и нуждаемость в нём. Он производит впечатление, демонстрируя, с одной стороны, глубокую эмоциональную заинтересованность, а, с другой стороны, свою силу и возможности. Таким образом аддикт избегания проявляет ролевое поведение.

2. На втором этапе происходит развитие фантазирования. Для любовного аддикта характерна развитость способности к фантазированию, навык к которому формируется у него ещё в детстве. Стимуляция фантазии приятна. Фантазии существовали у аддикта и ранее, но они относились к нереальным, несуществующим людям, выступающим в роли «спасателей». Связь фантазии с реально существующим объектом способствует появлению особого состояния радости, воодушевления и приподнятости. Любовный аддикт, находящийся в этом состоянии, чувствует себя освобождённым от многих неприятных явлений, угнетающих его с детства и приводящих к ощущению жизни как неинтересной и серой. Уйти от такого ощущения можно было только при использовании фантазий. Освобождение от чувства

одинокости, изоляции, пустоты, незначимости для окружающих, сопровождается ощущением блаженства.

Реализация отношений сопровождается вступлением в действие механизма, при котором, находясь на пике фантазий, любовный аддикт начинает проявлять всё большую требовательность к партнёру, касающуюся необходимости постоянного пребывания рядом с ним, нахождения с ним «на одной волне», потребности вместе решать все проблемы и думать в одном направлении. Такая требовательность не имеет границ. Аддикт фрустрируется при отсутствии партнёра в течение даже короткого промежутка времени, он требует всё большего внимания к себе. Его требовательность не соответствует реальности, вызывая отрицательные реакции у другого, фактически провоцируя его уход от этих отношений. Поскольку речь идёт о контакте с аддиктом избегания, значимость этого механизма особенно возрастает.

3. Развитие у любовного аддикта осознания того, что в сложившихся отношениях далеко не всё в порядке. И, если вначале он отрицает реальность того, что его покидают, то наступает момент, когда этот факт отрицать уже невозможно. Отрицание разрушается, наступают явления *отнятия*, для которых характерна мрачность, депрессия, грусть и безразличие. Нарушаются положительные фантазии. Начинается анализ ситуаций с главной целью которого—вернуть процесс обратно и восстановить прежние отношения. Строятся планы действий, которые не до конца продумываются. Возникают мысли о шантаже, угрозах, могут формироваться планы мести, которые могут в дальнейшем реализовываться. В случае разрушения отношений через какое-то время они могут восстановиться снова с тем же или другим партнёром. Казалось бы, накоплен опыт, который может быть использован, но он приводит наоборот к ощущению большего, чем прежде, страха быть покинутым. Аддикт научился распознавать ранние признаки покидания, поэтому период положительной интенсивности чувств объективно оказывается более коротким, так как при появлении признаков покидания сразу же возникает конфликт.

Аддикт избегания так же обладает эмоциональными нарушениями, ему так же присущ страх, но представленность страха носит обратный, по сравнению, с любовным аддиктом, характер. На уровне сознания, «на поверхности» у аддикта избегания присутствует страх интимности, репрессированный в бессознание у любовных аддиктов. Это происходит потому, что аддикт избегания боится, что при вступлении в интимные отношения он потеряет свободу, окажется под контролем, потеряет физическую и психическую энергию. Развитие такого страха объясняется

тем, что в детстве аддикты избегания уже сталкивались с моделью, которая привела их к убеждённости в том, что всякая интимность стоит дорого, поэтому на бессознательном уровне у них присутствует страх покидания, что приводит к желанию возобновить отношения. Аддикт избегания боится отдаляться от любовного аддикта на слишком большое расстояние и, почувствовав симптомы приближающегося покидания, возвращается к прежнему уровню отношений. Аддикты избегания стараются удерживать отношения на достаточно дистантном уровне, не давая им возможности прогрессировать, что противоречит поведению любовного аддикта.

Аддикт избегания так же проходит свой путь в отношениях с любовным аддиктом. Для этого пути также характерна положительная и отрицательная интенсивность переживаний. В начале отношений аддикта избегания привлекает в любовном аддикте его ранимость и потребность в защите и во внимании к нему. Аддикт избегания использует в отношениях с таким человеком различные механизмы соблазна, играя на этих чувствах, демонстрируя своё внимание, обожание, заинтересованность в партнёре и свои возможности. Аддикт избегания получает большое эмоциональное удовольствие, видя какие чувства он вызвал у любовного аддикта, осознавая то, что он стал от него зависимым. Это создаёт у него особое состояние, повышает самооценку.

Негативная интенсивность начинается с появления у аддикта избегания чувства внедрения в его жизнь, ограничения его свободы, контроля его поступков и начинающегося процесса его «поглощения» любовным аддиктом. Он испытывает нарастание отрицательных эмоций в связи с возрастающей требовательностью любовного аддикта. Аддикт избегания начинает уходить от этих отношений, пытаясь уменьшить их интенсивность, используя при этом разумные доводы типа «Я очень занят». Наступающее освобождение временно смягчает страх.

Любовный аддикт оказывается связанным с аддиктом избегания формирующимися соаддиктивными отношениями. Эти отношения включают в себя интенсивность эмоций, насильственность, навязчивость, которые используются обоими партнёрами, чтобы избежать интимности и реальности. Отношения, которые они формируют между собой, составляют отдельную единицу аддиктивного процесса, называемую *соаддикцией*.

Соаддиктивные отношения формируются не только между этими двумя видами аддиктов, они могут формироваться, например, между двумя любовными аддиктами. Этот симбиоз представлен чрезвычайно интенсивностью взаимоотношений. Они «смешиваются» друг с другом, становясь чрезвычайно зависимыми от этих отношений. Из этих отношений исключаются отношения с другими людьми, являющимися, в лучшем случае,

вторым фоном, объектом панорамы, воспринимающимся очень поверхностно. Из этих отношений исключаются даже собственные дети, которые в данной ситуации чувствуют себя очень покинутыми (Mellody, Miller, 1989).

В связи с наличием разницы между людьми в энергетических потенциалах, нельзя считать, что два любовных аддикта в отношениях идентичны. Обычно один из них проявляет большую энергетику с более сильным стремлением быть активным. Кто-то из них может заставить другого соответствовать своей фантазии. Другой аддикт может оказаться менее энергетически насыщенным, иметь меньшие возможности.

Существующая опасность быть поглощенным любовным аддиктом, быть «высушенным», лишенным энергии, приводит к тому, что в данной ситуации любовный аддикт, чувствуя себя менее энергетически состоятельным, меняет роль и начинает адаптировать характеристики аддикта избегания, т.е. становится по отношению к более сильному любовному аддикту аддиктом избегания, старается дистанцироваться от него. Одновременно он может выстраивать с кем-то отношения по другому типу, проявляя характеристики любовного аддикта.

Соаддиктивные отношения могут формироваться не только между двумя любовными аддиктами, но и между двумя аддиктами избегания, выступающими как аддикты избегания по отношению друг к другу. В рамках этих отношений наблюдается низкая интенсивность, основывающаяся на «негласном соглашении», «неписанном контракте», потому что каждый из них именно в этих условиях чувствует себя наиболее комфортно. Комфортные отношения низкой интенсивности внутри семьи очень удобны, но при этом каждый из партнёров имеет потенциальную возможность, которую он, как правило реализует, создавать интенсивные отношения с другим партнёром в «другом мире и в другой жизни». Это может принимать цивилизованные формы, при которых один из партнёров находит себя в бизнесе, а другой интенсивно включается в другие активности, например, в благотворительность. Или, один начинает увлекаться алкоголем, а другой навязчивым растрачиванием денег, садоводством или переустройством дома (Mellody, 1992).

Аддикт избегания в семейных отношениях может избегать другого аддикта, становясь любовным аддиктом в отношениях с другими людьми.

Возможен и другой вариант, при котором оба аддикта избегания вместе участвуют в форме активности, интересной для обоих, но не имеющей большого влияния на их отношения друг с другом. Например, они могут активно участвовать в совместной работе, не влияющей на

интенсивность их отношений. Таким образом, оба аддикта используют интенсивность вовне, чтобы избежать интимности внутри отношений, (например, участие супружеской пары в азартных играх, туризме, свингерстве и пр.) с возникновением общих проблем. Совместные активности могут быть продуктивными и желательными, но, вместе с тем, они представляют собой препятствие, при котором партнёры интенсивны в сфере разных активностей для того, чтобы избежать интимности друг с другом.

Объективный анализ значения любой аддикции в жизни человека показывает наличие многих повреждающих последствий, игнорируемых аддиктом, который не учится на собственном опыте и не видит деструктивного действия этих последствий.

Аддиктивным приоритетом для любовного аддикта является партнёр и собственные фантазии в отношении него. Любовный аддикт, поглощенный стремлением создать максимальную интенсивность внутри отношений, в результате теряет контакт с реальностью и не может установить интимные доверительные отношения, так как доверия, без которого настоящая комфортность невозможна, не существует.

Аддиктивным приоритетом аддикта избегания является аддикция вне отношений со значимым для него человеком, любовным аддиктом. Это может быть алкоголь, наркотики, секс, работа и пр, используемые для того, чтобы создать интенсивность вне сферы общения со значимым человеком. Возникающие при этом соаддиктивные отношения могут стимулировать развитие других аддикций.

Соаддиктивные отношения чаще всего являются романтически-сексуальными отношениями между женщиной– любовным аддиктом и мужчиной– аддиктом избегания, хотя может быть и наоборот. Далеко не все соаддиктивные отношения являются романтически сексуальными. Разные виды отношений между двумя людьми могут стать соаддиктивными отношениями.

Две аддиктивные роли могут одновременно переживаться одним человеком. Например, аддикт избегания, может стать любовным аддиктом вне этих отношений. Или, например, сексуальный аддикт женат на женщине, являющейся любовным аддиктом. Он является аддиктом избегания внутри брачных отношений, но вне этих брачных отношений он является сексуальным аддиктом и у него есть любовная связь с кем-то, являющимся тоже сексуальным аддиктом. Он избегает интимности с женой, но действует как любовный аддикт по отношению к кому-то ещё. Два человека переживают внутреннюю недостаточность в отношениях с самими собой и их

поведение в аддиктивных отношениях отражает этот внутренний вакуум различными способами. В системе здоровых отношений внутренние границы «я» защищают человека, создавая состояние комфорта при получении комплимента, поддержки, и даже признания сложностей в отношениях. Наличие внутренних границ помогает человеку быть самим собой, уметь ставить реальные цели и оценивать свои возможности.

В отношениях между аддиктами отсутствуют здоровые разграничения, без которых невозможна интимность между партнёрами, невозможно признание права на собственную жизнь и т. д. Это приводит к тому, что они обвиняют друг друга в нечестности, используют сарказм, преувеличения, оскорбления.

Существует точка зрения, согласно которой любовные аддикты более «либеральны», а аддикты избегания более «консервативны» в отношениях. Любовный аддикт находится в постоянном поиске удовлетворения своей требовательности, его не устраивает постоянство, он ищет изменений для того, чтобы улучшить отношения, увеличить количество контактов, заботы, внимания и любви.

Аддикт избегания, наоборот, старается закрепиться на достигнутом, поэтому он расходует свою энергию на удержание отношений на уровне стабильности и предсказуемости. В этом его отличие от любовного аддикта, постоянно предлагающего «неожиданности». Аддикт избегания недостаточно эмоционален и в этом смысле более рассудочен. Он не находит в изменениях привлекательности. Любовный аддикт, находящийся в отношениях с аддиктом избегания, думает, что беда заключается в том, что его партнёр не хочет изменяться. Однако, изменения, которых требует любовный аддикт, рассматриваются аддиктом избегания как капитуляция, как контроль со стороны другого человека, лишаящего его свободы выбора.

Любовный аддикт и аддикт избегания тянутся друг к другу потому, что каждый человек первично привлекается к другому вследствие «знакомых» психологических черт, проявляемых кем-то другим. Возникает влечение к знакомости. Несмотря на то, что черты, привлекающие у другого, могут быть неприятными, вызывать эмоциональную боль, но они привычны с детства и напоминают ситуацию переживаний детства. Оба вида аддиктов обычно не увлекаются неаддиктивными лицами. Такие люди аддиктов не интересуют. Они не знают, как с ними себя вести. Эти люди находятся вне сферы значимых отношений, которые можно было бы с ними установить. При встрече с неаддиктивными людьми, они оценивают их своеобразно, считая скучными и непривлекательными. Таким образом, человек оказывается в ловушке повторений паттернов селф-объектных отношений, заложенных в раннем возрасте. Возникает ностальгическое стремление к повторению

старых переживаний, которые можно реализовать только в сфере соаддиктивных отношений. Один из наблюдаемых нами любовных аддиктов так характеризовал свою партнершу: «Жить с ней невозможно, но очень хочется!».

Согласно Mellody (1992), специфика влечения любовных аддиктов к аддиктам избегания заключается в действии нескольких факторов.

1.Привлекательность того, что знакомо.

2.Привлекательность ситуации, содержащей в себе надежду на то, что паттерны неприятных детских селф–объектных переживаний (раны детства) могут быть излечены на новом уровне.

3.Привлекательность возможности реализации фантазий, созданных в детстве.

Человек обучается проявлению чувств и интимности в соответствии со способом, который реализуется в семье. Дети, воспитывающиеся в дисфункциональных семьях, настолько привыкают к этим способам, что они становятся для них привычно «безопасными». Встреча с человеком, напоминающим ему людей, которые его воспитывали, является бессознательно привлекательной. Поскольку чувство покидания–это переживание, которое любовные аддикты пережили в своей семье, будучи отчуждёнными от родителей, это научило их в детском возрасте быть тихими, одинокими, не проявлять своих желаний, не беспокоить родителей. Позже их бессознательно начинают привлекать люди, не стремящиеся их привязать к себе (аддикты избегания). Эти люди часто вовлечены в аддикции, они чем-то напоминают родителей, или авторитетных, но эмоционально дистантных (из детского опыта) людей. Самооценка у любовных аддиктов занижена. То, что их покидали родители, для них означало, что они не достойны того, чтобы быть рядом с ними. Большая часть магнетического притяжения по отношению к аддикту избегания объясняется желанием любовного аддикта залечить рану низкой самооценки. В детстве они не имели возможности заставить родителей, которые покидали их, не делать этого, поэтому они одержимы стремлением восстановить чувство собственной значимости на новом уровне.

Литература

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2001) Психосоциальная аддиктология. Новоисбирск, Изд-во «Олсиб».

Mellody, P. (1992), Facing Love Addiction. Harper San Francisco. C.A.

Mellody, P., Miller, A.W. (1989). *Breeking Free: a Workbook for Facing Codependence*. Harper San Francisco. C.A.

Сексуальные аддикции. Инцест.

Сексуальные аддикции относятся к скрытым, замаскированным аддикциям. Трудность в получении прямых ответов на вопрос, касающийся этой проблемы, связана с социальными табу, представленными в ряде обществ. Степень замаскированности аддикций зависит от конкретного места её проявления, от общественного мнения, от принятости проблемы в обществе. Так, в обществах, сурово относящихся к таким явлениям, они менее выявляются. При этом может сложиться мнение о полном отсутствии рассматриваемого явления. Правоту этого факта подтверждает, например, выраженная скрытость инцеста, правомерно осуждаемого в разных культурах.

Сексуальных аддикций в действительности больше, чем кажется, но в общественном сознании создаётся впечатление об исключительности такого поведения. В Скандинавских странах, например, говорить на темы, связанные с сексом, легче, сексуальные проблемы там практически не табуированы. Этим объясняется сформированное мнение о значительной представленности сексуальных аддикций в этих странах. Таким образом, сексуальные аддикции должны анализироваться в транскультуральном плане.

По механизму возникновения сексуальные аддикции подразделяются на глубокий, протрагированный вид, который начинает формироваться очень рано, на фоне общего аддиктивного процесса, и поздно возникающие сексуальные аддикции, пришедшие на смену другой формы аддиктивного поведения, например, работоголизма, гэмблинга и др.

При этом следует учитывать, что сексуальные аддикции могут скрываться за фасадом других, более легко раскрываемых аддикций. Так, например, пациент может обратиться за помощью по поводу лечения алкогольной аддикции, скрывая наличие сексуальной аддикции. Ему легче признать себя алкоголиком, чем сексуальным аддиктом.

Сексуальные аддикции начинаются с формирования особой системы, называемой системой верований и убеждений. Аксиальной осью системы являются верования аддикта о себе, отношение его к себе, которое пронизывает всю окружающую его реальность, приводя к своеобразному,

специфическому мышлению. Система верований, свойственная ребёнку, состоящая из суждений, представлений и пр., рассматриваемая человеком как единственно правильная для себя, находится под влиянием социальных посланий от окружающих. Послания, касающиеся потребностей, отношений людей, установок и ценностей, косвенно или напрямую относятся и к сексуальности, предопределяя возможности ребёнка, способы его поведения, создавая его модель мира и отношения с миром. Модель может включать планируемые в её рамках действия, систему интерпретаций действий других людей, смысл своих собственных переживаний, с выделением проблем, требующих решения и установления приоритетов в отношениях с людьми. Система верований служит своеобразным «фильтром», задачей которого является деление активностей на значимые и второстепенные.

Система верований любого аддикта содержит некоторые основные верования, оказывающиеся неправильными, ошибочными, создающими фундамент для развития аддикции. Сексуальный аддикт согласно своей системе верований, ядром которой является его отношение к себе, не считает себя внутренне имеющим какую-то цену, относится к себе изначально плохо. Он не верит, что окружающие могут хорошо относиться к нему. У сексуальных аддиктов возникает вера, что секс является для них наиболее важной потребностью, и что это—единственная сфера, в которой они могут проявить свою состоятельность. Чувствуя себя недостойным и альенированным (отчужденными) эмоционально от других, аддикт усматривает в сексе наиболее важную потребность, выступающую как единственное средство, которое может сделать его изоляцию переносимой. Эта основная убежденность является точкой кристаллизации сексуальной аддикции.

Система верований, складывающаяся вокруг этой установки, представляет собою систему искажённой реальности, в которой существенное место занимает *отрицание*. Аддикты отрицают наличие у себя каких-либо проблем, используя для этой цели механизм *проекции*, осуждая других и стараясь преуменьшить то, что может их дискредитировать. Такие люди преуменьшают, например, значение последствий венерических заболеваний и СПИДа, порой не думая о них, значение нежелательной беременности, отрицательные последствия потери работы, нарушения отношений с важными для себя людьми, стараясь объяснить это чем угодно, только не своей аддикцией.

В ход идёт и использование формальной логики с созданием *псевдологической рационализационной структуры*, становящейся осью их жизни. Формулируемое кредо выглядит примерно так: «Если я не буду

заниматься сексом, я не вынесу напряжения, которое во мне накапливается». Или: «Это никого не касается и никому не вредит, это моё личное дело, мой способ расслабления».

Такая система рационализаций «работает на себя», чтобы сделать внутреннее состояние комфортным, снять тревогу и неадекватность. Все мысли, несоответствующие этой системе, отбрасываются. Например: «Я же связываюсь только с теми, кому я доверяю, поэтому со мной ничего плохого не может произойти». В результате аддикты все более отрываются от реальности. Они не видят явлений, существующих рядом, воспринимают только ту информацию, которая укладывается в их систему убеждений, а остальную просто отбрасывают.

Некоторые авторы называют систему верований аддиктов «бредовой». Система ложных верований приводит к тому, что аддикты легко верят тому, что внушают себе. Возникает так называемое «мышление по желанию». Периодически они дают себе зарок измениться, убеждая себя в том, что начало действия зарок надо приурочить к какому-то событию, например, к празднику, искренне веря в то, что они это сделают. В силу того, что этого не случается, обещания аддиктов не имеют большого значения. Интересно то, что они не обманывают, они действительно так думают, когда дают обещания, но это вовсе не значит, что их желания будут в действительности реализованы.

Сексуальная аддикция, как правило, начинается в детстве. Стимулирующим её фактором является *сексуальная травматизация*. Анализ показывает, что травматизация может иметь разный характер, от прямого инцеста, до закладки у ребёнка убеждения, что он представляет интерес только как сексуальный объект. В такой ситуации формируется комплекс неполноценности, изоляция, недоверие к окружающим и зависимость от них, чувство угрозы извне и сверхценное отношение к сексу.

Согласно Carnes (1991) представляется возможным выделить следующие фазы *сексуальной аддикции*:

1.Сверхзанятость мыслями на сексуальную тематику, носящая обсессивный характер. Постоянное возвращение к этим мыслям приводит к тому, что они занимают всё большее количество времени, становясь любимой темой размышлений. Аддикт получает определённое удовольствие в это время, его сознание начинает по-другому структурироваться, в нём все большее значение приобретает фантазирование на сексуальные темы. Меняется восприятие многих вещей. Окружающие начинают рассматриваться сквозь призму сверхзанятости мышления и воображения сексуальной тематикой. В них видятся прежде

всего сексуальные объекты. Другие занятия рассматриваются как необходимые, но неприятные, от которых не получаешь удовольствия. Этот период может быть разным по времени, он может не сопровождаться конкретными действиями, а возникновением определённых предпочтений, мыслей о способах их реализации и фиксированием их в сознании.

2. Стадия ритуализации поведения с разработкой схем, приводящих к сексуальному поведению, (включая мысли и фантазии), при которых одно событие следует за другим в определённой последовательности. Аддикция включает сексуальные реализации и становится повседневным ритуалом, при котором для её осуществления резервируется специальное время. Вступление в цикл ритуального поведения не терпит отвлечения со стороны окружающих. Ритуализация сверхзанятости сексом более важна, чем конкретная реализация, поскольку она сопряжена с изменённым психологическим состоянием сознания, вызывающим психологический релакс. Этот процесс поглощает много времени и энергии. Возможно постепенное «включение» действий, связанных с подготовкой входа в это состояние. Всё это часто не замечается окружающими, так как сексуальный аддикт стремится к сохранению имиджа нормальности по отношению к внешнему миру, демонстрируя ему ложное Я, стараясь выглядеть человеком, у которого нет аддикции.

3. Фаза компульсивного сексуального поведения с явлением потери контроля, свойственной для других аддикций. Вступив в эту фазу, аддикт не может контролировать свои действия, оставляя после себя «след», рискуя раскрыть себя, или нанести себе психологическое или физическое повреждение. Он бессилён в отношении предупреждения своего поведения. Ему трудно остановиться. Контроль над различными видами сексуальной активности теряется. После реализаций компульсивного характера появляются нереализуемые обещания, связанные с пониманием необходимости остановиться. Такое поведение сопровождается дальнейшим усилением комплекса неполноценности.

4. Этап катастрофы или отчаяния наступающий после неприятностей, обусловленных определёнными событиями, например, наказанием или заболеванием. В этот период нарастают отрицательные чувства к себе, провоцирующие обострение аутодеструктивного инстинкта и появление мыслей о самоубийстве.

После некоторого периода затишья наступает повтор цикла, своеобразие которого заключается в том, что если в предыдущем цикле аддикт достиг компульсивного этапа потери контроля, то следующий цикл начинается сразу с потери контроля, при которой всё выступает в более жесткой форме и характеризуется быстрым развёртыванием событий.

Аддикты в условиях занятости членов семьи длительно скрывают свои аддикции. Сделать это особенно легко, если другой член семьи тоже является аддиктом, занятым своими реализациями.

Аддикция приводит к неуправляемости жизни, критика к которой снижена. Это связано с наличием эйфорического воспоминания приятных событий и блокировкой неприятных явлений. Так, рассказывая о сексуальном успехе, аддикт думает только о приятном, игнорирует неприятные события и подвержен соблазну повторить активность, думая о том, что она будет последней. Неуправляемость аддикта приводит к формализации отношений с членами семьи. Аддикт перестаёт интересоваться другими вещами, не заботится о своём здоровье, ведя образ жизни, состоящий из постоянного насилия над другими системами ценностей. Это приводит к тому, что он разучивается преодолевать даже те трудности, которые он преодолевал раньше. В жизни аддикта постоянно присутствует страх, что сфера, связанная с аддиктивными реализациями, вдруг станет для него недоступной. Для него характерно навязчивое стремление постоянно доказывать свою состоятельность в сексуальном плане. Неудача сексуального характера является настолько психотравмирующей, что в случае его повторения возникает опасность прямого аутодеструктивного или агрессивного поведения. Аддикт ведёт двойную жизнь. Для оправдания себя в своих глазах аддикт использует мифологизацию происходящего. Поражения смогут сочетаться со злоупотреблением алкоголя, носящим аддиктивный характер и используемым для того, чтобы избавиться от неприятных чувств. Приём алкоголя может использоваться как запуск сексуальной реализации.

Рассматривая вопрос коррекции этих состояний, следует отметить частоту корреляций между сексуальной, работогольной и алкогольной аддикциями. Неудовлетворительные результаты их лечения обусловлены общими аддиктивными механизмами, присутствующими при всех аддикциях.

Как уже отмечено, у лиц с сексуальными аддикциями часто устанавливается в детстве наличие сексуальной травматизации (*инцеста*). Установление наличия инцеста в детстве связано с большими затруднениями, так как об этом неприятно и неудобно говорить и многие находят для себя более приемлемым отвечать на эти вопросы отрицательно. Инцестные переживания могут быть вытеснены в бессознание и человек делает всё возможное для того, чтобы не фиксироваться на этой области переживаний. Такая репрессия может быть настолько радикальной, что сопровождается полной амнезией.

Осложнения при диагностике этих состояний возникают в связи с тем, что специалисты, работающие в рамках классического психоанализа, имеют склонность с недоверием относиться к рассказам на тему о сексуальной травматизации инцестного типа в детском возрасте. Хотя, казалось бы, всё должно было быть наоборот. Обсуждая переживания, например, комплекса Эдипа, они отмечают возникновение этих переживаний на уровне мышления и эмоций. Ребёнок на определённом этапе своего развития испытывает ревность к одному и любовь к другому родителю со стремлением к «устранению» родителя противоположного пола. Так как эти вещи несовместимы с культурой, они быстро вытесняются, а разговоры об инцесте представляют из себя прорыв детских фантазий в сознание. Психоаналитики зачастую предполагают, что эти переживания, становящиеся «реальными», на самом деле являются выдумками и фантазиями. Такая психоаналитическая точка зрения оказывала большое давление на общество в целом и приводила к тому, что в течение длительного периода времени к разговорам на эту тему не относились серьёзно. Поэтому выяснение наличия этих переживаний может иметь большое значение. Неадекватность задаваемых прямых вопросов на эту тему не даёт сколько-нибудь хороших результатов. Поэтому предпринимаются попытки найти способы косвенного выяснения с использованием специальных тестов для идентификации этих событий. В настоящее время с этой целью применяются полуструктурированные тесты, фактически носящие характер фиксированного на определённых моментах психологического интервью.

Blume (1989) предложила вопросы, косвенно свидетельствующие о наличии инцеста в детском возрасте. С точки зрения автора, *лицам, подвергнувшимся инцесту в детском возрасте, свойственны, в частности, следующие признаки:*

–Наличие страхов у взрослого человека, к которым относятся страх темноты; страх оставаться ночью спать одному в комнате, кошмары, сновидения, ощущение чувства присутствия кого-то в помещении; обострение в ночное время мыслей о преследовании, угрозе; ощущение пребывания в ловушке, из которой человек не может выйти.

–Проблемы в «отношениях» с водой. Повышенная чувствительность к воде; проблемы, связанные с проглатыванием воды; возникновение неприятного чувства при попадании воды на лицо во время купания и плавания. Ощущение удушья при попадании воды на лицо. Наличие таких расстройств хорошо запоминается и свободно вербализуется человеком при разговоре на эту тему.

–Изменения ощущения чувства своего тела. Следует обратить внимание на то, в какой мере человек фиксирует внимание на своём теле.

Какой имидж тела у него существует. Не старается ли он одевать себя таким образом, чтобы избежать внимания к себе.

При наличии таких расстройств появляются неуклюжесть и неловкость в походке и в позе; отсутствие достаточного внимания к себе, проявляющееся в возникновении проблем с одеждой. Такие люди носят на себе большое количество одежды, не соответствующее времени года. Форма их одежды мешковатая, они испытывают затруднения в частичном снятии одежды в комнате, при раздевании на пляже, в бане, при отходе ко сну. Они проявляют чрезвычайную требовательность к отсутствию в этот момент посторонних со стремлением быть незаметными и не обращать на себя внимания окружающих.

–Стремление быть во всём совершенным (и в хорошем и в плохом).

– Наличие частых депрессивных состояний, возникающих в связи с отсутствием загруженности делами.

–Лёгкое возникновение слёз.

–Частые отрицательные эмоций такие, как злость и ярость; неспособность пациентов к распознаванию у себя этих эмоций и их выражению. Интенсивная враждебность по отношению к многим вещам, иногда, например, по отношению к группе людей, имеющей общий признак с человеком, совершившим сексуальную агрессию. К такому признаку могут быть отнесены возраст, манера поведения, этнические признаки. Может присутствовать враждебность по отношению к целому полу.

–Стремление контролировать мыслительный процесс, проявляющееся в медленном, осторожном характере речеобразования.

–Стремление к дистанцированию, связанное с напряжением.

–Непонимание юмора и отрицательное к нему отношение. Выраженная серьёзность.

–Ощущение чувства, что за ними наблюдают, присматриваются к ним. Ожидание чего-то неожиданного.

–Неспособность доверять кому-то, исходящая из предположения, что доверие всегда небезопасно. Возможна смена недоверия на тотальное доверие, производящая необычное впечатление.

–Неспособность к поведению, связанному с разумной долей риска, с неприемлемостью всего, что связано хотя бы с некоторой долей риска, или наоборот, такой человек бросает вызов судьбе и постоянно рискует.

–Страх потери контроля над собой, над своим поведением, над ситуацией. В связи с этим специалистами иногда диагностируется у таких людей наличие обсессивно–компульсивного поведения.

–Стремление контролировать явления, не имеющие сколько-нибудь большого значения, связанные с желанием просто что-то контролировать.

–Проблемы вины, стыда и низкой самооценки. Ощущение того, что они ничего не значат. Этим объясняется высокая оценка малых положительных стимуляций со стороны других людей, сделавших немного, но высоко оценивающих себя.

–Чувство жертвы, приношение себя в жертву. Отсутствие чувства собственной силы. Субмиссивное поведение. Трудности в установлении границ поведения, связанные с непониманием того, что человек должен и чего не должен делать.

–Трудности при необходимости сказать «нет», стремление заранее угадывать то, чего хочет другой человек, созависимость. Страх покинутости, ожидание покинутости.

–Блокировка памяти на события периода раннего (до 12 лет) возраста, могущие носить фрагментарный характер. Например, из памяти «исчезает» образ человека, или территории.

–Ощущение принадлежности к носительству тайны, секрета. Амбивалентность в поведении, выражающемся, с одной стороны, в стремлении рассказать о тайне, а, с другой стороны, страх того, что она будет раскрыта. Ощущение того, что никто не поймет и не выслушает по-настоящему.

–Общая скрытность.

–Чувство, что они сходят с ума, сопровождающееся необычным ощущением нереальности окружающей обстановки.

–Тенденция к созданию фантастических миров и событий, в которых человек приобретает другую идентичность, противоположную прежней по содержанию. Таким образом, в мире фантазий происходит определённая компенсация, связанная с появлением противоположной личности, например, другого пола, не выглядящей жертвой и пр.

–Отрицания с игнорированием многих явлений, например, неприятных переживаний, не касающихся сексуальной травматизации, минимизация травматизации, исходящая из того, что ничего особенного не

произошло, что всё объясняется игрой воображения и на самом деле всё выглядело по-другому.

– Подавление нежелательной информации.

– «Неадекватные», неожиданные отрицательные реакции на события, на человека, на место. Сенсорные вспышки, во время которых неожиданно, например, во время разговора, или в момент нахождения на улице, человек видит внутренним зрением вспышку света, или у него возникает чувство чего-то знакомого, но времени на распознавание этого явления не хватает. Сенсорные вспышки повторяются, но значение их никогда не расшифровывается, смысл ситуации не «схватывается», несмотря на наличие желания разобраться в этом.

– Трудности в разговоре на сексуальную тему. Асексуальность. С одной стороны, ощущение секса как чего-то грязного с реакцией отвращения на прикосновение к их телу. Очевидно, это является следствием затруднений в интеграции сексуальности и эмоциональности и затруднений в разделении сексуальности от агрессивности. С другой стороны, возможно доминирование насилия с элементами сексуально вызывающего и соблазняющего поведения.

– Способность вступать в сексуальные отношения с незнакомыми представлена в большей степени, по сравнению с неспособностью вступать в интимные отношения. Стремление к сексу сочетается со стремлением к агрессии, мести и ярости.

– Сексуализация всех значимых отношений, возникновение эротических компонентов при отрицательных эмоциях, злости.

– Сексуальные фантазии с элементами доминирования, насилия.

– Проблемы с интимностью в широком смысле.

– Избегание зеркал, отражающее связь со стремлением быть невидимым, недоверие к воспринимаемому образу себя в зеркале.

– Возникающее иногда желание изменить имя, фамилию, по-другому себя обозначить.

– Ограниченная способность переживать положительные эмоции с мыслями типа «Я никогда не могу быть по-настоящему счастливой и радостной». Боязнь наступления у себя таких состояний, так как после того, как они проходят, наступает противоположное состояние. Недоверие к состояниям повышенного настроения в связи с их искусственностью, нетипичностью и кратковременностью.

–Тихая, незаметная манера поведения, стремление не обозначать себя громкими звуками во время сексуальной активности, смеха, плача, разговора. Стремление управлять своим голосом. Такие лица говорят настолько тихо, что их трудно услышать.

–Наличие чувства раздвоения и мира фантазий, в котором они выступают в другой роли. Перенос в реальный мир другой идентичности. Наличие других паттернов поведения, например, во время отпуска в незнакомой обстановке.

В современной литературе есть указания на то, что лицам, имеющим в детстве инцестные проблемы, свойственны *нарушения идентичности*. В последнее время некоторые авторы, стараясь увеличить число таких лиц, начали относить к этой категории *феномены, связанные с овладением*. При рассмотрении подобных явлений следует учитывать, что в рамках других культур, например, в Африке, овладение возникает у многих людей, считается обычным, тривиальным явлением, носящим кратковременный характер и проходящим само по себе или излечивающимся шаманом. Поскольку при овладении у человека проявляются паттерны поведения не типичные для него раньше, есть попытки объединять эти феномены. Литлвуд (Англия), написавший книгу о множественных личностях, обратил внимание на то, что в истории жизни этих людей есть указания на наличие психологической травмы. Говоря о том, что лица с диагнозом «множественная личность» встречаются в Европе и Соединённом королевстве, он описывает случаи, связанные с колдовством и овладением, требующие специального анализа. Таким образом, феномен овладения не всегда свидетельствует о злокачественном процессе, он может выступать как временное явление, которому свойственны нарушения идентичности.

Проводимая специалистами *коррекция сексуальных аддикций* должна идти в следующих направлениях:

1. осознание аддиктом существования содержания его проблемы;
2. анализ источников проблемы и участия в ней людей, с которыми аддикт наиболее связан;
3. объяснение характера содержания созависимости, включающей анализ скрытых эмоций вины, стыда, униженности. Анализ стратегии созависимости (контроля, защиты и конкуренции);
4. осознание того, что ситуация, в которую попал аддикт, не является исключительной и что он всегда может рассчитывать на помощь;
5. эмоциональный тренинг, умение различать интимность эмоций от их количественного выражения;

б.обучение аддикта умению анализировать прошлое и налаживать неформальные межличностные контакты с пониманием того, что он может получить настоящую эмоциональную поддержку у определённых людей.

Литература

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. (2001) Психосоциальная аддиктология. Новоисбирск, Изд-во «Олсиб».

Blume, E. (1990) Secret Survivors. New York, Ballantines Books.

Carnes, P. (1992) New York, Bantam Books.

Со-сексуальная аддикция

Со-сексуальную аддикцию можно определить как процесс, при котором человек, являющийся со-сексуальным аддиктом, фиксирует свою жизнь на сексуальном аддикте, добровольно позволяя ему занимать доминирующую позицию во всех сферах жизни и всех видах активности, включая принятие жизненно важных решений. Со-сексуальная аддикция является одной из форм созависимости, которая по выражению Schaeff (1986), представляет собой болезнь, вырастающую из аддиктивного процесса, структурные компоненты которого (убеждения, поведение и отсутствие спиритуальности) активизируют механизмы, препятствующие сохранению жизни.

Для Со-сексуального аддикта характерен ряд убеждений и вариантов поведения, к которым, в частности, относятся следующие:

Отношения с сексуальным аддиктом сопровождаются постоянным страхом их возможного разрыва.

Со-сексуальный аддикт уверен в своей способности контролировать сексуальное аддиктивное поведение партнерши/партнера.

Со-сексуальный аддикт может одновременно обвинять сексуального аддикта в своем несчастье и обвинять себя в сексуальной аддикции партнера.

Со-сексуальный аддикт может защищать сексуального аддикта от ряда негативных последствий его поведения в социально - производственных ситуациях, а также в процессе установления семейных и дружеских отношений.

Со-сексуальный аддикт может использовать секс в манипулятивных целях.

Со-сексуальный аддикт часто использует угрозы покидания сексуального аддикта, но никогда по-настоящему их не реализует.

Со-сексуальный аддикт путает секс с любовью и любовь с сексом.

Со-сексуальный аддикт пренебрегает своими интересами, хобби, социальными связями и дружескими отношениями, полностью фиксируясь на сексуальном аддикте, и, прежде всего, на его сексуальном поведении.

Со-сексуальный аддикт подвергается и переносит со стороны сексуального аддикта различные виды насилия: вербальные оскорбления, физическое и сексуальное насилие, финансовую эксплуатацию, постоянные измены.

Со-сексуальный аддикт изолирует себя от общества, испытывая страх любых эмоционально глубоких отношений.

Со-сексуальный аддикт теряет контакт со своими чувствами, для него характерны “замороженные чувства”.

Для со-сексуального аддикта характерен эгоцентризм с колебаниями самооценки от чувства грандиозности до самоуничижения.

У со-сексуального аддикта слабо представлены моральные ценности, характерно отсутствие спиритуальной основы.

Pletcher и Bartjameolli (2008) считают, что со-сексуальная аддикция является аддикцией отношений и сопровождается значительно выраженной потерей связей с собственной аутентичностью.

У наблюдаемых нами нескольких со-сексуальных аддиктов выявлялась дезинтегрированная сексуальная идентичность с отсутствием глубоких положительных самоидентификаций, гендерной «спутанностью» и признаками кризисной идентичности.

Литература

Pletcher, C., Barteolameolli, S. (2008) Relationships From Addiction To Authencity. Deerfield Beach. Fl.Health Communications.

Schaeff, A. (1986) Co-Dependence Misunderstood-Mistreated. San Francisco. Harper, Row.

Глава 10. Нетрадиционная сексуальная идентичность

Лесбийская идентичность

Половая идентичность - это термин, в который разные авторы вкладывают неодинаковое смысловое значение. Для одних половая идентичность отождествляется с сексуальной ориентацией, для других считается эквивалентной гендерной идентичности и, наконец, определяется как социально сконструированная идентичность в категориях восприятия себя в качестве гетеросексуала, лесбиянки, гомосексуала, бисексуала и др. (Cass, V., 1984).

Лесбийская идентичность, например, не всегда эквивалентна желанию вступать в сексуальные отношения с женщинами, хотя именно это содержание понятия является вариантом наиболее частым. Известны случаи, когда женщина заявляет, что она не считает себя лесбиянкой, просто «случилось так, что она влюбилась» в какую-то конкретную женщину. В таких случаях ее эмоции и увлечения не соответствуют идентичности. Мы наблюдали женщин, которые хотя и идентифицировали себя как лесбиянки, в то же время имели сексуальные связи с мужчинами. Многие женщины, называя себя гетеросексуальными, периодически проявляют бисексуальные интересы. Burch (1984), в связи с вышеизложенным, подчеркивает, что нельзя приравнивать половую идентичность к перманентной сексуальной ориентации. Последняя тенденция более характерна для психоаналитических теорий.

Различия в половой идентичности и истории сексуальных привязанностей отражают как отличия во внутриспсихическом развитии, так и в социальном опыте. Известно, что внутренние психические факторы включают в себя как биологические, так и психологические дименсии. В сравнительно недавнем прошлом сексологи считали, что сексуальные «инверсии» детерминированы биологически. Тем не менее, до настоящего времени не удалось подтвердить непосредственного значения гормональных изменений и генетических aberrаций в изменении сексуальной ориентации (Burch, 1984). Таким образом, исследуемое нами поле остается широко открытым для психологических и социальных исследований.

Дети обучаются гендерной идентичности и соответствующему ролевому поведению в процессе когнитивного развития по мере осознания окружающего мира. Одним из основных способов понимания мира ребенком является организация реальности посредством своего self'a, уникального чувства идентичности, которое отличает одного индивидуума от другого. Все, что ассоциируется с self'ом, становится значимой частью детского существования. В трехлетнем возрасте происходит гендерная

самоидентификация и усвоение гендерных характеристик себя и окружающих. К шестилетнему возрасту формируется гендерное постоянство. Девочка знает, что она девочка и остается ею. В последующем происходит развитие гендерной идентичности, которая становится центральной частью self'a, нагруженной сильным эмоциональным аттачментом.

Исследования гендерной концепции у детей в возрасте от 3 до 5 лет подтверждают значение когнитивного развития в процессе становления гендерной идентичности и возможности ее дальнейшего использования в организации связанного с гендером поведения. Вокруг сформированной гендерной идентичности организуются многообразные виды поведения. Дети находятся в постоянном поиске моделей поведения, идентифицирующих их как мальчиков или девочек. При этом может возникать идентификация с кем-то из родителей.

Philpot et al. (1997) исследовали связь формирования идентичности с межличностными отношениями. Авторы пришли к заключению, что женщины и девочки стимулируются к формированию их идентичности посредством отношений с другими. Erikson (1968), описывая стадию развития «идентичность versus ролевая диффузность», утверждал, что женщина не может полностью сформировать идентичность, пока не узнает, за кого она хочет выйти замуж и каких детей она хочет иметь. Таким образом, автор считал, что женщина должна прежде всего удовлетворять свои потребности в отношениях и что она не способна к независимому достижению своей идентичности. Точка зрения Erikson'a подвергалась обоснованной критике в контексте основанной на сексизме декларации об отсутствии женской независимости. Тем не менее, положение о связи формирования идентичности с системой отношений нашло подтверждение в работах теоретиков британской и американской школ self-объектных отношений.

Kohlenschlag (1981) в книге «Поцелуй спящую красавицу на прощание» описывает «постоянно ожидающих женщин». Они ждут другого человека, который сможет заполнить у них что-то недостающее в их идентичности и тем самым сделать их жизнь более наполненной. В период такого ожидания женщины, по мнению автора, живут неполной жизнью, поэтому происходит задержка их развития. Несмотря на то, что в настоящее время большинство женщин работает и развивает идентичность в процессе достижения профессионального совершенства, многие до сих пор чувствуют себя ущемленными и в какой-то степени ненаполненными необходимыми отношениями с мужчинами. Это зависит от исходной убежденности женщины в значении self-объектных отношений с мужчинами как витального элемента чувства идентичности.

Dowling (1982) в работе «Комплекс золушки» высказывает предположение, что женщины часто могут фиксироваться и пребывать в напоминающем детское состоянии зависимости, не ощущая в себе достаточной свободы, необходимой для самостоятельного жизненного выбора и ожидая указаний от других, и чаще всего мужчин. Они не чувствуют себя достаточно уверенными в способности постоять за себя, осуществлять заботу о себе и других. Иногда эта зависимость, не проявляясь в поведении открыто, тем не менее, присутствует на эмоциональном уровне, что постоянно влияет на неосознаваемые стремления и self-объектные отношения.

В конкретных проявлениях отсутствие достаточного чувства идентичности может создавать внутренние барьеры для достижения успеха в различных областях жизни, а также приводить к вступлению в отношения с мужчинами, не вполне соответствующие имеющимся интересам.

Многие авторы считают, что тенденция женщин сводить свои персональные потребности к замужеству и детям не является причиной лучшего психического здоровья. Авторы считают, что фактор женственности придает женщинам потенциальную возможность обучать мужчин умению действовать в их собственных интересах. В постмодернистском обществе имидж мужа как старшего по возрасту, более сильного, более ловкого и более умного, более способного зарабатывать деньги постепенно утрачивает свои позиции.

Отдельным аспектом в изучении гендерной идентичности является установление психологических условий и механизмов возникновения и динамики идентичности у лиц с лесбийской и гомосексуальной ориентацией. Диагностика различий между первичными и бисексуальными лесбиянками связана с серьезными трудностями (Burch, 1984).

Первичные и бисексуальные лесбиянки в большинстве случаев, хотя и не всегда, имеют разную историю первичных отношений с мужчинами и женщинами. Их переживания, касающиеся формирования однополой идентичности, обычно отличаются друг от друга.

Другие из первичных лесбиянок отмечают, что они всегда были лесбиянками. Даже в очень молодом возрасте они испытывали сексуальное стремление к женщинам. Некоторые чувствовали отсутствие половой идентичности, спутанную или меняющуюся идентичность. Сколько-нибудь серьезные отношения с мужчинами у таких женщин возникали с целью замаскировать, скрыть свойственные им лесбийские стремления.

Бисексуальные лесбиянки часто идентифицируют себя как лесбиянки только в более позднем возрасте. До этого у них могут иметь место

значимые отношения с мужчинами. Они выходят замуж, продолжают жить с мужчинами, в которых они влюблены, и испытывают по отношению к ним сексуальное влечение. Таким образом, часто в таких случаях четкая гетеросексуальная ориентация устанавливалась уже в раннем возрасте. Тем не менее, в дальнейшем на каком-то жизненном этапе бисексуальные лесбиянки открывали для себя женщин в качестве привлекательных сексуальных объектов и изменяли свою сексуальную ориентацию. В отличие от первичных лесбиянок, эти женщины в более молодом возрасте не осознавали своего отличия от других девочек в плане сексуальной ориентации. Сексуальную привязанность к женщинам они не считали постоянной и основной. Они имели опыт гетеросексуальных отношений и даже могли вступать в брак с мужчинами, хотя на этом фоне обычно продолжали лесбийские контакты. Ponse (1978) называет эту группу женщин «лесбиянками по выбору».

Таким образом, термин сексуальная идентичность у разных авторов имеет различные значения. Одни используют его, имея в виду сексуальную ориентацию, другие – гендерную идентичность, третьи – социально сконструированную идентичность, посредством которой человек идентифицирует себя в качестве гетеросексуала, гомосексуалиста, лесбиянки, бисексуала (Cass, V., 1984).

По мнению Burch (1984), как лесбийская, так и гетеросексуальная идентичность являются социальными конструкциями, включающими психологические элементы.

Нарушение идентичности, потеря чувства себя как сепаратного и независимого индивидуума – явление, характерное для диадных лесбийских отношений, в процессе развития которых часто происходит смешивание, стирание границ своего self'a. Кризис возникает тогда, когда у одной из женщин возникает чувство потери себя в партнерше. Она больше не знает, кто она и воспринимает себя в каком-то смысле невидимой, непризнаваемой.

Такой кризис выходит за пределы социальной идентичности и охватывает более глубокий психологический уровень. Смена работы или переключение на другие социальные активности не решают проблему. Возникает отчаяние, состояние тревоги, переходящее периодически в панику со стремлением заполнить чем-то чувство пустоты, вернуть что-то потерянное.

Желание обретения прежней независимости является наиболее типичной причиной разрыва лесбийских отношений.

В исследованиях ряда авторов сообщается, что в изученных ими случаях наиболее длительных и неконфликтных лесбийских отношений партнерши пришли к пониманию, что слишком длительное совместное времяпрепровождение «девитализирует и вконец истощает эти отношения».

Попавшая в зависимость женщина может чувствовать себя слабой, испытывать стыд и психологический дискомфорт, так как зависимость ассоциируется с деструктивной, культурально приписываемой ей ролью. Феминизм, в особенности современный лесбийский феминизм, акцентирует значение независимости, личностной автономии и самоактуализации женщин. Страх перед зависимостью, по мнению Burch, непосредственно обусловлен тем, что последняя идентифицируется с традиционным представлением о женственности.

Бихевиористы как представители социологических теорий концентрируют свое внимание на ситуациях и обстоятельствах, которые обуславливают и усиливают сексуальный выбор. Так, например, Bandura (1969) полагает, что детерминантами гетеро или гомосексуального выбора является сексуальный опыт, усиленный внешними социальными факторами в критические периоды.

Подчеркивается значение в формировании половой идентичности целой системы социальных факторов, влияющих на личность в различные возрастные периоды ее становления. Формирование лесбийской идентичности во взрослом возрасте происходит на фоне других, уже развитых структур социальной идентичности, что может играть серьезную роль в этом процессе. Особое значение обычно имеют личные контакты с представителями/представительницами сексуальных меньшинств или с группами, пропагандирующими соответствующие взгляды.

Burch (1984) приходит к заключению, что для первичных и бисексуальных лесбиянок характерны разные пути развития. Первичные лесбиянки начинают, хотя и предварительно, идентифицировать себя как таковых в раннем, часто подростковом возрасте. Автор приводит в качестве примеров описания наблюдаемых ею лесбиянок, которые уже в раннем возрасте четко ощущали свою инаковость и в связи с этим испытывали тяжелую психологическую травму, так как оценивали себя как отличающихся от всех других, в том числе и от гомосексуальных мужчин. Информацию о последних они находили в литературе 50-х годов XX века, но каких-либо данных о лесбийских отношениях (за исключением женщин, находящихся в тюрьмах), они не встречали. В результате возникала убежденность в «ужасной девиантности и непохожести ни на кого другого».

Отчеты женщин, ставших лесбиянками в более позднем периоде жизни, существенно отличались. Одна из таких женщин почти вышла замуж за одного из мужчин, с которыми находилась в длительных и серьезных отношениях. В дальнейшем она познакомилась с группой женщин в университете, которых восприняла как очень похожих на нее и только позже узнала, что они лесбиянки. «Когда одна из них сказала мне об этом, я вначале подумала, что это не имеет никакого отношения к моим сексуальным влечениям. Однако вскоре я вступила с ней в интимные отношения... Никакого внутреннего конфликта у меня не было, единственной проблемой являлась отрицательная реакция родителей» (цит. по Burch, 1984).

В заключение следует обратить внимание, что переживание отклоняющейся от нормы половой идентичности имеет значительные различия у подростков до формирования психосоциального моратория. В подростковом возрасте происходит формирование различных структурных компонентов социальной идентичности, которое сопровождается большой ранимостью. В ходе данного процесса может происходить регресс на более ранние стадии развития.

Большое значение имеет оценка сверстников, членов группы, клановость, неприемлемость и жестокость, которые проявляют члены группы по отношению ко всему, что не соответствует стереотипам их группового коллективного имиджа. В этом контексте девиантная внутренняя идентичность может быть крайне болезненным, насыщенным конфликтами явлением.

Конфронтация с негативно-угрожающей оценкой сверстников в комплексе с неприемлемостью членами семьи при наличии отчетливой девиантной идентичности часто выходит за пределы его силы подростка и вызывает временную психологическую защиту в виде отрицания своей сексуальной ориентации, или к социальной изоляции, ведению двойной жизни, вплоть до диссоциативного нарушения идентичности.

В каждом человеке присутствует феномен идентификации с обоими родителями, что потенциально позволяет ребенку включать в свой self оба гендера. Fast (1998) предлагает модель гендерного развития, в соответствии с которой мальчики и девочки постепенно идентифицируют себя из недифференцированной исходной матрицы. По мнению автора, до завершения периода дифференциации «ни один аспект мужественности или женственности не исключается из процесса вхождения в структуру self'a».

В этом периоде мужественность и женственность переживаются не как взаимно исключающиеся категории и поэтому развивающейся личности

доступны все половые и гендерные возможности. Постепенная дифференциация гендерных категорий происходит по мере того, как внимание ребенка начинает фиксироваться на анатомических различиях.

Мужественность и женственность становятся не только анатомическими противоположностями, возникают отличия в поведении, личностных характеристиках, системах значений.

Значения и представления отражают то, что ребенок относит к мужественности или женственности. Например, отсутствие у себя пениса девочка может ассоциировать с отсутствием особо значимого органа и как реакцию на это чувство развивать в себе пассивность, потерю независимости. Последние качества, таким образом, формируются в ее психической структуре не под влиянием биологических детерминант, а как результат вторичной психологической оценки, связанной с культурально обусловленными представлениями о женственности.

Подобно этому мальчик, обнаружив свою неспособность к деторождению, рассматривает ее как обделенность мощной биологической силой, и, по мнению Fast, может не только испытывать не полностью осознаваемое чувство экзистенциальной пустоты, но и находится в ситуации риска формирования деструктивных вариантов дальнейшего развития. В данном случае также имеет место не биология мужественности, а социопсихологические значения, придаваемые женственности.

Более глубокий анализ рассматриваемого феномена можно найти в приводимом нами ранее исследовании Bettelheim (1962), проведенном в школе для детей и подростков с нарушенным поведением в Чикаго (Sonia Shankman Orthogenic School University of Chicago). Эти дети (мальчики и девочки) инициировали спонтанные ритуалы, включающие кровопускания, обмен кровью, манипуляции с половыми органами и даже самоповреждения. Наблюдаемое поведение свидетельствовало о том, что как мальчики, так и девочки проявляли подобным образом зависть к половым органам и сексуальности другого пола.

Во многих наблюдаемых случаях автор обнаруживал у мальчиков зависть к признакам женственности у девочек и отмечал по этому поводу, что такие мальчики признавались в переживаемом им чувстве зависти к девочкам, которые «по крайней мере, знали о своем половом созревании во время начала менструации». У мальчиков такая уверенность отсутствовала. Они наносили себе раны с целью вызвать кровотечения. Отсутствие вагины воспринималось ими как биологический «обман». Некоторые из них хотели иметь как мужские, так и женские половые органы и испытывали разочарование, осознавая невозможность исполнения этого желания.

Причиной зависти к женщинам являлось ощущение того, что женщины обладают «более совершенными» половыми органами. В то же время в случаях отсутствия явных проявлений зависти Bettelheim наблюдал враждебность по отношению к женским половым признакам. «Когда мальчики не говорили о своем желании иметь женские половые органы, у них обнаруживались множественные фантазии об отрезании и вырывании груди и влагалищ». В случаях наличия у мальчиков «экстремально выраженных» нарушений эти желания их поглощали. Зависть к женским половым признакам распространялась на грудь и лактацию: «Вопрос о том, что же является наиболее сильной вещью в мире, оставался для них загадкой». Обычным ответом был следующий: «Бюстгалтер, так как он удерживает две громадных горы и молокозавод». Девочки никогда не проявляли интереса к этой загадке, а мальчики в предпубертативном периоде и, особенно при наличии эмоциональных нарушений, почти всегда испытывали восхищение перед ней. Особенный интерес автора вызвал выявленный им спонтанно возникший ритуал, придуманный двумя девочками и двумя мальчиками. Когда у девочек появились менструации, было принято решение, что «мальчики будут ежемесячно надрезать свои указательные пальцы и смешивать свою кровь с менструальной». Одна из девочек пожелала, чтобы кровь мальчиков была не из пальцев, а из их половых органов, но это желание «никогда не выходило за пределы имитации, что кровь происходит из секретного места в теле мальчиков» (Bettelheim, 1962).

Культура, в которой рождается ребенок, заранее определяет множество значений мужественности и женственности. Ребенок приспосабливается к культуре, выделяя при этом ее гендерный аспект. Таким образом, в процессе формирования гендерной идентичности имеют значение не только психологические ограничения, связанные с анатомическими различиями, но и культуральные традиции, и социальные законы (Burch, 1984). Идентификации с родителями, постоянно взаимодействующие с другими психо - социальными факторами, приводят к становлению субъективного чувства гендерной идентичности.

Развитие идентичности в социоисторическом контексте анализировалось Espin, Stewart, Gomez (1990). Авторами сделан вывод о том, что на возникновение нарушений идентичности влияют психотравмирующие ситуации в детстве. Профилактика нарушения идентичности зависит от условий развития ребенка.

Stephen (1992), исследовавший влияние идентичности на продолжительность жизни, обнаружил, что нормально формирующаяся идентичность увеличивает продолжительность жизни.

В последнее время обращается внимание на возможность развития нарушений формирования идентичности в раннем младенческом периоде. Выделяются периоды до трех месяцев, от трех до девяти месяцев и после девяти месяцев жизни. Чем раньше возникает нарушение, тем более серьезные последствия возможны. До трех месяцев жизни младенец в большей степени ориентирован на внутренние «самогенерируемые события» («self-generated events»). После девяти месяцев у младенца отчетливо проявляется внутренняя субъективная жизнь, наряду с оценкой наличия внутренней жизни у других. Он начинает интересоваться не только действиями других, но и тем, что стоит «за» этими действиями.

Большое значение имеет формирующееся чувство self'a. В чувстве self'a выделяют:

1) чувство self'a как действующего начала. Без него не формируется чувство принадлежности себе и собственных действий; может иметь место переживание внутреннего паралича, потери контроля за тем, что происходит внутри и вовне.

2) чувство self'a как физической спаянности. Без него возникает деперсонализация, фрагментация телесных переживаний, возможны феномены «вне тела».

3) чувство продолжительности. Без него развивается временная диссоциация, фуги, амнезии.

4) чувство аффективности. Без него характерны ангедония, возникают диссоциации.

5) чувство достижения межличностной субъективности. Без него характерны космическое одиночество или другое экстремальное состояние - психическая трансперентность (прозрачность).

Zabielski (1994) проводил диагностику материнской идентичности у 42 женщин, родивших первого ребенка. Половина обследуемых женщин имела преждевременные роды, вторая половина обследуемых женщин родила в срок. Исследование проводилось в течение года после рождения первого ребенка. Сравнительный анализ материнской идентичности показал статистически достоверную связь между сроком беременности и степенью сформированности материнской идентичности. 62% женщин, родивших своевременно, и 24% женщин, родивших преждевременно, отмечали ощущения сформированной материнской идентичности спустя две недели после родов. Выявлена статистически достоверная взаимосвязь между ощущениями материнской идентичности и первым контактом с ребенком.

Berger (1989) исследовал влияние позднего материнства на отношения матери к ребенку. Изучались 34 ребенка, рожденных женщинами в возрасте от 37-до 44 лет. Выявлены нарушения отношений матерей к своим детям.

Автором подчеркивается, что на характер отношений мать-ребенок влияют отношения матери со своей матерью.

Roker, Banks (1993) изучали влияние типа школы, в которой учатся подростки, на формирование подростковой идентичности. Объектом их исследования явились 127 девочек из частных и государственных школ. Идентичность изучалась в соответствии с критериями Marcia (1980). Авторами обнаружены достоверные различия между идентичностью подростков в зависимости от типа школы.

Изучение стилей формирования идентичности в раннем и среднем подростковом возрасте у 878 израильских и английских студентов, проводилось Flum, Porton (1995). Результаты исследования позволили авторам сформулировать парадигму формирования идентичности, основанную на подчеркивании им значимости интра- и интерперсональных аспектов взаимодействий.

Анализ литературы, посвященный проблеме гендерной идентичности, позволяет высказать предположение о влиянии последней на психологическое благополучие личности. Акцент на данном положении является необходимым в коррекционной работе по нейтрализации противоречий в структуре гендерной идентичности, провоцирующих возникновение внутриличностного конфликта.

Литература

Berger M., (1989). The clinical experiences with late mothers and their wishes for children. *Prax. Kinderpsychol. Kinderpsychiatr.* – Jan; 38 (1);16-24.

Bettelheim, B. (1962) *Symbolic Wounds, Puberty Rites and the Envious Male.* New York. Collier Books.

Burch, B. (1984) *On Intimate Terms.* Urbana and Chicago. University of Illinois Press.

Cass, V. (1984). Homosexuality Identity: A Concept in Need of Definition. *Journal of Homosexuality* 9; 105-26.

Espin O.M., Stewart A.J., Gomez C.A., (1990). Letters from V: Adolescent Personality Development in Sociohistorical Context. *J. Pers.*– Jun; 58(2);347-364.

Fast I., (1998). Development in gender identity. In: *Gender and Envy.* Eds: N.Burke.

Flum H., Porton H., (1995). Relational processes and Identity Formation in Adolescence: the Example of A Separate Peace. Genet. Soc. Gen. Psychol. Monogr.– Nov; 121(4); 369-389.

Philpot, C., Brooks, G., Lusterman, D., Nutt, R. (1997). Bridging Separate Gender Worlds. Washington, DC. American Psychological Association.

Kohlenschlag, M. (1981) Kiss Sleeping Beauty Good-Bye. Toronto. Bantam.

Marcia J.E. Identity in Adolescence. Adelson J. (ed.) Handbook of Adolescent. N.Y.: John Wiley, 1980.

Ponse, B. (1978) Identities in the Lesbian World. The Social Construction of Self. Westport. Greenwood Press.

Roker D., Banks M.H., (1993). Adolescent Identity and School type. Br-J-Psychol.– Aug; 84 (Pt 3),297-300.

Stephen J.; Fraser E; Marcia J.E., (1992). Moratorium-achievement (MAMA) Cycles In Lifespan Identity Development: Value Orientations and Reasoning System Correlates. Journal of Adolesc.– Sep; 15 (3),283-300.

Zabielski M.T., (1994). Recognition of Maternal Identity In Preterm and Fullterm Mothers. Matern. Child. Nurs. J. Jan-Mar; 22 (1),2-36.

Гомосексуальная идентичность

Феномен гомосексуальности в психологической науке является недостаточно изученным. Исследования, посвященные данному вопросу, встречаются в научно-психологической литературе крайне редко. В процессе осознания личностью проявлений своей сексуальности (влечений, поведения, сексуальных фантазий), происходит идентификация, переживание ощущения сопричастности, принадлежности группе геев, т.е. мужчин, которые также выбирают других мужчин в качестве партнеров для сексуальных отношений, любви.

Приняв собственную гомосексуальную идентичность, мужчинам приходится искать способы совмещения своей идентичности с другими аспектами жизнедеятельности, интегрируя ее в общую структуру идентичности (систему представлений о себе).

Становление гомосексуальной идентичности в нашем обществе проходит, как правило, очень сложно, а порой и очень болезненно для мужчин. Многие геи сталкиваются с различными проявлениями гомофобии, что может приводить к серьезным переживаниям, ощущениям собственной незащищенности, уязвимости. Ситуация усугубляется тем, что многие социальные институты поддерживают негативное отношение членов общества к гей-культуре, укрепляя тем самым проявления их гомофобии.

Вышеперечисленное определило необходимость проведения исследования с предположением, что мужчины с гомосексуальной идентичностью будут по-особому переживать трудные ситуации, (что обусловлено, прежде всего, социальной ситуацией и отрицательным отношением к феномену гомосексуальности в нашем обществе). Знание

особенностей этих ситуаций позволит учитывать их при работе с лицами с нетрадиционной сексуальной ориентацией и подбирать наиболее адекватные и эффективные формы психологического сопровождения лиц данной группы.

В исследовании приняло участие 149 человек (из них 58 человек с гомосексуальной идентичностью и 91 человек с гетеросексуальной идентичностью) в возрасте от 19 до 40 лет (образование высшее, средне-специальное, а также студенты вузов). Выборку мужчин с гомосексуальной идентичностью составили мужчины, посещающие различные мероприятия: профилактические, информационные (лекции и семинары, посвященные здоровому образу жизни, дискуссионные группы), культурологические (просмотр фильмов и т.д.), психологические (группы поддержки, тренинги, индивидуальное консультирование), проводимые в рамках различных проектов для мужчин, практикующих секс с мужчинами. Таким образом, выборку мужчин с гомосексуальной идентичностью составили мужчины, так или иначе проводящие определенное время в гей-сообществе и причисляющие себя к представителям гей-субкультуры, то есть мужчинам-геям. Данный возраст испытуемых был выбран нами, так как период ранней взрослости, прежде всего, создает контекст высокой включенности в различные социальные процессы (завершение получения образования, профессиональное становление, поиск спутника жизни, создание семьи, стремление к достижению стабильного социального и материального положения и т. д.), в связи с чем личность сталкивается с широким спектром трудных жизненных ситуаций, реагируя на них различными поведенческими стратегиями совладания. Также ранняя взрослость является наиболее сексуально активным жизненным периодом, в котором интенсивно происходит осознание и становление различных аспектов сексуальной идентичности как весьма важного компонента социальной идентичности.

Для определения сексуальной идентичности мужчинам предлагалось заполнить решетку сексуальной ориентации Клайна. С целью уточнения и подтверждения полученных данных нами был использован такой метод, как беседа. После заполнения методики испытуемым задавались вопросы по шкалам решетки сексуальной ориентации (сексуальное влечение, поведение, фантазии, самоидентификация и т.д.), что позволило уточнить вид сексуальной идентичности и сформировать две группы испытуемых с устойчивой гомосексуальной и гетеросексуальной идентичностью (Дмитриева, Андронов, 2006).

С целью выявления трудных жизненных ситуаций испытуемым предлагалось письменно перечислить трудные жизненные ситуации, с которыми они сталкивались в последнее время, или которые переживают сейчас. В ходе анализа полученных данных нами были выделены 19 контентаналитических категорий, опираясь на которые мы в дальнейшем исследовали специфику трудных жизненных ситуаций и проводили сравнение исследуемых групп.

Анализ результатов проведенного исследования позволил установить, что в группе мужчин с гомосексуальной идентичностью на первом месте по частоте встречаемости располагается категория трудных жизненных ситуаций, связанных с работой (62,1%). В то время как в группе мужчин с гетеросексуальной идентичностью данная категория занимает второе место, на эту группу ситуаций как трудную для себя указали 47,3% мужчин ($p \leq 0,05$). Расположение трудностей, связанных с работой, на первых местах по частоте встречаемости, а, следовательно, и важности для исследуемых групп обусловлено возрастными особенностями.

Большой процент неудовлетворенности имеющейся работой, а также сложностями в поиске новой у мужчин-геев, возможно, обусловлен спецификой предъявляемых ими требований к пространству профессиональной деятельности. Несмотря на то, что современная психологическая наука не выделяет единого психологического типа личности гомосексуальных мужчин, существуют исследования, свидетельствующие об их большей восприимчивости, ранимости, эмоциональности, открытости, повышенной чувствительности к стрессам, по сравнению с мужчинами с гетеросексуальной идентичностью (Воронцов, 1999; Кон, 2003). Скорее всего, эти особенности играют свою роль в выборе места работы. Геи могут предъявлять большие требования к психологическому климату коллектива, где можно быть максимально открытыми и не опасаться за возможность неприятия, отвержения, по причине отличия по некоторым личностным и поведенческим особенностям, обусловленным гомосексуальной идентичностью. Однако найти такое место работы не просто, особенно в условиях кризиса и при условии хорошей оплаты выполняемой работы.

В группе мужчин с гетеросексуальной идентичностью на первом месте по частоте встречаемости располагается категория трудных жизненных ситуаций, констатирующая

наличие финансовых проблем (62,6%). В группе же мужчин-геев категория финансового неблагополучия находится лишь на четвертом месте, на ее наличие указали 44,8% мужчин ($p \leq 0,05$). Конечно же, информация о степени материального благополучия, финансовой обеспеченности, а также особенностях расходования бюджета данных групп позволила бы нам получить более полную информацию, но это не входило в задачи нашего исследования на данном этапе. Однако мы склонны предположить, что

доминирующую роль в данном различии исследуемых групп играют особенности гендерных ожиданий общества по отношению к мужчинам.

Так, от гетеросексуального мужчины ожидается, что в отношениях с женщиной он должен финансово обеспечивать свою партнершу, на этапе ухаживания дарить подарки, приглашать в кино, кафе и так далее. Безусловно, женщины тоже могут оказывать знаки внимания мужчине и сегодня делают это чаще, чем прежде, однако мужчине в данном виде ролевых взаимодействий все-таки отводится основная роль. Ситуация остается неизменной и после создания семьи: появляются дети, на воспитания и обучение которых в наше время необходимо затрачивать немалые деньги. Финансовое благополучие является также одним из атрибутов получения признания и уважения среди других мужчин.

Конечно, существуют гармоничные пары, в которых трудовая деятельность женщины приносит основной доход и по этому поводу не возникает каких-либо конфликтов, но такие пары, к сожалению, встречаются реже, чем хотелось бы. В связи с этим финансовое неблагополучие воспринимается мужчинами-гетеросексуалами более остро в отличие от геев, где в парных отношениях и при ухаживании нет четкой дифференцировки социальных ожиданий. Мужчины равны и могут вносить равный вклад в бюджет, при этом никто не сможет упрекнуть другого, что он мужчина, который должен зарабатывать и обеспечивать семью, так как партнером выступает такой же мужчина. Бесспорно, один из мужчин в гей-паре может вносить больший вклад в бюджет или тратить большее количество денег в процессе ухаживания, но данный факт является, скорее собственным выбором, чем характером социальных установок и социальных ожиданий.

Второе место (58,6%) по частоте встречаемости в исследуемой нами выборке мужчин с гомосексуальной идентичностью занимают трудные жизненные ситуации, обусловленные

отсутствием партнерских отношений, что значимо различается с группой мужчин с гетеросексуальной идентичностью ($p \leq 0,001$), в которой данная категория занимает лишь седьмое место (13,2%). На наш взгляд, причины данного различия более чем очевидны. Во-первых, трудность для геев в поиске партнера обусловлена, прежде всего, значительным преобладанием гетеросексуальных мужчин над гомосексуальными. Ситуация усугубляется еще и отсутствием специализированных мест для встреч (кафе, клубов, различных гей-лесбо организаций и т.д.), где мужчины могут познакомиться. Особенно эта ситуация характерна для небольших провинциальных городов, хотя в них, как правило, существуют специализированные дискотеки, однако условия для общения в них весьма затруднены из-за громкой музыки и присутствия такого фактора, как алкоголь. Общественные организации и объединения, работающие с геями,

немногочисленны и направлены большей частью на профилактику заражения ВИЧ и других инфекций, передающихся половым путем. В данных организациях, даже при наличии своего штатного психолога, крайне редко ведется (а если и ведется, то не систематически) психологическая работа, способствующая формированию умений и навыков, направленных на построение отношений между мужчинами-геями. Отсутствует социальная инфраструктура, так или иначе поддерживающая однополые отношения, а политика государства направлена на укрепление института семьи (гетеросексуальной семьи). В связи с тем, что отношения геев не одобряются обществом, не имеют долгосрочных последствий в виде ребенка, они чаще всего являются краткосрочными, что приводит к тому, что такие пары быстро распадаются. Вышесказанное подтверждает высокий уровень гетеросексизма в нашем обществе, поэтому мужчины с гомосексуальной идентичностью продолжают сталкиваться с трудностями в осознании, самопринятии и принятии другими своей сексуальной идентичности. Отсюда понятно, почему 24,1% опрошенных указали, что они столкнулись с группой трудных жизненных ситуаций, причиной возникновения которых является характер сексуальной идентичности. Однако, на наш взгляд, данные, полученные на других выборках, могут значительно превысить этот процент. В исследуемой нами группе мужчины с гомосексуальной идентичностью чаще являлись жертвами противоправных действий (8,6%) по сравнению с гетеро-сексуалами (2,2%), $p \leq 0,05$.

Так, на трудности во взаимоотношении со значимыми другими, а также с партнером как на трудную жизненную ситуацию указывает больше геев (53,4% и 44,8 % соответственно), чем мужчин с гетеросексуальной идентичностью (27,5% и 13,2% соответственно), $p \leq 0,001$. Скорее всего, трудности во взаимоотношениях можно объяснить несколько более высокой импульсивностью и эмоциональностью геев, которые могут создавать менее конструктивный характер отношений с близкими и партнерами в гей-парах. Тем более

никто не учит их, как вести себя с партнером, ведь гетеросексуальные образцы не всегда приемлемы. С другой стороны, преобладание у геев трудных жизненных ситуаций дан-

ных категорий может быть обусловлено и более высокой значимостью сферы отношений, при которой даже незначительный разлад в отношениях воспринимается довольно серьезно и эмоционально, поскольку, потеряв партнера сегодня, теряется уверенность в том, что встретишь другого "завтра".

Все вышесказанное актуализирует проблемы осознания своего места в жизни и делает их переживание более болезненным и трудным, усиливает внутриличностные конфликты и повышает угрозу целостности личностной и социальной идентичности. Так, количество трудных жизненных ситуаций,

связанных с осознанием своего места в жизни, а также переживание внутриличностных конфликтов составило в группе геев 29,3% и 17,2%, в группе гетеросексуалов 13,2% и 3,3 соответственно, $p \leq 0,01$.

В группе мужчин с гетеросексуальной идентичностью нами выделена такая категория, как "отрицание наличия у себя трудных жизненных ситуаций". Скорее всего, наличие данной категории у гетеросексуалов и отсутствие ее у гомосексуалов говорит о меньшей открытости первых, по сравнению со вторыми.

Таким образом, для мужчин-геев характерна некоторая специфика переживаемых ими трудных жизненных ситуаций, заключающаяся, прежде всего, в частоте их встречаемости. Отдельно можно обозначить группу ситуаций, обусловленную феноменом гомосексуальной идентичности, точнее негативным отношением к ней общества, и, как следствие, возникновением на этом фоне различных трудных жизненных ситуаций. Резюмируя полученные данные, можно отметить, что наиболее часто встречающимися категориями трудных жизненных ситуаций у мужчин с гомосексуальной идентичностью, в отличие от мужчин с гетеросексуальной идентичностью, являются следующие: трудные жизненные ситуации, связанные с работой, отсутствием партнерских отношений, трудностями во взаимоотношениях со значимыми другими, а также партнером, осознанием своего места в жизни, внутриличностными конфликтами. Вышесказанное делает данную категорию мужчин группой риска для психического здоровья и предполагает необходимость проведения целенаправленной, систематической и компетентной психологической и социальной работы с геем. Содержание работы должно обязательно учитывать специфику трудных жизненных ситуаций геев и включать в себя такие аспекты, как адаптация в обществе (в контексте особенностей сексуальной ориентации), особенности профессиональной самореализации геев, стратегии поиска работы, избавление от экстернальной и интернальной гомофобии. Особенно важным направлением психологического сопровождения данной группы лиц является формирование умений и навыков построения отношений между мужчинами-геем, а также выработка универсальных и индивидуальных стратегий совладания с различными трудными жизненными ситуациями.

*Особенности совладания с трудными жизненными
ситуациями у мужчин с гомосексуальной
идентичностью*

Несмотря на то, что с момента депатологизации гомосексуальности в России прошло значительное время, исследования, посвященные данной проблеме, встречаются редко.

Недостаточная изученность данной проблемы обусловлена рядом причин, одной из которых является более поздняя нормализация гомосексуальности и исключение ее из

реестра психических нарушений, по сравнению с другими странами (исключение гомосексуальности из списка психических нарушений Американской психиатрической ассоциацией состоялось в 1973 году). Вместе с тем, все еще остаются специалисты, продолжающие "мыслить диагнозами" в отношении любых проявлений гомосексуальности (Костикова, 2005; Дементий, 2004; Кон, 2003). Сложившаяся ситуация усугубляется существующими в обществе гомофобией и дискриминацией, в основе которых, очевидно, лежат отголоски прошлых иррациональных стереотипов мышления, низкая информированность и искаженная информация о геях и многое другое. К сожалению, российская правовая система не может должным образом защитить права лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, что делает данную группу лиц более закрытой и труднодоступной, в том числе и для психологических исследований. Поэтому в психологической литературе, посвященной данному вопросу, в основном фигурируют данные, полученные в других странах. Между тем известно, что проживание в различных культурно-социальных, экономических, политических и др. условиях оказывает существенное влияние на формирование как личностных характеристик мужчин с гомосексуальной идентичностью, так и на особенности формирования самой сексуальной идентичности.

Осознавая проявления своей сексуальности (влечения, сексуальное поведение, фантазии, чувства), каждый человек первоначально соотносит их с общими для большинства других людей формами сексуального поведения. Позднее может происходить идентификация, переживание ощущения сопричастности, связи, некоего единства себя со "своими", то есть с некой группой мужчин со схожими влечениями и интересами, с мужчинами, которые в качестве партнеров для интимных взаимоотношений выбирают мужчин, способных любить их и строить долгие отношения.

Американский социолог Troiden (1981), занимающийся исследованием сексуальной идентичности, выделяет в процессе становления гомосексуальной идентичности четыре стадии. Наличие гомосексуальной ориентации еще не говорит о наличии у индивидуума гомосексуальной идентичности.

По окончании этапа достижения гомосексуальной самоидентификации мужчинам приходится искать способы совмещения своей идентичности с другими жизненными аспектами. Многие геи сталкиваются с теми или

иными проявлениями гомофобии и стигматизации, что, как правило, вызывает возникновение длительного стресса и тревоги. Чтобы противостоять этим, а также многим другим жизненным трудностям, с которыми сталкиваются и гетеросексуалы, мужчины с гомосексуальной идентичностью вырабатывают разнообразные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями.

Под совладающим поведением понимают "социальное поведение или комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих), которые помогают человеку справиться с внутренним напряжением и дискомфортом, способами, адекватными личностным особенностям и ситуации". В связи с тем, что копинг является переменной, зависящей от двух факторов – личности субъекта и реальной ситуации, например характера проблем, с которыми приходится сталкиваться, мы предположили, что мужчинам с гомосексуальной идентичностью будут присущи некоторые особенности совладания с трудными жизненными ситуациями, определяемые спецификой их идентичности. Знание особенностей совладания с трудными жизненными ситуациями у геев помогает организовать систему психологического сопровождения лиц с гомосексуальной идентичностью (Короленко, Дмитриева, 2003).

Проведенный анализ результатов исследований отечественных психологов позволил сделать вывод об отсутствии работ, посвященных изучению особенностей совладания с трудными жизненными ситуациями у мужчин с гомосексуальной идентичностью. Таким образом, целью нашего исследования явилось выявление особенностей совладания с трудными жизненными ситуациями (особенностей выбора копинг-стратегий) у мужчин с гомосексуальной идентичностью.

Анализ результатов исследования Дмитриевой, Андропова (2006, 2007), посвященного данному вопросу, показал, что средние показатели частоты использования большинства копинг-стратегий в группе мужчин с гомосексуальной идентичностью превышают аналогичные показатели у мужчин с гетеросексуальной идентичностью. Это позволяет предположить, что мужчины с гомосексуальной идентичностью более полно используют модели совладающего поведения, что возможно, объясняется расширением гендерных стереотипов мужчин-геев, то есть расширением стереотипно-феминных и маскулиных ролей, выходом за их границы. Однако, однозначность данного вывода может быть подтверждена дополнительным исследованием гендерных ролей мужчин с гомосексуальной идентичностью во взаимосвязи их со стилями копинг-поведения. Авторы предполагают, что сначала формируются некие личностные черты, являющиеся копинг-ресурсами, которые, в свою очередь, обуславливают выбор стратегий.

Одной из форм работы по психологическому сопровождению лиц с гомосексуальной идентичностью должны стать группы поддержки и

взаимопомощи. Данная форма является наиболее эффективной, так как для геев особенно важен поиск общественной и эмоциональной поддержки, поскольку они стремятся открыто выражать чувства и проявлять эмоции. Наиболее эффективно и безопасно, в том числе и для угрозы собственной идентичности, это может происходить на занятиях среди "своих", где происходит укрепление и стабилизация собственной идентичности.

Скрытый гомосексуализм

Одной из проблем, беспокоящих обращающихся к специалистам пациентов, является страх наличия у них скрытого гомосексуализма. Выделяют ориентировочные диагностические признаки, помогающие идентифицировать провомерность их переживаний. К их числу относятся:

1. *Неумение выстроить отношения с противоположным полом.* Жалобы женщин на фригидность, отсутствие желания вступать в коитальные соития с мужчинами. Жалобы мужчин на недостаточный уровень возбуждения при общении с партнершей и на более высокий его уровень при фантазиях на эту тему с партнером. Постоянное недовольство тактико-техническими данными своей подруги/жены.

2. *Постоянно возникающие сексуальные фантазии и сновидения, главным героем которых является партнер того же пола.*

3. *Влияние приятных воспоминаний о подростковом временном (транзиторном) гомосексуализме, во время которого у части подростков обоего пола возникает пылкий интерес нежная дружба и влюбленность в сверстника/ сверстницу своего пола.*

4. *Случайный гомосексуальный контакт.*

Ни один из вышперечисленных признаков сам по себе не дает основания устанавливать диагноз «скрытый гомосексуализм».

Литература

Воронцов Д.В., (1999). Социально-психологические характеристики межличностного общения и поведения мужчин с гомосексуальной идентичностью. Дис. канд. психологических наук, специальность 19.00.05. Ростов-на-Дону.

Дементий Л.И., (2004). К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. №2. С. 20-25.

Дмитриева Н.В., Андронов Д.А., (2006). Специфика трудных жизненных ситуаций, переживаемых мужчинами с гомосексуальной идентичностью

//Аспирантский сборник (по материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов)/Под ред. А.Ж. Жафярова. Новосибирск, РИО НГПУ.

Дмитриева Н.В., Андронов Д.А., (2007). Особенности гендерного поведения у мужчин с гомосексуальной идентичностью // В сб.: Гуманизация образования в контексте системного подхода. Материалы 4 всероссийской научно-практической конференции. – Бийск: РИО БГПУ им. В.М.Шушкина. – с. 35-47.

Кон И. С., (2003). Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ООО "Издательство "Олимп"": ООО "Издательство АСТ".

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н., (2000). Идентичность в норме и патологии. – Новосибирск, НГПУ.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., (2003). Психоанализ и психиатрия: Монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., (2000). Социодинамическая психиатрия.-М.: "Академический проект", Екатеринбург: "Деловая книга".

Troiden R.R., (1989). The Formation of Homosexual Identities, vol. 17,1/2/3/4/, 43-74.

Глава 11. Садомазохизм

Садизм

Под термином «садизм» мы понимаем *и свойство личности*, заключающееся в потребности мучить других людей, *и сексуальное отклонение*, связанное с получением удовольствия в сексуальных отношениях при полном подчинении себе партнера. Садизм выражается в потребности овладения другим человеком, подчинения себе до такой степени, что представляется возможным всячески унижать, издеваться, причинять ему физическую боль. Особое удовольствие при этом достигается от осознания полного подчинения, овладения, чувства неограниченной власти над партнером, которого заставляют выполнять все желания садиста.

По мнению Э.Фромма, садизм и мазохизм являются вариантом симбиотического единства.

Садизм и мазохизм представляют собой активную и пассивную (соответственно) алголагнию (от греческого algos –боль lagneia –похоть) – половое возбуждение и усиление сексуальных ощущений от боли.

Термин был введен в литературу известным австрийским психиатром Крафт-Эбингом и происходит от фамилии французского писателя, философа и политического деятеля маркиза де Сада (1740—1814).

Маркиз родился 2 июня 1740 г. в парижском дворце Кондэ в аристократической семье, его мать была связана родственными узами с королевской семьей. В молодом возрасте проводил время в компаниях повес из своего круга. Принимал участие в Семилетней войне как офицер кавалерии. Женился в возрасте 23-х лет на дочери богатого и влиятельного судьи. Известно, что уже после 5 месяцев брака он был заключен на две недели в тюрьму за развратное поведение, богохульство и святотатство. После освобождения из-под стражи парижская полиция направила специальные письма в публичные дома с рекомендацией исключить маркиза из числа постоянных посетителей в связи с его неприемлемым поведением.

Второй раз маркиз был арестован весной 1768 г. Арест был связан с жалобой молодой женщины-нищенки, которую он заманил в свой загородный дом, раздел донага, исхлестал кнутом, всячески издевался, а затем запер на ключ и ушел. Женщине удалось сбежать и заявить в полицию. На этот раз пребывание маркиза в тюрьме было длительным, и только после возмещения убытков через несколько месяцев он был выпущен на свободу.

Новый скандал разразился в 1777 г., когда де Сад вместе с лакеем и четырьмя проститутками организовал оргию с бичеванием. Маркиз угостил одну из девиц конфетами, после чего ей стало плохо. Была подана жалоба на попытку отравления. Очевидно, в связи с устоявшейся уже репутацией маркиза суд очень быстро рассмотрел дело и приговорил его к смертной казни за попытку убийства и развратные действия. Однако Саду удалось бежать за границу, где его тоже несколько раз арестовывали за разврат и скандалы. В дальнейшем приговор суда был отменен, и маркиз получил возможность вернуться во Францию. В 1784 г. Сад вновь попадает в Бастилию. Условия заключения оказались хорошими, были удобства, возможность пользоваться книгами и рукописями.

Сад стал неустанно писать о своих похождениях, описывать различные формы сексуальных отклонений и преступлений. Им были написаны романы: «Алина и Велькур», «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели», «История Жюльетты, или Благодеяния порока», сборник новелл «Преступления любви, или Бред страстей», сборник эссе «Философия в будуаре» и т. д. Последние годы жизни маркиз провел в приюте для психически больных Шарантоне, где занимался постановкой спектаклей в больничном театре.

Caspar, Honsza, (1975) обращает внимание на то, что в приюте находились в основном не психически больные, а те, кто «совершил преступления, обнародование которых посредством судебной процедуры не было возможно, а также другие, заключенные за серьезные политические преступления, или такие, которых использовали для грязных дел в высоких интригах».

В книгах де Сада сексуальные отношения изображаются порой как групповые, главный герой подчиняет себе остальных участников сексуальных оргий, заставляет вступать в различные виды сексуальных отношений, «выстраивает» чрезвычайно сложные позиции, а затем трансформирует их. В сексе участвуют мужчины и женщины, дети и старики, девственницы и проститутки, монашки и хозяйки публичных домов, матери и сыновья, отцы и дочери, братья и сестры, деды и внуки, дворяне и бродяги.

В ряде случаев автор устраняет все различия между полами и возрастными. Одна из «церемоний» в книге «120 дней Содома» включает, например, заключение браком между детьми с одновременной сменой половых ролей: «Оба были одеты в самую обычную одежду, но одеты наоборот, так что нужно отметить, что маленький мальчик был одет как девочка, маленькая девочка была одета в мальчишеское платье».

Разрушение реальности, создание фантастического аморального мира здесь очевидны. Однако более внимательное рассмотрение приведенных и аналогичных содержаний показывает, что они являются иллюстрацией прямого нарушения заповедей, содержащихся в Библии: «Если кто будет прелюбодействовать с женой замужней; если кто будет прелюбодействовать с женой ближнего своего; да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка. Кто ляжет с женою отца своего, тот открыл наготу отца своего: оба они да будут преданы смерти, кровь их на них. Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость; да будут преданы смерти, кровь их на них. Если кто возьмет себе жену и мать ее: это беззаконие; на огне должно сжечь его и их, чтобы не было беззакония между вами. Если кто возьмет сестру свою, дочь отца своего или дочь матери своей, и увидит наготу ее, и она увидит наготу его: это срам, да будут они истреблены пред глазами сынов народа своего. Он открыл наготу сестры своей: грех свой понесет он. Кто ляжет с теткой своею, тот открыл наготу дяди своего. Грех понесут они, бездетными умрут» (Лев. XX, 10, 11, 13, 17, 20).

Реализация характерного для садизма стремления к овладению и тотальному подчинению партнера в реальной жизни весьма затруднительна. В «идеальных» условиях такие отношения возможны лишь при контакте садомазохистского типа, т. е. когда партнер (партнерша) также получает

сексуальное удовольствие от состояний полного порабощения. В связи со сравнительной редкостью таких совпадений лица с садистскими наклонностями (если они не идут на совершение сексуальных преступлений) реализуют свои желания в сфере фантазий и воображения, что, кстати, было характерно и для де Сада во время заключения. Однако при этом всегда следует помнить, что при подходящих ситуациях садисты могут перестать удовлетворяться игрой воображения, придумыванием «приятных» для них сценариев и перейти к активным действиям.

Лица с садистскими чертами характера нередко сознательно выбирают места работы, где их стремления легче реализовать. История человечества знает, к сожалению, много таких примеров. Благоприятная почва для проявления садизма была, естественно, в рабовладельческом обществе, во времена средневековой инквизиции. В XX в. эти возможности не исчезли: садистские формы проведения получали широкое распространение в фашистских и советских концентрационных лагерях (каждая тоталитарная система имела здесь свою специфику, но это не меняло существа происходящего).

В настоящее время акты садистского характера совершаются часто в местах заключения и в армии, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в прессе, сообщения в других средствах массовой информации. Садистское поведение имеет различные формы выражения. Оно включает совершение тяжелых преступлений нанесения увечий, изнасилования, убийства. Одной из таких крайних степеней садистских действий являются так называемые сладострастные убийства. Убийство жертвы доставляет при этом сладострастное чувство полного ей овладения. Лица с подобного рода склонностями представляют большую социальную опасность, и поэтому чрезвычайно важно их раннее выявление. Это не простая, лишенная основы декларация. Анализ сладострастных убийств позволяет в настоящее время выделить некоторые *психологические особенности лиц, совершающих подобные преступления*, что может помочь их предупреждению.

1. Жестокость по отношению к животным в детском возрасте (издевательства над кошками, собаками, убийство животных со стремлением причинить им как можно больше мучений).
2. Отсутствие привязанности к родителям, отсутствие сочувствия, стремление причинить боль, унижить более слабых, младших по возрасту детей.
3. Раннее появление эротических интересов, сочетающихся с садистскими представлениями, выражающимися в фантазиях, записках, дневниках, рисунках с элементами агрессии (кровь, ножи, отрезанные части тела, повешенные, расстрелянные, расчлененные

люди, сексуальные мотивы, ругательства и др.).

4. Усиление агрессивных тенденций в подростковом возрасте, проявляющееся в актах агрессии сексуально-садистского содержания. Вначале план таких действий формируется, в воображении и, как правило, убийство еще не планируется, содержание ограничивается сценарием нападения, причинением боли, приведением жертвы в беспомощное состояние, изнасилованием. Между планированием подобных действий и их исполнением проходит определенное время - «интервал вынашивания». Первые попытки реализации часто бывают неудачными, но желание реализации продолжает усиливаться. В большинстве случаев такие нападения сопровождаются издевательствами, раздеванием, побоями без совершения полового акта, что связано обычно с явлениями половой слабости.

5. Флуктуирующая (плавающая) самооценка.

6. Потребность произвести впечатление на партнера яркими, необычными видами сексуальной активности.

7. Позитивные воспоминания о прошлых сексуальных контактах с применением физической силы.

8. Невротическая потребность в контроле, власти, деспотизм, агрессивность, злобность, мстительность.

9. Диссоциация гендерной идентичности.

10. Личностно, социально и финансово несостоятельный человек, обвиняющий в своих неудачах окружающих с навязчивым стремлением отомстить.

11. Жертва сексуальной агрессии в прошлом, ищущая мазохиста, которому можно отомстить аналогичным образом.

В связи с этим правоохранительным органам следует обращать особое внимание на лиц, привлеченных к ответственности за совершение такого рода преступлений. Практика показывает, что эти лица после отбывания сравнительно недлительного срока заключения возвращаются на свободу и именно из их числа формируются в последующем садисты и маньяки.

Нужно обратить внимание также на то обстоятельство, что человек, совершивший сладострастное убийство, как правило, через определенный период времени начинает снова испытывать нарастающее желание совершить преступление.

Обращение к истории показывает, что садизм был известен с глубокой древности. Об этом свидетельствуют древнегреческие мифы. В свите бога вина Диониса находились менады — молодые женщины с выраженными садистскими особенностями поведения. Менады выбирали себе «святого царя», с которым вступали в половую связь, а после их оплодотворения

разрывали на части. Убийство мужчин совершалось менадами и при других обстоятельствах. Они выступали как «хор мести», расчлняя каждого, кто отказывался присоединиться к культу Диониса. Садистские наклонности были свойственны античным народам. Так, например, в Древней Спарте существовала процедура бичевания мальчиков в период достижения ими полового созревания. Греческий писатель Паузаний, живший во времена Марка Аврелия, писал, что у избиваемых мальчиков, а также у наблюдавших за этим зрителей часто наступала эрекция.

Современные исследователи приходят к заключению, что Мессалина, жена римского императора Клавдия, была выраженной садисткой: ненасытные сексуальные желания, развратное поведение и необычная жестокость. Анализ поведения таких римских императоров, как Калигула и Нерон выявляет наличие у них стремления к абсолютной власти, проявлявшейся нередко в унижении окружающих, вызывающим у них сексуальное возбуждение.

Эротические эксцессы в сочетании с исключительными зверствами оказались распространенным явлением в период упадка Римской империи. Примером служат бои гладиаторов с массовыми убийствами на цирковых аренах в присутствии многочисленной охваченной дикими страстями аудитории. Если гладиаторы отказывались бороться друг с другом, на них натравливали голодных львов. Известно также, что упавших на арене гладиаторов прижигали раскаленным железом, чтобы убедиться, мертвы ли они. Если обнаруживалось, что они живы, это расценивалось как симуляция и влекло за собой убийство с применением изощренных пыток.

Садистские акты вообще были очень популярными в Древнем Риме. Известный лозунг «Хлеба и зрелищ» в своей последней части подразумевал реализацию именно этого требования, желания удовлетворить воспитываемую и подогреваемую жажду видеть боль и страдания людей.

Следует констатировать, что в ряде случаев сексуально-

садистские оргии включали сценарии, заимствованные из мифологии: захваченных в плен женщин, например, заставляли на глазах у публики совокупляться с животными.

Римляне из высших слоев общества имели обыкновение развлекаться в компаниях победивших гладиаторов, которые расценивались ими как сексуальные объекты, вызывающие особое возбуждение.

Нравы того времени, описал, основываясь на исторических фактах, известный польский писатель Генрик Сенкевич в романе «Камо грядеши».

Приведем выдержку из главы, рассказывающей о преследованиях христиан во времена Нерона.

Но после того, как унесли трупы, зрелище перестало быть борьбой, а переменилось в ряд мифологических картин, по идее самого императора. Так, увидели Геркулеса, пылающего живым огнем на горе Этна. Вينيций задрожал при мысли, что на роль Геркулеса, может быть, предназначили Урса, но... на костре сгорел какой-то другой, совершенно неизвестный Виницию христианин. В то же время в следующей картине Хилон... увидел знакомых ему людей. Представляли смерть Дедала и Икара. В роли Дедала выступал Эвриций... в роли Икара его сын, Кварт. Обоих с помощью сложного механизма подняли вверх, а затем столкнули внезапно с огромной высоты на арену, причем молодой Кварт упал так близко от императорского подиума, что обрызгал кровью не только внешние украшения, но и высланную пурпуром спинку... Но картины сменялись быстро. Постыдные муки девиц, насилуемых перед смертью гладиаторами, переодетыми в животных, обрадовали сердца толпы. Видели жриц Кибелы и Цереры, видели Данаид, видели, наконец, несовершеннолетних девочек, разрываемых дикими лошадьми. Народ рукоплескал все новым идеям императора, который... не отнимал теперь ни на минуту от глаза изумруда, присматриваясь к белым телам раздираемых железом и судорогами жертв. Показывали, однако, и сцены из истории города. После девственниц увидели Муция Сцевола, рука которого, прикрепленная к треножнику с огнем, наполняет чадом сожженного мяса амфитеатр, но который, как настоящий Сцевола, стоял без стонов с глазами, поднятыми кверху, и шепотом молитвы на почерневших губах... наступил обычный... перерыв в представлении... Самые любопытные, покинув сидения, сошли на арену и, прикасаясь пальцами к липкому от крови песку, рассуждали как знатоки и любители о том, что уже произошло и что еще должно было наступить. Вскоре, однако... осталось только несколько людей, которых задержало не любопытство, а сочувствие будущим жертвам.

Воспитание садистских эмоций начинается с детства. На это указывает английский писатель и историк Грейвз в написанных в 1934 г. произведениях «I, Claudius» и «Claudius, the God». Вот один из характерных отрывков:

Через месяц после свадьбы Цезония родила дочь. Калигула посчитал это чудом. Он положил ребенка на коленях статуи Юпитера — что было еще перед ссорой с богом — как бы делая его своим почетным сообщником в отцовстве. Затем поместил ее в объятия Минервы и позволил минутку сосать мраморную грудь богини. Девочка получила имя Друзилла, то же, которое носила сестра Калигулы, прежде чем стала богиней Пантеей, она была также наречена жрицей...Калигула был сердечно привязан к дочери,

которая выростала таким же непослушным ребенком, каким он сам был когда-то. Особенную утеху он находил в обучении ребенка той «несгибаемой суровости», которой сам бахвалился. Наука эта началась, еле ребенок стал делать первые шаги и составлять первые фразы. Калигула уговаривал Друзиллу мучить котят и щенят, бросаться с ногтями в глаза тем, кто играет с ней. Когда она проявляла исключительную жестокость, он говорил радостно:

— Что касается твоего законного происхождения, то не может быть ни малейших сомнений, дорогая.

Однажды, когда мы находились вместе, он наклонился к ее уху и прошептал:

— Как только ты по-настоящему убьешь человека, хотя бы это был твой двоюродный дядя Клод, я сделаю тебя богиней.

— А если я убью маму, ты тоже сделаешь меня богиней? — защебетал этот полудьявол. — Я не выношу маму!

В средневековые проявления садизма входили в структуру преследований колдуний. В ряде случаев инквизиторы, применяя различные пытки, испытывали при этом садистское удовольствие. Имеются сведения о непосредственных сладострастных убийствах. Известен, например, маршал Франции, живший в XV в. и являвшийся массовым сладострастным убийцей. Вместе с двумя сообщниками он убил около 150 мальчиков, подвергнув их различным видам сексуального насилия. На судебном процессе он показал, что убийство мальчиков доставляло ему большее удовольствие, чем сами сексуальные контакты. В 1440 г. маршал по приговору суда был сожжен на костре.

Современная художественная литература и кино широко используют тематику, связанную с садизмом, особенно в его крайних формах. Достаточно назвать некоторые произведения Фаулса, Видала, Верремейера, серии криминальных романов, фильмы Хичкока, например, «Психо» и др. К сожалению, сюжеты этих произведений зачастую взяты из современной реальной жизни.

Выделяют пассивный, агрессивный и игровой садизм. В последнем случае партнеры не мучают, а дразнят друг друга, защищаясь тем самым против собственных импульсов враждебности и жестокости (Целуйко В.М., 2008).

В заключение еще раз подчеркнем, что садизм не всегда проявляется в получении удовольствия от нанесения физических страданий, а может носить изощренный психический характер. Лица с такого рода отклонениями стараются не только *физически*, но и *психологически* максимально унижать людей, задевать их человеческое достоинство,

шантажировать, третировать, насмешничать, вызывать чувство стыда, снижение самооценки и др. Подобное поведение, естественно, легко реализуется по отношению к зависимым им подчиненным людям, недостаточно защищенным законом. Наиболее благоприятная форма для проявления психического садизма создается в обществах тоталитарного типа, в обществе, где люди фактически не равны перед законом, хотя формально такое равенство широко декларируется, согласно удачной формулировке Оруэлла в его романе «Звероферма» («Скотный двор»): «Все животные равны, но некоторые животные равнее других». Развитию психического садизма и его культивированию способствует общая (правовая, административная, общественная) незащищенность подчиненного по службе от своего начальника. В этих условиях происходит «естественный отбор» лиц, полностью зависимых от начальства, испытывающих постоянный страх перед ним и вымещающих неотрегированные комплексы зависимости и унижения, в свою очередь, на людях, зависящих от них, например, членах семьи или лицах, находящихся на более низкой ступеньке иерархической лестницы.

Проявления психического садизма часто сочетаются с чванством, самодурством, комплексом нетерпимости к мнениям и взглядам, исходящим «снизу». Общества, в которых господствуют условия, благоприятствующие процветанию подобных отношений, регрессивны, застойны и обречены на постоянные неудачи и поражения, так как по своей сути садистски античеловечны, противоречат стремлению человека к свободе, независимости, равенству возможностей. На психологическом уровне преодоление комплекса подчинения связано с преодолением страха, который мешает посмотреть на мир иначе, почувствовать и поверить в себя, в свои возможности. Крах тоталитарных идеологий освобождает человека от «большого» страха, от страха быть физически уничтоженным или заключенным в тюрьму, лагерь, исправительно-трудовую колонию, психиатрическую больницу. Однако это лишь первый этап преодоления. Остается страх конкретных ситуаций, страх разрушить свою карьеру, потерять «выгодное» место работы, лишиться тех или иных привилегий. Преодоление этого второго этапа представляет собой сложный процесс, осуществление которого невозможно без конкретных людей, активно выступающих в защиту собственных прав. Мы знаем о таких случаях из многих публикаций в прессе, телевидении и др. Лица с психо-садистскими особенностями получают от знакомства с такими случаями большое удовольствие. И все же процесс этот нарастает, активных людей становится больше, просыпается общественное сознание, растет взаимная коллективная поддержка. В этом - надежда окончательного преодоления зла, которое сопровождает садизм.

Эротические фантазии лиц с садистскими наклонностями вызывают половое возбуждение посредством представления сцен мучения и насилия воображаемой жертвы. Эти садомазохистские содержания реализуются не в садистских, а в мастурбационных действиях.

Мазохизм

Мазохизм как свойство личности выражается в получении психосексуального удовлетворения от собственного унижения и страдания. Это потребность полного подчинения другому человеку, стремление к потере собственной воли, свободы и индивидуальности. Мазохистский подход характеризуется тем, что причиняемая другим человеком физическая боль, оскорбления, издевательства воспринимаются как сексуальное удовольствие.

Истинный мазохизм представляет собой противоположность садизму, являясь его обратной стороной, характеризующейся слиянием сексуальной установки и черты личности.

Термин «мазохизм» происходит от фамилии автора многих любовных романов Захер-Мазоха (Sacher-Masoch, 1836—1895), сына директора полиции в г. Лемберге (современный Львов). Приводимые автором в его романах многочисленные эротические эпизоды основывались на его собственных переживаниях. Об этом свидетельствуют документы, опубликованные его первой женой после их развода. В романе «Венера в мехах» («Venus, im Pelz») он писал: «Я нахожу особое возбуждение в страдании; тирания, жестокость и, прежде всего неверность красивой женщины усиливают мою страсть».

Согласно итальянскому психиатру Ломброзо, занимавшемуся специально вопросами мазохизма, французский писатель Бодлер также страдал этой формой сексуального отклонения. Потребность испытывать унижения с целью получения сексуального удовлетворения может принимать разные формы. К ним относятся, например, вступление в сексуальные отношения с антисоциальными лицами, бродягами, преступниками; стремление к интимным связям в наиболее, казалось бы, непригодных для этого местах — в притонах, подвалах, на чердаках — при возможности выбора совершенно другой, комфортной обстановки.

Анализ исторических данных показывает, что мазохистское поведение наблюдалось в древности. Так, например, культ Кибелы связывал сексуальную активность мужчин и женщин с тяжелыми

самоповреждениями, совершаемыми во время экстаза (повреждение грудных желез у женщин, самокастрация у мужчин).

Император Древнего Рима Гелиогабал «женился» на своем рабе Героклесе и требовал, чтобы тот называл его своей женой». Он часто разыгрывал следующие сценарии: изменял Героклесе с какой-нибудь женщиной, затем признавался в измене и требовал, чтобы тот за это исхлестал его кнутом. Уже сам по себе факт бичевания императора его рабом свидетельствует о мазохистском поведении императора.

История средних веков содержит массовые проявления не только садизма, но и мазохизма.

Одним из них является обряд самобичевания. Парадокс заключался в том, что люди избивали себя кнутами, чтобы подвергнуть себя наказанию за грехи и, прежде всего, избавиться от «плотской страсти», и в то же время бичевание нередко превращалось в сексуальные оргии.

Одной из довольно типичных особенностей мазохизма является то, что лица, страдающие наиболее выраженными его формами, имеют обыкновение придумывать различные сценарии. Мазохист при этом испытывает удовольствие не только в ходе реализации такого сценария, но и в процессе его создания, а также после его реализации, вспоминая о происшедшем. В такого рода сценариях имеются строгое разделение ролей, определенная последовательность действий. Английский специалист по сексуальным проблемам Walker (1968) приводит описание случая из своей практики:

История началась с приезда в Лондон простой деревенской девушки М., которая хотела получить работу в городе. Девушка не имела какой-либо квалификации, но в конце концов получила работу в конторе. После того как была обнаружена ее некомпетентность, она была уволена... Она подружилась с мужчиной, который снял для нее маленькую квартиру в Вест-Эпде. Она находилась на верхнем этаже блока контор, которые были заняты только в дневное время. Это было большим преимуществом, так как мужчин, приходивших в квартиру на верхнем этаже вечером, никто не разглядывал, когда они поднимались по лестнице. Многие мужчины, наряду с человеком, оплачивающим квартиру, приходили сюда ночью. Сам наниматель приходил только периодически и всегда настаивал, чтобы все происходило по заведенному порядку во время его посещений. Основное требование заключалось в том, что он должен был быть связанным крепко веревками, но перед этим он сам должен был переодеться, сменив свое обычное мужское платье на женское очень модного образца. В течение предшествующей недели одной из обязанностей девушки были посещения

модных магазинов и покупка своему патрону чего-нибудь новенького, утонченного. Он также любил получать во время своих визитов какой-нибудь «неожиданный» подарок... девушка должна появляться в мужском наряде, сидеть в кресле рядом с патроном и высмеивать его, в то время как он старался освободить себя от веревок, которыми был связан. Добавочное мазохистское удовольствие он получал, когда она била его ногами, а он лежал на полу в беспомощном состоянии... В действительности приятель М. страдал тремя видами сексуальных отклонений — мазохизмом, трансвестизмом и фетишизмом... Обычная сексуальная связь доставляла ему очень небольшое удовольствие, однако он всегда радовался, когда девушка добавляла какую-то новую деталь к обычному ритуалу. Например, когда девушка курила сигару, усиливая этим свою мужскую экипировку, она получала от патрона дополнительный подарок.

Однако в одну из недель произошло нечто неожиданное. Начальная часть обычной программы тщательно выполнялась... когда внезапно послышался громкий стук в переднюю дверь... Прикрыв свое мужское одеяние халатом, девушка открыла дверь. Она была испугана, так как человек у двери был полицейским, который сказал ей, что она должна немедленно покинуть квартиру. Но почему? Что она сделала? Полицейский успокоил ее. Он сказал ей, что на первом этаже здания возник пожар и что огонь распространяется очень быстро. Нельзя терять времени, хотя в любой момент должна прибыть пожарная машина.

М. поспешила обратно в спальню, сказала своему приятелю, что случилось и что надо спасаться, пока пламя не охватило лестницу. Ее патрон воспринял эти вести об опасности очень спокойно и даже обрадовался. Бормоча: «Замечательно! Что за великолепная идея! Я Вас поздравляю!» — он возобновил свое сражение с веревками. Что оставалось делать девушке? Было очевидно, что он поздравил ее, вообразив, что она придумала всю историю о пожаре, чтобы усилить его тревогу и беспокойство и доставить ему тем самым мазохистское удовольствие. Но внезапно усилился шум на улице: это приехала пожарная машина. Теперь они также могли слышать крики «Пожар!», доносящиеся с нижнего этажа. Комната наполнилась дымом, поэтому патрон позволил девушке приблизиться и разрезать веревки... Быстро набросив на себя пальто, чтобы скрыть странную одежду, они смогли добраться до партера здания как раз вовремя. Но это было уже на грани возможного.

Как мы уже говорили, мазохистские сценарии очень разнообразны. Особенно часто создаются ситуации, в которых главную садистскую роль играет красивая, хорошо сложенная женщина, являющаяся жестокой хозяйкой какого-то замка или владения и полностью распоряжающаяся

жизнью и смертью своих подданных. Такая женщина всячески мучает мазохистов, которые исполняют все ее желания: разрешают бить себя, хлестать кнутом, казаться на себе, как на лошади. Иногда сценарий включает «превращение» мазохиста в собаку, которую водят на цепи. Мазохистские акты могут также включать уролагнию (выпивание мочи), урофилию (сексуальное возбуждение, связанное с мочой и мочеиспусканием), копрофилию (сексуальное возбуждение, связанное с калом) и др. Следует отметить, что подобные мазохистские «спектакли» очень редко бывают разоблаченными. Их обнаружение обычно связано со случайным «переигрыванием», когда мазохист погибает вследствие удушья, нанесенной раны, черепно-мозговой травмы и пр. Имеются и другие формы мазохизма. Например, такая форма, при которой страдание само по себе является наградой, источником удовлетворения, вне зависимости от каких-либо внешних факторов «физического» характера. Оно носит психологический, моральный оттенок и может связываться с близкими, друзьями, отождествляться с собственной судьбой. Такие люди проявляют мазохистский подход в выраженном стремлении к поиску ситуаций, в которых страдания неизбежны. Для них типичен феномен, заключающийся в том, что страдание обычно снимает свойственное им в обычных условиях напряжение. Подобная страсть (или вожделение) к психологической боли сочетается иногда с совершением различных *морально неблагоприятных поступков с целью как можно скорее получить за них заслуженное и как можно более строгое наказание*. Эта сторона проблемы может иметь значение для религиозной психологии. Мы имеем здесь в виду некоторые утрированные формы мученичества с целью достижения мистического духовного экстаза. Известна легенда о святом Алексисе, который изобрел для себя следующую форму наказания. В ночь своей свадьбы он покинул свою невесту и скрылся, ничего не сообщив о себе. Через много лет он вернулся в дом своего отца, где его жена продолжала скорбеть о нем. Здесь его никто не узнал, и он во имя милосердия попросил приютить его. Так он и прожил неузнанным в своей семье до конца жизни. Попробуем представить описанную ситуацию: одинокий, лишенный любви человек долгие годы живет среди людей, которых он любит, но они не подозревают, кто он. Получает пищу и все необходимое от отца и жены, которые относятся к нему как к чужому человеку. Быть все время в искушении раскрыться и не перейти эту грань!

Следует также отметить, что уже в ранние периоды христианства отцы церкви обратили внимание на возможность злоупотребления назначаемым себе мученичеством. Предусматривались наказания за слишком интенсивное предавание себя страданиям во имя веры. Людей, добровольно подвергающих себя мучениям, могли предать суду. Хотя обычно суд их сурово не наказывал, но они подвергались правовому и религиозному

порицанию. Значение этого явления подчеркивается историками. Так, например, Леки писал: «Имеются многочисленные примеры добровольного мученичества в истории ранней церкви... в четвертом столетии... апостолы смерти не только довели до высочайшей точки привычку провоцировать мученичество... но также убивали себя в большом количестве, по-видимому, воображая, что это является формой мученичества и обеспечит им вечное спасение. Собираясь сотнями (святой Августин говорит — даже тысячами), они в пароксизме неистовой радости прыгали вниз с утесов, пока скалы внизу не становились красными от их крови».

Некоторые авторы объединяют понятия мазохизма и садизма, считая, что эти отклонения обычно дополняют друг друга. Отсюда происходит термин «садомазохизм». Садистские и мазохистские черты могут действительно проявляться в некоторых случаях у одного и того же человека. При этом бывают периоды преобладания садистских и периоды преобладания мазохистских желаний. Однако чаще приходится встречаться с симбиозом, когда люди с садистскими установками вступают в связь с мазохистами, образуя различные мазохистские союзы. Стойкость таких объединений зависит от выраженности сексуальных отклонений. Так, например, значительная представленность садистских желаний и их реализаций может оказаться превышающей переносимость мазохистского партнера. В таком случае союз разрывается. Точно так же чрезмерно выраженные мазохистские желания могут оказаться неприемлемыми для партнера со сравнительно мягко выраженными садистскими чертами.

Во многих особенно ранних, работах психоаналитиков высказывалась точка зрения, что мазохизм как в определенном смысле выражение пассивного подхода более часто встречается у женщин, а садизм соответственно — у мужчин. Современные данные свидетельствуют о том, что оба отклонения, как и явления садомазохизма, в значительно выраженных проявлениях встречаются чаще у мужчин, чем у женщин (Imielinski, 1985). Этот же феномен объясняется особенностями воспитания, характерными для современной культуры.

Сравнительно редкой формой мазохизма является любованье смертью — танатомания (*thanatomania*). Этот вид отклонения выражается в получении наслаждения от мыслей о смерти, что может касаться конкретных лиц, самого себя или абстрактных представлений. В воображении иногда возникают картины, в которых человек видит сцены горя своих родственников, оплакивающих его. Известны также случаи игры в собственные похороны с укладыванием в гроб и т. д. (Imielinski, 1970).

Приведенная форма мазохизма может не ограничиваться активизацией сферы воображения, а приводить к попыткам совершить

самоубийство. Нами наблюдалась женщина с явлениями танатомании, у которой периодически возникали состояния, когда появлялось сильное труднопреодолимое желание думать о различных ситуациях, заканчивающихся трагически. В это время она придумывала и ярко представляла в воображении сцены катастроф, пожаров, землетрясений. Непременным условием таких сценариев являлось их постепенное развитие, разработка многих деталей окружающей обстановки, включение в действие знакомых, друзей. По мере того как приближалось время задуманной гибели, нарастало эмоциональное напряжение и возникало «сладострастное» желание покончить с собой. На высоте этих состояний у пациентки было несколько суицидных попыток, две из которых были очень серьезными.

В заключение остановимся еще на так мало обращающих на себя внимание проявлениях садомазохистских тенденций, когда последние ограничиваются лишь активизацией воображения и не приводят к каким-либо действиям. Речь идет о садомазохистских фантазиях. Содержание этих фантазий бывает разнообразно, они, очевидно, имеют достаточно частое распространение. Так, по данным Hunt (1978), 18% мужчин младше 35 лет переживали фантазии на тему об изнасиловании, что сопровождалось у них мастурбацией. Из этой же группы 6,2% мужчин переживали удовольствие от мыслей о причинении боли другим, а 10,3%—от причинения боли себе.

В исследованиях Pietropinto, Simenauer, (1978) садомазохистские фантазии были зарегистрированы только у 2,2% обследованных (более 4000 чел.). Обращается внимание на то, что в фантазиях мальчиков, не достигших половой зрелости, сравнительно часто выступает мотив связанной женщины. Авторы связывают это явление с содержанием рисунков в комиксах, где, как правило, изображаются молодые женщины, связанные или прикованные цепями, находящиеся в плену у отрицательных героев—преступников, агрессивных пришельцев, вампиров, злых колдунов и т. д. Одна из популярных героинь комиксов — Чудесная Женщина—может быть эффективно связана кем-нибудь только ее собственным золотым лассо, которое она обычно носит у себя на поясе и, поскольку оно сравнительно доступно ее врагам, она хотя бы раз во время действия оказывается связанной. Некоторые люди психологически далеко не всегда вырастают из детского возраста, реализуя во взрослой жизни сценарий подростка, и, что касается подобных фантазий, они иногда сохраняются и в зрелые годы. С этой точки зрения представляет интерес следующее наблюдение. Как известно, в древнегреческой мифологии Гера, богиня земли, была главной среди других богинь. Несмотря на это сравнительно редко можно увидеть ее изображение на картинах или посвященные ей скульптуры. В то же время богиня Андромеда, известная главным образом тем, что она была обнаженной

прикована к скале, вдохновила чрезвычайно большое число художников и скульпторов.

В фантазиях на тему о связанной женщине мальчик обычно отождествляет себя с героем, который освобождает или спасает ее, иногда она влюбляется и выходит за него замуж. В фантазиях на тему об изнасилованиях агрессия чаще не обусловлена враждебностью к жертве, ненавистью к ней. В ее основе лежит комплекс неполноценности, отсутствие уверенности в том, что какая-нибудь женщина способна добровольно влюбиться в него. В фантазиях мужчина отождествляет себя с «суперменом», мужественным героем из кинофильма или прочитанного бестселлера. Женщина сопротивляется обычно очень долго, но затем «сдается» и в результате получает сексуальное удовлетворение, что навсегда привязывает ее к нему, она уже не может обходиться без сексуальных контактов с ним.

Нужно отметить, что в подобных сексуальных фантазиях присутствует также определенный мифологический мотив: двойственный характер женщины — присущие ей благородство, доброта, материнский комплекс, с одной стороны, и безудержная сексуальность, скрытый разврат, низменные инстинкты — с другой. Этот комплекс иногда называют комплексом ангела-проститутки. Выступающая в фантазиях начальная стадия отчаянного сопротивления насилию является отражением комплекса ангела, а вспыхнувшая в дальнейшем страсть, взорвавшаяся сексуальность — ассоциируется со второй частью — комплексом проститутки. Более подробное описание механизмов влияния комплекса ангела-проститутки на различные проявления сексуального поведения мы излагаем в других разделах книги.

Далеко не всегда в садомазохистских фантазиях мужчины видят себя «атакующей», доминантной стороной, часто, наоборот, себя представляют связанными, лишенными способности к сопротивлению, отданными во власть какой-то женщины или группы женщин. Последние могут иметь черты амазонок, атаманш, ведьм из народного фольклора, обладательниц необычной магической силы и др. В этой связи нами наблюдались пациенты (обратившиеся по поводу других проблем), у которых, начиная с подросткового возраста, возникали фантазии, близкие по содержанию к известным произведениям Свифта: они представляли себя, например, на другой планете, где их похищают инопланетянки — женщины огромного роста, держат, как зверушек, в клетках, пользуются ими как объектами для мастурбации и т. д.

В связи с вышеизложенным важно обратить внимание на то, что культивирование в средствах массовой информации (кино, телевидение, видео) специфических мотивов, включающих агрессию, насилие, унижение

человеческого достоинства, может оказывать влияние на содержание воображения, приводить к стимулированию садомазохистских фантазий. Очевидно, отрицательное влияние подобных мотивов не ограничивается только этим. Необходимы специальные социопсихологические исследования. Однако уже сейчас имеется достаточно данных, свидетельствующих об опасности для полноценного развития детей и подростков фиксирования их внимания на военной и агрессивной тематике, что находит выражение, в частности, в часто встречающемся сегодня систематическом навязывании современным рынком военных игрушек, brutальных, агрессивных, компьютерных игр с уничтожением самолетов, кораблей, населенных пунктов, людей и т. д. В таком же плане, но значительно более сильное воздействие оказывают военные игры подростков, например, пейнтбол, в условиях, предполагающих приближение к реальным военным действиям.

Нормальные сексуальные отношения невозможны без фантазии и воображения, включение в их структуру отдельных садомазохистских содержаний не должно расцениваться как признак патологии, однако при этом нужно иметь в виду, что чувство любви не сводится к игре воображения. Человек не должен исключать фантазию из своей жизни, она украшает жизнь. Жизнь без фантазии бесцветна и скучна. Однако в то же время человек не должен дать фантазии возможность поработить его, исказив личностное развитие, что происходит в случае преобладания садомазохистских мотивов.

Литература

Короленко Ц.П., Мифология секса. (1993) Новосибирск.

Целуйко В.М., (2008) Психология нетрадиционной любви: Как разобраться в своем сексуальном поведении/В.Целуйко. –Екатеринбург: У – Фактория; М.:АСТ МОСКВА.

Caspar J Honsza N. (1975) Kształt i struktura.— Katowice: Wydawnictwo Slask.

Imielinski K. (1985), (Ed.) Seksuologia zarys encyklopedyczny,— Warszawa: PIW.

Pietropinto A., Simenauer J. (1978) Beyond the Male Myth.- N. Y.: A Signet Book. New American Library.

Walker K. (1968) Sexual Behavior Creative and Destructive. — L.: Arrow Books.

Глава12. Мастурбация

«Мастурбация является великой привычкой, то есть первичной аддикцией и другие аддикции... только вступают в жизнь как ее заменители».
(Freud, 1857)

Согласно Hare (1962), термин «мастурбация» появился в Оксфордском словаре английского языка только в 1766 г. Он происходит от измененного латинского слова «manustupration», обозначающего «ручное изнасилование», «осквернение рукой». Использование слова «онанизм» в качестве синонима мастурбации было введено в обиход в 1710 г. анонимным автором «Онании».

Мастурбация (ипсация, онанизм)— термин, использующийся в профессиональной (психологической, медицинской) литературе, означающий сексуальное самоудовлетворение чаще всего путем раздражения гениталий с помощью эротических представлений, либо путем манипуляций руками или специальными сексуальными аксессуарами. Следует отметить, что переживание оргазма возможно и без мастурбации, посредством использования фантазий на сексуальные темы (онанизм психический).

В разговорной речи этот термин, как правило, заменяется словом «онанизм». Это название происходит от имени Онан — так звали сына Иуды и Шуа, о котором сказано в Библии. «Онан знал, что семя будет не ему, и поэтому, когда входил к жене брата своего, изливал (семя) на землю, чтобы не дать семени брату своему» (Быт. 38, 9). Это действие было интерпретировано как мастурбация (онанизм), в то же время из текста Библии следует, что речь идет не о мастурбации, а о coitus interruptus — прерванном половом акте.

В отношении мастурбации существует много *предубеждений* и мифологических оценок, зачастую основанных на недостаточной осведомленности, заимствованном мнении «авторитетов», ложных умозаключениях, отражающих моральный подход к этой проблеме прошлых эпох. В традиционной культуре в течение длительного времени негативными последствиями мастурбации считались ослабление памяти, импотенция, развитие психических заболеваний, параличей, преступных наклонностей и др. Так, например, история развития психиатрии содержит миф о заболевании, получившем название «мастурбационное безумие». Это название появилось в XVII в. Подобные взгляды вызывали часто крайне

неблагоприятные последствия, особенно для растущего человека, так как сформировавшаяся под влиянием воспитания оценка способствовала возникновению постоянного чувства вины даже от мыслей о мастурбации, сновидениях соответствующего содержания, не говоря уже о самом явлении, свойственном в той или иной форме каждому человеку и особенно в детском и подростковом возрасте. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что мастурбация сама по себе не бывает причиной психических или соматических заболеваний, хотя иногда обусловлена их наличием, будучи одним из симптомов болезни.

Следует отметить, что в Библии среди большого количества сексуальных практик мастурбация как таковая не упоминается. В то же время иудаизм относится к мастурбации как к большому греху, и в определенные периоды истории она наказывалась даже смертной казнью. Согласно текстам Талмуда, мастурбация является большим грехом, чем супружеская неверность. И, если для измен находились оправдания, например, невозможность иметь потомство, то любая сексуальная активность, не ведущая к зачатию, считалась неестественной, извращенной и греховной. Подобная точка зрения в последующем была воспринята христианством, а также и медициной. Таким образом, мы наблюдаем здесь любопытный феномен развития, когда предписания Талмуда оказались приближенными к медицинским подходам и юридическим законам значительно более поздних исторических периодов.

В 1741г. известный лозаннский врач Тиссо (Tissot) написал руководство по лечению расстройств, вызванных мастурбацией («Онанизм, или Трактат о болезнях мастурбации»). Появление этой работы оказало влияние на отношение к мастурбации в культурных слоях общества: стало прочно утверждаться отношение к мастурбации как к болезни. В книге Тиссо моральные подходы смешиваются с медицинскими. С одной стороны, автор считает мастурбацию преступлением, с другой — связывает с ней множественные психические и соматические болезни, например, такие, как потеря зрения, нарушение пищеварения, импотенция, туберкулез, сумасшествие.

В первой половине XIX в. мастурбация часто определяется уже не просто как медицинская, но и как психиатрическая проблема. Так, например, известный в те времена американский психиатр Раш называет онанизм в качестве одной из основных причин психических и нервных заболеваний, указывая, что онанизм «вызывает семенную слабость, импотенцию, недержание мочи, спинную сухотку... эпилепсию, ипохондрию, потерю памяти». Таких же взглядов придерживался французский психиатр Эскироль: «Мастурбация может предшествовать мании, слабоумию, даже

старческому слабоумию, она ведет к меланхолии и самоубийству». Совершенно очевидно, что такие высказывания авторитетных ученых и врачей оказывали большое влияние на общественность. В работах Szasz (1960) цитируется статья из Ново-Орлеанского медицинского и хирургического журнала за 1854/55 г., в которой утверждается, что мораль у американских женщин значительно выше, по сравнению с женщинами других стран. Доказательством этого, по мнению автора статьи, является тот факт, что большинство проституток в Новом Орлеане — иностранки. Мастурбация в этой статье описывается как «чрезвычайно вредная активность для здоровья, как мужчин, так и женщин». Мужчины иногда сознаются в занятиях мастурбацией, женщины — никогда. «Спрашивать или надеяться получить информацию об этой практике у взрослых женщин совершенно бесполезно, несмотря на то, что многие женские болезни, такие как... маточные кровотечения, выпадение матки, рак, функциональные сердечные нарушения..., слабоумие, мания... являются следствием мастурбации».

В Швеции Экман (Eckman) в книге «Ползучий враг» (The Sneaking Enemy, 1887) предупреждал, что «самозагрязнение способно привести молодого человека к разрушению, истощению и гибели — состоянию между могилой и камерой сумасшедшего дома». Автор писал, что мастурбация заставляет человека погрузиться «в темную и бездонную ночь безумия». Такого рода заключения оказывали значительное эмоциональное воздействие на сознание и на бессознание обычного человека, стимулируя у многих тенденцию к возникновению некритичной веры в ошибочные суждения, представляющие серьезную опасность в связи с тем, что они активизируют глубинно-бессознательное, архетипное представление о «зле» и «беспощадной борьбе» с ним. Происходит активация механизмов «коллективного бессознательного», по Юнгу. (Более подробно мы об этом писали в книге «Психоанализ и психиатрия» в 2003г.) и тогда под влиянием широко распространенных массовых верований и устаревших социальных стереотипов человек приобщается к несущим негативное начало популистским взглядам, позволяющим почувствовать себя в «единстве с субкультурой», вместо того, чтобы попытаться трезво взглянуть на явление и самостоятельно в нем разобраться.

Верования в «абсолютное зло» мастурбации распространялись по этим же механизмам и охватили разные слои общества в различных регионах мира. По мнению Szasz (1960), шотландский врач Скаэ был, по-видимому, первым выступившим с утверждением, что мастурбация является причиной не любого психического заболевания, а только заболевания определенного характера. Английский психиатр Модсли в 1867 г. описывает специфическую клиническую картину психических нарушений, связанных с мастурбацией: «Привычка к самозлоупотреблению приводит к заметному росту особых и

неприятных форм безумия, характеризующихся интенсивным чувством по отношению к себе и самомнением, чрезвычайным извращением эмоций и соответствующим расстройством мышления в ранней стадии, а в дальнейшем — недостаточностью интеллекта, ночным галлюцинозом, склонностью к самоубийству и убийству» (цит. по: (Hare, 1962).

В этот период для лечения мастурбации предлагались чрезвычайно жесткие меры, основанные на идеологии средневековья, отражающей отношение к мастурбации не только как к патологическому, но и как к аморальному поведению, преступлению, заслуживающему сурового наказания.

Так, например, известный лондонский хирург Исаак Бэйкер Браун ввел в практику в середине XIX в. (1856г.) клиторэктомию (удаление клитора) как меру «лечения» мастурбации у женщин. Эта операция была популярной и в США вплоть до конца XIX в. Сас (Szasz) в связи с этим описывает действия сторонника клиторэктомии хирурга Блока, работающего в одной из больниц Нового Орлеана, который проводил такие операции еще в 1894 г. и определял женскую мастурбацию термином «моральная проказа». Таким образом, для «лечения» морального отклонения использовались хирургические методы.

Анализируя методы лечения мужской мастурбации, Szasz (1960) ссылается на английского врача Милтона, который рекомендовал мужчинам в дневное время носить «пояс добродетели», закрываемый на ключ, а в ночное время — кольца с шипами или зубьями для того, чтобы мужчина сразу же просыпался в случаях ночной эрекции. В связи с этим интересно отметить, что в 1897г. правительство США выдало патент за номером 587994 некоему Мак Кормику из Сан-Франциско за изобретение «мужского пояса добродетели» для юношей с целью предотвращения мастурбации. Об этом в 1967г.сообщал журнал «Плэйбой».

В 1891 г. Джеймс Хатчинсон, президент Королевского колледжа хирургов, опубликовал статью «Об обрезании как предупреждении мастурбации», в которой предлагал этот метод в качестве предупреждения «постыдной привычки». При этом автор выступал за «более радикальные меры», которые должны были, по его мнению, облагодетельствовать пациентов мужского и женского пола (Hare, 1962).

Следует все же признать, что конец XIX века характеризовался постепенным снижением уверенности в том, что мастурбация является причиной возникновения психозов. На смену прежней концепции появляется другая: мастурбация, хотя и не приводит к развитию психических заболеваний, но вызывает неврозы, способствует возникновению го-

мосексуализма, лесбиянства. Упомянутый ранее Модсли изменил в 1895 г. свою прежнюю точку зрения и ограничился утверждением, что мастурбация способна вызвать навязчивые мысли, страхи (Hare, 1962). Точка зрения о мастурбации как о возможной причине различных невротических нарушений получила поддержку специалистов по психоанализу того времени.

Морализаторские оценки рассматриваемого феномена встречаются в высказываниях специалистов и в XX веке. Так, например, согласно Villinger (1926), мастурбация является «змеей, которая должна быть задушена». Такие деструктивные подходы отражались и на актах юридического содержания. В качестве примера Kinsey (1948) приводит инструкцию департамента ВМС США 1940г., согласно которой кандидатуры в Военно-Морскую академию в Аннаполисе должны отклоняться обследующим врачом при наличии доказательства мастурбации.

Рудименты мастурбации проявляются в детском аутоэротизме. В дальнейшем мастурбация становится способом освобождения от физического сексуального драйва (стремления) посредством снятия сексуального напряжения. Такая форма мастурбации практикуется и взрослыми обычно в условиях, исключающих возможность нормальных сексуальных контактов, например, в заключении, армии, экспедициях, вахтовых методах работы и др. В ряде случаев к мастурбации прибегают с целью снятия напряжения и беспокойства, не связанных непосредственно с сексуальными желаниями. Этот процесс может не задействовать воображение и не включать в себя образы сексуального содержания. Он совершается в основном автоматически и, как правило, не вызывает ничего, кроме чувства общего облегчения и приятных ощущений. К нам неоднократно обращались лица мужского пола - работоголики, не состоящие в браке, ушедшие «с головой» в профессиональную деятельность и утверждающие, что периодически у них возникает труднопреодолимое желание мастурбировать для снятия «напряжения», становящегося непереносимым.

Некоторые авторы считают, что различные эмоциональные состояния (тревога, угнетение, радость, чувство гордости) могут находить разрядку в процессе мастурбации, которая является своего рода отдушиной. Подобные ситуации нежелательны, так как происходит «обучение» тактике справляться со стрессовыми ситуациями неестественным образом, что в особенности опасно в раннем возрасте. Глубинный психологический анализ подобных явлений у взрослых обычно обнаруживает наличие у них характерологических отклонений, истоки которых - в неправильном воспитании в детском возрасте.

Несмотря на то, что медицинская точка зрения на опасность мастурбации в эпоху постмодернизма стала практически диаметрально противоположной, многими ортодоксально ориентированными лицами она по-прежнему воспринимается исключительно негативно. В то же время специалисты отмечают, что мастурбация является распространенной практикой, как среди подростков, так и среди большинства взрослых людей, и не наносит физического вреда, независимо от частоты «использования».

Анализ *психологических механизмов*, ведущих к развитию мастурбации, показал, что по мере того как с возрастом сексуальный драйв становится все более выраженным, он приводит к усилению в воображении содержания сексуального характера. Эти содержания в свою очередь провоцируют мастурбационную активность. Сексуальные имиджи в воображении лиц как мужского, так и женского пола могут включать различные воспоминания, сцены из фильмов, прочитанные в книгах, увиденные на фотографиях. Очень часто преобладает, например, образ какой-то одной женщины, соответствующий принятым в обществе идеалам красоты, женственности, сексапильности. В воображении исчезает большинство ограничений, происходит фантастическая переработка образов, создаются динамичные картины с приключениями, включающими сексуальную тематику, которая нередко носит безудержный, крайне «неприличный», дикий характер. Происходит разрыв между сексуальностью в основном биологического содержания и более высокими формами эмоциональности. Отражением такой особенности является, например, практическое отсутствие в содержащихся в воображении образах сексуального содержания тех реальных лиц, к которым имеется большая привязанность, что обусловлено бессознательным страхом «загрязнить» своих реальных подруг.

В связи с вышеизложенным следует отметить, что в содержании воображения находят отражение материалы бессознания, в которых могут присутствовать образы, свидетельствующие об определенных отклонениях, например, садистские или мазохистские образы, гомосексуальные темы. Нами наблюдались подростки, у которых часто возникали сновидения с подобными содержаниями. Проснувшись, они сразу же начинали мастурбировать. При этом они продолжали удерживать в памяти тематику сновидения и фиксировались на ней. Практика показывает, что подобные ситуации вовсе не определяют дальнейшую реализацию отклонений в реальной жизни. Это происходит лишь в небольшой части случаев, хотя такая возможность всегда должна учитываться. В то же время отклоняющиеся перверзные содержания воображения обычно являются своеобразным регулятором снятия напряжения, отреагирования опасных бессознательных комплексов в определенном периоде развития.

Здесь мы встречаемся с особенностью использования мастурбации взрослыми людьми в различных, в том числе и в семейных, ситуациях. Речь идет о тех случаях, когда обычный сексуальный акт, например между супругами, не доставляет достаточного удовольствия, а лишь провоцирует желание мастурбировать, фиксируясь в воображении на другом образе, иногда фантастическом, придуманном, иногда на реально существующем. Мастурбация в подобных случаях доставляет значительно большее удовольствие, чем сексуальные отношения с реальным партнером. В ряде случаев такое «переключение» воображения оказывается возможным непосредственно во время полового акта, превращая по сути дела последний в разновидность мастурбации.

Из вышеизложенного становится ясным, что мастурбация представляет собой весьма сложный процесс, упрощенные подходы к которому всегда приводят к дезориентации, механистическому неадекватному объяснению, что, в свою очередь, способствует нарушению сексуального развития и может приводить к возникновению некоторых форм отклоняющегося, в частности, сексуального аддиктивного, поведения. Определение мастурбации как «самоудовлетворения» ничего фактически не объясняет и в лучшем случае может быть применено к тем ситуациям, когда с ее помощью добиваются чисто механического удовлетворения. Громадное большинство случаев касается другой стороны процесса: воображаемого контакта с сексуальным партнером. Такой воображаемый сексуальный контакт представляет собой одну из форм сексуальности. Это реальность, с которой необходимо считаться, от нее нельзя просто отмахнуться или ограничиться осуждением, отнести к чему-то нетипичному, маргинальному, не имеющему прямого отношения к большинству «нормальных» людей. Стратегии такого рода, спроецированные на популяцию, способствуют увеличению риска возникновения невротических состояний, психосоматических нарушений, различных форм девиантного поведения в связи с возрастанием фрустрационного напряжения.

Рассмотрение мастурбации в качестве одной из форм сексуальности позволяет «поместить» ее между аутоэротизмом детей и полноценной гетеросексуальностью взрослых. Анализ вопроса показывает, что «мастурбационный радикал» в той или иной степени может присутствовать в более или менее скрытом, замаскированном виде в «обычной» сексуальной жизни. Широко известны в этом плане ситуации, когда необходимым условием для сексуальной близости является особая обстановка, например определенная музыка, полная тишина, выключение света, отсутствие какой-либо активности со стороны партнерши и др. В части этих случаев такого рода элементы необходимы для создания условий «работы» воображения с целью как можно более полного отключения от реального партнера или

партнерши и фиксации на другом, вызывающем сексуальное желание образе. В то же время такого рода поведение не следует оценивать как деструктивное, так как оно может наблюдаться у людей чрезвычайно близких друг другу по интересам и духовному миру, и не приводит к каким-либо отрицательным последствиям и даже, как это ни парадоксально, укрепляет их совместную жизнь. Таким образом, мастурбация в общем плане предполагает значительное участие воображения, а также фактическое или воображаемое отсутствие реального сексуального партнера (человек, вызывающий сексуальное желание, существует только в воображении).

Исследования, проводимые в США, показали, что 100% мужчин и 70% женщин в какое-то время своей жизни занимались мастурбацией. Согласно мнению специалистов, эта практика широко распространена в молодом возрасте, когда нормальные сексуальные контакты в связи с биологическими и социопсихологическими причинами оказываются невозможными (Masters W., Johnson V.E, 1966).

Мастурбация как одна из форм сексуальной активности сочетается с одиночеством, в ряде случаев — с невозможностью установить межличностный контакт с лицами другого пола. В этом плане сохранение мастурбации в зрелом возрасте может быть одним из показателей серьезных проблем в контактах с людьми, что, в свою очередь, имеет многообразные причины, включая инфантильность, задержку эмоционального развития, выраженную интровертированность и др.

Проблема женской мастурбации значительно менее изучена. Есть основания полагать, что у девочек мастурбация встречается реже, чем у мальчиков; сексуальный драйв у женщин появляется обычно позже, если не происходит раннее соращение, изнасилование; даже в случаях антисоциального поведения с промискуитетом подростки женского пола, как показывают наши наблюдения, мастурбацией не занимаются или прибегают к ней в редких случаях. Женщины этой группы отрицательно относились к самой идее мастурбации, называя ее блажью, глупостью, признаком ненормальности. Они рассматривали мастурбацию у женщины в обычных условиях как признак ее неполноценности: «не могут найти себе мужчину», «наверное, уродки, никому не нравятся».

Мастурбация часто встречается у женщин с отчетливым нарцисстическим поведением. Лица с нарцисстическим поведением характеризуются грандиозным чувством собственной значимости, повышенной чувствительностью к оценкам себя со стороны других людей, требуют постоянного признания их исключительности. Люди воспринимаются ими не как самостоятельные личности, а как приатки

собственного «я» (сэлфа), которые имеют значение лишь в качестве объектов для манипулирования. Нами наблюдались женщины с подобными особенностями, которые после разрыва отношений с мужчиной какое-то время оставались одни и не предпринимали попыток установления новых сексуальных контактов с мужчинами. Они считали, что подобные контакты им вредны, так как отвлекают от творческой работы, приводят к постоянному унижению. Мастурбация использовалась ими как средство избавления от психофизического напряжения и имела целью стремление «разрядиться», и при том «как можно скорее». Образы, вызываемые в воображении, носили при этом садистски окрашенный характер: возникали представления о различных унижениях, наносимых кому-нибудь из своих знакомых (мужчин или женщин). Например, одна из них представляла себе, что вступает в сексуальный контакт с двумя мужчинами, которые ей полностью подчиняются, на глазах у своего бывшего любовника, находящегося в беспомощном состоянии (связанного или обездвиженного). В отдельных случаях при мастурбации в воображении присутствовали лесбийские содержания.

В заключение отметим, что отношение к мастурбации должно строиться с учетом возраста, в котором она возникает. Так, в младенческом возрасте мастурбация является ненормальным явлением, отражающим в части случаев определенную патологию. Если последняя отсутствует, то мастурбацию легко прекратить. В период достижения половой зрелости мастурбация — нормальное явление. Во взрослом возрасте ее следует рассматривать в качестве невротического симптома, требующего специальной психотерапии. Не следует фиксировать на мастурбации чрезмерного внимания, а тем более грубо, насильственно вмешиваться в этот процесс и, особенно, в пубертатном периоде.

Мастурбация полезна в плане профилактики вытеснения желаний в бессознание, возникновения напряжений, отрицательно влияющих на сексуальное развитие. Сексопатологи считают, что мастурбация является нормальной сексуальной практикой, средством приобретения опыта, не являясь при этом необходимой для психофизического благополучия личности.

Литература

- Гидденс Э. (2004) Трансформация интимности. —СПб.:Питер.
Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.(2001) Психосоциальная аддиктология. Новосибирск. Изд-во «Олсиб».
Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.(2003) Психоанализ и психиатрия: Монография. - Новосибирск. Изд-во НГПУ.

Freud, S. (1897) In A. Freud, E. Kris (1954) Eds. *The Origins of Psychoanalysis Letters to W. Fleiss 1887-1902*. New York. Basic Books.

Hare E. (1962) *Masturbatory Insanity: The History of an Idea* // *Jour. Ment. Sc*, Vol. 108, 20.

Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. (1948) *Sexual Behavior in the Human Male*.— N. Y.: Saunders W.

Masters W., Johnson V. (1966) *Human Sexual Response*,— Boston, Putnam's

Szasz Th. (1960) *The Manufacture of Madness*. Harper. Row.

Villinger W. (1926) Quoted in Spitz R. *Authority and Masturbation*. *Year of Psychoanalysis*. — V.9; 113—145.